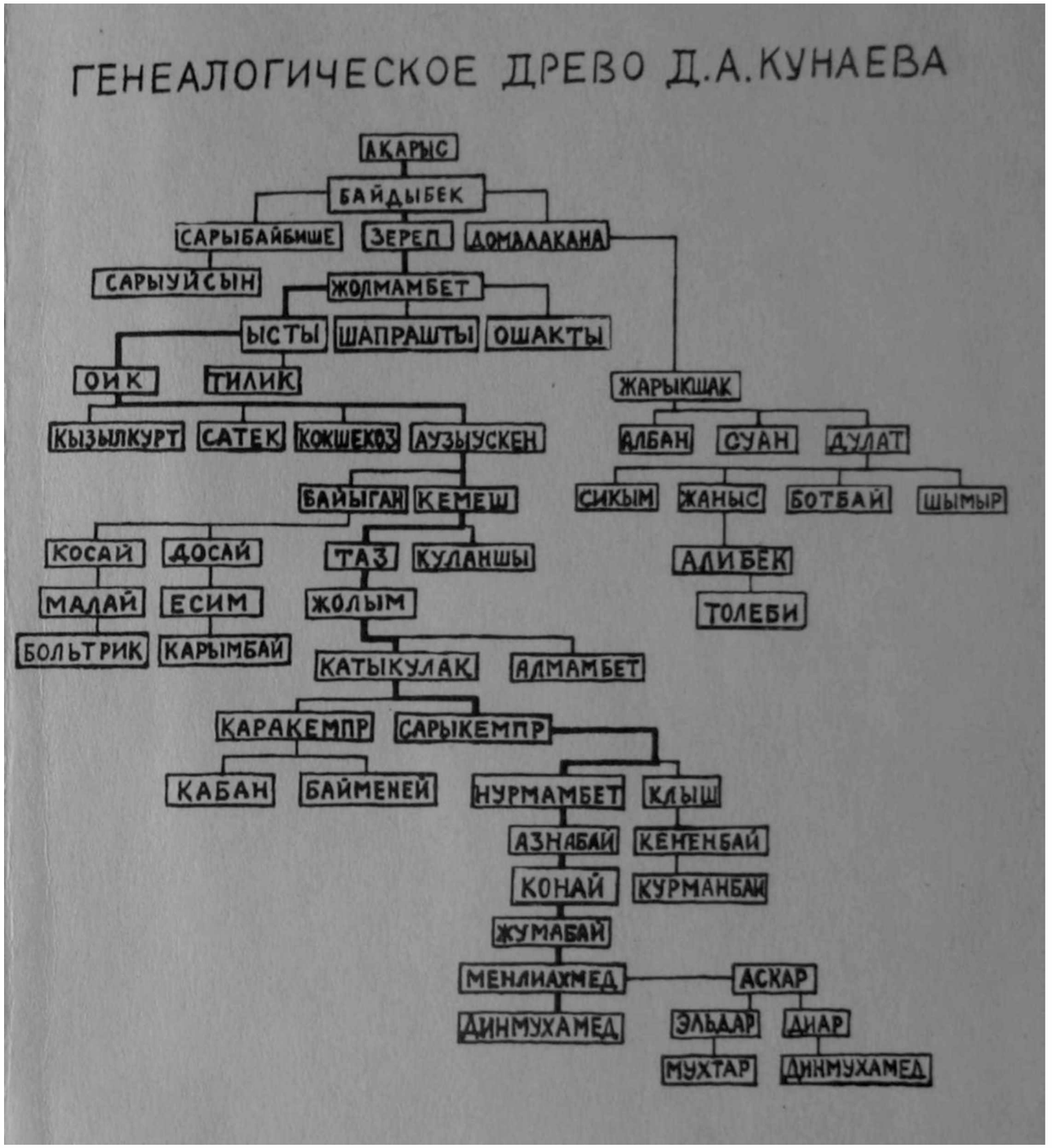
Динмухамед КУНАЕВ

от Сталина до Горбачева

б87.7 Азбу
А-35 Мол.гвар
95к.
у/к 1596
15
мА

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО Д.А.КУНАЕВА



Посвящаю светлой памяти друга и жены

ЗУХРЕ ШАРИПОВНЕ

К 91

Динмухамед
КУНАЕВ

от Сталина до Горбачева

(В аспекте истории Казахстана)

20 ж. тексеріді

АЛМАТЫ, „САНАТ", 1994

ББК 63.3 (2)
К 91

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Кунаев Д.
От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана).— Алматы, "Санат", 1994.—352 стр.
ISBN 5-7090-0235-6

Новая книга воспоминаний известного политического и государственного деятеля Казахстана академика Д. А. Кунаева 1)912—1993) повествует об исключительно богатой жизни, охватившей событие нескольких исторических эпох. В первой части автор рассказывает о своем детстве и семье, годах учебы и начале трудовой деятельности. Вторая часть посвящена кивни республики в равные годы.Автор вспоминает политических и государственных деятелей, с которыми ему-довелось работать,— Хрущева, Косыгина, Брежнева, Горбачева. В третьей части освещаются проблемы сегодняшнего дня.

„ 0501000000 - 0 0 4 . 416 (05) -94 без объяв.-94

ББК 63.3(2) Кунаев Динмухамед,
1994

ОТ АВТОРА

ISBN 5-7090-0235-6

®

В предлагаемой читателю книге описывается в сжатой форме период от Сталина и Хрущева до Брежнева и Горбачева, в основном в аспекте истории Казахстана.

Честно сказать, я и не предполагал, что изданная в 1992 году книга воспоминаний "О моем времени" вызовет пристальное внимание читателей не только в Республике Казахстан, но и за его пределами. Откликнулись на мою книгу многие — знакомые и незнакомые, молодые и ветераны, видные политики, литераторы, деятели науки, искусства, культуры и люди самых скромных профессий, земляки-соотечественники и жители так называемого теперь ближнего и дальнего зарубежья, друзья и, что скрывать,— оппоненты.

Конечно же, нельзя объять необъятное, но, по возможности, я, снова взявшись за перо, стремился учесть многие из высказанных мне пожеланий, подробнее рас сказать о ключевых фигурах большой политики, о которых довелось мне знать непонаслышке, назвать новые имена, расшифровать подоплеку тех идя иных событий, фактов и явлений, о чем прежде открыто сказать не удавалось, наконец, высказать свои посильные соображения на обозримое будущее.

Книга воспоминаний, дополненная многими интересными фактами и эпизодами минувших лет, содержит новые данные, связанные с известными политическими деятелями. Вместе с тем, в книге дается оценка перестройки, событий последних лет, подробно анализируется в этой связи деятельность М. Горбачева.

По-прежнему не претендуя на всеохватность и истину в последней инстанции, я выражаю свою глубокую признательность всем, кто помог мне создать этот скромный, но полагаю, правдивый труд, в особенности моему племяннику, кандидату филологических наук Ди-ару Аскаровичу Кунаеву, а также Геннадию Ивановичу

Толмачеву, Ростиславу Викторовичу Петрову, другим писателям, журналистам, ученым, поддерживавшим меня в мыслях о том, что человеку, прожившему долгую жизнь, испытавшему на себе немало из превратностей судьбы, ставшему очевидцем и участником многих исторических событий, никак нельзя уподобляться загадочному сфинксу. Проще говоря, это как раз тот случай, когда, вопреки известной поговорке, молчание вовсе не золото.

Все это с новой силой заставило вспомнить, как на сессии Верховного Совета республики, в конце ноября **1987** года, во время перерыва ко мне подходили группы депутатов. Это были люди самых разных профессий и возрастов. С каждым из них я был хорошо знаком и подолгу работал вместе на производстве, в Академии наук, в Совете Министров и Центральном Комитете Компартии Казахстана. В нашей совместной работе, может быть, не так все получалось, как мы хотели. Но мы были уверены в своей правоте и твердо стояли на своих позициях, преданно выполняли задания партии. Словом, трудились с полной отдачей сил и ответственности не боялись.

Товарищи, с которыми я беседовал, в конце нашего разговора спрашивали, чем я сейчас занят? Я отвечал: ну, какие, мол, могут быть заботы у пенсионеров? Много читаю, размышляю о прошлом, о сегодняшнем дне, вспоминаю друзей-соратников, многие из них увы, ушли из жизни. Мои собеседники, будто сговорившись, высказывали пожелания, сводившиеся к одному: у вас большой опыт партийной, государственной деятельности, а потому расскажите без прикрас и умолчаний о своем жизненном пути.

Они подчеркивали, что это важно именно сейчас, на переломе, когда мы, возвращаясь, к истории нашей Республики, движемся вперед методом проб и ошибок. Необходим тщательный и глубокий анализ минувшего. И ни для кого не секрет, что социально-экономическое развитие Казахстана изучалось, рассматривалось и проводилось в жизнь Центральным Комитетом Компартии Казахстана, который я возглавлял продолжительное время.

Мы являемся участниками многих значительных дел и совершений, происшедших и происходящих в Республике. К сожалению, в последнее время появилось нема-

 ло статей, где о давнем и недавнем прошлом Казахстана говорится только в негативном плане. И удивляет, что многие их авторы в годы оные активно утверждали прямо противоположное.

Им, видно, все равно, восхвалять или хулить, лишь бы попасть в тон.

В связи с тем, что в этих выступлениях и статьях много путаницы, а главное мало честности, считал бы необходимым сделать кое-какие выводы из нашего исторического опыта. В своей работе хотелось бы отобразить важнейшие события в истории Республики предельно объективно, без конъюнктурных издержек, другими словами, рассказать о том, как это было в действительности.

Перед началом вечернего заседания сессии ко мне подошел депутат и, считая себя вправе говорить от имени горняков, обогатителей, металлургов и всех трудящихся Балхаша, сказал: "Почти все ваши доклады, выступления, статьи печатались во многих изданиях страны и за рубежом, но без вашей биографии. Было бы хорошо, чтобы вы обратили на это внимание и вспомнили товарищей, с которыми Вы работали".

На эту тему со мной не раз заговаривал известный поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов. Он убеждал (и, как видите, убедил!), что моя биография, моя жизнь позволят глубже и масштабнее понять многообразие процессов, происходивших в нашей Республике.

Свыше сорока лет ЦК КПСС оказывал мне высокое доверие—и большую поддержку в моей практической деятельности.

В разное время мне поручали возглавлять крупные предприятия цветной металлургии, быть у истоков создания мощной медной промышленности страны. Была оказана большая честь — меня 'избрали академиком АН Республики и ее президентом. По рекомендации комсомольской организации, членом которой я был с 1927 года, секретаря парткома Коунрадского рудника Ильина и передового рабочего Абжанова в 1939 году был принят в партию. С этого незабываемого в моей жизни года я постоянно избирался в вышестоящие партийные органы. Партия доверила мне проработать в самых высших органах реальной власти республики и страны в течение 42 лет. За это время с небольшим интервалом проработал в должности первого секретаря ЦК Компартии Казахстана 25 лет. Дважды назначался Председателем

Совета Министров республики. С IV съезда Компартии Казахстана по XVI включительно входил в состав ЦК КПК. Избирался делегатом XIX и всех последующих съездов партии, включая XXVII съезд КПСС. На XX и всех последующих съездах избирался членом ЦК КПСС. На XXIII съезде был избран кандидатом в члены Политбюро

ЦК, на XXIV, XXV, XXVI, XXVII съездах — членом Политбюро ЦК. В общей сложности в составе Политбюро ЦК находился 21 год. Являлся депутатом Верховного Совета СССР, с 3 по 11 созыв включительно. В течение 25 лет был членом Верховного Совета СССР, членом Президиума Верховного Совета Казахской ССР состоял с 1960 года по июнь 1987 года.

Выполняя поручения ЦК и Президиума Верховного Совета, выезжал во многие социалистические и капиталистические страны, возглавлял партийные и парламентские делегации. Мне довелось работать, встречаться, слушать видных деятелей нашей партии и государства, международного рабочего и коммунистического движения. Приходилось беседовать с крупными политиками, бизнесменами, учеными, литераторами многих зарубежных стран.

Еще раз хочу сказать, что я не писатель и не историк, и моя работа не претендует на какое-то художественное повествование или историческую хронику.

Я решил систематизировать и обобщить свой более чем пятидесятилетний опыт партийной, государственной, хозяйственной и научной деятельности. Надеюсь, что мои записки напомнят моим товарищам и друзьям о нашей совместной работе, о незабываемом времени социалистического строительства в Казахстане. Память бережно хранит те переломные моменты в истории республики, которые определили и явились решающей базой ее дальнейшего развития, какие бы громадные трудности ни стояли на ее большом пути.

У каждого политического деятеля наступает в жизни момент, когда он должен принять самое ответственное и, не скрою, очень трудное для себя решение: пора уходить в отставку.

Я не сомневался, что мое заявление об уходе на пенсию будет принято, и тому было много разных и веских причин. О нюансах я расскажу позже, но тогда, в декабре, мой опыт подсказывал мне: нужно лететь в

Москву и встретиться с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым[1].

И вот я в Москве. Остановился в гостинице "Казахстан", которая была, кстати, построена силами нашей республики рядом с Казахским представительством на Чистых прудах, рядом с памятником Грибоедову и станцией метро "Кировская". На следующее утро в Кунцев ской больнице я проведал свою жену, Зухру Шариповну. Из больницы приехал на

Старую площадь в ЦК и поднялся на пятый этаж. Я шел по знакомому коридору в хорошо известный мне кабинет генсека. Тут в свое время работали Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко. Было время, когда в этом кабинете Хрущев и Брежнев с моим участием принимали немало решений о помощи Казахстану, касающихся развития его экономики, культуры и науки. Вспомнилось, как в начале 1955 года Хрущев благословлял меня здесь на должность Председателя Совета Министров Казахской ССР.

Но на этот раз я шел к генсеку с личным вопросом. Горбачев встал из-за стола, как всегда во время наших встреч, тепло поздоровался. Затем мы сели за длинный стол, где обычно сидят присутствующие на совещаниях. После взаимных приветствий, не растягивая разговор, я положил ему на стол свое заявление. В заявлении было сказано, что ЦК КПСС вот уже несколько десятков лет оказывал мне большое доверие, поручая весьма ответственную и почетную работу. За оказанное высокое доверие я выражаю свою сердечную благодарность ЦК, Политбюро и генеральному секретарю, но в настоящее время мое здоровье и возраст не позволяют мне плодотворно трудиться на этом посту, поэтому прошу рассмотреть вопрос в моем уходе на пенсию.

Горбачев, на мой взгляд, к такому разговору был уже достаточно подготовлен и сказал, что он поддерживает мое предложение и заявление мое вынесет на рассмотрение Политбюро. Далее он сказал, что большая занятность не позволит ему принять участие в работе пленума ЦК Компартии Казахстана, а потому в Алматы прибудет секретарь ЦК КПСС по кадрам Разумовский.

Признаюсь, что в душе я надеялся, что генсек спросит меня, кого бы я хотел рекомендовать на свое место. Он не спросил. Тогда я сам задал ему вопрос. Горбачев довольно сухо заметил: "Решение этого вопроса оставь

нам. В республику будет рекомендован роший и направлен хо-
коммунист".

Перед моим уходом он обещал обеспечить жильем в Москве. Я поблагодарил его за заботу и ответил, что из Казахстана не

7 "7

мной,

Горбачев сказал: "Будете в Москве, обязательно заходите". На том и расстались. Вечером я вылетел в Алма-
собираюсь никуда переезжать, буду жить в своем родном городе. Тепло прощаясь со

в

ТЫ.

В кабинете, занимаемом мною в ЦК, я собрал подаренные мне книги от писателей, деятелей науки и культуры, отправил их домой. Из Москвы никто не тревожил, да и в Алматы, по всему чувствовалось, ждали перемен и потому напряжение последних лет резко поубавилось. В Москву на заседание Политбюро меня не вызывали, но просьбу удовлетворили с формулировкой "в связи с уходом на пенсию". После получения решения я собрал бюро ЦК и сообщил товарищам об уходе на пенсию. От имени бюро выступил его член, тогдашний "президент" республики С. Мукашев и по-'благодарил за совместную работу. Ну, а 16 декабря 1986 года состоялся пленум ЦК. Он был рекордно скоротечным. О его работе, его последствиях читатели узнают в одной из заключительных глав.

НЕМНОГО О ПРОШЛОМ

... Я коренной житель Верного, ныне Алматы. Очень люблю город моего детства и юности. У него своя, пусть и небольшая, но богатая история.

Академик В. В. Бартольд еще в XIX веке обнаружил на северном склоне Заилийского Алатау следы древнего казахского поселения Алматы. В 1854 году на его месте было заложено крепостное укрепление Заи-лийское, переименованное позже в Верное. Выбором места для этого укрепления и строительством крепости по заданию царской администрации занимался майор М. Д. Перемышльский. В 1868 году Верный приобрел статус города и стал центром Семиреченской области. Тут неоднократно с научными

целями бывал первый казахский ученый Чокан Валиханов, известные исследователи Средний Азии, путешественники, географы, ботаники, геологи. Среди них такие крупнейшие ученые, как П. П. Семенов-Тян-Шанский и Н. М. Пржевальский, этнограф Г. Н. Потанин, астроном К. В. Струве, палеонтолог И. В. Мушкетов, художник В. В. Верещагин и многие другие. Немало энергии, сил, сметливости, вкуса вложили в обустройство Верного военный инженер А. П. Зенков, ученый-лесовод Э. О. Баум, другие верненские подвижники и энтузиасты, верившие в счастливое будущее города и всего Семиречья. После революции в 1921 г. город получил свое первоначальное имя по предложению Ураза Джандосова, видного партийного и государственного деятеля. В 1924 году он стал центром Семиречья. Когда построили Турксиб, столицу Казахстана перевели из Кзыл-Орды в Алматы. Не только алма-тинцы, но и ее гости — наши и зарубежные — считают казахстанскую столицу одним из красивейших городов.
8 декабря 1981 года город-сад отметил рождение миллионного жителя...

Каждый человек должен знать свою родословную. Не уходя в глубокую древность, могу только сказать, что мои предки берут свое начало от Байдыбека, джигита Старшего жуза. Сам же Байдыбек, известный своими доблестями воин, защитник народа, был сыном Караша би, славившегося своей мудростью и справедливостью. Его отцом являлся батыр Абак, потомок Уйсына, что подтверждается исследовательскими данными историка Н. Аристова.

У Байдыбека было три жены. От второй жены появился на свет ребенок по имени Жолымбет (Жалмам-бет). Наши предки произошли от его сына — Ысты.

Стало быть, мое ближайшее генеалогическое древо выглядит следующим образом:

Жолым
Нурмамбет
Азнабай Конай
Джетибай Жумабай
Минлиахмед
Динмухамед

Мои предки были животноводами и жили на землях, расположенных начиная от территории нынешнего Кап-чага я и по берегам реки Курты, частично на правом, а в основном левом берегу реки Или до района Куйгана. В прошлом это место называлось Нижнеилийская волость Верненского уезда Семиреченской области. Ныне территория Балхашского и Куртинского районов Алма-тинский области. Их земли продолжались до низовья реки Чу и также занимали значительную часть Фурма-новского и Таласского районов Джамбулской области.

У моего прадеда Азнабая было четыре сына. Семейное предание не сохранило причину разлада Азнабая со своими сородичами. Но однажды он снял весь аул и через Или по юго-восточному берегу озера Балхаш добрался до Аягуза, а оттуда откочевал на земли рода тобыкты. Впоследствии он прижился на новом месте и женил своего второго сына Кона я на тобыктинке. У Кона я родились сын Жумабай и дочь Булонтай. После смерти Азнабая тобыктинцы начали притеснять Коная и его родичей. Конай решил со своими близкими перекочевать и вернуться на свои земли в Семиречье. Однако тобыктинцы не позволили ему увезти с собой жену и дочь. Разместив всех своих одноаульцев на родных землях, Конай в поисках лучшей жизни переезжает на правый берег реки Алматинки, отдает своего сына Жу-мабая на учебу в мусульманскую школу.

Однажды Конай выехал на Курты к родственникам и в пути, как гласит предание, был вероломно убит во время молитвы. Чтобы сохранить род и наследие Коная, жену его умершего старшего брата Бокеша по имени Кырыжылкы отдали замуж за третьего сына Азнабая Шолака. Они и занялись воспитанием моего деда Жу-мабая.

Жумабай хорошо учился в школе, затем поехал учительствовать в родные края. В 1904 году через Турцию уехал в Саудовскую Аравию и совершил паломничество в Мекку и Медину. В 1905 году он вернулся домой через Индию и Афганистан. Хадж Жумабая занял восемь месяцев. В 1886 году у него родился сын Минлиахмед. Его, четырнадцатилетнего мальчика, Жу-мабай устроил на работу к

алматинскому купцу Исхаку Габдулвалиеву. До Октябрьской революции он работал по найму у этого купца. Мои родители не имели никакого образования.

После Октября до ухода на пенсию отец работал в сельскохозяйственных и торговых организациях Алматин-ской области. Сам научился грамотно читать и писать по-русски и по-казахски.

Мать, Зухра Баировна, из бедной крестьянской семьи села Чилик (Зайцовка) Чиликского района. Родители мои прожили совместно свыше семидесяти лет. Мать умерла в возрасте восьмидесяти шести лет в 1973 году.

Доброй памятью всегда вспоминаю своего дядю Ах-метжана Баировича Чимбулатова. Он был одним из организаторов комсомола и участником борьбы за установление Советской власти в Семиречье, Верном. Затем работал секретарем Алматинского укома Компартии Туркестана, первым секретарем Алматинского горкома партии, первым секретарем Джаркентского укома ВКП (б). Будучи начальником политотдела "Каззолото" и Омской железной дороги, был незаконно репрессирован и погиб в 1938 году, затем реабилитирован. Надо сказать, что именно он настойчиво рекомендовал мне вступить в комсомол.

Отец умер в 1976 году, не дожив до девяноста лет трех месяцев. Наша семья жила в Верном на Сарканд-ской улице в доме Иванова (в Большой Станице), где я родился 12 января 1912 года. Через два года отец построил небольшой домик на Старокладбищенской улице, 39. Она получила свое название потому, что в ее северной части находилось старое кладбище (сейчас в этом районе расположен вокзал Алма-Ата II). После этого улицу называли Вокзальной, затем проспектом Сталина, Коммунистическим проспектом, а ныне это — проспект Аблай-хана. Наш старый дом, где прошли мои детские годы, давно снесен, на его месте построен большой дом с магазином по продаже электротоваров. Недалеко от нашего дома находилась узбекская мечеть. В дни мусульманских праздников — ураза-айт, курбан-айт — отец брал меня с собой в мечеть. Пока шла молитва (намаз), мы, тогда 7—8-летние мальчишки, забирались на минарет и оттуда с большой высоты смотрели на город. После молитвы возвращались домой в приподнятом настроении. Самым приятным было празднование курбан-айта.. Отец по обычаю резал барана (курбан-шалу).

Сначала из туши вырезалась грудинка и тут же поджаривалась на костре. Затем всем членам семьи раздавали по кусочку и после этого приступали к чаепитию. Кстати, к празднику готовились заранее, и в нашем доме всегда жарили баурсаки, готовили и другие лакомства.

Помню все достопримечательности старого Верного. Дом губернатора, здание Военного собрания, Дом дворянского собрания, Кафедральный собор, Покровскую церковь, мечети, купеческие лабазы и магазины, бараки, огороды и сады, глинобитные, деревянные дома в один, редко в два-три этажа, ни одной асфальтированной дороги, на пыльных улицах бессчетное количество лошадей, ишаков и верблюдов, день и ночь струящаяся вода в арыках, а над ними в пышной зелени тополя и карагачи — вот характерный облик город Верного. Деревянные дома в городе строились неслучайно. После разрушительного землетрясения 10 июня 1887 года и 1799 зданий уцелело только одно, стихия привело горожан к необходимости строить лишь деревянные здания. Надо отдать должное основателям города за стройную планировку улиц, заботливое и богатое их озеленение. Первым губернатором Семиречья был генерал Герасим Алексеевич Колпаковской, и то что город стал садом, во многим связано с его именем и поныне бытует расхожая легенда, будто бы за каждое высаженное дерево он платил горожанам по гривеннику, а тех, кто не высаживал деревья в указанном месте или губил их, публично наказывал плетьми. Сопровождавшие генерал-губернатора казаки приговор якобы тут же приводили в исполнение. Это, конечно, выдумка, не более. На самом же деле высокообразованные люди — Колпа-ковский и его активный сподвижник вице-губернатор Евсей Андреевич Россицкий поощряли энтузиастов древонасаждения именными часами и другими ценными подарками, публикуя фамилии лучших в местной газете "Семиреченские областные ведомости". Нарушителей же наказывали в административном и судебном порядке крупными штрафами. Действовало.

Город, можно сказать, зеленел прямо на глазах.

Весь он практически размещался в таких параметрах: со стороны гор — улица Арычная (ныне проспект Абая), с севера — станция Алма-Ата II, с запада — Весновка и с востока — Пугасов мост и ниже по речке до Малой Станицы. Все остальное за этими пределами — огороды, поля, а кое для кого и охотничьи угодья.

Небольшой был город, но очень своеобразный и шумный. Жизнь ключом била вокруг базаров, с постоялыми дворами, кузнечными рядами и великим множеством мелких лавочек с различной хозяйственной утварью трактирщиков, харчевен и столовых-забегаловок (асха-на), в которые зазывали и приглашали отведать блюда национальной кухни или просто горячую свежеиспеченную лепешку.

Самым крупным магазином в городе считался магазин купца Габдулвалиева, построенный по проекту талантливого архитектора А. П. Зенкова, на Торговой улице (ныне Жибек жолы). Одним торцом здание выходило на Нарынскую улицу. Над его главным входом красовалась подковообразная вывеска, оповещающая, что это— "Торговый дом Габдулвалиева с сыновьями" (ныне магазин "Кзыл-Тан"). А неподалеку от магазина по На-рынской улице находился жилой дом купца. После революции Нарынскую улицу назвали в честь одного из видных революционных деятелей и первых дипломатов молодой Советской республики Леонида Борисовича Красина.

В городе было несколько кинотеатров, куда алматин-цы любили ходить, но кинозалы заметно пустели, когда в Алматы прибывал передвижной цирк и монтировался там, где сейчас расположен Центральный рынок.

Особый интерес у горожан вызывали выступления известных борцов. Заранее большие афиши крупными буквами оповещали, что сегодня под куполом цирка "черная маска" единоборствует со "стальной маской", назывались фамилии участников предстоящих состязаний на цирковом манеже.

Мы, школьники, очень любили выступления известных борцов и старались не пропускать ни одного представления. Обычно перед началом проходил парад всех участников соревнований и объявлялось, какой приз получит победитель.

Большим событием для горожан всегда было выступление "казахского Поддубного", знаменитого и непобедимого Хаджи-Мукана Мунайтпасова в -ц Губернаторском саду. Известно, что свою партию на борцовском ковре с великим русским борцом Поддубным Мунайтпасов свел вничью. Казахский богатырь был очень популярен в народе. Тепло его приветствовали на торжествах в честь 30-летия республики. Сам он в жизни был очень скромен. В годы войны с фашизмом внес посильный вклад в победу, купив на свои сбережения боевой самолет, который был передан молодому летчику Ленинградского фронта Кажтаю

Шалабаеву. Самолет носил имя другого национального героя казахского народа — революционера Амангельды Иманова. Примечательно: что до самого конца войны боевая удача никогда не изменяла пилоту этого самолета.

Но до небывалой войны было еще далеко. Алматы тогда сохраняла старый свой колорит. Конечно, в ту пору никакого губернатора уже не было, но сад по-прежнему назывался губернаторским и занимал тогда вместе с губернским домом большую территорию. По современному расположению это был квадрат: проспект Ленина, улиц Комсомольской (ныне Толе-би), Пролетарской (ныне ул. Зенкова) и Советской (ул. Казбек-би), сейчас находятся Дом кино, Центральный концертный зал и госпиталь. В юго-западной части сада высилась неболь-

аккомпанемент Хаджи-Мукан с этой сцены показывал игру своих мускулов* Он также ставил себе на голову один на другой несколько кирпичей, и его ассистент сильнейшим ударом кувалды разбивал эти кирпичи на куски. Казахский богатырь свободно удерживал руками и ногами мост, через который на большой скорости несколько раз проскакивала группа джигитов на лошадях. И через этот же мост проезжал водитель на полуторатонной автомашине. Всему этому я сам был очевидцем еще в школьные годы.

Учился я в школе первой ступени № 19 имени Чернышевского, которая находилась на Алматинский улице (теперь Емелева); позже она была ликвидирована и снесена. После окончания четвертого класса учился в 14-й школе (второй ступени), которая находилась на территории нынешней кондитерской фабрики.

Годы учебы в школе запоминаются надолго. Хорошо помню свою первую учительницу Анну Павловну Шуро-ву, которая учила меня русскому языку и грамоте по букварю. Встретились мы через много лет, в 1955 году, когда я работал председателем Совета Министров Республики, она позвонила мне и попросила принять ее. Я послал за Анной Павловной машину, и мы долго беседовали с доброй старой учительницей, вспоминая далекую пору моего детства и годы учебы в школе. Потом она обратилась с просьбой — помочь ей улучшить жилищные условия, и я удовлетворил ее просьбу.

Не забуду чутких и мудрых учителей школы № 14: математики — Семена Ивановича Соколова, физики — Андрея Алексеевича Астраханцева, Измаила Павловича Масленникова, естествознания — Бориса Николаевича Дублицкого, обществоведения — Евгения

Степановича Войцеховского. До сих пор благодарен учителям-наставникам за душевную щедрость, мудрые наставления, за знания. С особой симпатией вспоминаю учительницу русского языка Любовь Александровну Федулову, которая много сил приложила, чтобы я успешно освоил русский язык.

В школе нас подробно знакомили с биографиями главных руководителей государства — Ленина и Троцкого. Повсюду вывешивали их портреты. В пионерах мы разучивали посвященные им песни и стихи, особенно их много было после смерти Ленина. Но вот однажды нам постов, выслали из Москвы, и теперь он живет в нашем городе. Понятно, что желание увидеть его было ог-ромным, р Однажды кто-то в 1 классе сообщил, что Троцкий живет на улице Гурдэ в доме № 75. Возвращаясь из школы, мы всегда проходили мимо этого дома, но увидеть ссыльного жильца нам так и не удалось.

Но раз подвернулся случай, и мы сами неожиданно встретились с ним, когда группой учеников возвращались домой после похода на Мохнатую сопку в урочище Медео. Это довольно далеко от города — не менее двадцати километров. На повороте узкой дороги возле учительской дачи появился арбакеш (извозчик) с узелками, положенными на телегу, за которой шли несколько женщин. Впереди всех уверенно шел человек в пенсне, с клиновидной бородкой, небольшого роста. Мы без труда узнали по знакомым портретам и фотоснимкам в этом человеке Троцкого. Замерев, почтительно поздоровались. Он ответил на наше приветствие и, не останавливаясь, продолжил со своими спутницами путь в направлении урочища Медео.

Потом еще несколько раз доводилось мне видеть его и в охотничьем снаряжении, и неспешно прогуливавшегося на улицах. Никакой охраны с ним ни рядом, ни поодаль не было. И как он исчез из города, тоже никто не заметил. Позже, много лет спустя, мы узнали, что Троцкий в Алматы не сидел сложа руки. Только за апрель — ноябрь 1928 год он отправил своим сторонникам 800 писем и 500 телеграмм.

Чем еще запомнилась школа тех лет? Беззаветность, самоотверженность учителей словно током пронизывали нас, и мы, молодые люди, с огромным желанием тянулись к знаниям. Отличником я, увы, не был, но трудные науки постигал с превеликим удовольствием. Учились мы вместе с девушками, нравы в школе были, конечно, построже нынешних, жили дружно,

во всем помогали друг другу. В ту пору в нашей школе практиковали бригадный метод обучения, состоявший в том, что ученики с хорошими знаниями брали "на буксир" отстающих, и, как правило, такая помощь приносила хорошие результаты. Как ни странно, но именно в школьные годы я решил стать горным инженером. По тем временам профессия для казахов редчайшая.

Меня вдохновлял образ первого крупного инженера-казаха Мухамеджана Тынышпаева, окончившего в 1906 году Петербургский институт инженеров путей сообщения, который был одним из активных инициаторов и участников строительства Турксиба. Я дружил с его сыном Ескендером, он впоследствии стал известным оператором-художником республиканской киностудии. Наша дружба продолжается и по сей день.

После школы я работал статистом в секторе районирования Госплана республики, а вечерами учился на курсах по подготовке в институт.

ГОДЫ УЧЕБЫ

В 1931 году приехал в Москву с путевкой крайкома комсомола Казахстана для поступления в Московский институт цветных металлов и золота!/ Дорога в столицу занимала тогда шесть-семь суток. Поразили меня, помню, необъятные просторы Казахстана. И тоскливая безжизненность его степей: от станции до станции глазу не за что зацепиться.

Остановился я у старшей сестры Амины Ахмедовны. Ее муж Айтжан Туркебаев был в то время слушателем Коммунистического университета имени Свердлова, членом партии с 1920 года. В годы Гражданской войны в 1918 году он командовал партизанским отрядом, боровшимся с белоказаками, участвовал в разгроме банд ан-ненковцев. В 1924— 1930 годах работал ответственным секретарем Талды-Курганского, Алматинского уездных комитетов партии, а затем инструктором Казахского крайкома ВКП(б). Потом трудился начальником управления кадров и уполномоченным по делам высших школ наркомата земледелия КССР. На этой работе он погиб от рук бандитов на станции Сарыозек.

Мои родственники жили на улице Воздвиженка 5, где сейчас размещен архитектурный музей имени Щусева. После поступления в институт я переехал в общежитие. Находилось оно на Сретенке, в Панкратьевском переулке в магазинном помещении

с огромными витражными окнами, выходившими на Садовое кольцо. Хорошо была видна из нашей комнаты еще не снесенная Сухарева башня. Через месяца два нас переселили в 4-й студенческий городок "Дом коммуны", недалеко от Донского монастыря. Последние годы учебы я жил на четвертом этаже в 418-м кабинете северного крыла.

В то время, когда я учился в Москве, у нас проводились так называемый университеты культуры. Каждое воскресенье перед студентами выступали известные писатели, артисты, ученые. Для нас, будущих горных инженеров, такие встречи были настоящим праздником. Я помню, как, затаив дыхание, мы слушали Таирова и Качалова, Русланову, Церетели, Инбер и других. Благодаря университетам культуры мы с моим товарищем Бакаевым стали заядлыми театралами. Хотя на всех спектаклях нам приходилось сидеть на галерке, мы стремились побывать в разных театрах Москвы. Особенно мы любили МХАТ: "На дне" с Качаловым, "Анна Каренина" с Тарасовой, "Царь Федор Иоаннович"с Хмелевым. Мы посмотрели почти весь репертуар МХАТа того времени, где играли и другие блистательные актеры — Москвин, Тарханов, Яншин, Андровская, Степанова и другие.

Нельзя сказать, что жили мы, студенты, впроголодь. Получали не ахти какую стипендию (по-моему, 45 рублей) и первым делом покупали талоны на трехразовое питание. Ни о каких застольях да еще с горячительными напитками и речи быть не могло. А ведь мы еще умудрялись сэкономить на театр, кое-какую одежду, еще на займы подписывались. Как выкручивались — ума не приложу! Из дома помощи не получали. Да и на какую помощь можно было рассчитывать, если у насада нашей родине, свирепствовал страшный голод.

/Моя учеба в Москве совпала с тяжелейшим периодом в жизни республики и страны — периодом принудительной коллективизации. Сведения о крайне тяжком положении народа доходили до нас, московских студентов. Я получал письма от родителей об огромных бедствиях жителей аулов и сел, страдающих и погибающих от голода. О масштабах развернувшейся беды я мог судить сам, когда приехал к родителям на каникулы в село Тургень Энбекши-Казахского района Алматинской области. Здесь множество людей погибло от голода в селах Балтабай, Маловодное и в др. аулах района.

А в Казахстане господствовал административно-бюрократический террор. Людей без особого разбора отправляли "в кулацкую ссылку", заключали в концлагеря, расстреливали. Первый руководитель республики, назначенный Сталиным — Ф. И. Голощекин и его подручные по сути вели гражданскую войну с народом, что всеми силами скрывалось. Лишь спустя многие десятилетия стало известно, что за пять лет— с 1929 по 1933 годы в Казахстане только по "линии" ОГПУ было приговорено к расстрелу 3386 человек. В результате жесточайшего геноцида казахский народ потерял около половины своего состава. При этом пострадало много украинцев, русских, татар, немцев, белорусов, дунган, людей других национальностей.

Студентов из Казахстана очень тревожили вести из родных мест. По инициативе казахского землячества (была такая организация) состоялось собрание в помещении кинотеатра "Колизей" (ныне театр Современник) на Чистых прудах. Студенты потребовали правдивой информации о положении дел в республике. Чтобы успокоить нас, в Москву приехал секретарь Казахского крайкома Кохиани. Но не тут-то было: студенты располагали более достоверной информацией, и разговор получился очень резкий. Слушатели Коммунистического университета имени Свердлова, что называется, по полочкам разложили доводы Кохиани и посчитали информацию секретаря крайкома необъективной и недостоверной. Очень ярко выступил студент Оразалы Джандосов (брат У раза Джандосова). Он сказал, что, находясь на практике в республике, посетил ряд геологоразведочных партий, и перед его глазами открылась страшная картина всенародного бедствия — голода. Ко-хиани чувствовал себя весьма неуютно под градом критики. Мы тогда еще не знали, что о великих страданиях казахского народа Сталину было отправлено "письмо пятерых": тогда еще молодых литераторов-коммунистов Г. Мусрепова, Даулеткалиева, Алтынбекова, Гатаулина, Куанышева. Письмо, как и следовало ожидать, осталось безответным.

Много позже стало известно, что в сентябре 1932 года видный казахский коммунист Турар Рыскулов, занимавший в то время пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР, обратился со служебной запиской к Сталину, Молотову и Кагановичу, информирующей о массовых масштабах усиливавшихся откочевок коренного населения за пределы Казахстана в Китай, Иран, Афганистан из-за голода и эпидемии, ставших прямым результатом катастрофических перегибов в осуществлении сплошной коллективизации. Рыскулов просил Сталина и его ближайших

соратников "вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть". Как установили историки, в Кремль поступало немало таких обращений. Записка Рыскулова сыграла в целом положительную роль. Сменивший Ф. И. Голощекина на посту руководителя Казкрайкома Л. И. Мирзоян уже не подвергался усиленному кремлевскому режиму. Для комплексного решения казахстанских проблем коллективизации была образована комиссия ЦК ВКП(б), в ее состав входили Каганович, Микоян, Пятаков, Мирзоян и другие. Бедственное положение постепенно стало выправляться. Но великий вождь не забыл ни о позициях Рыскулова, ни Мирзояна, ни даже о Го-лощекине, с которым был знаком еще со времени туру-ханской ссылки. Все они были уничтожены.

Обстановка, сложившаяся в республике, сильно влияла на учебу и настроение студентов. Многие из них возвращались домой. После собрания не было принято никакого решения. Да и какое решение могли мы принять? Прекратить голод? Помочь Казахстану продуктами? Миллионы голодающих и бедствующих были и в других регионах страны. В этом мы убедились, находясь на практике в 1933 году на Дегтярском руднике, на Урале. Сюда согнали огромное количество раскулаченных и жили они в крайне тяжелых условиях, нищенски. А ведь еще и работали! Возвращаясь с практики в Москву, мы не смогли купить железнодорожных билетов и три дня провели в Свердловске (Екатеринбурге). Мы, трое студентов, жили у родственников одного шахтера, с которыми познакомились в Дегтярке, на улице Московской, дом *24.* А там положение было катастрофическим...

Екатеринбург запомнился мне одной страшной экскурсией. Я имею в виду Ипатьевский дом, где были расстреляны царь и его семья. Сейчас трудно в это поверить, но эта экскурсия пользовалась в городе популярностью. Люди приходили в дом, рассматривали стены со следами пуль и кровавых пятен. Трагедия, которая здесь разыгралась, теперь подробно описывается во многих журналах и газетах.

НА БАЛХАШЕ — КОУНРАДБ

В июле 1936 года, окончив горный факультет Московского института цветных металлов и золота,

22 я получил направление на Коунрад-Балхашскую стройку. Здесь началась моя трудовая деятельность. Новичком в этих краях я не был. С Коунрадом и его людьми был знаком, когда проходил здесь пятимесячную практику. Работал я тогда десятником только что созданного восточного отвала. Работал и копил материал для дипломной работы на тему: " Определение мощностей Коунрадского карьера для производства 90 тысяч тонн черной меди в год". Диплом защитил с оценкой "отлично". Сложилось так, что мои первые шаги были связаны с развитием цветной металлургии Казахстана. И я по сей день горжусь, что я — один из участников зарождения в стране мощной медной промышленности в Центральном Казахстане, а затем и свинцово-цинковой промышленности в Рудном Алтае.

К тому времени уже действовал легендарный Турк-сиб — Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая республики Средней Азии с районами Сибири, ставшая одной из крупных всенародных строек. Это была героическая пора пятилеток с ее бурной индустриализацией страны. Быстрыми темпами развивалась третья союзная угольная кочегарка — Караганда, росли и крепли другие индустриальные гиганты республики, в том числе Чимкентский свинцовый завод и его сырьевая база — Ачисайские рудники.

Мы, люди старшего поколения, хорошо помним, в каких невероятно трудных условиях зарождались и создавались промышленные центры Казахстана. Многие стройки начинались с нуля в совершенно необжитых пустынных и полупустынных районах республики. К тому времени я возвращаюсь не только потому, что оно созвучно и тесно связано с сегодняшними днями, но и потому, что пройденный путь стал для нас бесценной школой жизни, самым главными университетом.

Еще будучи студентом, я знал, что Наркомат тяжелой промышленности принял решение построить Балхашский медеплавильный комбинат. Он поднимался на северном берегу озера Балхаш. Планировалось, что он станет крупнейшим в стране комбинатом по выпуску меди. Совет Труда и Обороны бывшего СССР подчеркивал, что строительство комбината по своему значению приравнивается к Магнитогорску. И потому, как тогда говорили, сооружение комбината стало делом всей партии и народа.

Стройка была взята под особый контроль Наркомата. Академик наук обратилась к научно-техническим работникам страны личным участием помочь строительству. В газете "За

индустриализацию" часто появлялись статьи с призывом; "В бой за Балхаш!"

Крупных объектов в нашей республике возводилось немало, и студенты-казахстанцы хорошо знали, что делается в Риддере, Зыряновске, Чимкенте, Текели, Джезказгане, на *щ* золотодобывающих предприятиях, как развертываются геологоразведочные работы.

Мы прекрасно знали, насколько велики богатства необъятного Казахстана, простирающегося от Каспия до Алтая, от гор Алатау и Каратау до Западно-Сибирской низменности. Республика полна несметными сокровищами, ее разрезают бурные реки, над ней вздымаются высокие горы. Нас, студентов-казахстанцев, занимали мысли о том, как наилучшим образом поставить эти богатства на службу народу, населяющему эту республику. И когда мне предложили ехать на работу в Прибалхашье, путевку я принял с радостью и отправился на стройку с большим желанием. Главной сырьевой базой будущего медеплавильного гиганта было Коунрадское месторождение медно-порфировых руд.

Еще в глубокой древности люди добывали медь в Центральном Казахстане. Но, конечно же, выбирали они то, что лежало на поверхности. Первую официальную заявку на Коунрадское месторождение сделал купец Де-ров в 1901 году. Чуть позже заявки посыпались от десятков *щ* промышленников и предпринимателей. Они скупили за бесценок у местных баев землю, тем самым сделав заявку на разработку.

После революции на Прибалхашье обратил свой дальновидный взор английский предприниматель Лесли Уркварт.

В 1928 году он писал в Москву: "Не дадите ли мне возможность поковыряться в Киргизской степи, около Балхаша и дальше? Раньше чем через 50, а может, и 100 лет вы этими местами все равно не займетесь. А я поищу. Может быть, что-нибудь найду".

Но англичанин сильно ошибался в своих прогнозах. 2 августа 1929 года Совет Труда и Обороны принял постановление "О перспективах развития цветной металлопромышленности". Сразу же, в 1929 году, в Прибалхашье начались буровые разведочные работы. В Коунраде, например, в первые три года на разведку было затрачено около двух с половиной миллионов рублей. Идя на

такие по тем временам громадные затраты, руководители отрасли надеялись на то, что они с лихвой окупятся. Так и случилось.

Первое геолого-экономическое обоснование Коунрада дал инженер-геолог М. П. Русаков, проводивший разведку в этом районе еще в 1928 году и доказавший, что Коунрад по своим запасам превосходит все известные тогда медные месторождения. Русаков был крупнейшим геологом, он первым в нашей стране начал изучать медно-порфировые руды. Он открыл Коунрадское, Се-мизбугинское, Карагайлинское, Кайрактинское и другие месторождения цветных и редких металлов и железных

РУД.

Профессор, академик АН Республики Казахстан, заслуженный деятель науки и техники республики М. П. Русаков был замечательный человек, обладал глубокими знаниями в своей области. Я часто с ним встречался, работая в Академии и когда был председателем Геологического совета Казахстана. Он один из признанных пионеров геологической науки и всей геологической службы Казахстана. Его именем назван минерал ванадия — русаковит.

.. .После защиты дипломного проекта 2 июля 1936 года на ученом совете института я уехал в Алматы. Погостил у родителей и собирался к месту работы. Самолеты в то время между Балхашом и Алматы летали редко, пришлось ехать поездом: Алматы — Семипалатинск — Новосибирск — Петропавловск — Караганда. Чуть не полстраны объехал, чтобы прибыть в Балхаш, до которого от Алматы чуть больше пятисот километров.

В старой Караганде задержался на сутки, ждал самолет, жил на базе, где мне купили билет и 7 августа прилетел в Балхаш (и тут пятьсот километров). Из аэропорта я дозвонился до приемной директора рудника. Мне ответили, что надо ждать машину, которая после разгрузки руды на фабрике вернется через аэропорт и довезет куда надо.

Машину пришлось ждать очень долго. В аэропорту познакомился с инструктором горкома партии А. Г. Нейманом. Впоследствии нам пришлось работать вместе: он был избран секретарем парткома рудника и какое-то время было его управляющим. Это был очень энергичный человек, хороший специалист, требовательный администратор. В период войны я не раз встречался с Нейманом. Будучи уполномоченным ЦК в Ленгере (а он в то время работал первым секретарем вновь образованного Ленгерского райкома партии Южного Казахстана), я вновь и вновь

убеждался, что коммунистам его склада практически любые задачи по плечу...

В указанный в путевке срок— 7 августа — я прибыл в Коунрад. Остановился у своего товарища Заутбе-ка Булатова, который прибыл чуть раньше и поселился в небольшой комнате в землянке. По тем временам жилье вполне приличное. Угостил меня Заутбек чаем, и за разговорами вспомнили мы прошлогоднюю практику.

Сооружение медного гиганта и его сырьевой базы проходило с большими трудностями. Мы ехали тогда на поезде до 32 разъезда Турксиба, от разъезда до юго-восточного берега озера была проведена двенадцатикилометровая железнодорожная ветка до Бурлютюбе.

Для доставки основной части грузов на стройку в Бурлютюбе были сооружены необходимые объекты, в разобранном виде было доставлено несколько пароходов, и Бурлютюбе превратилось в одну из основных баз Прибалхашья. Одновременно на севере Коунрада были организованы пункты на ж/д станциях Караганды и Спасска, с этих пунктов оборудование, стройматериалы, продовольствие доставлялись верблюдами. В перевозках грузов гужевым транспортом большую помощь оказывали колхозы близлежащих районов. 32 разъезд и Бурлю-тюбе были главными пунктами для отправки людей, желающих поработать в "Прибалхашстрое".

Из Бурлютюбе мы плыли через Балхашское озеро на пароходе, чтобы попасть в Коунрад. Неожиданно на Балхаше разыгрался сильный шторм. Пароход — от беды подальше — посадили на якорь, потому что котельное хозяйство затопило, везде погас свет. А тут еще дождь хлещет, как из ведра. Пассажиры не без оснований запаниковали. К нашей радости утром шторм и дождь прекратились. На помощь пришел катер, взял наш пароход на буксир и вернул в Бурлютюбе. Два дня приключений, и мы с группой рабочих, направляющих на стройку, благополучно добрались до бухты Бертыс. Причалил пароход на старой площадке возле опытной обогатительной фабрики. На фабрике мы разыскали инженера Камала Кадыржанова, которого знали по институту. Он окончил институт еще в 1933 году и работал на стройке с первых ее дней. Впоследствии Кадыржанов работал министром местной промышленности республики, с этой должности ушел на фронт. После войны работал управляющим трестом "Ленгеруголь", заместителем председателя Карагандинского и Талды-Курганского облисполкомов.

Последние годы до ухода на пенсию трудился членом коллегии республиканского Министерства цветной металлургии.

Прошел год. И снова: "Здравствуй, Коунрад!". Но о добром здравии Коунрада приходилось только мечтать. Строительство проходило в тяжелейших условиях. В то время в Балхаше и Коунраде люди ютились в юртах, землянках, бараках. Скученность невероятная. В одной юрте жило по три семьи. Когда рабочему или инженеру давали комнату в бараке или землянке, он был счастлив, А тут еще — того нет, другого нет. И с продовольствием нужду испытывали, и с медицинским обслуживанием.

Климат здесь, как известно, резко континентальный, летняя жара доходила до 40—45 градусов. В год выпадало до 100 миллиметров осадков, дули постоянные шквальные ветры. А зимой морозы — до 45 градусов. Питьевую воду привозили на верблюдах. Острый дефицит жилья, одежды, питания — все эти трудности связаны с тем, что стройка была удалена от ближайших городов и населенных пунктов на сотни километров.

Но, тем не менее, на стройку особенно много приезжало казахов из аулов. Тяжелые условия жизни, созданные насильственной коллективизацией, заставили их, доведенных до отчаяния, искать возможность как-то выжить. Они знали, что на стройке, хоть нерегулярно, но прибывающим давали хлеб и жилье. Невозможно забыть все трудности, которые возникли в начале строительства медного гиганта.

Прибыв на рудник, я, как это и заведено, явился к руководству.* Начальник рудоуправления инженер А. М. Богатиков не заставил ждать. Расспросив о житье-бытье, дипломной работе, он сказал, что вскоре заканчивается строительство дома и мне с Булатовым будет предоставлена комната. В это время в кабинет зашел главный инженер Воробьев. Вдвоем они рассказали, как развивается и строится рудник, какая ответственная работа намечена на перспективу. Тотчас же они предложили мне работать старшим инженером проектного отдела, поскольку, мол, я неплохо знал проект разработки рудника. Я засомневался, сослался на свою малоопытность, попросил старших товарищей направить меня на не столь ответственную работу. Не без пафоса я сказал: "Я молодой специалист и не хотел бы перешагивать через ступени. А потому, если доверите, направьте непосредственно на производство, чтобы не сидеть в конторе".

Мой собеседники удивились: "М-да, неожиданный оборот",— сказал Богатиков. Посоветовавшись, они все-таки

согласились со мной и направили в распоряжение начальника бурового цеха А. А. Бутаева. С облегчением вздохнув, я вышел из кабинета. Под впечатлением этого разговора, зашел в маркшейдерское бюро к А. Я. Лукьянову. Александра Яковлевича я знал еще с прошлого года, когда проходил практику. Он стал моим хорошим другом с первых дней нашего знакомства. Я рассказал ему о беседе с руководителями рудника. Лукьянов неопределенно покачал головой, то ли одобряя, то ли осуждая мое решение, и мы молча направились в буровой цех. Хороший разговор состоялся с начальником цеха Бутаевым. Он порекомендовал глубже вникнуть в дела и посоветовал досконально изучить карьерное хозяйство. Мы с Лукьяновым вдоль и поперек обошли всю территорию будущего карьера.

В карьере, на вскрышных работах были задействованы два паровых экскаватора Боткинского завода, буровые станки фирм "Армстронг", паровоз "ОВ" и несколько платформ. На рудник начали поступать станки ударно-вращательного бурения производства Уральских заводов "Металлист", "Очерский", прокладывались железнодорожные пути, контактные линии для работы электровозов итальянского производства фирмы "Савиль-яно", начали поступать электровозы отечественного производства завода "Динамо". На руднике появились "думпкары" для вывоза пустых пород. Стотонные гондолы для перевозки руды, машины "Нордберг" для передвижения карьерных путей.

«Горные работы, начавшиеся в конце 1934 года, еще не получили тогда настоящего развития. На сравнительно небольшой площади карьера необходимо было рационально расставить технику, чтобы обеспечить вывозку огромной горной массы. Проектом предусматривалось несколько верхних горизонтов отрабатывать десятиметровыми уступами, а остальные горизонты — пятнадцатиметровыми. Вывозка горной массы была предусмотрена железнодорожным путем по спирали. Чтобы "накормить" обогатительную фабрику рудой, следовало в весьма сжатые сроки снять гигантскую шубу горной массы, покрывающей руду, и одновременно добыть максимум окисленной руды. Все эти проблемы ложились на плечи инженеров, техников, да и передовые рабочие подчас высказывали идеи, которые вызывали искреннее восхищение у горняков-профессионалов. "Мне крупно повезло,— думал я,— что свой путь инженера начинаю здесь, на уникальном объекте".

А уникальный объект все чаще и чаще требовал принятия неординарных решений. Я бы мог назвать десятки оригинальных разработок, которые позволили четко и качественно вести работы на руднике. Но боюсь утомить читателей техническими подробностями, специальной терминологией: рассказывать об этом буду лишь в случае крайней необходимости...

Буквально на второй день я познакомился с механиком цеха М. В. Поповым. Он прежде работал на заводе "Металлист", хорошо знал буровую технику и своими добрыми советами всегда помогал мне.

Итак, я начал машинистом станка ударно-вращательного бурения. С этого времени началась моя настоящая трудовая биография. Станок, на котором я работал, поставлен на руднике на постамент как символ начала строительства и освоения Коунрадского рудника-гиганта, на базе которого был сооружен мощный Балхашский медеплавильный завод. На станке выбиты фамилии всех трудившихся на нем рабочих. Есть там и моя.

А время наступило суровое (я об этом скажу чуть позже). Руководящие кадры смещались, перемещались, а то и вовсе исчезали. Пришли к руководству рудника новые люди (Вайсман, Нейман). Главным инженером стал В. А. Школа. Я был назначен начальником буровзрывного цеха. Именно этот цех хромал на обе ноги и существенно влиял на производительность всего рудника. Поработать пришлось крепко. Часов не замечали, покидали цех, засыпая на ходу. Прокрутили сотни вариантов, провели уйму расчетов и все это для того, чтобы уяснить и расширить узкие места, мешающие наладить ритмичную работу. Простое, казалось бы, дело — научить буровиков немудреным операциям. Но это лишь на первый взгляд. Основной контингент рабочих — это вчерашние аульные жители. И они, приехав на стройку, могли выполнять только земляные работы. Их надо было научить владеть техникой и сделать из них настоящих квалифицированных рабочих. И мы справились с этой задачей в кратчайшее сроки.

Хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство. В последнее время встречается много фактов, когда молодые специалисты по тем или другим причинам стараются не ехать после институт на производство, а оседать в различных научно-исследовательских, проектных организациях, а то и в министерствах. Вряд ли есть этому какое-то оправдание: не получив закалки в рабочем коллективе, большим командиром не будешь.

Когда меня как горного инженера необходимость заставила вникнуть в саму суть проблемы, поначалу нао-щупь, но потом со

знанием дела вскрывать резервы и находить наиболее оптимальные решения, я понимал, что ни в каких кабинетах эту науку не высидишь и что главный учитель — это практика, каждодневное общение с рабочими и коллегами-инженерами.

Наш знаменитый узун-кулак разносил вести о том, что жизнь на прибалхашских стройках и рудниках — далеко не сахар. Но несмотря на все лишения, люди ехали на стройку. Пополнялся и наш, инженерный, корпус. Среди них — мои однокашники, выпускники Московского института цветных металлов и золота: Ильин, Чекалина, Туфлина, Игнатьев, Байганин, Курочкин. Но они по разным причинам не задержались в Коунраде и уехали в другие города на другие предприятия.

Коллектив цеха, когда дела пошли на лад, был очень дружный, и многие машинисты, совершенствуя квалификацию, становились ударниками труда. С благодарностью называю их имена: Т. Тогайбаев, Б. Кусанное, И. Сокуров, С. Горбунов, А. Тогжанов, А. Мамбетов. Преданно трудились заведующий хозяйством цеха Н. Воронов, табельщицей работала его жена Катя.

Очень рано погиб на руднике (во время взрывных работ) хороший мой товарищ и квалифицированный машинист Дакбай Шайхиев, первый стахановец рудника. Наш цех стал одним из передовых. Воодушевляли статьи в газетах, рассказывающие о работе цеха (иногда с моей фотографией). например, в республиканских газетах "Советская степь", "Энбекши казах", областной и местной печати. Повышая квалификацию работающих, одновременно мы набирали молодых людей и готовили из них будущих машинистов.

Газета "Балхашский рабочий", например, от 5 февраля 1937 года сообщала: "...Среди казахов горного цеха техучебу ведет инженер Кунаев. Т. J Кунаев на занятия техучебы приходит подготовленным, объясняет простым языком... Например, на рабочем месте показывает различные детали машин. Сам учит, как обращаться с техникой, как включить, отключить, остановить работу механизмов. Помогает разобраться с другими сложностями в связи с освоением новой техники. Из опыта работы инженера Кунаева надо брать пример". Привожу эти отрывки из газетных статей, потому что они помогают полнее раскрыть общую обстановку на комбинате того времени. 27 февраля 1937 года газета "Балхаш жумысшысы" писала: "В борьбе за переходящее Красное знамя Казкрайкома и Наркомата тяжелой

промышленности победителем вышел буровой цех под руководством Д. Кунаева. Участок Кунаева 10-дневную норму выполнил на 122 процента и борется за хранение Красного знамени у себя на участке". Эта же газета отмечала хорошую подготовку кадров и организации те-хучебы.

Буровики в технологической цепочке выполняли ответственную работу, за ней следовали другие операции, необходимые для вскрытия и добычи руд: взрывные, экскавация и транспортировка горной массы. Важное место в работе занимали вспомогательные службы: путевое и отвальное хозяйства, безаварийная работа электромеханической службы.

Для ритмичной и высокопроизводительной работы крайне необходима тесная взаимосвязанная работа всех служб. Взрывники предъявляют требования к качеству буровых работ. Это сетка расположения скважин, глубина, перебур — все параметры должны быть соблюдены. Нарушение их ведет после взрывных работ к образованию "порогов", большому выходу негабаритов, что резко снижает | производительность экскаваторов. Для усиления контроля за качеством буровых и взрывных работ по нашему предложению цех был разделен на два самостоятельных: буровой и взрывной. Я был назначен начальником взрывного цеха.

Мне пришлось быть участником и исполнителем применения в Коунраде различных вариантов взрывных работ примерно в такой последовательности: взрывы на выброс, камерные заряды на рыхление, колонковые заряды при двух-многорядном расположении скважин, колонковые заряды при однорядном расположении скважин. Для правильного ведения взрывных работ первостепенное значение имеет крепость пород. Была разработана шкала крепости, которая с небольшими изменениями и упрощениями являлась основой для технических расчетов и нормирования труда.

Взрыв — огромная сила, и она используется в самых различных областях человеческой деятельности. Как любое техническое явление, взрыв имеет теоретическую основу. В свой инженерной деятельности мне пришлось сталкиваться в конкретных условиях со всеми разновидностями взрывных работ, принимаемых на открытых и подземных горных работах. В условиях Коунрада приходилось взрывать десятки, сотни скважин, заряженных взрывчатыми веществами общим весом от тонны до десятков и сотен тысяч тонн. Проблемы улучшения производства взрывов не утратили своей актуальности и значения в настоящее время. В известной степени этот опыт пригодился при уникальном направленном взрыве и урочище Медео близ Алматы.

Был момент, когда надо было решить вопрос — и срочно!— о снабжении обогатительной фабрики хорошо измельченной рудой. Это объясняется тем, что корпус крупного дробления не был готов к работе, а фабрика уже должна была выпускать концентрат. Было принято решение; руду подавать непосредственно в корпус среднего дробления. Для этого требовалась хорошо измельченная руда. Главный инженер рудника Василий Андреевич Школа вызвал меня и сказал: "Вот вам, Ди-маш, боевое задание. Оно требует быстрого, а если хотите» сверхбыстрого разрешения". Занимаясь этой проблемой, мы пришли к выводу, что взрывы надо проводить при многорядном расположении скважин и других взрывных премудростях. Цели мы добились: улучшилось дробление масс, что, как говорят, и требовалось доказать. За эту работу многие рабочие взрывного цеха получили материальное поощрение. Поощряли в ту пору и денежной премией, и талонами на одежду

или обувь, а наилучшие — попадали на Красную доску почета.

Проводимые мной исследовательские работы показали, что самым оптимальным параметром производства буро-взрывных работ

в условиях Коунрада является двухрядное, частично трехрядное (где требуется выправление забоев) расположение скважин, при увеличенных размерах взрываемого блока до 250 метров. Расстояние скважин, от кромки борта уступа между рядами и скважинами, величину перебура, величину заряда необходимо решать исходя из твердости грунта.

Что дела в нашем цехе пошли в гору, не только моя заслуга. Без поддержки и помощи главного инженера рудника Школы, высококвалифицированного специалиста, до тонкостей разбиравшегося в производственных делах, мы бы в столь сжатые сроки со своей задачей не справились. Учились у него многому. Его советы и указания всегда были четкими и ясными, производственные совещания он проводил без пустопорожних речей. Последний раз я виделся с ним в 1957 году в Ленинграде, когда приезжал туда с женой.

Не раз докладывал я главному инженеру "Прибал-хашстроя" В. Степанову о состоянии буро-взрывных работ, когда он приезжал на рудник. Как водится, получал от него не только добрые наставления, но и "взбучки" за мой упущения. Степанов был обаятельный, объективный руководитель, его пожелания всегда помнил и буду помнить...

Много раз слушал я легендарного начальника строительства В. И. Иванова, бывшего балтийца, старого коммуниста, признанного первостроителя многих важных объектов страны. Человек огромного опыта и знаний, он обладал удивительной интуицией и в самые трудные моменты появлялся там, где его и не ждали. Иванов — член партии с 1917 года, участвовал в штурме Зимнего дворца. В 1918—1920 годах был уполномоченным Советского правительства по ликвидации бандитских группировок. После Гражданской войны Иванов — активный участник восстановления металлурги ческой промышленности Украины. Это он был начальником строительства Сталинградского тракторного завода. По заданию правительства в 1930 году в США изучал новые методы строительства. Побывал он и на заводах Форда, немало полезных наблюдений вынес оттуда. О Иванове писали

многие журналисты, писатели. Вот характеристика, данная ему, может и жестковатая, но которая, на мой взгляд, наиболее соответствует его натуре: "Он самолюбив, властен и он деловой, с размахом. Ему нужна самодеятельность и в то же время узда".

По инициативе Иванова было создано 14 кружков по изучению казахского языка, где обучались в основ-

ном, руководящие работники стройки, прорабы, бригадиры. Примерно через год большинство кружковцев-русских свободно разговаривали по-казахски, а казахи успешно овладевали русским языком.

Крупный специалист, поднявший строительство гиганта медной металлургии Балхаша—Коунрада, был безвинно арестован и уничтожен в 1938 году. Вспоминая Иванова, мало сказать, что он был замечательным человеком. Это был большой талант. Когда он выступал, то увлекал и захватывал аудиторию, самыми простыми словами объяснял громаду и сложность задач, убеждал, воодушевлял своих слушателей.

Безвинно арестованные... Враги народа... Сегодня мы знаем, что массовым репрессиям, ссылкам, арестам — этому террору против собственного народа, его лучших представителей нет и не может быть никакого оправдания.

Но с одним я не могу согласиться. Некоторые средства массовой информации с каким-то непонятным озлоблением изо дня в день охаивают многое из всего нашего прошлого, начиная с Октября. А Днепрогэс, Турксиб, Магнитогорск, Балхаш, Риддер — все это на свалку истории? Значит, наш труд, труд моего поколения — сплошная фикция? Нет, увольте! С этим я никогда не соглашусь.

На строительстве Коунрада многие тысячи рабочих, техников, инженеров трудились не щадя жизни. Балхашский гигант, несмотря на трудности, рос на глазах. Газеты, радио, агитаторы каждый день, каждый час говорят только об одном: страна на подъеме. Верили мы этому? Безусловно! Ведь в стране поднимались не мифические, а настоящие города, промышленные гиганты, наша авиация, летала "выше всех, быстрее всех, дальше всех"... И мы без тени сомнения верили Маяковскому: "Я знаю, город будет, я знаю, саду цвесть, когда такие люди в стране советской есть!". Каждый честный труженик мог отнести эти слова к себе, к своей работе, к своему городу.

Всеобщее образование, культурная революция, дворцы и санатории доя рабе— ис — ведь это все было, было. Когда к нам на стройку приходили чабаны и их дети в короткие сроки овладевали сложными специальностями, затем поступали в техникумы и вузы, а наши звезды на казахской декаде в Москве прославляли республику и им аплодировал сам Сталин,— кто мог в этой атмосфере всеобщего энтузиазма хотя бы на минуту допустить мысль, что мы строим "империю зла"?

У каждого строя, у любой политической системы есть свои врага и предатели. Были они, конечно, и у нас. Когда производились

аресты известных руководителей на стройке, то многие из нас, узнав об этом, находились почти в шоковом состоянии. Арестован Иванов. Сначала не верили: "Иванов?! Василий Ивнович?! Который штурмовал Зимний?**. Проходили дни, другие мысли появились: а вдруг... Вон ведь и Каменев, и Зиновьев с Бухариным за одним столом с Лениным сидели, а на суде признавались: да, мы враги.

У нас в Коунраде политических процессов не было. Ни одного. Аресты чекисты проводили, как правило, ночью. Приезжали на машине, увозили и — ни слуху, ни духу о нем. Был человек и нет его. Ни о каких ходатайствах, поручительствах, общественной защите и речи быть не могло. Я, например, лишь в 1955 году, будучи Председателем Совета Министров республики, узнал, что Иванова расстреляли в 1938 году. Вот так берегли свои тайны чекисты.

В результате необоснованных репрессий 1937-1938 годов Иванов, Степанов, Богатиков и ряд других руководителей уже не работали. Партийное руководство Балхаша тоже было заменено. К руководству стройки пришли новые люди. Но упорная борьба за медь продолжалась и спрашивали за все это крепко, а за любой провал в работе наказывали строго. Так случилось с Радищевым — новым начальником строительства. Он приехал из Горького, где был начальником "Про-мстроя". На Балхаше проработал несколько месяцев и его освободили как не справившегося. Произошли и другие кадровые изменения. Одновременно менялась и структура управления строительством. Настало время разграничить функции строительства и эксплуатации.

Более пятидесяти лет являюсь я членом партии. С первых шагов свою практическую работу я сверял с курсом и целями партийной организации рудника. Я искренне благодарен секретарю парткома, обоятельному человеку и принципиальному коммунисту Ильину, который дал мне рекомендацию для вступления в ряды партии. Слаженно и сплоченно работали мы с секретарями партийного комитета Копыловым, Нейманом, Юровским.

Мои самые теплые воспоминания связаны с комсомолом рудника. После приезда на рудник я сразу включился в активную комсомольскую работу, был избран членом комитета комсомола, а в марте 1937 года членом райкома комсомола. Комсомольцы, добросовестно выполняя свою основную работу на производстве, не ограничивались только этим. Помимо профессиональной подготовке молодых рабочих, технической учебы, я еще занимался (комсомольское поручение!) повышением уровня знаний пропагандистов.

Отдых, учеба, политические кружки молодых строителей — - всюду поспевали комсомольцы. Задора, клокочущей энергии — хоть

отбавляй. После работы занимались строительством и благоустройством горняцкого поселка, уделяли время спорту, художественной самодеятельности, проводили субботники и воскресники на решающих участках строительства. Скучать было некогда.

Когда я вспоминаю свою комсомольскую юность, мне кажется, что в отличии от дня сегодняшнего, работа велась активнее, живее и была намного интереснее. Никаких потасовок, пьянок; я, кстати, даже не помню, был ли в поселке милиционер? Нашим боевым комсомольским вожаком был Александр Булатов, а на всей площадке командовал Иван Волков. Огневые ребята!

Спустя много лет Волков вспоминал: "С полной уверенностью можно сказать, что ни один из гигантов первых пятилеток не создавался в таких трудных условиях, какие выпали на долю строителей Балхашского комбината".

После комсомольской работы Волков возглавлял дро-бильно-транспортный цех. Он руководил им в годы вой-ян, позже работал заместителем директора комбината по техническому снабжению и транспорту.

Может, это свойство юношеской памяти, но те дни в Коунраде были неповторимыми. Ни телевизоров, ни кафе, ни гастролей знаменитостей — ничего этого не было. И все равно дни катились не серыми буднями, а проходили ярко, празднично. Наверное, потому что в нашей жизни было много событий. И на работе, и в часы досуга. Как мы готовились, ждали и торопили тот мартовский день, когда первый эшелон с коунрадской рудой будет отправлен на обогатительную фабрику. Первый паровоз ЭМ 4880 доставил руду на фабрику и потом, отработав свое, застыл на пьедестале как символ трудовой доблести первых пятилеток.

Но не только победными реляциями были заполнены те дни. Нас и лихорадило, и графики срывались, ошибок и просчетов хватало и при планировании работ, и при эксплуатации техники. К нам частенько наезжали работники ЦК и члены правительства. По заданию Сер-го Орджоникидзе на комбинат приехал заместитель наркома тяжелой промышленности. А. П. Серебровский. Докладывать о делах в горном хозяйстве Коунрада поручили мне. Рассказывал я Серебровскому все как есть, без утайки и без прикрас. Он согласился с нашими выводами, 'что здесь создается надежная сырьевая база комбината, и он доложит в Москву, что медь Балхаша будет. Кроме теплых слов услышали мы, как водится в таких случаях, и острую критику. Предложил он усилить контроль и обеспечить своевременный ввод в эксплуатацию производственных объектов

увеличить темпы жилищно-культурного и бытового строительства в руднике.

Но, к сожалению, в те годы деньги и оборудование добывались в основном для тяжелой промышленности, а на объекты социально-бытового назначения средств выделялось явно недостаточно.

Вскоре нарком тяжелой промышленности принял решение о разделении "Прибалхашстроя" на два самостоятельные организации: Прибалхашский медеплавильный комбинат и трест *Ш* "Прибалхашстрой". Приближались сроки сдачи в эксплуатацию первой очереди медного гиганта. Начальником " Прибалхашстроя стал А. В. Курганов. Директором комбината *был* назначен И. И. Перцов — очень требовательный, смелый, высокой эрудиции коммунист, который подготовил многих высококлассных специалистов, главным образом из казахов. Он часто приглашал нас на задушевные беседы и за стаканом чая подсказывал нам, на что надо обратить внимание молодым инженерам, когда ты только становишься командиром на производстве. Он был мудрым наставником, и я с удовольствием поддерживал с ним связь, когда он ушел на пенсию и жил в Ленинграде. Я никогда не забывал ту школу, которую прошел под его руководством.

Тем временем стройка вступила в решающий этап. Широким фронтом велись работы на руднике, обогатительной фабрике, медеплавильном заводе, теплоэлектро-центре, транспорте, механической службе. Строился город Балхаш, поселок Коунрад и жизненно необходимые социально-культурные объекты. Усложнились задачи, менялись масштабы. Началось обновление, преображение облика полупустынного края. Я был принят в ряды партии, назначен главным инженером рудника, # практически до сентября 1939 года исполнял обязанности директора.

Перед горняками Коунрада стояли ответственные задачи, время требовало от нас каждодневного увеличения добычы руды. Буровики, взрывники, экскаваторщики, рабочие всех служб рудника развернули соревнование за овладение передовыми методами труда, на руднике работали сотни стахановцев и ударников труда. На комбинате рождался рабочий класс и техническая интеллигенция из коренного населения.

Главная сырьевая база завода — Коунрада становится крупным рудником страны. Работавший в это время в Советском Союзе американский инженер Жан-Дональд Говард писал: "Коунрад должен быть в десять раз крупнее любого рудника, подобного Колорадским, которые считались одними из самых больших рудников мира*'. Действительно, рудник расправил свои

богатырские плечи. На руднике начали работать самые лучшие для того времени буровые станки, мощные электрические экскаваторы УЗТМ, отечественные электровозы СО и другая мощная техника. Готовилась сдача железной дороги Балхаш — Ко-унрад, форсированно строилась шоссейная дорога, ряд объектов социально-бытового назначения.

Но сколько бы мы ни отдавали времени работе, изыскивая и подключая к делу резервы, рационализаторские идеи, поддерживая всевозможные почины, мы слышали всегда одно и то же: "Еще поднажмите, еще". Но того нет, этого мало, и где мог бы полезно трудиться один экскаватор, мы посылали туда десятки землекопов. А чем заменить вышедший из строя или где-то застрявший буровой станок? И снова в ход идут кирки, ломы, лопаты.

Ноша, возложенная на меня, была весьма тяжелой и ответственной. Но она могла бы стать и вовсе невыносимой, если бы не помощь и поддержка горкома партии, когда его секретарем работал Бондаренко, парткома рудника во главе с Ильиным, позже Юровским. В нужный момент советом и делом помогал директор комбината Иустин Иванович Перцев. В том, что рудник набрал силу, работал устойчиво, первостепенную роль сыграли в буровом цехе инженер Мусин, взрывном — Мустафин, экскаваторном — Королев, электродепо — Никифоров. Главным механиком работал $ Желябьев, главным энергетиком Абыскалов. На общерудничной конференции передовиков, где я выступал с докладом, приводилось много примеров, характеризующих труд рабочих. В моем личном архиве сохранился тот доклад. И вот я читаю: "ключник Губарев выполняет норму на 315 процентов, машинист экскаватора Кулиш — на 145, Вергунов — на 179, Сундетов— 146, Буков— 170, в транспортном цехе Горнов на 105 процентов, Латышев — 112%.

Вместе с рудником строился поселок: жилье, ясли, детсад, больница, клуб, теплоцентраль, магазины. Строительство объектов рудника вея В. И. Язев — выпускник Московского строительного техникума, талантливый организатор со своеобразным характером. Язев позднее стал управляющим трестом "Прибалхашстрой" Героем Социалистического Труда. Работал заместителем председателя Карагандинского облисполкома, затем ушел на пенсию.

Много сил мы положили на озеленение поселка. С этой работой успешно справлялся назначенный мною на эту должность Ткаченко, который днями и ночами занимался посадкой деревьев, кустарников,

любовно ухаживал за ними. Коунрад прямо на глазах превращался в оазис.

Как я уже писал, ход строительства комбината и сдача объектов в эксплуатацию строго контролировали ЦК КП(б) Казахстана и Карагандинский обком. Часто в Балхаш приезжали ответственные работники ЦК, посещали нас корреспонденты центральных и республиканских газет. В это время я познакомился с первым секретарем Карагандинского обкома партии Х. М. Пази-

ковым. С первых минут я почувствовал, что это опытный и знающий свое дело человек. Характерная деталь: в бытность свою инженером, а позже руководителем рудника, я практически не встречал среди крупных деятелей некомпетентных людей, верхоглядов, и оттого думаю, что каждый из них прошел большую школу жизни, имел надежную, подтвержденную на практической работе специальность. Способных организаторов замечали, выдвигали, и они в сравнительно молодые годы занимали ответственные посты. Так было и с Пазиковыте*

В тот свой приезд Пазиков вникал в наши проблемы, готовясь к предстоящему бюро обкома партии по проблемам Балхаша. И это еще одна примета времени, когда первый руководитель, что называется, самолично изучал положение дел на объектах и не по справкам и докладам подчиненных принимал решение, А исходил из собственных наблюдений и выводов. Поэтому, наверное, и высоко ценится в партии слово первого руководителя.

В это время комбинат был реорганизован и разделен на заводоуправление и рудоуправление. Директором заводоуправления был И. И.- Перцев, а я стал главным инженером и исполняющим обязанности директора рудоуправления.

Из тех лет наиболее памятным событием был вызов в союзный Совнарком, где рассматривались вопросы развития сырьевой базы медеплавильных заводов. Конечно, очень волновался, переживал — ведь впервые вызван в Кремль. Стрелки часов, казалось, не двигались, сидел, как на иголках. Наконец раздался долгожданный звонок. Нас, директоров рудников, к девяти часам вечера приглашали к Н. А. Булганину, заместителю председателя СНК СССР. Я был крайне удивлен тогда строгим пропускным режимом. До начала совещания надо было получить приглашение. В помещении, расположенном с левой стороны Спасских ворот, выписывали пропуск. Офицер, выдающий документ, спросил: "По какому вопросу и к кому идете? Есть ли оружие?".

— К товарищу Булганину. Оружия нет,— ответил я.

— Предъявите паспорт.

Я предъявил. Офицер внимательно смотрел то на меня, то на фото, наклеенное в паспорте. Потом выписал пропуск. Такую же процедуру проверки произвели с нами перед входом в Кремль, у ворот, с правой сто-

роны башни. Когда я прошел вдоль Кремлевской стены и вошел в здание Совнаркома, мой пропуск проверили еще раз. Ну все, думаю, ан нет. Процедура проверки и легкий допрос повторились, когда я поднимался на этаж, чтобы пройти в приемную Булганина. В

общем, я прошел пять проверок, предъявляя пропуск и паспорт. "А если бы к товарищу Сталину?"— мелькнула мысль.

После совещания дежурный в приемной сделал на пропуске пометку с указанием времени, и я, не задумываясь, вышел из Кремля. Ну, теперь о самом совещании. Тут были нарком недавно организованного наркомата цветной металлургии А. М. Самохвалов, его первый заместитель П. Я. Антропов. Совещание вел Булганин, участвовал Г. М. Маленков и первый секретарь ЦК КПК Н. А. Скворцов, которого я знал тогда только по печати.

Вдруг слышу свою фамилию, встаю. Булганин говорит: "Покажите на карте, где находится завод и рудник". Показываю, докладываю обстановку и, как принято в больших кабинетах, жалуюсь на острую нехватку горнодобывающей техники. Булганин сказал: "Вы очень много просите техники, надо ли столько?" Я объяснил, что это необходимо для технологического процесса добычи руд. Видимо, я много раз повторил слово "процесс". Маленков бросил реплику: "Процесс будет, если сорвете строительство". Я сразу понял, на что он намекает, но не растерялся, повторил свою просьбу. Справедливости ради отмечу, что после этого совещания рудник получил огромную помощь, включая и средства для улучшения бытового обеспечения трудящихся.

После встречи у Булганина я видел Маленкова на пленуме ЦК в 1958 году, когда рассматривался вопрос об антипартийной группе. Он выглядел тогда, сильно угнетенным и мрачным. После пленума он был назначен министром энергетики. Я побывал у него на приеме, и мы обстоятельно поговорили об улучшении работы электростанций и ввода новых мощностей в республике. Последующие назначения Маленкова директором Усть-Каменогорской ГРЭС, а потом директором Экиба-стузской ТЭЦ проходили по указаниям из Москвы, без согласия ЦК КПК.

Вернусь к совещанию в Кремле. На другой день в гостиницу, где я жил, позвонил постпред Казахстана и сказал, чтобы я приехал в Трубниковский переулок,

41 дом 10, в представительство. Предупредили, что вызывает Н. А. Скворцов. Прислали за мной машину, и я поехал к Скворцову. Здесь мы и познакомились. Если бы о нашей встрече написали газеты, то они сообщили бы, что "встреча прошла при полном взаимопонимании". Я ушел от Николая Александровича восхищенным его эрудицией, дальновидностью, тактом. Он отлично знал экономику и людей Казхстана, продолжительное время работал первым секретарем ЦК КПК и, без

сомнения, очень много сделал для развития республики, особенно в период войны. Важна его роль в воспитании и росте национальных кадров, самую добрую память он оставил о своих делах в Казахстане.

После приезда из Москвы я рассказал об увиденном и услышанном руководителям цехов, сообщил секретарю горкома В. И. Бондаренко, чтобы Балхаш (по словам Скворцова) готовился к отчету на бюро ЦК. Действительно, через неделю партийные и мы, хозяйственные руководители, отбыли на бюро ЦК, в Алматы.

Здесь хотелось бы порассуждать о пользе, а порой и бесполезности такого рода совещаний, заседаний, бюро. Мне, в ту пору еще молодому руководителю, они, бесспорно, помогали. Во-первых, заставляли мобилизовы-вать все силы на вверенном мне участке работы. Во-вторых, бессчетное количество раз анализировать ситуацию на руднике. В-третьих, мы неустанно охотились за новинками в нашей отрасли по отечественной и зарубежной литературе с тем, чтобы не выглядеть некомпетентными на столь ответственном совещании. В-четвертых, готовясь к отчету, мы знали, что идем на встречу с умными и опытными профессионалами, которые не меньше нас заинтересованы в успешном ведении дела. В-пятых, обстановка в стране, подозрительность и неправые дела, вершившиеся в обществе, приучили нас к жесточайшей дисциплине. Расхлябанность, разгильдяйство вполне могли посчитать за саботаж со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да, атмосфера была тревожной, опасной. Но мы ведь другой не знали, и поэтому жили и трудились по тем законам, которое создало и привило нам общество.

К слову сказать, ни единого случая саботажа или явного вредительства я припомнить не могу. А ведь и заключенных у нас было немало. Но работали, как говорят, не за страх, а за совесть. Мы, в подавляющем большинстве, работали "за совесть", хотя и чувство страха было знакомо. Провалил работу — партбилет на стол, и дальнейшая судьба как в тумане.

У нас еще будет возможность порассуждать на эту тему, а в данный момент я бы хотел ограничиться тем, что в моей судьбе на бюро, коллегии и т. д. сыграли немаловажную положительную роль. Мне есть что сказать в-шестых и в-седьмых — и все со знаком плюс. Ну, а бесполезность заседаний очевидна, если их проводят малокомпетентные люди, для "галочки". И такое, увы, случалось.

Бюро ЦК, которое вел Скворцов, прошло на высоком профессиональном уровне. На многое нам раскрыли глаза, была и взбучка, была и конкретная помощь. Решение бюро буквально всколыхнуло рабочих Балхаша, дела пошли увереннее и успешнее...

Я получил первый трудовой отпуск. Отдыхал в Ал-маты, жил у старшей сестры Амины Ахмедовны на улице Карла Маркса, 34. Родители жили на Куртинской улице в западной части города.

В это время в Чимкенте работал мой близкий товарищ Масгуд Бакаев. Я написал ему письмо, намекнул:— приезжай, мол,— мы с Бакаевым в один день защищали диплом, а позднее — и снова в один день — кандидатские диссертации. Бакаев ответил мне очень быстро, а в конверте лежало другое письмо, которое он просил вручить хорошей знакомой его жены — Зухре Ялымовой, проживающей на Фурманова, 125. В то время она работала бухгалтером в Наркомате совхозов. Я отправился по этому адресу, вручил письмо и познакомился с Зухрой. Она была очень привлекательной, начитанной, развитой и серьезной девушкой. Она понравилась мне с первого взгляда, и я сказал ей об этом. Мы встречались почти каждый вечер, бродили по улицам города, ходили в кино, прослушали весь репертуар гастролирующей в Алматы Свердловской оперетты, которая выступала в Летнем театре, находившемся на углу улиц Карла Маркса и Советской (ныне Казбек би). Наша дружба с каждым днем укреплялась, когда я уехал в Коунрад, мы с Зухрой регулярно переписывались.

Отпускное время кончилось, и я вернулся на рудник. Началась наша повседневная беспокойная жизнь. Важные события той поры: получение первого концентрата из

руд Коунрада в апреле 1938 года, а в мае — первого штейна. В конце ноября на рудник поступила приятная весть о том, что 24 ноября 1938 года металлурги выплавили первую балхашскую медь. Этот день считается началом производства меди на Балхаше. Первый слиток находится в Москве, в музее Революции.

Судя по всему, в Москве с энтузиазмом восприняли эту новость, Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу рабочих и инженерно-технических работников орденами и медалями. Я был удостоен медали "За трудовое отличие". Это была моя первая награда. В июле 1939 года все награжденные были приглашены в Москву, в знаменитый Свердловский зал Кремля. Награды вручал М. И. Калинин. Атмосфера в зале царила торжественная, приподнятая.

— Кто-нибудь хочет выступить?— спросил Калинин.

— Мен!— крикнул взволнованный металлург из Чимкента и устремился к трибуне. "Мен"— по казахски означает "я", но об одном забыл мой земляк: Калинин не знал казахского языка, однако слушал очень внимательно и согласно кивал головой. Потом сказал:

— Хотелось бы услышать перевод.

Я сидел в первом ряду. Услышав просьбу Калинина, я встал, подошел к столу и перевел горячую речь металлурга. Балхашцы сфотографировались с Михаилом Ивановичем. Он шутя заметил: "Вас, оказывается, много, а меди даете пока мало". Когда фотографировались, он усадил меня рядом с собой.

А как нас встречали дома! С оркестром, с цветами. На вокзале состоялся митинг, на котором все выступившие призывали горняков к новым производственным успехам и победам. Слова вроде бы. Но они доходили до сердца. И в ответ на награждение рудник заработал еще лучше...

Наступил сентябрь 1939 года. Я получил указание выехать в Алматы в распоряжение ЦК. Директором рудника назначили переведенного с Урала Александра Васильевича Бутенко. Я отдал ему дела. Вечером вместе с инженером Мусиным поднялись на самую высокую точку Коунрада, погрустили, повспоминали о делах наших и чуточку возгордились, зная» что мы строили один из крупнейших рудников в мире. Мы стояли молча, слушая, как на горизонтах рычат экскаваторы, зачерпывающие ковшом руду, густую дробь буровых

станков, свистки паровозов, вывозящих руду, перекличку карьерных электровозов. Я привык к этим безалаберным производственным шумам, они как бы подтверждали, что идет нормальный рабочий ритм. Мне было грустно прощаться с инженерами, рабочими, которые навсегда

оставались моими хорошими товарищами. С сожалением расставался с карьером, где каждый уступ, каждая траншея стали моими инженерными заботами, воплощением нелегкого труда. Я был одним из участников возникновения этого рудника-гиганта, все здесь для меня было дорого, здесь начиналась моя инженерная работа. Трудные это были годы, но светлые. Их суровая явь была овеяна комсомольской романтикой, революционным, боевым и трудовым примером наших отцов и старших братьев. И я убежден: кто был участником событий тех незабываемых лет, поднимал промышленные гиганты страны, крепил ее оборону, не жалел для общего дела ничего — тот навсегда остался молод душой.

В конце сентября 1939 года я вылетел из Балхаша в Алматы в распоряжение Центрального комитета КП(б) Казахстана. Встретился с Скворцовым. Он подробно расспросил о делах в Балхаше — Коунраде вспомнил нашу московскую встречу после приема у Булганина, а я, откровенно говоря, ждал от него главных слов: какую работу мне предложат? Скворцов встал из-за стола, подошел к окну и сказал, что рудники Риддерского полиметаллического комбината находятся в глубоком прорыве. Планы трещат по всем швам, и это очень беспокоит ЦК. Для улучшения руководства промышленными предприятиями, сказал он далее, организован комбинат "Алтайполиметалл". Комбинату подчинены все предприятия цветной металлургии Рудного Алтая. В связи с этим упраздняется Риддерский комбинат, вместо комбината будут: Риддерское рудоуправление и заводоуправление. ЦК рекомендует вас директором рудоуправления, как вы на это смотрите?— спросил он.

Не раздумывая долго, я согласился. Скворцов высказывал ряд практических предложений, на что надо обратить особое внимание. Я поблагодарил за доверие, пообещал принять строгие меры, приложить все силы — ну, словом, сказал все, что полагается говорить в подобных случаях. И еще одну новость услышал я в этом кабинете:

— Мы решили,— объявил вервый секретарь,— организовать Восточно-Казахстанскую область с центром в Усть-Каменогорске и Семипалатинскую область. Официально это будет объявлено числа 20 октября.

При следующей нашей встрече, а состоялась она 17 октября, Скворцов сообщил, что реорганизация комбината Риддера на небольшой срок задерживается. Тем не менее он порекомендовал

выехать в Усть-Каменогорск, где размещался комбинат "Алтайполиметалл" и работать заместителем главного инженера и начальником технического отдела комбината.

В этот вечер я встретился с Зухрой. Она жила по тому же адресу у дяди Тарифа Шариповича. Рассказал ей, что буду работать теперь в Риддере.

— Как ты смотришь, Зухра,— сказал я,— если в Риддер мы поедем вместе?

Это было признание в любви и предложение Зухре стать моей женой. Она согласилась, и это были самые счастливые дни моей жизни.

Я благодарю судьбу, что соединила мою жизнь с любимым, чутким, внимательным и обаятельным человеком. Наша веселая свадьба состоялась 18 октября на квартире у моей старшей сестры Амины Ахмедовны. Нашими гостями были мои товарищи по институту, преподаватели Казахского горно-металлургического института, инженеры Жаксыбаев, Кравченко, давний мой знакомый Арыков, дядя Зухры Тариф Шарипович с молодой женой. Гостями нашей свадьбы были и мои сестры...

РИДДЕР — ЛЕНИНОГОРСК

23 октября 1939 года мы с женой Зухрой Шариповной выехали в Усть-Каменогорск. Там нас встретил мой товарищ по институту Султанкулов, работавший заместителем директора комбината "Алтайполи-металл". Он предложил нам поселиться в его квартире, и мы согласились. Недолгая работа на комбинате дала мне очень много. Я изучил работу многих предприятий. Удалось не раз побывать в Зыряновске, Белоусовском рудоуправлении, Глубоком, Риддере и других местах. Реорганизация комбината задерживалась. А аппаратная работа мне, признаюсь, наскучила, и я обратился в обком к первому секретарю Федору Зиновьевичу Рванцеву с просьбой направить меня на производство. Просьбу мою удовлетворили и назначили директором Риддерского рудника. Так, с 9 ноября я начал работать уже в Рид-дере. С предприятиями Риддера я был знаком со студенческих лет: в 1934 году проходил здесь практику. Долго мы тогда, помню, добирались до Риддера. В Семипалатинск приехали железной дорогой, а дальше — по Иртышу на пароходе "Лобков" плыли до Усть-Каменогорска. Стоянки были долгими, там, где останавливался пароход, поселковые женщины продавали разную снедь: молоко, сметану, яйца,

жареное мясо... Иртыш был главной транспортной артерией для перевозки пассажиров и грузов. А сам Усть-Каменогорск представлял из себя маленький неблагоустроенный городок, раскинувшийся между двух рек. От Усть-Каменогорска до Риддера была построена узкоколейка. По ней доставлялись необходимые материалы для комбината и вывозилась готовая продукция — концентраты на пристань. Узкоколейка шла вдоль реки Ульба, пересекая красивые предгорья и долины с хвойными смешанными лесами и сосновым бором.

По приезде мы обратились к заместителю директора по общим вопросам Мадалееву. В годы первой пятилетки он был первым секретарем райкома ВКП(б) Казмедъстроя, а теперь, как сказал он, судьба перебросила его в Риддер. Разместили нас в общежитии, расположенном на окраине города, в юго-западной части. Тогда директором комбината были видный руководитель того времени — Духанов, главным инженером был Капустин, капитальными работами руководил инженер Мартынов. Все названные товарищи были видными инженерами, хорошими организаторами, много сделавшими для промышленного Риддера, занимавшего и тогда еще видное место в производстве цветных и благородных металлов в стране.

На руднике нам, практикантам, пришлось поработать и забойщиками, крепильщиками, откатчиками. Хорошо узнали мы тогда труд шахтера-горняка.

Мартынов, руководивший капитальными работами, предложил нам провести инвентаризацию труб, установить, сколько километров воздухопроводных труб проложено на рудник. Мы с огромным желанием взялись за дело. Прошли с рулеткой все, в том числе погашенные горизонты, и дали точные данные по воздуховодам рудника. Сработали мы, судя по всему, профессионально, потому что получили благодарность от руководства рудника и, что немаловажно для студентов, нам хорошо заплатили.

Во время практики я познакомился с известным геологом не только Риддера, но и всего Рудного Алтая — П. П. Буровым. Он очень увлеченно рассказывал о Риддерском месторождении и, надо отдать ему должное, его прогноз о развитии этого региона полностью оправдался.

Богата и интересна история Риддера. Историю Рид-дера надо рассматривать как начало возникновения горно-добывающих предприятий и производства b цветных металлов казахстанской части Алтая. Это было время Петра I, царицы Елизаветы Петровны, известного горнозаводчика Демидова.

В 1786 году Екатерина II издает указ о поиске "всякого рода камней и минералов полезных". Выполняя волю императрицы, из Барнаула в верховья рек Кату-ни, Убы и Ульбы направилось несколько поисковых партий. Поисковая партия, возглавляемая горным офицером Филиппом Риддером, в том же 1786 году открывает многообещающее месторождение. Местрождению была дана фамилия первооткрывателя, а заодно и речку назвали его именем. В 1791 году было открыто Зыря-новское месторождение, в 1797— Белоусовское. На Рид-дерском месторождении горные работы начались в 1791 году. Историки пишут, что Риддер для увеличения добычи руды ввел шпуровое бурение. Отбойку руды производили порохом. Ввел трехсменную работу. Носилки заменил тачками. Для откачки воды применял ручные насосы. Риддерский рудник явился своеобразным центром для открытия и разработки других рудных месторождений, расположенных в этом районе: в 1812 году — Крюковского, в 1817 году — Филипповского и в 1820 году — Сокольного месторождения. Известно, что горнозаводчик А. Демидов развернул активную работу на Алтае по добыче и переработке руд, главным образом для извлечения благородных металлов. Но до территории нынешнего Восточного Казахстана добраться не смог. В 1745 году Демидов умер, а спустя два года его алтайские заводы и рудники были отобраны у его наследников и переданы императрице Елизавете Петровне. В 1764 году Екатерина II собственноручно написала, что алтайские рудники и заводы есть ее вотчина, а она их помещица. В эту вотчину входили нынешний Восточный Казахстан, Кемеровская, Новосибирская, часть Томской области и Алтайский край. Вплоть до Октябрьской революции вся вотчина с бесценными недрами являлась собственностью императорского двора и управлялась кабинетом. Доходы поступили в личную казну императора.

В конце XIX и в начале XX века кабинет начал сдавать месторождения в концессию иностранным капиталистам. В 1908 году месторождение отдается в концессию Австрийской компании сроком на 30 лет. В 1911 году этот контракт был аннулирован и до 1914 года месторождение эксплуатировалась Российским обществом во главе с Федоровым и лейтенантом Романовым. В 1914 году месторождение Риддерское было передано в концессию английскому миллионеру, крупному дельцу, организатору кооперации в Казахстане Лесли Уркварту. 11 мая 1918 года постановлением Совнаркома, подписанным В. И. Лениным, все предприятия Риддера были национализированы и перешли в руки советского государства.

Риддерские предприятия — первооснова развития цветной металлургии в Казахстане. Здесь впервые были построены свинцовый завод и Харузовская ГЭС. Первым красным директором был Р. А. Дрейман, назначенный Лениным. Вместе с Дрейманом здесь плодотворно работали инженеры И. В. Державин и В. А. Врублевский. Зыряновский и Иртышский регионы вплоть до 1930 года были в концессии английской компании "Лене Гольдфильдс", и поэтому их развитие сдерживалось. ЦК нашей партии в своем решении от 15 августа 1931 года указал "обратить особое внимание на развитие Алтайского полиметаллического региона на базе месторождений Риддера, Глубоковского, Зыряновского, Белоусовского ".

В решениях 16 съезда ВКП(б) отмечено: "Строительство заводов цветной металлургии на Урале, в Казахстане и Сибирн является задачами первостепенной важности". Эти строки из партийного документа явились руководством к действию для всех заинтересованных ведомств и инстанций. Особое значение имела конференция, проведенная Академией наук СССР. Она проходила в Москве 10-15 ноября 1934 года и досконально вникала в проблемы природных ресурсов Рудного Алтая.

Конечно, я "от корки до корки" проштудировал все эти материалы и, приехав в Риддер, довольно ясно

представлял те задачи, которые мне предстоит решать на руднике.

Когда мы с Зухрой Шариповной приехали в Риддер, у нас не было ни квартиры и никакого-либо домашнего имущества. Нам предоставили двухкомнатный номер в гостинице "Алтай". В декабре мы переехали на квартиру. Наш четырехквартирный дом находился на Береговой улице. Квартира наша была маленькая, но очень уютная, на двух уровнях. Мы заняли две комнаты на втором этаже, а внизу, в одной комнате жил участковый механик Зубарев. Нашими соседями были секретарь горкома, директор соседнего рудника и начальник горнотехнической инспекции.

Хозяйственное управление предприятия во временное пользование предоставило нам кровать, стол и несколько стульев. В небольшом дворике дома весной Зухра Ша-риповна занялась огородничеством. На подъемные деньги мы купили корову и необходимый садовый и кухонный инвентарь. У нас появились свои овощи, молоко и масло. Квартира была удобна еще тем, что из окна был виден копер Григорьевской шахты. Сидя дома, по движению и вращению шкивов на копре можно было наблюдать, как идет добыча. Любой сбой на шахте или "ЧП", и я безо всяких гонцов появлялся на месте происшествия.

Работа моя в качестве директора Риддерского рудника началась с того, что я познакомился со своими заместителями, главным инженером рудника, специалистами. Картина на руднике сложилась безрадостная: хромал рудник на обе ноги. План добычи не выполнялся, верхние горизонты почти были отработаны, о стабильной работе приходилось пока только мечтать. Основная задача нашего и Сокольного рудников заключалась в том, чтобы подготовить к пуску строящуюся обогатительную фабрику и сполна обеспечить ее рудой. А руды-то как раз добывалось мало. Непростительно мало.

Приближался 1940-й год. На западе шла война, у наших границ собирались немецкие полчища. И хотя с Германией был заключен пакт о ненападении и даже договор о дружбе и границах, мы знали, что война неизбежна. Вот только — когда? Страна в открытую переходила на военные рельсы. На производстве резко ужесточилась дисциплина. Понятно, что в этих условиях

5 О рост производства свинца, цинка, других металлов приобретал особой значение.

На руднике надо было провести ряд организационных и технических мероприятий с таким расчетом, чтобы с первых дней нового года составленные мероприятия были многогранными,

охватывающими все стороны жизни рудника. Ставилась задача полностью использовать выявленные резервы и возможности. Разработанные технические меры мы обсудили на совещании начальников участков и смен, на собрании рабочих посменно, где ясно было указано, кто за что отвечает. Вместе с секретарем парткома рудника Фадеевым внесли на рассмотрение общего собрания коммунистов наши мероприятия. Было решено вывести из прорыва все участки шахты.

С первого января рудник начал выполнять план. Развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана горно-капитальных работ, добычи руды, повышения производительности труда, за внедрение новых методов труда. Внедрение предложений инженеров Гришина, Леднева, Галченкова, Черемушенцева, разработанных с моим участием, дали положительные результаты. Увеличилось количество одновременно работающих забоев, сократилось расстояние перекидки руды от забоя до рудоспуска, по строгому графику производились выемки-секции. В крепких рудах выемка слоев шла снизу вверх, а в слабых — наоборот, работа производилась под закрепленным верхним слоем. Но это технические детали вряд ли интересны широкому читателю. И все-таки как не вспомнить инженера Астрахан-цева, занимавшегося внедрением победита при бурении, что позволило в 9-10 раз сократить комплекты буров. На руднике было много рабочих, умельцев своего дела. Имена знатных шахтеров, стахановцев были известны республике еще в середине 30-х годов. Это бурильщики Б ил ял Ихлясов, Аскар Насыров. Мы начали широко применять и распространять опыт знатного передовика шахты имени Ильича Криворожского бассейна Семиво-лоса и его последователя на Урале Янкина. Инженерная мысль, помноженная на рабочую смекалку и ударный труд горняков, позволили в кратчайшие сроки внедрить многозабойное и многоперфораторное бурение. Метод скоростного бурения нашел широкое распространение среди горняков обоих рудников Риддера. Первыми, кто

 работал по методу Семи волоса — Янкина, были Георгий Янкин, Василий Ноздрачев, Балпан Тайжанов, Ахметга-ли Ахметжанов, Василий Ларкин, братья Петр и Георгий Нефедовы, Василий Скосырев, Василий Слабуха и другие. Производительность труда на ряде участков по* высилась в 3-4 раза, Хайдин, например, выполнял норму в отдельные смены на 500 процентов, и он гордился, что за такую рекордную выработку получил поздравительную телеграмму от первого секретаря ЦК КПК Скворцова. Знатные

бурильщики Тайжанов и Сарманов систематически выполняли норму на 250-280 процентов. Бурильщик Ноздрачев, готовя встречу 18-й партийной конференции, двумя телескопными перфораторами в одну смену обурил всю секцию в 55 квадратных метров, выполнив норму на 1000 процентов. Новые методы добычи дали толчок механизации работы по уборке руды и закладки. Заканчивались работы по перевозке руды электротягой. Умением придать огня соревнованию отличались коммунисты. Добрым словом я вспоминаю секретаря парткома рудника Фадеева, председателя рудничной профсоюзной организации Кожемяко, которого я знал еще по совместной работе на Коунраде.

Следует отметить, что особенность горных работ состоит в том, что рабочее место — забой — постоянно находится в движении, ежечасно меняется обстановка и для того, чтобы оперативно управлять производством, надо владеть полной информацией. В одном забое появилось, например, повышенное давление, в другом — брак взрывных работ, а третьем — непредвиденное обрушение, все это требует сиюминутного вмешательства и решения от начальников участка. Словом, забот у них хоть отбавляй. И до всего им есть дело: и как подготовлено рабочее место, и есть ли материал, и какой настрой у смены, и десятки прочих забот. В этой беспрерывной "буче кипучей" варились начальники участков, подчиненные им горные мастера, которых тогда называли штейгерами, механики участка, маркшейдеры, геологическая служба. Цель у всех одна: дать план. Любой ценой. Никакие ссылки на субъективные и объективные причины в расчет не принимались. Дал план, значит, рудник сработал правильно, нет — ответишь должностью, партийным билетом. Предвоенный год завершили с хорошими показателями, и мы получили от наркома Петра Фадеевича Ломако приветствие и переходящее Красное знамя с денежной премией. Такие знаки внимания для горняков становились праздниками.

Однако не следует представлять нас некими бездуховными механизмами-роботами, рабскими придатками огромной индустрии, ею же забытыми и задавленными. Нет и еще раз нет. Все мы жили интенсивной духовной жизнью, озаренной великим смыслом созидания. Ущербными себя не чувствовал никто. Нытиков не было. Вот тоща-то — и это самоочевидно — складывались у нас на всю жизнь художественные вкусы, симпатии да и антипатии тоже. Помимо своих увлечений песнями, музыкой, самодеятельным театром, занятиями в оборонных кружках, все мы старались находить время и для чтения, причем, не поверхностно-газетного, а серьезного. И не надо думать, что все мы только и знали, что штудировали "Краткий курс истории

ВКП(б)", хором громко читали. Демьяна Бедного и стихи Маяковского. Знали и любили, например, поэзию Фета, Тютчева, Некрасова, Есенина, Джека Алтаузена, многих переводных западных писателей издания авторов-эмигрантов. Тогда еще не было жесткого пресса цензуры. Книжный ассортимент поражал богатством. Библиотечные экземпляры зачитывали в буквальном смысле до дыр, горячо спорили о прочитанном. Ничуть не опасаясь упреков в старомодности, скажу, что до сих пор предпочитаю серьезное чтение любым другим, как говорится, синтетическим видам самообразования и досуга. Ведь лучше хорошей умной книги — я никому не навязываю своего мнения — человечество пока еще ничего не придумало, даже если у него давно в ходу самые разнообразные "отехничейные" способы духовного усовершенствования.

В Риддер часто приезжали руководители ЦК КП(б) Казахстана и обкома, Министерства цветной металлургии. В год два-три раза бывал у нас секретарь обкома Рванцев — инженер-металлург, старый мой знакомый (он раньше окончил институт, где я учился). Рванцев был очень популярным и активным секретарем обкома. Все они были грамотными, эрудированными л юдьми и того же требовали от нас. Однажды Рванцев приехал, сопровождая Жумабая Шаяхметова — второго секретаря ЦК. Шаяхметова я знал по газетам, но лично знаком не был. Шаяхметова и Рванцева я встретил на руднике. Как водится, пригласил гостей в забой, чтобы познакомять с методами работы передовых горняков рудника. Мы спустились на девятый горизонт рудника, где работал известный бурильщик-новатор Тайжанов. Хорошо зная буровую технику, он показал методы многоперфо-раторного и мокрого бурения. Любопытная деталь: Тай-жанов был высококлассным рабочим, мастером своего дела, долгие годы работал на шахте, но ни слова не знал по-русски. Рабочие подшучивали над ним, поскольку у него жена была русская. Подтрунивали: как, мол, ты объясняешься с ней, на пальцах?

Шаяхметов поблагодарил Тайжанова за хорошую работу и пожелал новых успехов. После ознакомления с рудником Шаяхметов собрал руководителей предприятий города в горкоме партии и сказал им добрые слова за труд, за предоставленную возможность ознакомиться с работой промышленных предприятий. Оказалось, что он был в Риддере первый раз. Шаяхметов пожелал нам с хорошими результатами встретить 20-летие образования Казахской республики.

Неожиданной была встреча в Риддере с Мухтаром Ауэзовым. Я не был с ним знаком, но хорошо знал его как крупного писателя, драматурга и ученого. Ауэзов-скую пьесу "Каракоз" я смотрел еще будучи учеником 14-й школы города Алматы. Хорошо помню, что роль Каракоз исполняла замечательная актриса Зухра Атабае-ва, к сожалению, рано сошедшая со сцены, Срыма играл известный артист,

муж Атабаевой — К. Джандарбеков. С. Ауэзовым я познакомился на руднике. В этот день я вел прием по личным вопросом. И тут мне передали, что со мной хочет встретиться "какой-то Ауэзов". Я тут же вышел, чтобы пригласить его в кабинет. Он сидел среди посетителей и о чем-то оживленно беседовал с ними. Он был в рабочей одежде, сапогах.

С писателем мы проговорили не один час. Его интересовала история Риддера, деятельность первых хозяйственных руководителей, жизнь горняков после ухода концессионеров. Его интересовали биографии рабочих, проблемы рудников — да и о многом другом говорили мы тогда с Мухтаром Омархановичем.

В последние годы я часто встречался с Ауэзовым и все забывал спросить его, что он написал тогда о Рид-дере и его людях. Быть может, все это легло в его писательскую "копилку" и позволило ему зорче и увереннее понять ту непростую жизнь.

Как бы то ни было, вскоре республика отметила 20-летний юбилей, где я участвовал как представитель трудящихся Риддера. Торжественное собрание проходило в Алматы в Доме культуры, где сейчас после капитального ремонта разместился Центральный концертный зал (долгое время там была студия "Казахфильм").

После возвращения с торжеств началась новая кампания — подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Нашему коллективу, как передовому предприятию республики, разрешили выдвинуть кандидатов в депутаты. Нам посоветовали в горкоме выдвинуть кандидатом в депутаты первого секретаря ЦК Скворцова и он дал согласие баллотироваться по нашему округу. На встречу с избирателями Скворцов приехал с солидной свитой. Его сопровождали: Рванцев, нарком госбезопасности Бабкин, ответственные работники ЦК и обкома, нарком внутренних дел Богданов, редактор "Казахстанской правды" Нефедов, группа корреспондентов республиканских и областных газет. Вместе с секретарем парткома Фадеевым я встретил Скворцова в парткоме. Скворцов спросил меня, как я себя чувствую на Алтае после жаркого Балхаша. Не дожидаясь моего ответа, обращаясь ко всем, во всеуслышание сказал: "ЦК не ошибся, направляя Кунаева на работу в Риддер". В ответ я поблагодарил его за добрые слова.

Встреча с кандидатом в депутаты проходила в клубе рудника. Зал, вмещающий свыше трехсот человек, был переполнен. Свою роль тут, конечно, сыграли и агитационная работа, и личность первого секретаря, и небывалая свита, и желание увидеть и услышать человека, который близок к Кремлю. Выступление Скворцова не было—парадным: говорил он толково, по делу, и, что поражало, он до тонкостей знал технологию добычи и обогащения руд, плавки и выпуска металла. А вечером состоялось расширение заседание бюро горкома партии. Как водится, сначала выступили

мы, производственники (поменьше об успехах, побольше о проблемах и болячках) , затем слово взял Скворцов. Он умел глубоко понимать и анализировать ситуацию, поддерживать перспективные идеи и с порога отметать нереальные притязания... В тот свой приезд он во многом помог Риддеру и как будущий депутат и как секретарь ЦК. И еще запомнилось: он призывал резко улучшить социально-бытовые условия трудящихся Риддера. Приезд Скворцова в Риддер» встречи с горняками, обогатителями, металлургами, строителями, партийными активом, его мобилизующие выступления имели большое значение для улучшения работы промышленности Рудного Алтая.

К концу 1940 года закончилась реорганизация Рид-дерского полиметаллического комбината. Риддерскому рудоуправлению подчинили рудники, обогатительные фабрики и другие производства. Были созданы Риддер-ское заводоуправление и Риддерское энергоуправление. Приказом наркома цветной металлургии под самый Новый год я был назначен директором рудоуправления, директором заводоуправления — В. Л. Немешаев и директором энергоуправления — И. Е. Клименко.

Признаюсь, жалко было расставаться с замечательным коллективом* Никакого желания переходить на другую работу не было. Рудник был передовым предприятием в цветной металлургии страны и занимал почетное место в отрасли. Будь моя воля, другой судьбы себе я бы не желал. Но мне как коммунисту предлагалась новая ответственная работа, и я не имел права отказаться, Знал, дел будет невпроворот, но работа есть работа. Перед горняками и обогатителями стояли сверхсложные задачи, основной объем выпуска цветных металлов и прирост его на комбинате "Алтайполиметалл" приходились на предприятия Риддерского-Сокольного месторождения. А это значит, строить, увеличивать, наращивать.

Обстановка требовала оперативно и быстро наладить нормальную и взаимосвязанную работу между рудниками, обогатительной фабрикой, внутризаводским транспортом. И в придачу тысяча других крупных и малых проблем. Главным инженером был назначен Денис Алексеевич Бабич. Он имел основательную профессиональную подготовку. Долгое время работал в "Севкавказполиме-талле". Орджоникидзе премировал его легковой машиной и поездкой в США для ознакомления с опытом металлургических предприятий. С Бабичем работать было легко, к нему я много раз обращался, когда работал еще на руднике, и всегда получил добрые советы. Его богатый опыт, уравновешенный характер создавали деловую, творческую обстановку. С первых моих дней в рудоуправлении я чувствовал его поддержку и очень сожалел, когда он был переведен в Москву. Директором Риддерского рудника был назначен инженер Г. Сыразут-динов, работавший моим заместителем — главным ин-

женером рудника. Директором Сокольного рудника был назначен инженер Степанищев. Главным механиком начал работать Азбель. Директором фабрики работал инженер А. П. Кутепов, главным инженером фабрики — Я. Д. Пиченюк. Командный состав рудоуправления работал дружно и организованно. Предприятия стали работать ритмично: выполнялись планы добычи руды, ее переработки на фабрике, по графику выпускались концентраты.

6 февраля 1941 года Риддер был переименован в Лениногорск. 21-22 мая в Лениногорске состоялась совещание партийного, хозяйственного актива, стахановцев предприятий цветной металлургии Рудного Алтая. С докладами об итогах работы и задачах в свете решений 18-й партийной конференции выступил директор Бело-усовского рудоуправления Петров, главный инженер Ле-ниногорского свинцового завода Симаков, управляющий трестом "Алтайзолото" Чернов, директор Иртышского медеплавильного завода Петухов и я. На совещании были подвергнуты острой критике руководители отстающих цехов и предприятий, Главцинксвинец и Наркомат цветной металлургии. Подводя итоги совещания, заместитель наркома Антропов критику Наркомата признал правильной и поставил перед нами более ответственные задачи. Это совещание сыграло большую роль в выполнении установок и директив 18-й партийной конференции.

В конце мая 1941 года главный инженер рудоуправления Бабич был переведен на работу в Москву, в техническое управление Наркомцветмета. Главным инженером рудоуправления назначили Д. Вербицкого, работавшего главным инженером комбината "Ачполиме-талл", а до этого он работал в Москве, в институте, где я учился. Вместе с Вербицким начали рассматривать и решать накопившиеся вопросы, связанные с созданием нормальных условий работы основных предприятий — рудников и обогатительных фабрик. Главная задача была — увеличение, объема добычи руды, с учетом большого отставания Сокольного рудника и улучшение всех качественных показателей. Обогащение руд, их переработка и получение качественных концентратов не вызывало большого беспокойства. Квалифицированно руководили работой фабрик Кутепов и Пиченюк.

Вместе с новым главным инженером Вербицким мы написали большую статью: "Перевести бурильщиков на новые стахановские методы труда". Статья была опубликована в "Риддерском рабочем" 19 июня 1941 года в ней (за три дня до войны) рекомендовалось: трудиться в две смены, перейти на многозабойные бурение, резко улучшить материально-техническое снабжение горняков. Статья получила широкий отклик. Она была обсуждена на каждом руднике "Алтайполиметалла". Десятки бурильщиков изъявили желание работать

по методу Семи-волоса — Янкина и просили им помочь. А это было главным, во имя чего писалась статья.

По воскресеньям в шахтах обычно проводили ремонтные работы. В тот день, 22 июня, я побывал на Сокол ьном руднике, а когда вернулся домой, то прямо на пороге встревоженная жена сказала, что только что по радио выступал Молотов: началась война с Германией. Не сговариваясь, через каких-то 20-30 минут все руководители партийных, советских, хозяйственных органов пришли в горком партии и получили указания, какие проводить меры. Работа началась с митингов. Они состоялись во всех цехах. В принятых решениях говорилось: "В ответ на разбойничье нападение мы, горняки-металлурги Лениногорска, будем работать с максимальной производительностью труда, отдадим все силы на защиту Родины".

Городской комитет партии (первым секретарем был тогда М. И. Кудрявцев) возглавил организаторскую работу по перестройке работы предприятий на военный
лад.

С огромным душевным волнением все мы восприняли выступление Сталина 3 июля 1941 года. Его он открыл словами, каких прежде никогда не говорил: "... Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои... "

Сталин не обещал близкого разгрома ненавистного врага, но призывал народ и армию к победе не общими лозунгами, а четко ф о р м и р у я конкретную программу для всех и каждого.

Итоги работы уже последней декады июня показали, на что способны трудящиеся Лениногорска. Полугодовой план по выпуску свинца и цинка был выполнен досрочно. В первые годы войны выпуск металла, по сравнению с 1940 годом, увеличился по свинцу на 21 процент, цинка в концентрате — на 8, кадмия — на 9, золото — на 26, серебра — на 12 процентов.

Из управления ушли на фронт 3652 рабочих, в том числе 275 бурильщиков. На Урал, в Сибирь, Караганду были направлены полторы тысячи человек на монтаж эвакуированных с запада страны заводов. Многие инженерно-технически работники, руководители просили (да что просились — требовали) отправить их на фронт, но неизменно получали ответ: "Вы здесь нужнее". Тем временем предприятия испытывали острейшую нужду в рабочих. Мы видели выход из создавшегося положения в том, чтобы каждый горняк трудился за двоих и за троих.

Так родилось новое патриотическое движение двух-сотников. Многие горняки становились двухсотниками, трехсотниками, и это народное движение позволило с первых дней войны значительно перевыполнять суточные задания. Первыми стали работать за двоих рабочие смены горного мастера Рысбека Оспанова. Тон в работе стали

задавать бурильщики Хайдин, Тайжанов, Демен-тюк, Ноздрачев. Старались не отстать и горняки других участков и цехов управления. Но фронт требовал от нас все большей и большей отдачи. Не знаю, как бы мы справились, если бы на помощь не пришли женщины. В войну они впрягались в плуги, варили сталь, а у нас, в Лениногорске, добывали руду. Адская работа, она не каждому мужчине по плечу, а вот женщины безропотно, находя еще силы на воспитание детей, показывали чудеса трудового героизма.

За время войны на рудниках было принято на работу 3700 женщин. К концу 1941 года среди бурильщиков работали 110 женщин. Они полностью заменили место ушедших на фронт подкидчиков, машинистов электро-возвов. Женщины стали главной силой на обогатительных фабриках, освоили профессии токарей, слесарей. Вот так переплелись драма и героика военных будней.

А вести с фронтов были все горше и горше. Но это не расслабляло нас, наоборот, придавало силы. Каждый был уверен в том, что именно он, рабочий или инженер, здесь, в тылу, помогает успеху на передовой. А значит, трудиться надо было еще самоотверженней.

Главной нашей задачей стало быстрое вовлечение в добычу наиболее богатых по содержанию участков, совершенствование техники и технологии производства, не допуская при этом хищнических методов разработки месторождений. Организация напряженного труда, стахановских методов работы стала непреложным законом. Дух времени требовал укрепления дисциплины, порядка на каждом участке, в каждом цехе. Передовики производства изо дня в день повышали добычу руды. Знатный стахановец Георгий Хайдин 9 января 1942 года в ознаменование успехов Красной Армии под Москвой установил небывалый рекорд. Один, без подручного он отбил 151 кубометр руды, выполнив сменную норму на 2389 процентов, 24 января он установил новый рекорд, выполнив норму на 3322 процента, выполнив за смену месячную норму* Хайдин был назначен инструктором стахановских методов труда. Многие бурильщики рудников Лениногорска своим искусством и квалификацией обязаны Хайдину. Ученик Хайдина В. И. Дементюк 25 марта 1942 года выполнил сменное задание на 5470 процентов, за восемь часов он отбил 1395 тонн руды, установив новый всесоюзный рекорд выработки. За выдающиеся успехи Хайдин в 1942 году был награжден орденом Ленина.

Самая привлекательная сила рекордов состоит в том, что для других рабочих они являются своеобразной вершиной, достичь которой можно собрав воедино все мастерство и волю. Достигли ведь Хайдин и Дементюк почти фантастического результата. Почему и мне, рассуждает рабочий, не потягаться с ними? Слабее я, что ли? В этом кроется мобилизующая роль рекорда. Задача партийной организации,

инженеров, руководителей в этот момент заключается в том; чтобы и словом и делом помочь кандидатом в рекордсмены добиваться наивысшей выработки и сделать рекорд нормой.

Для достижения рекордов руководителями рудника тщательно готовились все соответствующие условия, включая рабочее место. Вместе с главным инженером рудника Сыразутдиновым мы наблюдали за ходом рождения рекорда и не покидали шахты до окончания всей работы.

Горком партии обобщал наш опыт, провел совещание передовиков, обратившееся с письмом ко всем горнякам Алтая широко применять опыт многозабойности, многоперфораторного бурения, трудиться по-военному, с удесятиренной энергией, организованной и железной дисциплиной крепить советский тыл.

Работа рудников, обогатительных фабрик и свинцового завода строго контролировалась ЦК КПК, и одновременно со стороны ЦК *Ц* мы своевременно получили помощь и поддержку. В Лениногорске находились уполномоченные ЦК для оказания практической повседневной помощи.

22 октября 1941 года состоялась конференция технической интеллигенции города. Конференция заслушала мой доклад, доклад Немешаева, директора заводоуправления, Клименко, директора энергоуправления, главного инженера "Алтайстрой" Кензерского: "О работе предприятий и строек в условиях Отечественной войны". Чуть позже в местной, а потом в республиканской печати было опубликовано открытое письмо коллектива свинцового завода под заголовком "Приведем в действие все резервы промышленности Казахстана", которое сыграло свою роль в досрочном выполнении планов.

Но фронт требовал от нас все новых и новых усилий. Казалось бы, все резервы задействованы, напряжение в коллективах достигло наивысшей отметки, еще чуть-чуть, думалось, и туго натянутая тетива не выдержит, лопнет... Но нет. И в этом я не раз убеждался за свою долгую жизнь: резервы человеческого духа неисчерпаемы. А, значит, и дела его не имеют предела.

Я мог бы рассказать о десятках и сотнях инженерных решений, о каких не вычитаешь ни в книгах, ни в диссертациях, о рабочей смекалке, которая подсказывала и выводила специалистов на самые дерзкие проекты, осуществленные на производстве — мысль пульсировала и выдавала идеи ежедневно, ежечасно. Это были годы безудержной мозговой атаки.

Мы днями и ночами бились над самыми различными проблемами Порой не расходились по двое, по трое суток и, как правило, находили искомое. Например, такая проблема: как увеличить добычу руды? Ведь все высмотрено, все высчитано. Оказывается — не все. Инженеры

Прохоров и Сыразутдинов раскопали в архивной документации, что при царе выемка руды проводилась не столь тщательно, как нынче. В отработанных блоках сохранились так называемые "целики", состоящие из руды для поддержания кровли. И мы взялись за эти "целики", подняли руду "на-гора" и в итоге увеличили (в 1941-1942 годах) на сто сорок процентов!

Другая проблема. Приближались окончание проходческих и очистных работ на шахте "Новая". Однако ее ввод задерживался из-за отсутствия листовой стали для изготовления дозаторных устройств. Не было подъемных машин. Не техсовете главному механику А. А. Азбелю было поручено подумать, как выйти из такого положения. Он предложил использовать находящуюся на складе после некоторой переделки подъемную машину "Исель-бюргер" для установки на вспомогательной шахте. Предложение Азбеля было принято. Скиповым подъемом вопрос был решен. Для клетьевого подъема Азбель предложил использовать освободившуюся проходческую машину. Эти примеры я привел как образец того, что инициативные работники осуществляли много хороших дел, связанных с его именем.

В период войны большой и неоценимый вклад по выпуску концентратов внесли обогатители. Одним из больших достижений было внедрение принципиально новой селективной флотации по разделению свинцово-мед-ного концентрата. На фабриках широкое распространение нашли совмещения профессий. На флотации применяли ряд мер по экономному расходованию дефицитных реагентов. "Сверхплановое извлечение металлов — лучший подарок фронту", под таким девизом развернулось соревнование. Хороших результатов добивались флотаторы Рыжкова, Троеглазова и другие.

В результате обеспечения высококачественным концентратом завод добился рекордной плавки металла, особенно высоких марок. Требованию —"все для фронта, все для победы"— было подчинено все и прежде всего самоотверженный труд горняков. Для меня это время было больше, чем напряженным. Много возникло непредвиденного, надо было быть в постоянном поиске, советоваться с руководителями цехов, чаще бывать в рабочих коллективах. Но трудности преодолевали, был создан боевой настрой и та атмосфера, которая исключает слова "нет", "не можем". Девизом и принципом в работе стало: "Надо — сделаем". Коллектив рудоуправления к середине 1942 года не только выполнил поставленные задачи, но вместе с ростом добычи руды и выпуска металлов обеспечил определенный задел и базу для дальнейшей работы, для дальнейшего роста. Лениногорцы имеют полное основание гордиться, что из десяти в девяти пулях, выпущенных в годы войны по врагу, был свинец Казахстана, свинец трудового Лениногорска.

Я никогда не забуду то время, когда работал в Ридде-ре — Лениногорске, крупнейшем промышленном центре Казахстана. С благодарностью вспоминаю всех инженерно-технических работников, рабочих, с кем мне пришлось в предвоенные годы и во время войны выполнять ответственную и почетную задачу партии: инженеров: Д. А. Бабича, С И. Степанищева, А. С. Донченко, В. А. Самородского, А. П. Кутепова, Я. Д. Пиченюка, П. А. Шишкова и многих других. Рабочих-новаторов, уже названных мною выше, а также таких мастеров своего дела, какими были передовики Хайдина, Ахмеджанов и Тайж-нов, Казакова, сестры Курносенко.. Начальников участков: Шкилева, Пищальникова, Гука — всех кто был в первых рядах фронтовиков тыла.

Наша большая и ответственная работа проводилась при активной помощи и поддержке со стороны горкома партии. В это время секретарями горкома были: Курков, Абабков, Кудрявцев.

В СОВНАРКОМЕ — СОВМИНЕ КССР

Пришло время и надо было расставаться с прославленным коллективом, боевыми товарищами, с которыми я прошел суровую школу выучки и закалки. В апреле 1942 года я получил телеграмму от Скворцова о вызове в распоряжение ЦК. Дела я сдал Новикову и выехал в Алматы. 20 апреля меня принял Скворцов — в первом часу ночи. Тогда было принято работать до 34 часов утра. Мне было сказано, что я рекомендуюсь заместителем председателя Совнаркома республики, буду заниматься работой промышленности союзного подчинения. Мне срочно надлежит выехать в Москву для утверждения в ЦК ВКП (б). Я попытался было привести доводы в пользу того, чтобы работать в Лениногорске, но Скворцов, хоть и выслушал меня, остался при своем мнении.

— Надо выполнять решение ЦК,— сказал он,— Желаю успеха!

Моя поездка в Москву только в один конец заняла 11 дней.

Столица Родины поразила своей суровой собранностью. Советское правительство и все иностранные посольства находились в эвакуации — в городе Куйбышеве. Даже саркофаг с телом Ленина вывезли из Москвы. Но Сталин оставался в ней вместе со всем составом Политбюро. К слову, один из рабочих его кабинетов находился близ нынешнего здания Казахского представительства в Москве — под землей на станции метро "Кировская", так как воздушные налеты врага, хотя и редко, но случались, и не всегда они проходили без последствий. Несмотря на мощный заслон сил противовоздушной обороны, летчики Геринга разрушили ряд важных столичных объектов. Одна из бомб крупного калибра упала неподалеку от колокольни Ивана Великого. Другая пробила в Кремле крышу Георгиевского зала, застряла в цоколе и по счастливой случайности не взорвалась. Понятно, долгое время об этом никто и нигде не мог сказать и слова, чтобы не попасть "куда следует" за "пораженческие настроения".

Во второй половине мая я вернулся в Алматы с решением ВКП(б) об утверждении меня в новой должности.

Работая в Совете Народных Комиссаров, а потом в ЦК, я часто наезжал в Лениногорск, и для меня эти поездки всегда были праздником. Я ревниво и взыскательно следил за всеми переменами в городе, чем мог помогал (в 1959 году лениногорцы избирали меня депутатом Верховного Совета республики). Гордостью лени-ногорцев и моей гордостью являются крупные предприятия цветной металлургии: Риддерский, Ленино-горский, имени 40-летия ВЛКСМ и Тишинский рудники, обогатительные фабрики, свинцовый и цинковый заводы, ремонтно-механическая база и другие предприятия. Ле-ниногорск — это крупный центр, где разрабатываются совместно с учеными новые методы, новая технология добычи и обогащения руд, переработка сырья для получения высококачественного свинца, цинка и других металлов. Лениногорск — это город новаторов по добыче и переработке полиметаллических руд. Надежно работали коллективы Лениногорского "Свинецстроя", "Шахто-строительного управления", добрых слов заслуживают энергетики Лениногорска, сдавшие первый объект — Ха-рузовскую ГЭС.

Я люблю этот город и потому, может быть, с излишними подробностями рассказываю о его успехах. Есть в городе проблемы, и немалые, но они вполне разрешимы.

В мае 1986 года лениногорцы отметили 250-летне со времени основания Риддера — Лениногорска. Много славных страниц в его

истории. Но в моей памяти встают суровые военные годы, когда изо дня в день здесь совершался подвиг. Всего, что было сделано, не перечислить...

С 6 июня 1942 года я стал работать в Совете Народных Комиссаров КССР. Я не знал тогда, что навсегда вернулся в город своего детства — Алматы.

Раскаты войны, конечно, докатились и до наших мест. На улицах было непривычно много военных, тех, кто собирался на фронт, и тех, кто лечился в алматин-ских госпиталях. Было много эвакуированных, беженцев, беспризорников. Одевались люди кто во что горазд, на лицах было мало радости.

Вот так мне и запомнился Алматы, когда я приступился к новой работе. Для меня она была качественно новой, сугубо руководящей, когда, в отличие от Балхаша и Лениногорска, я не мог подытожить каждый рабочий день. Там была конкретная работа и конкретная отдача. Здесь же результат моей деятельности мог сказаться через много месяцев, а то и лет.

Как и положено, первым делом я явился к председателю Совнаркома Н. Д. Ундасынову. Потом еще одна встреча со Скворцовым и Шаяхметовым. У нас состоялся подробный разбор положения дел в промышленности республики. Из разговора я усвоил, что должен работать в полном контакте с отделом ЦК и отраслевыми секретарями ЦК. Мне поручалось контролировать и помогать в работе предприятиям цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности; электростанциям, железной дороге, транспорту и автотранспорту и, наконец, оборонным заводам. Скворцов подробно говорил о тяжелой промышленности, чувствовалось, что он хорошо знает эту отрасль и всех руководителей предприятий.

— Особое внимание надо обратить,— сказал он,— на работу Ленгерского угольного управления. От работы Ленгера сегодня зависит нормальная работа электростанций юга Казахстана, особенно Алматы, Киргизии и частично Узбекистана. Вместе с секретарем ЦК Дудкиным

надо принять исчерпывающие меры к заготовке топлива для всей республики. И еще,-*- добавил он,— подберите хороших консультантов и вплотную займитесь размещением эвакуированных номерных заводов.

Эти заводы прибыли, главным образом, в Алматы, Петропавловск, Уральск, Акмолинск, Балхаш и другие города.

Уходя из кабинета Скворцова, а потом Ундасынова, я понял, что с этого дня с годовой окунусь в гущу сложнейших дел, связанных с работой предприятий тяжелой промышленности. Еще помню, что я не испытывал боязни перед ответственнейшим поручением. А ведь мне было всего тридцать лет. И рассуждал я так: доверяют большое дело — должен его выполнить.

В довольно короткий срок удалось установить хорошую связь со всеми крупными предприятиями цветной металлургии, угольщиками Караганды и Ленгера, оборонными отраслями промышленности. Работа повсеместного шла на пределе. Оно и понятно — война. Все было направлено на то, чтобы изыскать способы повышения производительности труда и выпуска продукции. Одной из форм соревнования стало так называемое "фронтовое задание". Эти задания устанавливались отдельным рабочим, коллективам, сменам, участкам и цехам. И они выполнялись.

В конце июня Скворцов вызвал меня и сказал, что Государственный Комитет Обороны — а это означало, что сам Сталин потребовал резко увеличить выпуск вольфрамового и молибденового концентратов. Мне поручается возглавить республиканскую правительственную комиссию по оказанию помощи строительству Акчета-уского вольфрамого комбината. Следовало срочно выехать в Акчетау. В состав моей бригады вошли геолог Вяжевич, горный инженер Кравченко (мой однокашник) и инструктор ЦК Тулебаев.

Без вольфрама нет надежной боевой брони, а без брони — нет победы. Это было ясно как день. Никого из нас агитировать не приходилось. Мы изучали все материалы, связанные со строительством Акчетау, и через 5-6 дней прибыли на место. Акчетау находится в 100 километрах от станции Агадыр в необжитом районе. Нашей комиссии поручалось не только поднажать на местных руководителей, но и оказать практическую помощь в этой работе. С этой целью в правительственные бригады включались высококвалифицированные специалисты и должностные лица, которые могут без согласования с центром на месте принимать решения, подключать при необходимости дополнительные материальные средства и ресурсы. Увеличение выпуска вольфрамового и молибденового концентрата было для обороны делом жизни или смерти.

Военной промышленности позарез не хватало именно этих компонентов. Наша бригада отдавала себе в этом отчет, и потому выполняла на объектах Акчетау роль не сторонних, "высокопоставленных наблюдателей", и с первых дней вместе с местными руководителями активно включались в дело. В кратчайшие сроки удалось наладить старательскую добычу вольфрама. На комбинате была ускорена разведка и начались горные работы по эксплуатации месторождений. Вместе с руководством комбината

(директор Зафиров) были намечены меры по ускорению строительства юго-восточного рудника, а также шахты Капитальной, обогатительной фабрики и ряда вспомогательных и социально-культурных объектов. Возросли темпы работ на- строительстве шоссейной дороги Агадыр — Акчетау протяженностью 100 километров, значение которой трудно переоценить.

Одним из решающих моментов увеличения добычи вольфрама явилась четкая работа системы "Золотоскуп-ки", где происходил обмен металла на продовольственные и промышленные товары. Принятые меры дали хорошие результаты, и через полтора месяца, подводя итоги работы, мы и местные руководители сошлись во мнении, что задание Государственного Комитета Обороны будет в самые сжатые сроки выполнено, и крупный комбинат по производству вольфрама вовремя вступит с строй.

Завершив работу на комбинате, я с геологом Вяже-вичем и горным инженером Кравченко решили познакомиться с работой геологов, ведущих поисковые, разведочные работы в юго-восточной, южной и восточной частях Акчетау. В течение недели мы посетили геологические партии в радиусе до 200-400 километров, побывали в десятках геологоразведочных партий. Это очень помогло мне потом в работе, когда я стал председателем Геологосовета республики (учреждение ЦК для координации работ многочисленных геологоразведочных организаций).

Возвратившись из Акчетау, по заданию ЦК я поехал в Балхаш для ознакомления с состоянием добычи молибденовых руд. Еще в начале 1941 года инженеру Антоновскому после длительных поисков удалось получить молибденовый концентрат из руд Коунрада. Впервые в мировой практике здесь извлекли молибден из медно-порфировых руд. За эту работу ее создатели удостоились Сталинский премии.

Ведущее место в добыче занимало Восточно-Коунрад-ское месторождение. Здесь разведочные работы велись еще до войны геологами Пуховым, Ахуновым, Богатыревым и другими. Небольшой коллектив разведчиков, горняков "построил рудник и стал снабжать Балхаш молибденовой рудой.

Разведали. Построили. Добыли. Все вроде бы просто. А на самом деле великих трудов стоило это достижение» и об этом мне рассказал инженер Л. И. Барон, с которыми учились в одном институте. После войны он стал доктором наук, профессором, ведущим работником Института горного дела имени Скочинского союзной Академии наук.

По приезде в Алматы я подробно доложил ЦК и Совнаркому положение дел на Акчетау и в Восточном Коунраде. В итоге в Восточный Коунрад направили квалифицированных горняков из Майкаина и других рудников Казахстана. Но это не решало всех проблем. Поэтому мы обратились за помощью к члену Государственного Комитета Обороны Микояну и получили ее. По указанию Анастаса Ивановича в Акчетау и Коунрад прибыли квалифицированные бурильщики и инженерно-технические работники с Урала, они передавали свой опыт местным рабочим. Результаты сказались незамедлительно: рудник объем добычи удвоил, а выпуск молибденовой продукции увеличился на 70 процентов.

В "Истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг." сказано: "Из каждых 100 тонн молибдена, добывающих в стране во время войны, 60 тонн давали герои Балхашской степи, горняки рудника Восточной Коун-рад". Как символ трудового подвига на пьедестале ком-бинатовской площадки установлен танк Т-34, Броню этих танков — самых лучших во второй мировой войне — крепили вольфрам и молибден, полученные в Балхаше и Акчетау.

Завершив работу в Восточном Коунраде, из Балхаша выехали по будущей трассе Моинты — Чу на грузовой машине в Алматы.

В то время самолеты на Балхаш не летали из-за недостатка горючего.

Вспоминая работу заместителем председателя Совета Министров в годы войны, еще раз могу сказать, что люди трудились

напряженно, выносили на своих плечах тяжесть невероятных нагрузок. Шла настоящая борьба — работать без отстающих, больше дать стране металла, \ угля, нефти и другой оборонной продукции, быстро освоить и ввести в короткие сроки новые мощности предприятий. Мне часто приходилось во главе бригад ЦК и СНК выезжать на крупные предприятия тяжелой промышленности: на Ачисайский полиметаллический комбинат, Чимкентский свинцовый завод, на "Гурьевнефть" в Акмолинск, в Балхаш и многие другие места. В шахтерском Ленгере, а особенно в Караганде, находился месяцами как уполномоченный республиканского ЦК. Из многочисленных пусковых объектов, контролируемых ЦК и Совнаркомом, особо следует отметить ввод в действие первого Казахского металлургического завода. Это задача была своевременно решена, и завод дал первый металл 31 декабря 1944 года. Наш успех телеграммой приветствовал Сталин. На митинге от имени ЦК и Совнаркома я поздравил строителей, монтажников, эксплуатационников с огромной трудовой победой.

Нельзя не отметить большого вклада в победу Усть-Каменогорского свинцового завода (позже свинцово-цин-кового комбината). Строительством указанных объектов и других предприятий цветной металлургии и в войну и после ее окончания непосредственно руководил известный в стране деятель В. Э. Дымшиц. Мы много раз встречались с Дымшицем, решали крупные и малые проблемы и всегда находили общий язык.

Хотелось бы подчеркнуть, что в суровое время войны подтвердила свою правоту экономическая стратегия партии, сделавшая Казахстан еще в довоенные годы мощным сырьевым и промышленным центром страны. Исключительно велико было сотрудничество народов многонационального Казахстана. В республике были размещены, как уже было сказано, многие эвакуированные предприятия, принято более миллиона человек. К сожа-

69 лению, преступно были переселены в нашу республику и целые народы, согнанные с родных мест. Но это особый разговор, и мы еще поговорим на эту тему. А сейчас я продолжу рассказ в вкладе казахстанцев в общую победу над врагом.

Героически трудились угольщик Караганды. В немалой степени они компенсировали временную потерю Донбасса. Хорошо известен исключительный вклад геологов, горняков, обогатителей, металлургов, всех трудящихся Лениногорска, Балхаша, Чимкента, Ачисая, Зыряновска, Текели во всевозрастающем объеме снабжавших фронт нужной продукцией. Нефтяники Гурьева надежно обеспечивали горючим танки, авиацию, автотранспорт защитников Родины.

Не совсем верно полагать, что Казахастан в годы войны был глубоким тылом. Это не так, ведь в западную оконечность республики упирались крайне фланги Сталинградского фронта. Над казахской землей тоже шли ожесточенные воздушные схватки, в которых наши пилоты не раз применяли таран. Вражеские стервятники пытались прорваться к нашим нефтепромыслам. С воздуха в Гурьевскую область забрасывались подразделения специально обученных диверсантов. Чем все это кончалось — известно.

Это были трудные, но героические годы. Самоотверженно выполнялись самые ответственные поручения партии. Я и сотой доли не рассказал о тех громадных свершениях, которые произошли в республике. Но они навсегда останутся в народной памяти, в делах. Нельзя идти в будущее, не опираясь на прошлое, не оценивая должным образом настоящее. Начатое в период войны строительство крупных объектов имело наиважнейшее значение в росте мощи индустрии не только Казахстана, но и всей страны.

Я рассказываю о работе тыла. Но, хотя я и не был непосредственным участником боев с фашистскими захватчиками, по долгу службы я знал и гордился ратными успехами своих земляков.

Как сообщала печать, в рядах Красной Армии сражалось около 1 миллиона 200 тысяч сынов и дочерей многонационального Казахстана, в том числе 82 тысячи коммунистов и 250 тысяч комсомольцев. Республика сформировала десятки стрелковых и кавалерийских дивизий и бригад, авиационных полков и специализированных батальонов. Тысячи казахстанцев влились в состав частей, сформированных на Урале. Среди защитников Бреста сражалось около трех тысяч казахстанцев. Немеркнущие страницы в историю Великой Отечественной войны вписала 8-я гвардейская стрелковая дивизия И. В. Панфилова. Поистине железную выдержку, величие духа и беспримерную храбрость явили изумленному миру у подмосковного разъезда Дубосеково 28-героев-панфиловцев. Среди них были русские, казахи, украинцы, киргизы, молдаване. Посланцы Казахстана героически защищали Ленинград, мужественно сражались в Сталинграде, участвовали в освобождении Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии.

Более ста тысяч казахстанцев награждены орденами и медалями, свыше ста являются полными кавалерами орденов Славы, почти пятьсот удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди славных защитников Отчизны были дважды Герои Советского Союза Талгат Бегельдинов, Сергей Луганский, Иван Павлов, Леонид Беда, а также Малик Габдуллин и прославленный полковник Момыш-улы, удостоенный лишь недавно, после своей кончины, звания Героя Советского Союза. Замечу что, будучи членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро ЦК КПСС, я неоднократно ставил вопрос о награждении Бауржана Момыш-улы перед соответствую-

щими инстанциями. Увы! Мне это дело оказалось не под силу, о чем я искренне сожалею.

Героически трудилось в то грозное время колхозное крестьянство, работники совхозов. За время войны республики дала стране и фронту много ценной сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлеба, мяса, овощей, картофеля.

— "Каждый пуд хлеба — это удар по врагу". "Линия фронта проходит через наш колхоз"— эти лозунги делами подкрепляли сельские труженики республики. Мировой рекорд выращивания проса — более 200 центнеров с гектара — установил Шиганак Берсиев. Выдающихся успехов добились Ибрай Жахаев, Ким Ман Сам, Анна Дацкова, Жазылбек Куанышбаев, Сындыбала Он-гарбаева, Досым Аса нов, Петр Томаровский и другие земледельцы и животноводы.

Миллионы рублей собрали трудящиеся Казахстана на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, бронепоездов, катеров и подводных лодок.

Свой вклад в укрепление оборонной мощи страны внесла интеллигенция Казахстана, деятеля науки, культуры, искусства. Республика в те годы стала средоточием ведущих научных сил страны. На победу плодотворного работали академики с мировыми именами: металлург Иван Павлович Бардин, биолог и географ Лев Семенович Берг, отец геохимии и выдающийся мыслитель Владимир Иванович Вернадский, микробиолог Николай Федорович Гамалея, химик-органик, создатель угольного противогаза Николай Дмитриевич Зелинский, экономист Станислав Густавович Струмилин, геолог Ка-ныш Имантаевич Сатпаев и многие другие. Даже известный советский астроном Гавриил Адрианович Тихов, человек, казалось бы, неземных, а "марсианских" сфер, разработал чрезвычайно эффективные способы и приемы боевой маскировки войск.

В годы войны в Казахстане жили и трудились выдающиеся представители советской культуры, оказавшие казахским коллегам помощь в развитии национального искусства. Мы всегда будем благодарны таким мастерам советского искусства, какими были режиссеры Сергей Эйзенштейн, братья Васильевы, Всеволод Пудовкин, Иван Пырьев, Григорий Рошаль, актеры Михаил Жаров, Борис Чирков, Вера Марецкая, основатель детского театра Наталья Сац, скульптор Исаак Иткинд, литераторы Константин Паустовский, Виктор Шкловский, Владимир Луговской, Самуил Маршак, Лев Варшавский, многие другие.

Я понимаю, что излагая этот материал, невольно перехожу на высокий стиль, стиль рапорта. Но именно на таком языке изъяснялись наша печать и радио, такими словами заполнялись доклады и речи, таков был непреложный закон митингов и собраний.

В то время народ почти ничего не знал о злоупотреблениях и преступлениях Сталина. А если кто и знал, то никогда не соотносил их с его именем. Ему верили как Богу. Каждое общественное мероприятие, любой актив заканчивались письмом на имя Сталина, где под бурные аплодисменты клялись и заверяли вождя сделать все от них зависящее, отдать саму жизнь ради победы над врагом. Приходили ответы за подписью Сталина. Например, его приветственная телеграмма по поводу получения первой казахстанской стали. *72*

А вот другой факт. Отдав на укрепление бронетанковых сил 165 тысяч рублей личных сбережении, председатель колхоза "Берлик" из Южного Казахстана Абдукерим Юсупов обратился к вождю в Кремль с такими словами: "Советская власть сделала казахский народ равноправным. Наши завоевания мы никому не отдадим. Пусть меткие залпы танкистов настигают повсюду врага и приблизят час Победы. Будь здоров, Иосиф Виссарионович, на радость нам и на старых врагам". Сталин вскоре отозвался персональной благодарностью патриоту от имени Красной Армии и братским приветом. И эта опубликованная в газете "Правда" телеграмма была далеко не единственной в адрес казах-станцев, пожертвовавших в фонд обороны миллионы рублей. Вождь знал, как в трудный для всех час ободрить людей, вселить в них веру в себя и в общую Победу. Председатель Совнарком СССР и глава Государственного Комитета Обороны Сталин постоянно держал руку на пульсе экономики Казахстана, досконально знал ситуацию, о которой ему регулярно и объективно докладывали члены ГКО, в первую очередь Микоян, который был выдающимся политиком и толковым человеком: многие годы личного общения с Анастасом Ивановичем дают мне основание сделать такой вывод.

Работая довольно продолжительное время в Совнаркоме, я сталкивался со всеми сторонами жизни республики. Мои коллеги и сам председатель Совнаркома выезжали в длительные командировки. А жизнь не стояла на месте. Регулярно проводились заседания, заслушивались отчеты председателей исполкомов, наркомов, руководителей главков и предприятий, обсуждались планы выпуска продукции, ход строительства промышленных и социально-культурных объектов, выполнение плана товарооборота, сотни других вопросов. Порой необходимо было "выходить" на союзные Наркоматы, аппарат союзного Совнаркома, заместителей его всевластного председателя. Работали до трех-четырех утра, а трудовой день начинался в девять часов. Выезжая в области, кроме изучения работы и помощи промышленным предприятиям, приходилось заниматься заготовками хлеба, сахарной свеклы, хлопка, решением социально-бытовых вопросов. Словом, не

было ни одной области, города, крупного промышленного предприятия республики того времени, где бы мне ни пришлось побывать. Накапливались знания, приходили опыт.

Во второй половине 1944 года произошел ряд изменений в руководстве республиканской партийной организации. Скворцов в связи с назначением его наркомом совхозов страны уехал в Москву. Еще раз хочется сказать о нем.

На посту первого секретаря ЦК он провел большую работу в период войны, был настоящим интернационалистом. Вместе с тем был очень требовательным человеком и в то же время очень болезненно реагировал на критику и давал резкий отпор тем, кто осмелился высказать в его адрес хотя бы незначительные замечания. На одном из последних пленумов, который проходил под его руководством, выступил прокурор республики, он сказал, что часто бывает у Скворцова и на поставленные вопросы получает исчерпывающие ответы и уходит от него весьма удовлетворенным. А Шаяхметов — второй секретарь ЦК, превратился в бюрократа, к нему трудно попасть на прием.

— Если он и удосужится принять нас, то ни на один из поставленных вопросов вы не получите конкретного ответа. Надо ему менять стиль работы,— заключил прокурор.

В своем выступлении Шаяхметов не оставил этот выпад без внимания и, отвечая на критику, резко сказал:

— Если прокурор часто бывает у первого секретаря ЦК, получает мудрые советы и в восторге от решения поставленных вопросов выходит из кабинета первого секретаря окрыленным, вдохновленным, что же делать ему у второго секретаря? Как понять вашу критику?

Ундасынов, выступая на пленуме, в конце своей речи сказал:

— В своей практической деятельности надо держаться подальше от подхалимов, они могут подвести.

Редактор "Казахстанской правды" Нефедов с места подал реплику:

— Говорите конкретно, кто подхалим?

Ундасынов ответил:

— Первый подхалим — это вы.

На этом он и закончил свое выступление. Всю эту перепалку Скворцов воспринял очень болезненно. Не называя фамилий, в конце своего развернутого выступления, где он говорил об очередных задачах республиканской партийной организации, завершил свою речь примерно такими словами:

— Работая продолжительное время в ЦК, я не знал, что окружающие товарищи носили за пазухой камень и могут ударить им в подходящий момент.

Это наглядно показало выступление некоторых членов ЦК на данном пленуме. Я в свой деятельности предъявлял партийные требования ко всем работающим в одинаковой степени и за пазухой камень не держал, камень у меня в печени. На этом закончился пленум.

Довольно длительный период работы. Скворцова в должности секретаря завершился за несколько месяцев до окончания войны.

Перед самым окончанием войны первым секретарем ЦК КПК стал Борков. Работал он в Казахстане недолго, его отозвали в распоряжение ЦК ВКП(б). Практически он ничего не сделал для республики.

Вскоре первым секретарем избрали Жумабая Ахме-товича Шаяхметова, работавшего вторым секретарем ЦК. Он был очень дисциплинированным человеком. • И слабость у него была: любил распекать своих помощников, руководителей отделов даже за мелкие оплошности, за недостаточное прилежание. Он часто собирал подчиненных и устраивал производственные совещания. Шаях-* метов строго контролировал ход выполнения своих указаний отделами ЦК и руководителями министерств и ведомств. В отличие от своих предшественников, он был очень аккуратным руководителем и хорошим организатором. Под его руководством еще более высокие темпы стала набирать экономика Казахстана в послевоенные годы. Под началом Шаяхметова я работал продолжительное время, за этот период прошло четыре съезда коммунистов Казахстана. На IV съезде, который проходил в конце февраля 1949 года, я был избран в члены ЦК. Мы с Ундасыновым не смогли принять участие в работе съезда. По заданию ЦК мы находились в Кзыл-Ординской области, где в головной части канала Бури-бай произошли очень серьезная авария: весенний паводок прорвал дамбу и грозил затопить Кзыл-Орду и прервать железнодорожное сообщение Центр — Средняя Азия. На ликвидацию прорыва были брошены большие силы. Работы велись под моим руководством. Приехали

гидротехники из Ташкента и Алматы, воинские подразделения.

Но военные и железнодорожники не могли закупорить место прорыва. И тут однажды ко мне подошел глубокий старик сказал:

— Не мучайтесь! Для закрытия головы канала примените "карабуры".

— Что это за "карабуры"?— спросил я.

Старик объяснил: надо, мол, натянуть на земле арканы длиной метров в 15-20. На них положить камыш, солому, землю и свернуть ленту в тугой рулон. Затем этими рулонами перегородить прорыв. Вот и вся премудрость.

— Дай мне, начальник,— сказал в заключение старик,— пять-десять солдат, и я все сделаю.

В результате применения "карабуров" прорыв в течение дня был закрыт. Оказывается, во времена Тимура этот народный метод применялся при сооружении плотин и для перекрытия рек. Авария была ликвидирована, и об этом доложили Маленкову. Подумалось мне тогда: несмотря на огромную мощь современной техники, инженерную мысль, как мы все-таки бываем расточительны к народным знаниям, его великому историческому опыту. Получается, что один малограмотный старик утер нос военным батальонам вместе с десятком крупных специалистов. Спасибо тебе за науку, аксакал!..

В 1946 году я был уполномоченным ЦК по заготовкам в Семипалатинской области. В то же время с группой ответственных работников в ЦК ВКП(б) в Казахстан приехал Анастас Иванович Микоян. Они были во всех зерносеющих областях и в самом конце октября приехали в Семипалитинск в сопровождении Шаяхмето-ва. О том, как идет заготовка зерна в области, Микояну доложил секретарь обкома Гарагаш. Микоян не проводил больших совещаний и активов. На бюро обкома к нему приглашались руководители районов, и обычно первый секретарь докладывал о хлебном балансе в хозяйстве. В результате такого разбора определялся объем заготовок зерна по районам и областям в целом. Микоян обладал такими качествами как простота, обаяние и большое чувство юмора. Запомнился такой случай. Директор мясокомбината Шеффер обратился к нему с просьбой увеличить численность ведомственной охраны. Это объясняется тем, сказал он, что увеличилось число краж мясопродуктов. Микоян спросил: "сколько людей работает в охране?". Директор назвал цифру. Микоян посмотрел на директора и сказал: "Сократи наполовину охрану, меньше будут воровать". На этом рассмотрение вопроса закончилось. Во время своей деятельности Шаяхметов внес ряд изменений в работу ЦК и Совета Министров. Ундасынова

командировали на учебу в Москву; с ним я проработал свыше девяти лет.

Нуртас Дандыбаевич Ундасынов, работая в лесном управлении Наркомзема республики, был выдвинут председателем Восточно-Казахстанского облисполкома, а затем председателем СНК и СМ КССР. На этом посту проработал с 1938 по 1951 год. Он часто выезжал на встречи с трудовыми коллективами во многие области республики. Особенно тесные связи у него были с тружениками сельского хозяйства.

Все свои возможности и силы он отдавал работе. Собрав нас, своих заместителей, любил повторять: "Все, что у меня есть хорошее — берите, а что плохое — не берите".

С 1954 по 1955 год работал председателем Президиума Верховного Совета КССР. Затем был председателем Гурьевского облисполкома и первым секретарем Гурьев-ского обкома партии. В 1962 году ушел на пенсию.

Короткий промежуток времени я работал под руководством Е. Тайбекова. Он был опытным партийным работником. Избирался первым секретарем Актюбинского, Акмолинского обкомов партии, а в конце 1952 года был назначен председателем Совета Министров республики.

Казакпаева по непонятным для меня причинам освободили от обязанностей председателя Президиума Верховного Совета Республики и направили председателем Кировского райисполкома Талдыкурганской области. Вместо него председателем стал Керимбаев до этого ра ботавший председателем Кустанайского и Павлодарского облисполкомов. На партийную, советскую и хозяйственную работу была направлена большая группа работников, прошедших войну.

Война многому научила фронтовиков. С их приходом в Советах сложилось немало интересных и содержательных форм работы, направленных на выполнение народнохозяйственных планов, на повышение эффективности общественного производства, качество работы, укрепле-производственной дисциплины. В Совнаркоме ние а по-

том и [redacted] 77 коллегами, среди них: В. А. Белый, Г. Ч. Чуланов, И. Л. Буданцев, И. Т. Шарипов, Н. А. Ерофеев, В. А. Шнырев, Ш. Б. Бурбаев; министры — А. Г. Шу-гайло, К. Е. Едигенов, В. К. Францишин, Д. Л. Сырцов. У. У. Урумбаев, А. Утембаев и др.

В решении многих хозяйственных финансовых вопросов в то время республика не имела прав. Для разрешения ряда вопросов, связанных с повседневной жизнью республики, надо было ехать в Москву на длительный срок . Помню командировку в Москву в 1945 году, когда

приходилось в Госплане, в снабженческих организациях, в наркоматах рассматривать я решать много накопившихся вопросов. Мое пребывание в Москве совпало со знаменательной датой. Меня с женой пригласили на Красную площадь 24 июня 1945 года на парад Победы. Мы видели Сталина и других членов Политбюро, прославленных полководцев Советской Армии. Слушали и видели выдающихся военачальников современности: принимающего парад маршала Жукова, командующего парадом маршала Рокоссовского. Парад продолжался свыше двух часов. Шел сильный дождь. Демонстрацию отменили. А мы под проливным дождем поспешили в свою гостиницу.

Десять лет работы заместителем председателя СНК дали мне очень многоНРлкизни. Табота, проходившая под руководством Бюро ЦК, учила Лострее и Лобъемнее видеть жизнь, расширяла кругозор, повышала ответственность за порученное дело.лНа заседаниях СНК и СМ, на Президиуме иногда˜возникали споры. Объяснялось это тем, что искали наиболее оптимальнее пути и способы для принятия прЗБпЛЬпиго решения. Все это -СЛлжнлозлрСшей школой для каждого руководителя и приучило к организованности и дисциплине.

Находясь на большой работе в правительстве республики, я никогда не отрывался от своей специальности, внимательно следил за литературой, был тесно связан с учеными-горняками. Был председателем государственной комиссии по выпуску горных инженеров в Алматинском горно-металлургическом институте. В период работы в Коунраде и Риддере собрал и систематизировал большой материал по улучшению буро-взрывных работ на рудниках Казахстана.

Работая председателем Геологического совета республики, внимательно изучал строение многих рудных месторождений, где можно применять открытые способы— разработки. По ряду месторождений сделал теоретические расчеты, наметил параметры будущих карьеров. Эти материалы легли в основу моих диссертаций.

В докторской работе, проанализировав достижения горной науки 50-60-х годов, я рекомендовал для разработки открытым способом десятки месторождений: полиметаллических, меднорудных, железных, марганцевых, никелевых, бокситовых, фосфоритовых руд, а также месторождений редких и благородных металлов. Многие из перечисленных месторождений в настоящее время эксплуатируются.
Было приятно, что моя работа получала высокую оценку Госплана и Минцветмета республики, академиков Мельникова, Шевякова, Сатпаева и других видных уче-руководителей кафедр ряда ных и институтов страны.

ВО ГЛАВЕ АКАДЕМИИ НАУК

В декабре 1951 года меня вызвал Шаяхме-тов. Разговор начался с зимовки скота, о мерах, какие надлежит принять по ее организованному проведению, а потом неожиданно он перевел разговор на идеологические темы.

— Как вам известно,— сказал Шаяхметов,— за последние годы мы освободили двух секретарей ЦК за допущенные крупные политические ошибки в освещении истории Казахстана.

Я знал, что "История Казахской ССР" выходила под общей редакцией секретарей ЦК, занимающихся вопросами идеологии. Еще 26 декабря 1950 года "Правда" опубликовала статью "За марксистко-ленинское освещение вопросов истории Казахстана", где отмечались серьезные ошибки в исторической науке, в частности, в оценке движения Кенесары Касымова.

Далее Шаяхметов сказал:

— На восьмом пленуме ЦК мы рассмотрели вопрос "О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в партийных организациях республики". Сдвигов мало. Особенно в Академии наук. Более того, президиум, Академии к ее президент Сатпаев по существу не приняли мер к исправлению ошибок, на критические выступления общественности, как говорится, ноль внимания. В Академии выявлена вопиющая бесхозяйственность, процветают феодально-байские отношения, подбор кадров идет по принципу землячества, допущено незаконное расходование в больших размерах государственных средств. При попустительстве президиума Академии серьезные нарушения были допущены помощником президента Оспа новым и управляющим делами Садыко-вым. Они привлечены к судебной ответственности. Ко всему этому, Сатпаев в свое время являлся пропагандистом Алашордынского правительства. Учитывая все эти крупные недостатки в деятельности Сатпаева, Бюро решило освободить его от занимаемой должности.

Это сообщение было для меня как снег на голову. Сатпаева я знал как крупного геолога, относился с большим уважением. И тут вдруг: освободить.

После небольшой паузы Шаяхметов объявил, что, посоветовавшись на Бюро ЦК, меня рекомендуют президентом Академии наук республики.

— Как вы к этому относитесь?— спросил он. Я ответил:

— Спасибо за доверие, но я отказываюсь. На том и разошлись.

Через два месяца меня снова вызвали в ЦК к Ша-яхметову. Он опять предложил мне возглавить Академию. В это время зашел

второй секретарь ЦК, он полностью принял линию Шаяхметова, и после длительного разговора я согласился. Дней через двадцать я поехал в Москву. В отделе науки ЦК ВКП(б) Ю. А Жданов (сын А. А. Жданова) долго разговаривал со мной, давал советы, критиковал Сатпаева, предостерегал от ошибок, словом, собеседование прошло успешно.

16-17 апреля 1952 года состоялась сессия общего собрания Академии наук республики. Первый день работы сессии был посвящен рассмотрению вопросов о лишении званий действительных членов Академии М. П. Русакова и А. К Жубанова и звания члена-корреспондента — К. Д. Джумалиева.

Русаков, о которая я писал выше, внес огромный вклад в развитие геологической науки Казахстана. Его вывели из академиков с формулировкой; "за деятельность, направленную во вред Союзу ССР". Обвинить во вредительстве в 1952 году... Это почти приговор.

Жубанова и Джумалиева — крупных ученых в своих областях — исключили за "потерю связи с АН Казахской ССР".

Я считал и считаю, что это были абсолютно несправедливые и необъективные решения, которые проводились по указанию руководства ЦК и под контролем секретаря ЦК по идеологии М. Сужикова. В те дни я не был академиком и не мог плыть против течения, но я знал, что со временем мы отменим это несправедливое решение. Так оно и вышло. Не без труда, но мне удалось исправить допущенные ошибки и восстановить этих замечательных ученых в прежних правах.

/Вообще надо отметить, что в послевоенный период не прекращались необоснованные репрессии против видных деятелей культуры и науки Казахстана. Были арестованы и осуждены на длительный срок — историки Ермухан Бекмаханов, Бегежан Сулейменов. Также арестовали ученых-филологов Есмагамбета Исмаилова ж Каюма Мухаметханова, последнего за "националистические ошибки" в вопросах изучения литературной школы Абая..

Жестокая политика репрессий сопровождалась широкой газетной кампанией огульного шельмования, клеветы, обвинений в национализме, идеализации феодального прошлого в вопросах изучения дореволюционной истории Казахстана, фольклора, истории казахской литературы.

Учитывая положительные качества Шаяхметова, нужно отметить, что он допустил крупные ошибки по отношению к лучшим представителем национальной интеллигенции. Эти ошибки особенно усугубились и приобрели тяжкий характер в 1951-1954 годах, когда секретарем ЦК по идеологии работал Мухамбеткали Су-жиков. Чего стоили, например, погромные постановления ЦК Компартии Казахстана о так называемой антинародной сущности лучших образцов эпоса, связанных с ними научных трудов многих

ученых, историков, филологов и целых научных коллективов. Разгрому подвергались лучшие произведения художественной литературы. Такие, например, как роман Ауэзова об Абае в редакционной статье "Казахстанской правды" в июне 1953 года. Одновременно наряду с тяжелыми обвинениями в печати, на собраниях общественности последовали и аресты известных деятелей, перечисленных выше. Обстановка была настолько нетерпимой, что Ауэзов, Жубанов и другие покинули республику.

Впоследствии, после смерти Сталина обстановка изменилась и первым секретарем ЦК стал Пономаренко,

который публично резко осудил карательные меры Ша-яхметова и Сужикова против казахской интеллигенции.

Но вернусь к сессии: *П* апреля состоялись выборы действительного члена АН КССР Д. А. Кунаева по специальности "горное дело". Избрали единогласно. После того, как Сатпаева освободили от должности президента и члена президиума тайным голосованием, я единогласно был избран президентом Академмии наук республики. В поддержку моей кандидатуры, выдвинутой академикам А. Бектуровым, выступили академики С. Н.|§ Покровский, Н. У. Базанова, К. П. Персидский.

Тогда в Академии было четыре отделения: минеральных ресурсов, физико-математических наук, биологических и медицинских наук, общественных наук. Отделения объединяли 19 научно-исследовательских институтов, 9 секторов, астрономическую обсерваторию и ботанический сад.

В соответствии с постановлением ЦК и Совета Министров республики задачи Академии заключались в том, чтобы значительно повысить эффективность научных исследований, углубить разработку важнейших проблем, укрепитьщ связь с производством, расширить подготовку научных кадров, укрепить материально-техническую базу научных учреждений. Президиум провел ряд мер по улучшению и контролю научно организационной деятельности институтов, ликвидировал лишние мелкие звенья, провел аттестацию всех научных сотрудников.

Президиум начал регулярно проводить свои заседания, слушать отчеты научных учреждений и отдельных ученых. Все это проследовало одну цель: вооружить ученых конкретной программой действий. Жизнь требовала укрепления отдельных институтов кадрами по важнейшим направления научных исследований.

Моя работа в Академии совпала с периодом, когда все ученые от корки до корки штудировали труды Сталина, как, например, [44]Марксизм и вопросы языкознания", "Экономические проблемы социализма в СССР". Первая работа расценивалась как новое слово в развитии философии, теории исторического материализма и языкознания. Сверхвыдающейся работой, эпохальным открытием и т. д. и т . п. назывались и "Экономические проблемы*.. " Словом, в науке появилось еще два краеугольных каши.

Но это сейчас можно иронизировать. А тогда сколько дифирамбов было пропето на научных конференциях, собраниях, сессиях. Немедленно эти работы включили в программу учебных заведений, в программу сети партийно-политического

просвещения, в Щ учебники всех уровней и профилей. По указанию партийных органов десятки ученых Академии выезжали в области, районы, выступали в аудиториях, на собраниях, на уроках, й всюду: гениально, гениально... Умер Сталин, прошел XX съезд КПСС, и все гениальные труды как ветром сдуло, они стали библиографической редкостью.

Но мы все верили ему. Верили даже те, кто отбывал сроки в ГУЛАГе, и кто с его именем шел на расстрел.

Вот в такое время мы жили и работали. Раздвоенными. Силы, ум, знания, здоровье отдавали для настоящего дела, работали не щадя себя, с максимальной пользой для всех. С другой стороны, хлопали в ладоши, пока аплодисменты не перейдут в овацию. Я был потрясен докладом Хрущева на XX съезде КПСС как коммунист, был болен им и глубоко убежден, что не только репрессиям, но и человеческой раздвоенности в нашей жизни не место.

После детального знакомства с институтами я позвонил президенту АН СССР К. А. Несмеянову* и тот попросил меня приехать в Москву и более подробно доложить о наших делах. Я приехал, и мы договорились с Несмеяновым, вице-президентом Бардиным о поездке в республику группы ученых, чтобы они на месте познакомились с нашей работой, советом и делом помогли казахстанским ученым.

Такая группа вскоре приехала и очень плодотворно поработала в наших институтах. 7 декабря 1954 года на заседании Президиума АН республики свои выводы сделал председатель комиссии М. И. Агошков, впоследствии академик АН СССР.

Отметив успехи отдельных институтов, он указал на серьезные просчеты в проведении исследовательских работ, слабую материально-техническую базу,.А отметил, что в ряде институтов чрезвычайно мало или нет совсем докторов наук, не созданы кафедры философии и иностранных языков* По мнению председателя комиссии, Академия наук республики развивалась однобоко, приоритет отдавался только геологической науке.

На состоявшемся заседании *XIV* сессии Совета по координации научной деятельности АН СССР, где рассматривались итоги работы комиссии, нашу Академию критиковали много и ощутимо, но и помощь Москва оказала весьма ощутимую, особенно в подготовке научных кадров.

В конце сентября 1952 года состоялся VI съезд КП(б) Казхстана. На этом съезде я был избран членом Республиканского ЦК и делегатом XIX съезда и **ВКП (6).**

XIX съезд открылся 5 октября 1952 года. О его работе в свое время сообщалось предостаточно. Как известно, съезд открыл Молотов, с докладом по директивам пятилетнего плана на 1951-1955 годы выступил Маленков, с докладом о новом Уставе партии — Хрущев (съезд изменил ее название — ВКП(б) стала именоваться КПСС), а итоги съезда подвел Ворошилов. Сталин присутствовал на съезде раза два-три. Конечно» мы во все глаза смотрели на вождя народов и поражались несоответствию облика генералиссимуса на портретах и в жизни. Мы видели усталого, судя по всему, больного человека.

Оживление среди казахстанцев вызвала сцена, когда Сталин подсел в президиум к Шаяхметову и о чем-то стал разговаривать с ним. Во время перерыва мы подошли к Шаяхметову и спросили его — о чем шла речь. Оказывается, Сталин интересовался развитием животноводства в республике, рекомендовал создавать оазисы в пустынных и полупустынных зонах Казахстана, используя поземные воды, а для решения кормовой проблемы советовал сеять суданку. Лишь перед закрытием съезда мы, делегаты, услышали голос Сталина. Говорил он об "ударных бригадах". В последний раз...

После возвращения со съезда мы, засучив рукава, с новыми силами взялись за работу. На общем собрании Академии в моем докладе "Об итогах работы за 1952 год и задачах на 1953 год в свете решений XIX съезда партии[9]' я рассказывал о деятельности научных учреждений республики. Не буду останавливаться на подробностях. Доклад полностью опубликован в "Вестнике АН КазССР".

Освещение % деятельности институтов и отдельных ученых, ведущих свои исследовании в области технических, биологических, физико-математических наук, потребовало бы очень много времени. К сожалению, надо отметить, что к ряду ученых руководство ЦК относились неоправданно отрицательно.

Однажды меня вызвали к секретарю ЦК Шаяхмето-ву. Я был принят без задержки, после взаимных приветствий секретарь ЦК попросил проинформировать его, над какими проблемами работают ученые институтов истории, языкознания и литературы. Вкратце я изложил ему, чем заняты специалисты названных института*. Секретарь ЦК сказал, что историки Академии наук медленно исправляют допущенные ошибки,- институт языка и литературы плохо выполняет постановление ЦК о его работе. Я заверил, что делается все необходимости для исправлении. Мне казалось, что я как будто бы убедил его, и пригласил секретаря

ЦК на дискуссию по казахскому эпосу, которую по решению ЦК следовало провести.

Шаяхметов, сказал, что не может принять участие в дискуссии, и на ней будет присутствовать секретарь ЦК по идеологии.

Когда я собрался уходить, Шаяхметов остановил меня и спросил:

— Что делает сейчас Ауэзов? Я

ответил:

— Не знаю, чем он занят, наверное, пишет новый роман.

Секретарь сказал:

— Вам, конечно, известно, что профессор Бекмаха-нов за вульгаризацию истории Казахской ССР и политически вредное освещение движения Кеиесары Касымова советским судом осужден на большой срок. Также осуждены член-корреспондент Джумалиев и ряд других ученых. Сейчас к нам поступают сигналы: плохо ведет себя Ауэзов, повторяет старые ошибки, фактически оторвался от Казахстана и живет постоянно в Москве. Надо его вывести из состава академиков,— сказал он в заключение.— На этом настаивает отдел науки ЦК и секретарь ЦК Сужиков. Поговорите с ним, и вы убедитесь сами.

Я был поражен таким заявлением. И твердо запил, что это невозможно. Ауэзов выдающийся писатель, известный деятель советской культуры, профессор Московского и Казахского университетов, готовит нам отличные кадры.

— Нас не поймут,— убеждал я,— не только ученые, но и весь его многомиллионный читатель* Кроме того, в уставе Академии нет такого положения, чтобы исключить из академии. Ведь академик — это пожизненное звание.

А что касается оценок Кенесары Касымова, то невольно подумалось; как ни уважаем наш советский суд, но, наверное, это не его дело, а дело знающих историков и обществоведов определить исторический вес и значение сложных, крайне противоречивых фигур деятелей далекого прошлого. Однако, что лукавить — разве суд рискнул взяться за несвойственные ему вещи без соответствующего диктата сверху?

— Надо выполнять указание ЦК, товарищ Кунаев,— сказал напоследок Шаяхметов. После этого я немедленно вылетел в Москву, чтобы защитить Ауэзова. Через отдел науки ЦК КПСС мне с большим трудом удалось отстоять Ауэзова. Об этом факте говорил на съезде писателей Казахстана П. К Пономаренко в 1954 году. Когда он назвал мою фамилию и сказал, что я уклонился от выполнения указаний ЦК и защитил Ауэзова, проявив в этом деле большую

принципиальность и упорство, я был, не скрою, приятно удивлен. Вот только одно меня смущало: откуда Пономаренко узнал о моих хлопотах? Ведь я ничего ему об Ауэзове не говорил. Потом я догадался. Пономаренко получил информацию в отделе науки ЦК СССР.

Многие помнят, какой неожиданностью для страны явились болезнь и кончина Сталина. Весть о его болезни меня застала в дороге. Я тогда возвращался из Москвы в Алматы поездом, и во время нашей стоянки на станции Чу радио передало правительственный бюллетень о тяжелом состоянии здоровья вождя, 5 ма рта 1953 года его не стало. В Академии наук республики состоялся траурный митинг, где довелось выступить и

f После смерти Сталина главой советского правительстве стал Маленков, а Хрущев в это время уже был секретарем ЦК КПСС. Затем в июле 1953 года было вскрыто так называемое дело Берии, после чего его несколько его сообщников по приговору суда расстреляли.

Вскоре был освобожден от поста председателя Совета Министров СССР Маленков, на место которого назначили Булганина. Маленков получил должность "рядового" заместителя председателя Совета Министров и министра энергетики СССР.ш Дальнейшая судьба его известна. Хрущев же был избран первым секретарем ЦК КПСС, н, таким образом, стал полновластным хозяином положения.

Находясь на отдыхе с Зухрой Шариповной в Сочи в сентябре 1953 года, я прочел доклад Хрущева на пленуме ЦК, где он подверг резкой критике руководителей республики за допущенные недоработки в сельскохозяйственном производстве. Когда я вернулся в Алматы, то был приглашен на совещание руководителей научно-исследовательских учреждений, ученых, занимающихся сельскохозяйственным производством.

Шаяхметов рассказал о работе пленума и совещании, состоявшемся после пленума в ЦК КПСС. Он особо подчеркнул, что республику критиковали за самоуспокоенность и самодовольство: плохое использование резервов, беспринципность. Республика годами не выносила свои предложения о развитии сельскохозяйственного производства. На совещании ученым предлагалось дать СРОИ предложения, как увеличить производство зерна, других продуктов полеводства и животноводства.

25-26 декабря 1953 года прошла сессия общего собрания, где я выступила с докладом [44]Об очередных задачах АН КССР в свете

решений сентябрьского пленум
ЦК КПСС".

По итогам сессии разработали подробные мероприятия и вынесли на рассмотрение бюро ЦК свои предложения. Как выяснилось после, - в ЦК республики учли далеко не все предложения партийных, советских, сельскохозяйственных органов и ученых, направленные на подъем сельскохозяйственного производства. Например, расширение посевных площадей предусматривалось в объеме 2,5 миллиона гектаров в течение 4-5 лет, начиная с 1955 года. ЦК КПСС предложения республики не принял и сделал соответствующие выводы. В начале февраля 1954 года состоялся пленум ЦК КПК. На пленуме за неудовлетворительное руководство селом от работы освободили Шаяхметова и второго секретаря Афонова. Состоявшийся вскоре VII съезд КП Казахстана избрал первым секретарем ЦК П. К* Пономаренко, вторым секретарем ЦК Л. И. Брежнева* секретарями ЦК ф, К. Карибжанова и И. Г. Тажиева.

Пленум ЦК поставил перед трудящимися Казахстана задачу: для увеличения производства зерна освоить в течете 1954-1955 годов 6,3 миллиона гектаров новых земель. Так начала разворачиваться целинная эпопея. Только в первые два года прибыло в республику 360 тысяч механизаторов, строителей, инженерно-технических работников, специалистов сельского хозяйства. В республику моюным потоком поступала сельскохозяйственная техника, которой щедро снабжало Советское правительство покорителей целины. Ученые Академии, конечно, не оставались в стороне. С коллективом института почвоведения, руководимым У. Успановым, мы принимали активное участие в отборе, обследовании и выявлении целинных и залежных земель для освоения. ^Ученые участвовали в разработке научно обоснованной системы ведения сельского хозяйства, по природно-хозяйственны-ми зонам и областям республики. Академия наук республики направила на землеустройство десятки комплексных экспедиций и отрядов. В ЦК не проходило ни одного совещания, где бы не заслушивалось компетентное мнение ученых. Свои предложения и соображения много раз докладывали Пономаренко и Брежневу и, как правило, находили поддержку.

Первую реальную отдачу республика получила в 1954 году, успешно выполнив план подъема целины и резко увеличив производство и заготовку зерна по сравнению с "доцелинным" периодом. Республика круто шагнула вперед. Заготовлено было четверть миллиарда пудов хлеба, что в два с половиной раза превышало рекорд 1951 года. *ШЩ*

С первых же дней знакомства у меня сложились деловые и добрые отношения с Пантелеймоном Кондратье-вичем Пономаренко и Леонидом Ильичем Брежневым. Они имели большой опыт партийной и государственной работы, надежные технические знания и практические навыки. В один из дней я обратился к Пономаренко с просьбой оказать помощь Академии. Привожу полный текст этого документа: ᵘ Секретарю ЦК КП Казахстана^— 10 июня 1954 г.— товарищу Пономаренко П. К.

Несмотря на то, что Академия наук Казахской ССР организована 8 лет тому назад, до сих пор вопросы создания материально-технической базы не разрешены. Научные учреждения Академии наук размещены в случайных, неприспособленных помещениях и находятся в исключительной тесноте. В большинстве институтов на одного научного работника приходится, с учетом размещения лабораторного оборудования, 2-3 метра рабочей площади.

Особенно острый недостаток ощущают научные учреждения в оснащении современным научным оборудованием.

Основной причиной создавшегося положения явились крайне ограниченные средства, выделяемые АН КССР на капитальное строительство и на приобретение научного оборудования. По этой причине преобладающая часть научных работников не обеспечена жилой площадью. Из-за незначительных ассигнований, которые ежегодно выделяются на капитальное строительство, а также неудовлетворительного ведения работ строительства Управлением Министерства гражданского и жилищного строительства КССР, объем работ по главному зданию АН выполнен за 1949-1953 годы всего лишь на 35 процентов от общей сметной стоимости. Также весьма незначительные средства выделяются и на приобретение научного оборудования, которые из года в год уменьшаются.

Вследствие этого каждому институту в среднем приходится в год на приобретение оборудование 20-30 тысяч рублей, в то время как один экземпляр многих современных научных приборов стоит десятки и сотни тысяч рублей.

Эти обстоятельства отрицательно влияют на надлежащее развертывание научно-исследовательских работ, вследствие чего затягивается разработка важных для народного хозяйства проблем.

Наряду с усилением материально-технической базы научно-исследовательских учреждений АН КССР некоторые из них также нуждаются в увеличении штатов. Кроме того, дальнейшее развитие народного хозяйства республики требует организации новых институтов, как то: нефти, микробиологии и математики. Создание этих институтов поддерживается АН СССР, Институтом нефти, а также Министерством нефтяной промышленности СССР.

Представляя При этом проект письма в Совет Министров Союза ССР об укреплении материально-технической базы и организации трех институтов в АН КССР, Президиум АН КазССР просит Вас войти с ходатайством в Правительство СССР об оказании нам необходимой помощи".

Надо отметить, Пономаренко внимательно отнесся к моей просьбе, и Академия получила значительную помощь в финансовом и материально-техническом отношении.

В начале сентября 1954 года мы обстоятельно поговорили о работе Академии с Пономаренко и Брежневым. Я ушел от них, получив полную поддержку своих предложений. Секретари ЦК не возражали провести довыборы академиков, членов-корреспондентов. Выборы мы наметили провести после моего возвращения из КНР. В Китай мне

предстояло вылететь в составе делегации деятелей китайско-советской дружбы.Эр

Прошло много лет с тех пор, когда я с группой деятелей советской культуры и науки провел месяц в народном Китае. Нам предоставили возможность близко познакомиться с деятельностью научно-исследовательских учреждений и вузов, с литературой и искусством Китая. Мы посетили промышленные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы и госхозы. Делегация встречалась с государственными деятелями, учеными и писателями, артистами и инженерами, рабочими и крестьянами — с представителями всех слоев китайского общества.

По сравнению с тем временем, многое изменилось на сегодняшний день в жизни китайского народа, его экономике, культуре и науке. Проведен в жизнь ряд реформ. Еще в 1978 году было принято историческое решение об экономической реформе. В последние годы она получила дальнейшее развитие, а перемены в экономике были углублены. Произошла децентрализация в экономике. Предприятия сами распоряжаются производством. Широко внедрены в деревне коллективный и семейный подряды.

Многое, очень многое изменилось в КНР с того времени, как мне, будучи президентом Академии наук Казахской ССР, довелось побывать там в составе советской делегации, в которую входили видные деятели науки и культуры нашей страны. Возглавлял ее председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей профессор Денисов. Среди членов делегации: были академики Островитянинов, Панкратова, ректор МГУ академик Петровский, президент Академии художеств, народный художник СССР Герасимов, литовский писатель Венцлова, вице-президент Академии педагогических наук РСФСР Мельников, председатель правления Украинского ОКСа Кизя, председатель Всесоюзной торговли палаты Нестеров.

Мы присутствовали на торжественном заседании Всекитайского Собрания народных представителей, посвященном пятилетию со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Эта дата по всей стране отмечалось как великое национальное торжество. В президиуме находились — Председатель КНР Мао Цзэдун, заместитель председателя КНР Чжу Дэ, председатель Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей Лю Шао-ци, премьер Государственного Совета Чжоу Эньлай. В президиуме также были и члены советской правительственной делегации во главе с Хрущевым. На следующий день мы смотрели парад войск Народно-освободительной армии и демонстрацию трудящихся на площади Тяньаньмынь. Парад войск принимал министр обороны КНР Пын Дэхуэй.

За время путешествия делегация посетила СевероВосточный, Юго-Восточный, Южный и часть Центрального Китая. По территории Китая мы *Щ* только на самолете пролетели 5000 километров. Нам удалось посмотреть города, расположенные на берегу Желтого, Восточно-Китайского, Южно-Китайского морей, часть городов на великой китайской реке Янцзы. Делегация побывала в Пекине, Шэньяне, Аныпане, Фушуне, Нанкине, Шанхае, Ханчжоу, Кантоне, Ухане и Ханькоу. В здании Академии наук Китая мне пришлось выступить с лекцией о достижениях советской горной науки. Лекция успешно прошла перед большим скоплением научных работников. Также по этой теме я выступил в научных учреждениях Кантона и Шеньяна. Впоследствии эта лекция была опубликована в Пекине на китайском языке отдельной брошюрой.

Во время посещения Института национальных меньшинств, где учились представители всех наций, населяющих Китай, я выступил перед студентами и рассказал о достижениях Казахстана за 30 лет со дня образования республики.

В последний день пребывания нашу делегацию приняли Лю Шаоци и Чжоу Эньлай. О своей поездке в Китай я подробно рассказал в книге "30 дней в народном Китае", вышедшей в 1955 году.

После возвращения в Китай я подробно доложил Пономаренко и Брежневу о своих впечатлениях, обо всем» что я видел и слышал в Китае. А 30 ноября мы провели сессию общего собрания республиканской Академии наук. Общее собрание избрало 13 действительных и 17 членов-корреспондентов. Таким образом, состав нашей Академии удвоился и пополнился крупными учеными. В него вошли: Ахмедсафин, Бок, Попов, Смирнов, Чокин, Боев, Домбровский, Полосухин, Сызганов, Мука-нов, Тажибаев, Палых».

Членами-корреспондентами стали: Кущев, Сергиев, Цефт, Стендер, Козловский, Захаров, Пентковский, Бальмонт, Бияшев, Жуматов, Буланов, Клейнбок, Дар-канбаев, Добрунов, Аманжолов.

Академиком-секретарем был избран Полосухин.

Сатпаева утвердили в должности директора Института геологических наук.

Проведение выборов позволило укрепить важнейшие направления науки видными учеными, президиум Академии — пополнить молодыми учеными.

Благодаря огромной помощи ЦК Совмина республики, в Академии наук значительно повысилась эффективность входящих в ее состав научных учреждений. Был организован ряд институтов и лабораторий, играющих важную роль в развитии экономики и культуры республики. Академия наук стала одним из крупных научных центров, влияющих на развитие производительных сил Казахстана. Комплексные экспедиционные отряды Академии наук вместе с другим научными

учреждениями выявили пахотнопри годные земели на площади около 23 милдиона гектаров.

Наступил 1955 год. В марте в Москве проходила сессия Верховного Совета СССР. Мне предложили выступить на ней. Чтобы подготовить свое выступление, я заранее приехал в Казахское представительство, занимавшее замечательный особняк в Трубниковском переулке, 10, в районе Арбата. Собрал необходимые данные, начал писать выступление, и тут срочный вызов к По-номаренко. Они с Брежневым находились в кабинете постпреда* Поздоровались. Пономаренко спросил, чем я занят? Ответил: готовлю выступление. Они засмеялись, и Пономаренко сказал: "Не терзайте себя, выступать не будете, а подготовленные материалы вам пригодятся на следующей сессии. Мы хотим сделать вам предложение.
На бюро ЦК мы утвердили вас преседателем Совмина республики, освободив от обязанностей президента Академии наук. На сессию Верховного Совета республики внесем предложение о назначении вас на новую должность. Что скажете на это?" Сказал: "Буду выполнять директиву ЦК". [44]Мы так и думали",— заметил Брежнев. "Сейчас поедем в ЦК,— сказал Пономаренко,— представим вас Хрущеву. Будьте готовы, через десять минут выезд".

Хрущев принял нас очень вежливо. Поздравил меня, пожелал успехов в моей деятельности. Пономаренко с Брежневым рассказали ему о положении дел в республике и решили ряд кадровых вопросов. Беседа продолжалась не более тридцати минут. Это была моя первая личная встреча с Хрущевыми

После приема у Хрущева мы вернулись в Казпред-ство. В связи с моим переходом на другую работу, надо было позаботиться о моем преемнике в Академии. Кандидатуры обсуждали долго. Брежнев рекомендовал молодого ученого-физика. Я не соглашался и настаивал на кандидатуре Сатпаева. Мою сторону принял Пономарен-ко, и мы убеждали Брежнева снять свое предложение и рекомендовать президентом Сатпаева.

Брежнев согласился не сразу. Он ссылался на документ о крупных финансовых и бюджетных нарушениях в Академии в период работы Сатпаева, где было допущено незаконное расходование государственных средств — свыше миллиона рублей. Об этом говорится в специальном постановлении Совета Министров КССР.

— Поймут ли нас ученые и общественность республики? — спрашивал он нас.

Ссылаясь на относительную давность принятых решений, мы вновь и вновь уговаривали Брежнева сиять свои возражения. Он сказал, что пусть, мол, на этот счет выскажется бюро ЦК Компартии

Казахстана. Как оно решит, так и будет. На бюро наше предложение было поддержано, и Сатпаев снова стал президентом Академии.

Вспоминая эти события, хотелось бы сказать следующее: в некоторых газетных статьях и журнальных публикациях, появившихся в последнее время, читателям навязывается мнение о моем якобы негативном отношении к Сатпаев у, что абсолютно не соответствует истине. К Канышу Имантаевичу я всегда относился с уважени-

и никогда не занимался его преследованием. Ни в ооном моем выступлении я ничего отрицательного о нем не говорил. После того, как встал вопрос о выборе нового президента Академии наук после освобождения Сатпаева, именно он первым рекомендовал меня на эту должность. После моего назначения председателем Совета Министров Республики, я, как сказано выше, настаивал на том, чтобы он был вторично избран президентом моей поддержкой. Нелишне вспомнить, что в бытность мою президентом, Сатпаев возглавил Институт геологических наук. Словом, у нас всегда были нормальные деловые отношения.

После смерти Сатпаева было принято специальное постановление Совета Министров об увековечении его памяти. Отмечая его заслуги, его имя присвоили Институту геологических наук Академии наук Республики, Джезказганскому горно-металлургическому комбинату, одной из центральных улиц Алматы, школе, совхозу. Предусматривали и ряд других мероприятий. Замечу попутно, что таких почестей не отдавали даже самым выдающимся ученым страны, поэтому неуместно и несправедливо говорить сейчас о забвении или умолчании имени Сатпаева.

ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА

31 марта 1955 года в Алматы открылась сессия Верховного Совета республики. На сессии не было Брежнева, он отдыхал в Барвихе. Сначала на партийной группе, затем на сессии Верховного Совета Пономаренко внес предложение от имени ЦК и Совета старейшин назначить меня Председателем Совета Министров республики. Сессия Верховного Совета единогласно назначила меня председателем Совета Министров КССР. Я был восьмым председателем Совмина со дня основания Казахской республики. В новой должности я начал работать с первого апреля 1955 года- На этой же сессии Председателем Президиума Верховного Совета был избран Ж. А. Ташенев, работавший первым секретарем Актюбинского обкома партии.

ЦК Компартии Казахстана и Совмин республики в те времена размещались в одном здании. Оно было построено в центре города в 30-е годы, после переезда столицы Казахстана из Кзылорды в Алматы. Западное крыло занимал ЦК, в восточной части были размещены Совет Министров и Президиум Верховного Совета КССР. Позже это здание передали Казахскому государ-

ственному университету, а ныне здесь находится Театрально-художественный институт. Прежде чем приступить к работе в Совете Министров, я зашел к Пономаренко. Он еще раз порекомендовал не разбрасываться на мелочи, больше обращать внимания и тщательно изучать главные вопросы, потом, после проработки, смело решать их. Затем он провел меня в кабинет председателя Совета Министров, где были в сборе руководители отделов и заместители председателя. Представил меня им, пожелал успехов и ушел к себе.

Большинство ответственных работников Совмина я хорошо знал по совместной работе, поэтому у нас сразу сложились с ними деловые отношения. Первым замом работал С. Ф. Николаев, он был для нас новым работником, приехал с Украины. Сельским хозяйством занимались два заместителя: М. Б. Бейсебаев — бывший первый секретарь Кокчетавского обкома партии, и И. Г. Слажнев — бывший председатель Кустанайского некого облисполкома. Зампредом по промышленности был Р. М. Байгалиев из Караганды. Строительство курировал М. И. Горбунов - бывший зампред Свердловского облисполкома. Воцросами культуры, здравоохранения, просвещения занимался Т. Т. Тажибаев.

Для того, чтобы выполнить поставленные перед республикой задачи do созданию мощной индустриальной базы и энергетики, крупного сельскохозяйственного производства, повышению уровня культуры и науки, строительства новых городов, их благоустройства, потребовалось с самого начала моей работы Председателем Совмина организовать новые союзно-республиканские министерства и укрепить руководство некоторых министерств и республиканских органов. Так было организовано Министерство цветной металлургии республики, решающее вопросы улучшения руководства этой важнейшей отрасли народного хозяйства республики. Первым министром был назначен А. И. Самохвалов, бывший министром цветной металлургии страны, последнее время работавший директором Балхашского горно-металлур-тачбекого комбината. Самохвалов сделал очень много в

вопросах становления министерства и укрепления его высококвалифицированными кадрами.

Было организовано Министерство строительно-монтажных работ. Необходимость создания этой организации диктовал всевозрастающий объем строительно-монтажных работ. Министром был назначен крупный организатор инженер А. П. Кротов. Министерство получило большое развитие в самые краткие сроки.

Также было создано Министерство геологии, которое объединило все геологические службы Казахстана. Министром был назначен А. С. Богатырев — знаток своего дела, до этого руководивший крупной геологической партией в Центральном Казхастане. В укреплении указанных министерств квалифицированными специалистами, в решении их материальной базы помогали союзные министры — Ломако, Якубовский, Антропов.

Позднее было организовано Министерство энергетики, объединившее энергослужбу республики. Министром был назначен Т. М. Батуров — хороший инженер, сделавший до этого очень много для' развития энергетики Рудного Алтая. Министром совхозов стал М. Г. Рогинец, работавший секретарем Кокчетавского обкома *Л* Министром финансов был назначен У. Атамбаев, работавший постоянным представителем Совмина республики в Москве. Было создано Министерство сельского строительства. Эти и ряд других республиканских ведомств и организаций были укреплены опытными, хорошо зарекомендовавшими себя руководителями.

По предложению Хрущева моим заместителем и председателем Госплана был назначен Л. Г. Мельников, бывший первый секретарь Компартии Украины. Он сделал очень многое для укомплектования квалифицированными кадрами плановых органов[1*] республики, для решения узловых вопросов экономики.

Прошло меньше месяца моей работы в Совмине, как произошли изменения в руководстве ЦК. Пономаренко был освобожден от работы в Казахстане и назначен послом в Польшу. За короткий срок работы с Пономарен-ко у меня сложились с ним дружеские отношения.. Он

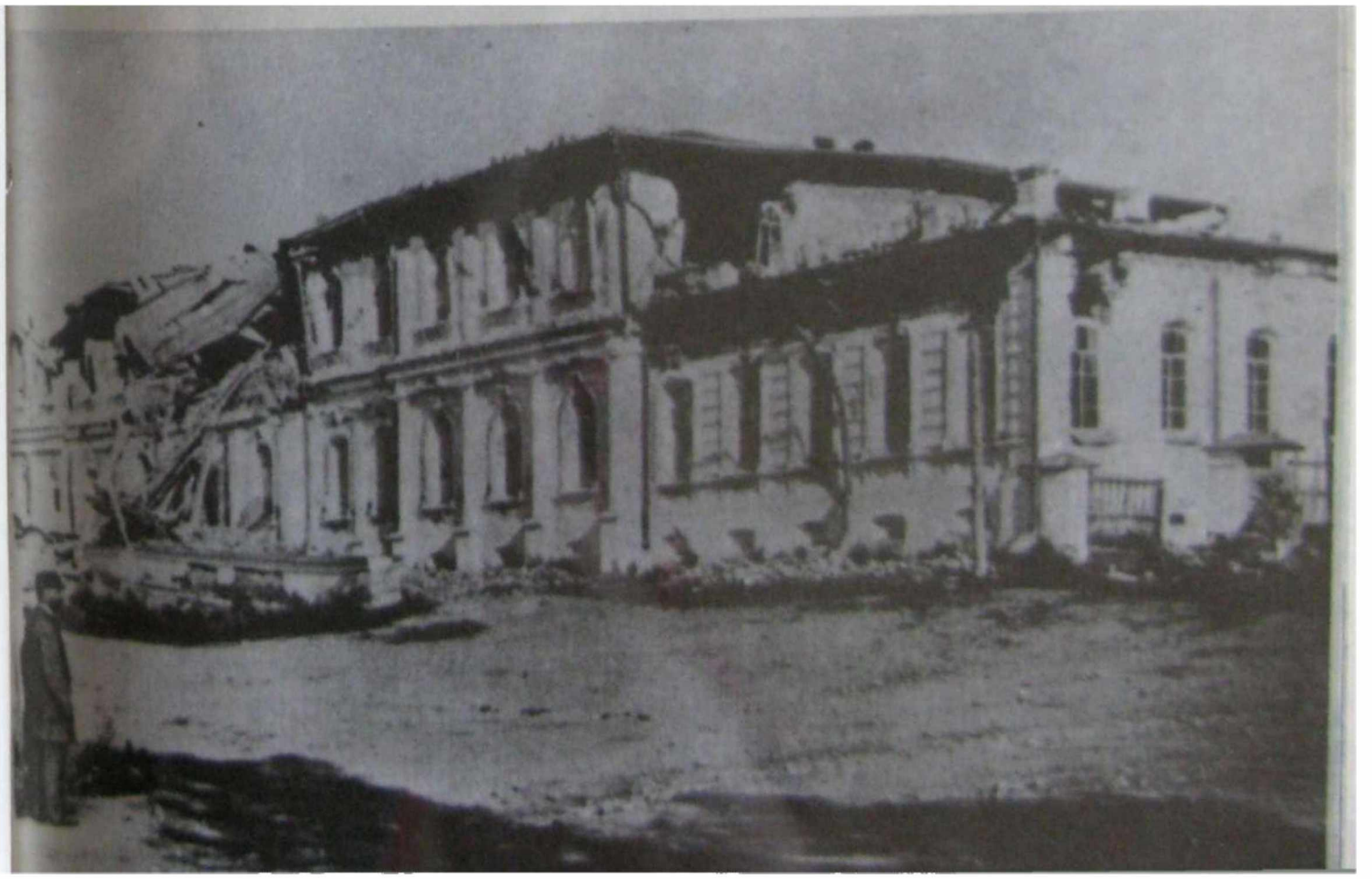
и

был человеком твердого характера и очень доступным, простым. Умел располагать к себе собеседника, был

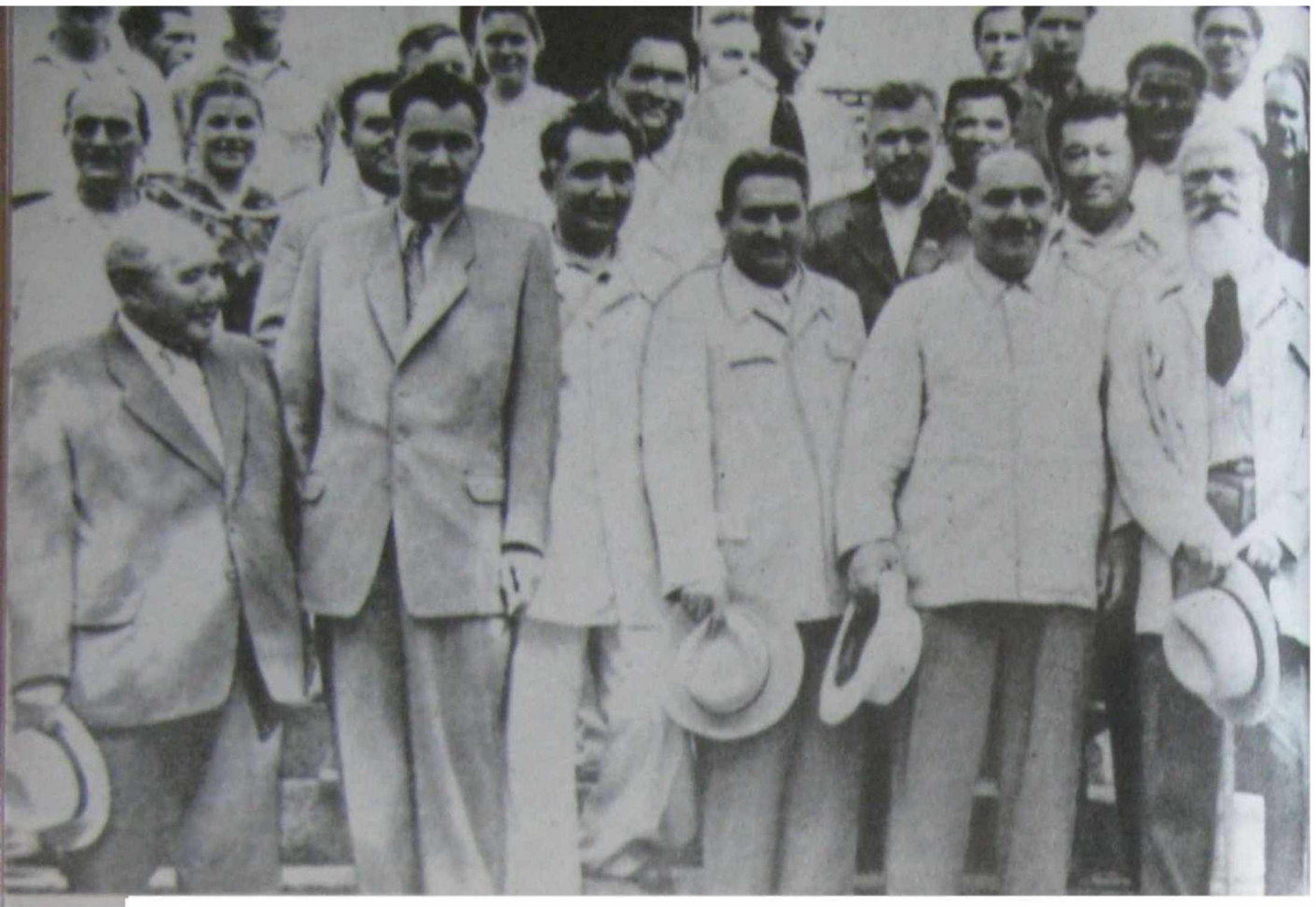
очень демократичным. Его выступления большой отличались оригинальностью. В свободное время, в домашней обстановке, он любил рассказывать о своих делах в

Дом губернатора до разрушения.

Дом губернатора после землятресения.



го выступле В свободное



Посещение Л. М. Кагановичем Академии наук Казахской ССР (слева направо) М. Ауэзов, К. Сатпаев, И. Яковлев, Л. Каганович, М. Русаков. Алматы. 1956 г.

Н. Хрущевым во время декады казахской литературы и искусства
Большой театр. Москва. 1958 г

Во время пребывания в Алматы президента СРВ Хо-Ши-Мина.
1959 г.

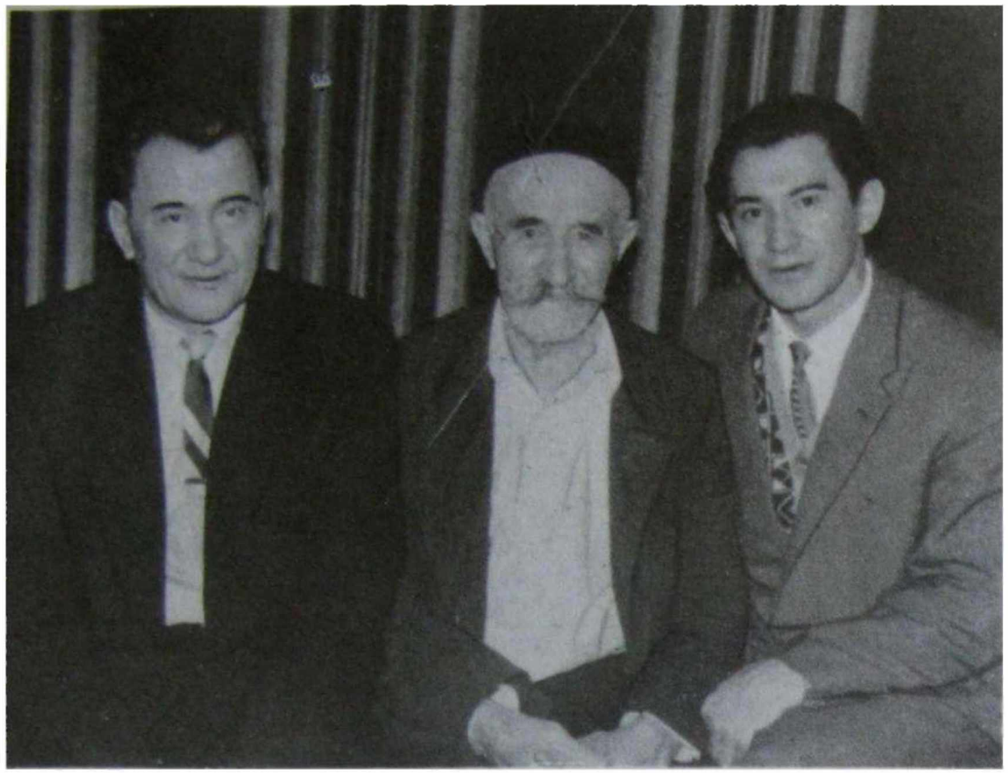
С Н. Хрущевым на озере Иссык. 1961 г.

Д. А. Кунаев рядом с М. И. Калининым среди награжденных перпо строителей Балхаша за пуск БМЗ. Москва, Кремль, 1939 г.

Открытие первого участка дороги Моинты — Чу. Забит серебряный костыль. 1951 г.

За каменным столиком Т. Г. Шевченко. Гурьевская область. Апрель 1958 г.

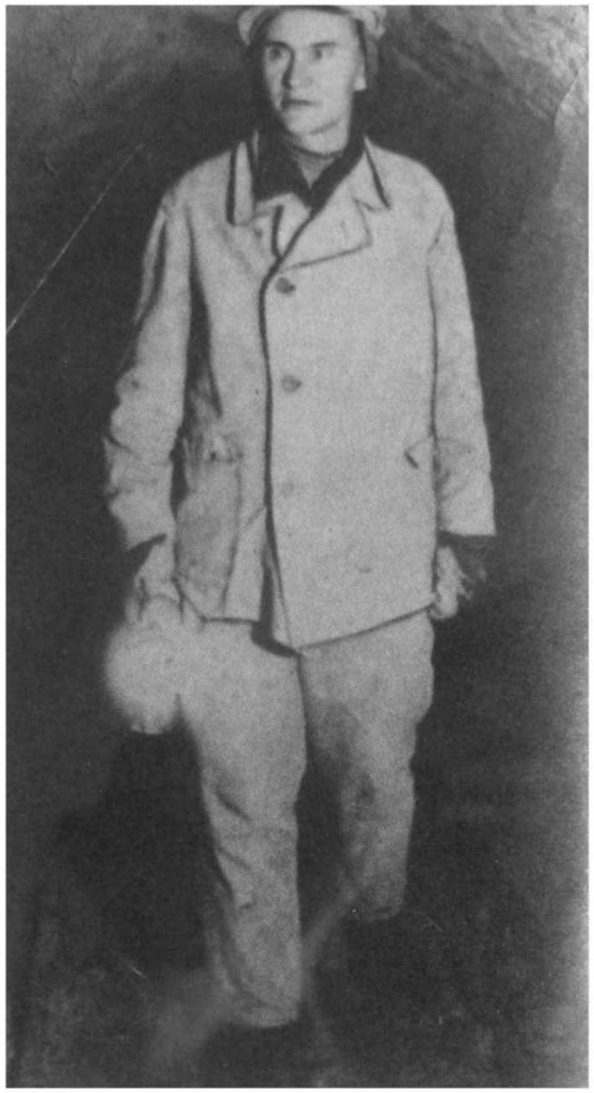
Во время XX съезда КПСС. Москва. Кремль. 1956 г.



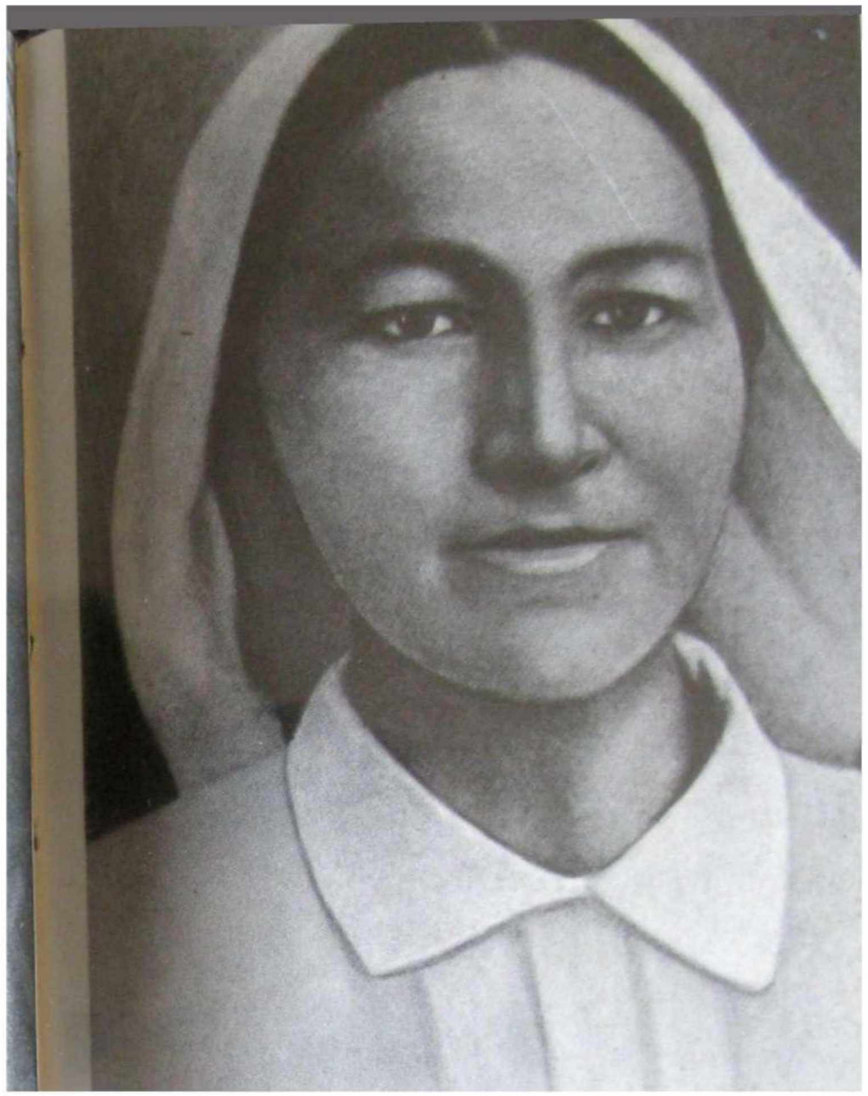
С отцом и братом Аскаром. 1962 г.

С Зухрой Шариповной.

1933 г.



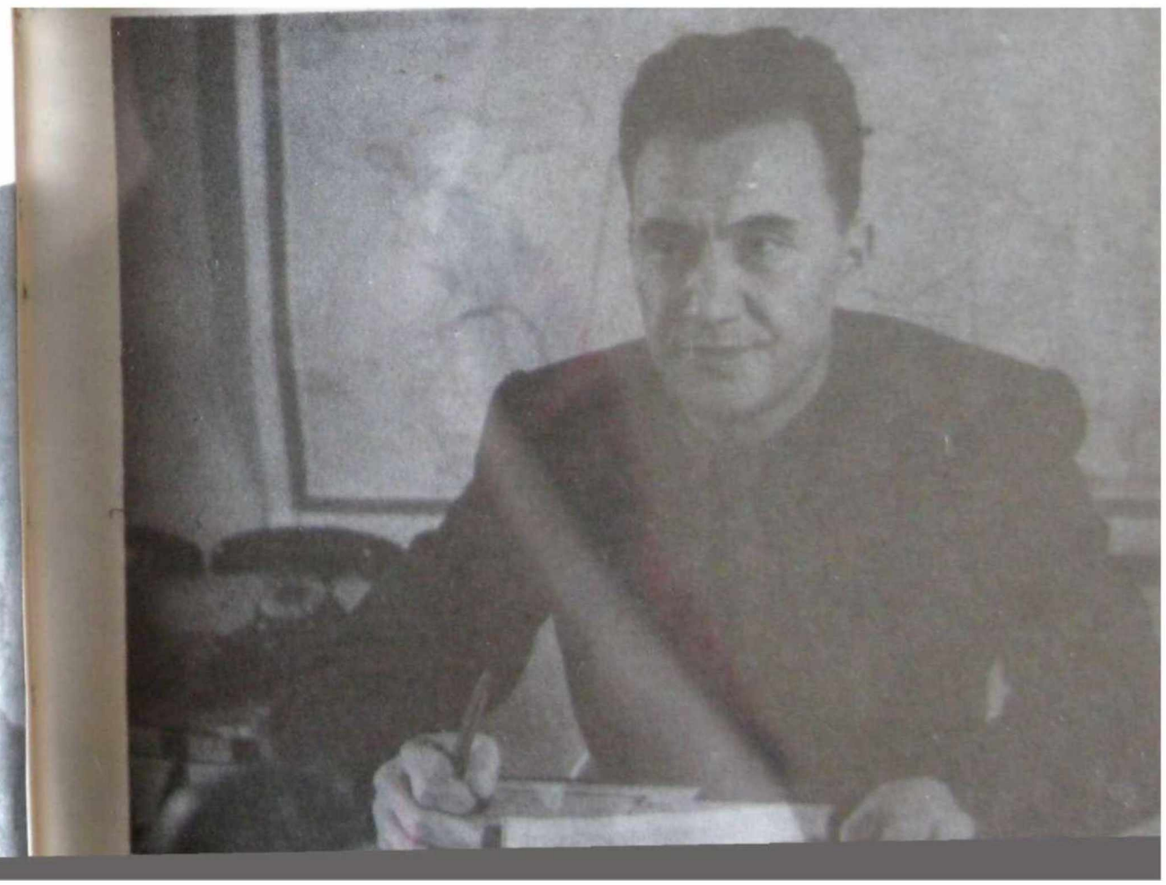
В забое. Риддер. 1940 г.



Зауре Байыркызы — мать Д. А. Кунаева.

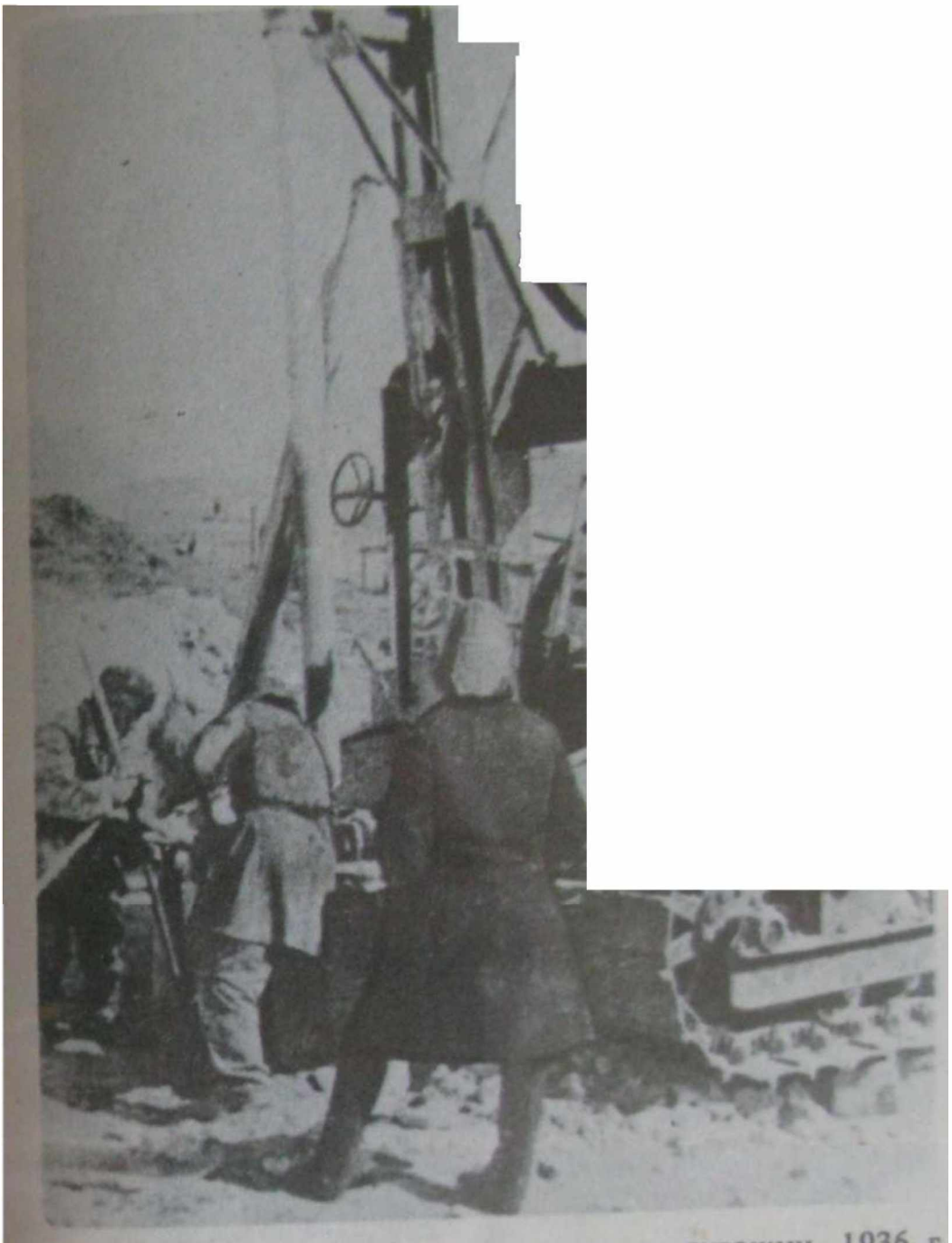
В Совете Министров Казахской ССР. 1947 г.

Ударники учебы 2-й группы горнорудного факультета Минцветмета.

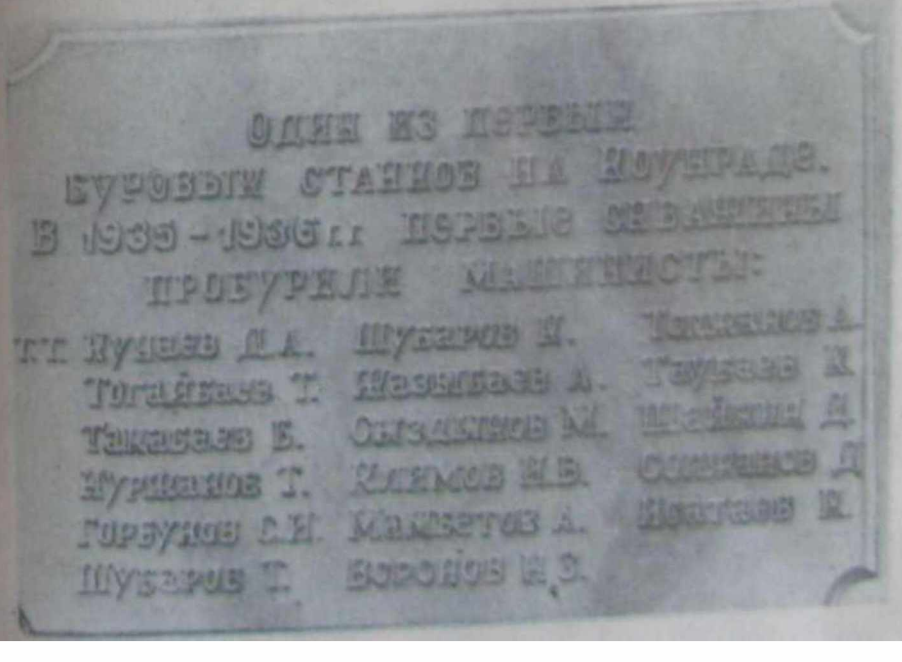


Первые геологоразведчики Коунрада. 1932 г.

Вчерашние кочевники становились горняками. 1934 г.

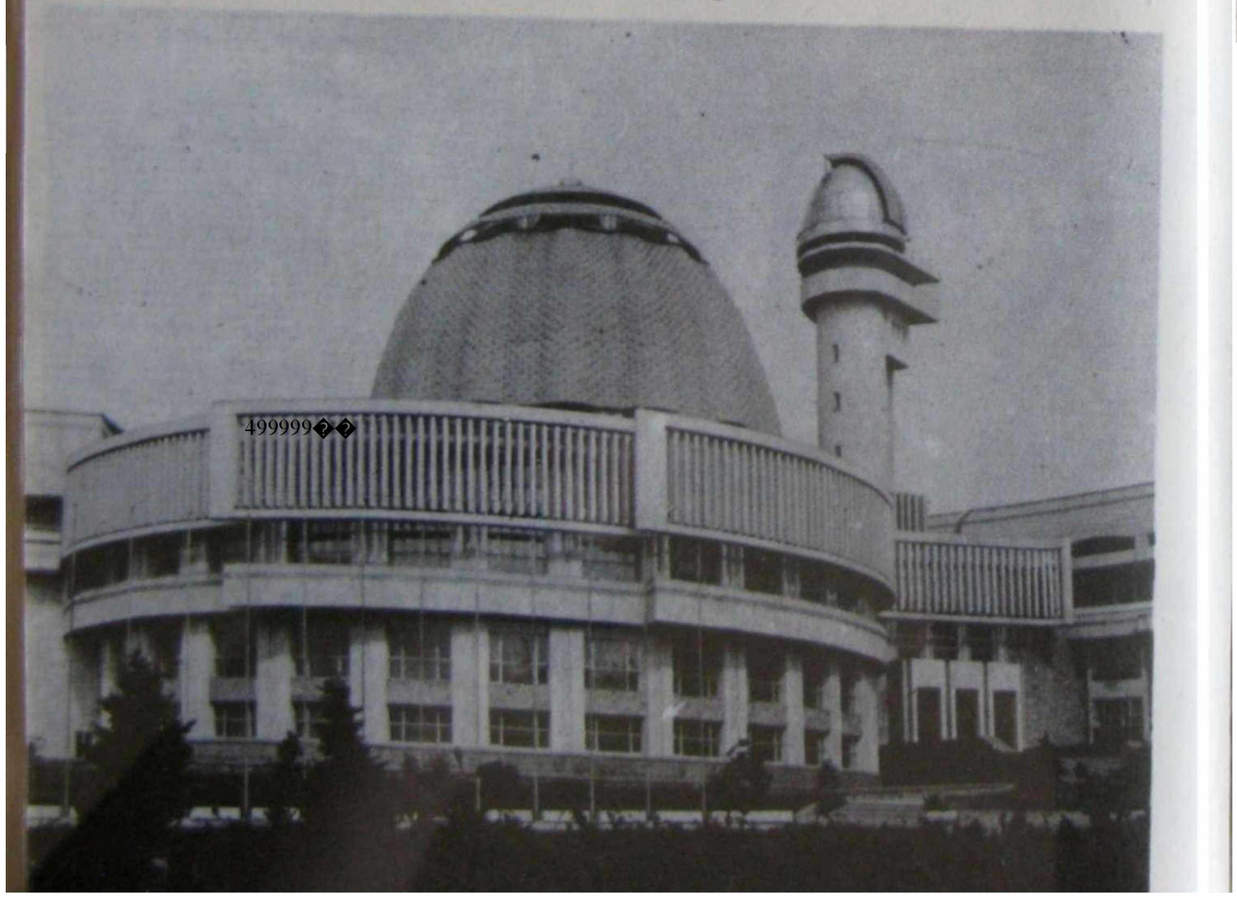


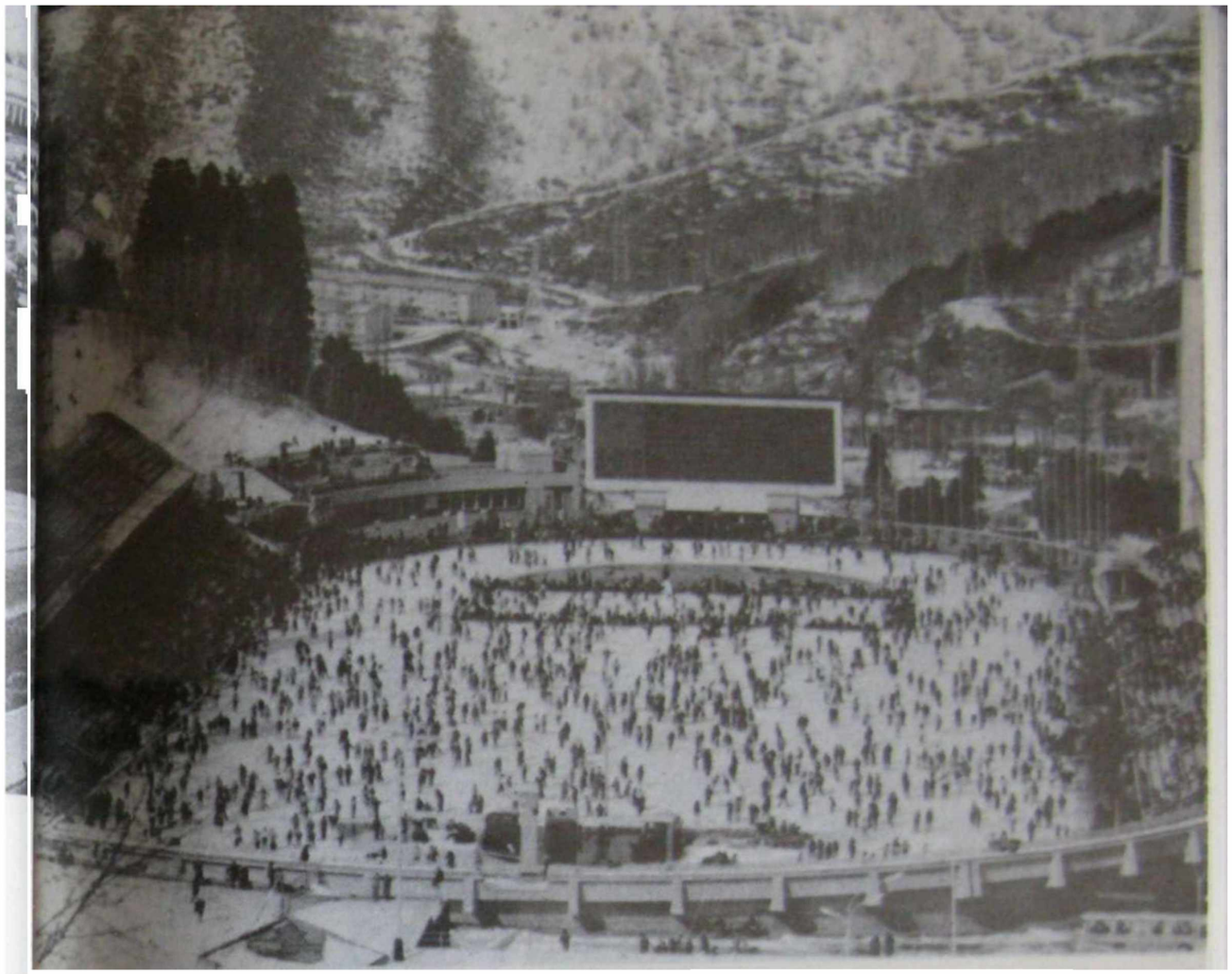
Бурение взрывных скважин. 1936 г.



Алматы. Новая площадь.

Алматы. Республиканский дворец пионеров.



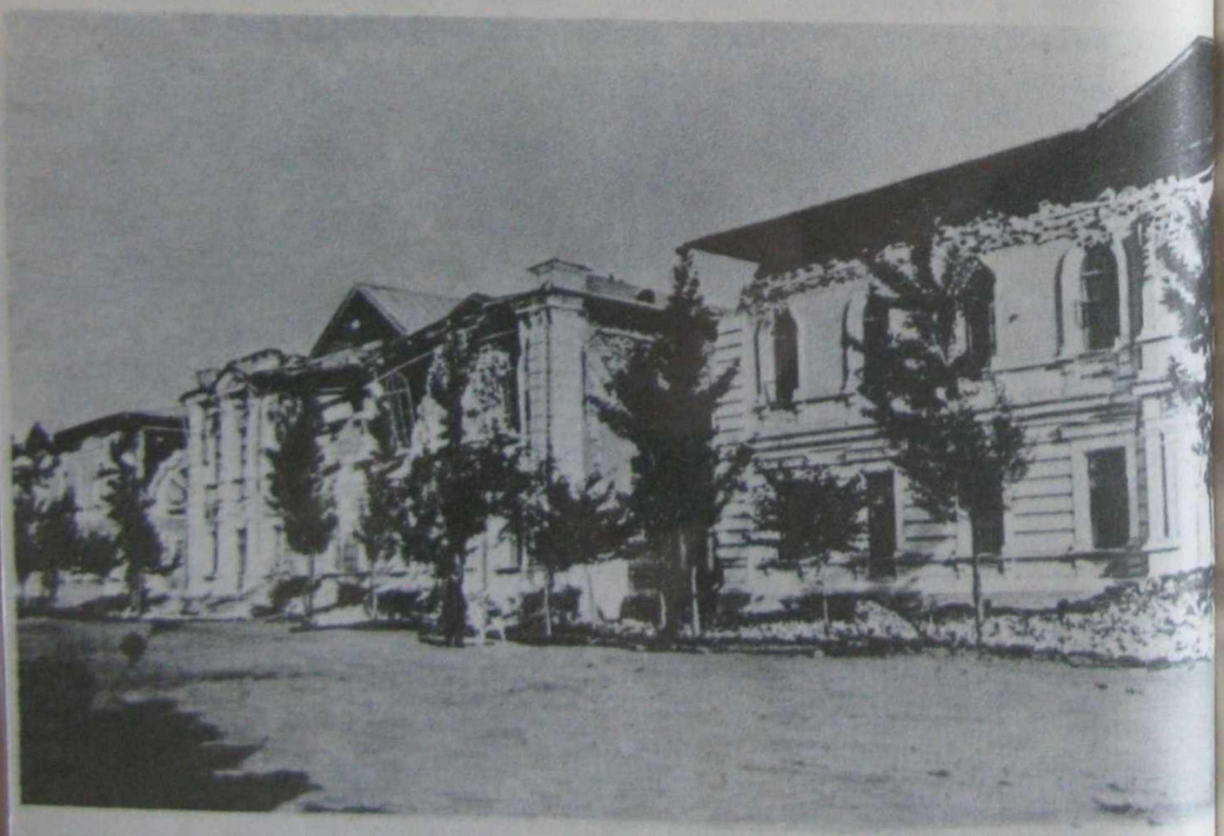


Спортивный комплекс "Медео

Оздоровительный комплекс "Арасан".

г. Верный. На пересечении современных улиц Фурманова и Жибек жолы.

Мужская гимназия.



Татарская мечеть.

Архиерейский дом.

Встреча с Люшаоци и Чжоэньлаем. Пекин. 1954 г.

Во время вручения К. Б. Ворошиловым награды Казахстану. 1957 г.

Белоруссии, в штабе партизанского отряда, так как с 1942 года Пономаренко был назначен Сталиным начальником Центрального штаба партизанского движения Он сумел аргументированно убедить вождя в том что настойчиво предлагаемые Берией узкие методы ведения войны в тылу врага только лишь силами спецотрядов НКВД чрезмерно однобоки. Они к большому, масштабному успеху не приведут. Важно было формировать крупные партизанские соединения, причем на армейских принципах, обеспечивая боевое, кадровое, материально-техническое снабжение партизан централизованно, причем с привлечением крупных сил транспортной авиации. Концепция Пономаренко возобладала и дала самые высокие позитивные результаты. Пономаренко с большим интересом рассказывал о работе в Москве и о добром отношении к нему Сталина, особенно когда он был его заместителем.

Он подчеркивал, что с Хрущевым же у него отношения явно не складывались. Вспоминается такой случай. Писатель Ауэзов позвонил мне и пригласил в гости. В конце разговора добавил, что приглашает и Пономаренко. Только я положил трубку — звонок от Пономаренко. Он предложил пойти к Ауэзову вместе: "Зайдите за мной, хорошо?" Я пришел к Пономарен-к о [A] в это время звонит аппарат ВЧ связи. Пономарен-ко поговорил по телефону и, положив трубку, сказал, что звонил ХрушГев. Настроение у него было явно испорчено. Он и не скрывал этого, помню, бросил фразу: "С Хрущевым становится работать все труднее и труднее". Затем он рассказал, что их "неладные отношения" начались еще до войны, когда Хрущев работал в Киеве, а он в Минске. Дальше, в период войны, а затем — в Москве, они по многим вопросам не находили общего языка. В том числе и тогда, когда Пономаренко работал — а было и такое — министром культуры **СССР.**

Я отчетливо запомнил и такие слова Пантелеймона Кондратьевича:

— Работать в Казахстане очень интересно,- сказал он здесь надо решать крупные проблемы, но не знаю, позволят ли мне долго поработать в этой республике с ее замечательными людьми. Вам придется работать под началом Хрущева. Учтите - это увлекающаяся натура. Многие вопросы он ставит неглубоко, всесторонне не продумывая. Ваши вопросы, предложения, мнения, если

таковые расходятся с его мнением, он не пропустит. Более того, это может привести к нежелательным результатам. Для него чуждо мнение других, он идет напролом. Хрущев органически не выносит людей, более способных и более знающих, чем он сам. Он начал планомерно избавляться от людей твердых и способных до конца отстаивать свои взгляды. Многих руководящих работников на местах и в центре, решительно защищающих свои предложения и взгляды, он постепенно убирает со своих постов.

Признаюсь, в то время такое заявление Пономаренко для меня было странным. И только потом, много позже, я убедился в правоте его слов. На этом наш разговор закончился, и мы отправились к Ауэзову.

На вечере у Ауэзова, кроме меня и Пономаренко, был Мустафин, тогда председатель Союза писателей республики, Мусрепов, еще два-три человека, но кто именно, я уже позабыл. Обстановка была самая что ни есть доброжелательная, разговор в основном вели Ауэзов и Пономаренко. Ауэзов рассказывал ему, как он работал над эпопеей об Абае, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться. Много говорили о литературе, искусстве, не оставалась без внимания и экономика. По-номаренко живо интересовало мнение писателей о предстоящих планах развития республики, особенно вопросы освоения целины.

Разъехались мы поздно ночью, очень довольные приемом у Ауэзова. Вообще, надо отметить, что Понома-ренко стремился установить тесные контакты с ведущими казахскими писателями. Я был сам очевидцем, как Мустафин, Мусрепов, Ауэзов, Муканов подолгу беседовали, иногда часами, бывая у него на приеме.

А сам он тщательно изучил историю, быт, традиции казахского народа, внимательно читал лучшие образцы казахской поэзии и прозы. Когда я бывал у него в кабинете, то всегда на его столе видел книги наших казахстанских авторов.

Такой внимательный и благожелательный подход По-номаренко к лучшим представителям нашей интеллигенции давал свои положительные плоды. Ему удалось даже примирить и сгладить сильные противоречия и конфликты среди наших литераторов и значительно улучшить творческую атмосферу в писательской среде.

Спустя еще какое-то время тот первый разговор По-номаренко с Хрущевым, при котором я присутствовал, получил неожиданное, скорее предсказуемое, продолжение.

Я был у Пономаренко в его кабинете. Ему по ВЧ-связи позвонил Молотов, в ту пору еще министр иностранных дел СССР. После окончания разговора Пономаренко сказал:

— Помните, я говорил вам о моих отношениях с Хрущевым? Сейчас, после разговора с Молотовым, многое прояснилось. Меня заставляют переходить на дипломатическую работу, я уезжаю в Польшу.

Тут же он вызвал помощника, сказав ему, чтобы готовили самолет в Москву. Помощник вскоре доложил, что через три часа самолет будет готов к вылету. По-номаренко пригласил всех членов бюро ЦК, находящихся в городе, и объявил, что отзывается в Москву. Мы поблагодарили его за совместную работу. Через три часа я один провожал его в аэропорту, никто из членов бюро туда не поехал. До самой его кончины у нас сохранились дружеские, теплые отношения.

Первым секретарем ЦК был избран Брежнев, вторым — Яковлев — бывший первый секретарь Новосибирского обкома КПСС. С первых же дней работы с Брежневым, как я уже писал, у нас сложились хорошие деловые отношения. С ним работать было легко, Леонид Ильич обладал особой целеустремленностью и большими организаторскими способностями. Будучи по специальности техником-землеустроителем, инженером-металлургом, он детально разбирался в промышленном производстве и строительных делах. Прекрасно ориентировался и в сельском хозяйстве. У него был ровный, спокойный характер, он по-доброму относился к товарищам. Я всегда работал с ним в полном контакте.

А республике ставили все новые и новые задачи. В 1955 году освоение новых земель проходило в еще более крупном масштабе, чем в 1954-м. Если в первый год освоения целинных и залежных земель в Казахстане было организовано 90 совхозов, то 1955 году ставилась задача организовать минимум 250 новых совхозов. В подъеме целинных земель участвовали все области республики. Дел было великое множество.

Для организуемых совхозов прежде надо было подобрать хорошего организатора-директора, что было непро-

сто. Трудности возникали и с подбором кадров на должности главного агронома, инженера, счетно-бухгалтерских работников, снабженцев, да и просто рабочих-механизаторов. Вместе с районными руководителями назначенному директору надо было выбрать место для совхоза. Поселки возникали по существу на голом месте, и поэтому прибывающим людям надо было создавать самые элементарные условия для жизни. Поток поступающей техники, стройматериалов, сборных домов, многих других материалов обрушивался, иначе не скажешь, на железнодорожные станции, их надо было срочно вывозить. На тех же станциях скапливались сотни людей, прибывающих со всех концов страны. Жизнь требовала срочно развернуть торговлю продуктами питания и промтоварами. Необходимо было срочно организовать пункты здравоохранения. Местные партийные, советские, селькохозяйственные органы в такой ситуации трудились напряженно.

Выбор места строительства совхозов и поселков, определение пригодности земель для распашки требовали научного подхода. Неграмотные и необоснованные решения могли принести большой вред, тем более такие факты уже были. Всем Советам, вплоть до сельских и аульных, Минсельхозу, Минсовхозу были даны ясные указания относительно выбора земли для распашки и строительства новых совхозов. Естественно, было много поездок, очень часто с Брежневым, по Северному Казахстану. Состоялись сотни встреч с людьми. Это и новоселы, и специалисты, и механизаторы разного уровня. Нередко жили в вагончиках, делали остановки на станциях. Проводили бурные совещания в областных центрах, районах, просто на полях будущих совхозов. Часто приходилось выступать на бюро обкомов, заседаниях исполкомов, на совещаниях с секретарями райкомов, председателями райисполкомов, директорами и специалистами совхозов. При этом, я хочу особо выделить, что в критике за допущенные ошибки никогда не допускалось унижение достоинства людей.

Не раз приходилось держать совет о самых насущных проблемах освоения целины с хлеборобами, агрономами, животноводами, руководителями партийных, советских, хозяйственных органов, профсоюзными, комсомольскими работниками, учителями, врачами, учеными, механизаторами. Итоги 1954 года, когда было произведено хлеба почти в 2,5 раза больше, чем в до-целинный период, вдохновляли трудящихся села на новые подвиги.

В подъеме и освоении казахстанской целины участвовала вся страна. Для оказания практической помощи к нам на продолжительное время приехали союзные министры и их заместители: Бенедиктов, Бещев, Козуля, Кожевников, Корнеец, Кальченко, Гундобин, Гоциридзе и другие. Большую помощь оказывал ЦК ВЛКСМ, часто приезжали Шелепин, Тяжельников. Немало заботился о целинниках председатель ВЦСПС Гришин. Вопросы освоения целины не сходили с повестки дня бюро ЦК, Совета Министров. К этим вопросам было приковано внимание всех республиканских и союзных министерств и ведомств.

Тяжелая обстановка сложилась в 1955 году: засуха охватила всю территорию республики. На огромной площади, прямо на глазах, погибал хлеб, посеянный в тяжелых условиях. Люди, слабые волей и духом, отступили, повернули назад, но таких было немного.

Особую роль в целинной эпопее и подъеме экономики Казахстана сыграл один из известных деятелей сельского хозяйства страны Иван Александрович Бенедиктов, работавший продолжительное время наркомом земледелия, затем министром сельского хозяйства, министром совхозов СССР. Он неоднократно приезжал в Казахстан и всегда оказывал конкретную помощь. Земледельцы республики многим обязаны Бенедиктову.

Немало сделал для становления экономики Казахстана и крупный финансист страны Арсений Григорьевич Зверев, работавший наркомом и министром финансов с

1938 по 1960 год. В тяжелые для республики дни нас крепко поддерживали заботой, моральной поддержкой, добрыми словами руководители страны. Звонили Брежневу и мне — Хрущев, Булганин, Микоян, Первухин, Косыгин, секретарь ЦК и другие товарищи.

В результате засухи многие хозяйства остались без семян, совхозы и колхозы продали государству всего 100 миллионов пудов хлеба. Семенами были обеспечены только на 72 процента. Нужно было искать выход из труднейшего положения. Вместе с Брежневым полетели в Москву, просить семенную ссуду, Хрущев и Булганин тогда были в Индии. Политбюро руководили Микоян,

loi

который по нашей просьбе нас принял. Подробно доложили обстановку в республике. Он внимательно нас выслушал и сказал, что надо доложить об этом Хрущеву, без его разрешения семенную ссуду выделить не может.

Помню, Микоян упрекнул нас, почему это мы сдали хлеб, не обеспечив хозяйства семенами. Мы объяснили, что одно хозяйство не может засыпать семена за другое. Удовлетворившись нашими ответами, Микоян в завершение разговора сказал, что результат мы узнаем через два-три дня. Брежнев уехал в Днепропетровск по своим личным делам. Через два дня меня вызвали на президиум Совета Министров СССР, где я еще раз объяснил, чем вызвана наша просьба. В конце концов семена республике выдали, но предупредили, что впредь ссуды будут выделяться только в исключительных случаях. Такое предупреждение сыграло свою роль: республика больше не обращалась с такой просьбой, за исключением отпуска гибридных семян кукурузы.

В 1956 году, когда мы полностью рассчитались с полученной ссудой и продали государству один миллиард пудов хлеба, одним из первых позвонил Микоян. Поздравил с победой на целине и в порядке шутки сказал, что в этом деле есть и его доля.

Микоян был очень внимательным человеком, с большим уважением относился к своим сотрудникам, особенно к тем, с кем работал долгие годы. Умел ценить их, поддерживал, помогал. Однажды он позвонил мне и спросил, как складывается сельскохозяйственный год. Я доложил обстановку, а в конце нашего разговора он попросил помочь бывшему ответственному работнику Нар-комторга Якубовичу, осужденному совершенно незаконно на длительный срок в период культа личности. В данное время он был оправдан и жил в Караганде. Мы разыскали Якубовича и помогли в трудоустройстве.

На XXIII съезде, когда меня избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Микоян первым сердечно поздравил меня.

Еще о двух событиях, происшедших в 1955 году, о которых умолчать попросту нельзя. Впервые за всю историю советского Казахстана наша республика принимали гостей на высшем международном уровне. Я имею в виду посещение Алматы одним из известных в мире государственных деятелей, премьер-министром Индии Джа-вахарлалом Неру, который прилетел к нам вместе с дочерью Индирой. Принимали мы его вместе с Брежневым. Встреча Неру в аэропорту, а затем и проводы происходили при большом скоплении народа, и я отчетливо помню, какой восторженный прием оказывали ал-матинцы высокому гостю. Неру, ознакомившись с городом, сказал мне, что Алматы очень похож на Кашмир.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что в те дни ка-захстанцы впервые ощутили, что наша республика, укрепляясь экономически, прочно завоевывает авторитет как внутри страны, так и на международной орбите.

Через некоторое время Алматы посетил и руководитель Бирмы У Ну. Мы также встречали его с Брежневым. Руководство названных стран в первую очередь интересовали вопросы, связанные с освоением целинных земель. И Неру, и У Ну подчеркивали, что такая широкомасштабная экономическая и демографическая акция, проводимая в нашей стране, представляет и международный интерес...

24-27 января состоялся VII съезд Компартии Казахстана. Съезд заслушал отчетный доклад ЦК и директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства страны на 1956-1960 гг. Съезд проанализировал развитие народного хозяйства республики. Поставил задачу обеспечить дальнейший рост всех отраслей народного хозяйства, в частности, в области сельского хозяйства произвести в 1956 году не менее 1 млрд. 500 млн. пудов зерна и продажу государству не менее 600 млн. пудов. Я был избран членом ЦК и бюро, делегатом на XX съезд. Первым секретарем ЦК съезд избрал Брежнева и вторым — Яковлева.

XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 года, занял особое место в истории нашей партии и народа. Мы до глубины души были потрясены докладом Хрущева "О культе личности И. В. Сталина и его последствиях", с которым он выступил на закрытом заседании съезда. Для кого раньше, для кого позже стали известны факты острейшей борьбы, которая развернулась между членами Президиума ЦК по поводу включения в повестку дня съезда выводов комиссии по расследованию деятельности Сталина. Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков резко выступил против этого предложения, считая, что в партийных рядах, в народе разоблачение культа личности Сталина не найдет поддержки и создаст много трудностей для КПСС в братских марксист-ко-ленинских партиях. Но Хрущев сумел настоять на своем и при поддержке других членов Президиума (Булганина, Сабурова, Первухина, Кириченко, Суслова) поручил секретарю ЦК КПСС, академику П. Н. Поспелову возглавить работу комиссии. Предполагалось, что с этим докладом выступит сам Поспелов, но в самый последний момент сценарий изменили и с докладом выступил **I** первый секретарь ЦК КПСС. Это был мужественный шаг Хрущева.

По отчетному докладу ЦК выступил Брежнев. По докладу Булганина выступил я.. Одобряя директивы съезда по шестой пятилетке, в своем выступлении я поднял вопросы дальнейшего развития целинных земель и об использовании Каратауских ванадиевых руд.

После съезда Тевосян написал мне письмо, где сообщил, что Минчермет в ближайшее время изучит вопросы, связанные с развитием Каратауских ванадиевых руд.

На съезде я был избран членом ЦК КПСС. Брежнева избрали кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС.

Перед отъездом в Алматы в гостинице "Москва", в 419-м номере я, Сатпаев, Журин, Макарин и другие казахстанцы тепло попрощались с Брежневым, пожелали друг другу здоровья и успехов в работе. Начатая еще в 1954 году наша дружба продолжалась до последних дней его жизни.

После возвращения со съезда в Алматы состоялось расширенное заседание Совета Министров республики. Главный упор был сделан на дальнейший подъем целинных земель, строительство новых и обустройство созданных р совхозов. Были заслушаны доклады министра совхозов Рогинца, сельского хозяйства Мельника и первого заместителя министра сельского хозяйства Познан-ского. Разработанные *m* меры и постановление Совета Министров были доложены на бюро ЦК и получили полное одобрение.

На состоявшемся в апреле пленуме ЦК КП Казахстана первым секретарем избрали Яковлева, вторым — Журина, работавшего ранее первым секретарем Актюбинского обкома.

Здесь я должен коснуться одной щекотливой темы. А именно; отношения Москвы к национальным кадрам и главное — к первым руководителям республики* Мы не раз в узком кругу, в том числе с русскими и украинскими руководителями-казахстанцами, обсуждали тему: почему центр упорно назначает первыми секретарями ЦК республики "свои кадры", игнорируя перспективных местных руководителей? Такую практику можно понять в 20-30-е годы, но ведь после революции прошло сорок лет? Неужели нет ни одного достойного? На мой взгляд, такая кадровая политика ничего общего не имеет с ленинскими принципами. И как тут не задуматься над тем, что Москву в данном случае устраивали имперские амбиции, выражающиеся в немудреной формуле: "Кого хотим, того назначим. А ваше дело единогласно проголосовать "за". И мы голосовали. Потому что въелось в сознание: высшие кадры для республики дает только Центр. Хочу быть правильно понятым: это не обида, это несколько запоздалое прозрение, в котором я вижу пренебрежение Москвы к воспитанию *и* росту национальных кадров...

На том самом пленуме был заслушан и мой доклад "О задачах парторганизации республики по успешному проведению весеннего сева и получению высокого урожая сельскохозяйственных культур в совхозах и колхозах республики в 1956 году". Развернута была большая организаторская работа по успешному выполнению народнохозяйственных планов первого года шестой пятилетки. Промышленность работала нормально. Бурное развитие начали получать промышленные центры: Караганда , Шымкент, Усть-Каменогорску Ал маты, Павлодар, Темиртау. Закладывались основы развития Экибастуза, Ермака, Кентау, Рудного, Шевченко (Актау) Степногор-ска. Успешно был проведен весенний сев.

А 10 июля у нас состоялся еще один пленум ЦК. По ходу жилищного строительства в республике докладчиком был я. Во время работы пленума мне позвонил Каганович и сказал, что хочет посмотреть целинные Земли и завтра будет в Кустанае. Я вылетел в Куста най (Костанай).

Поезд Кагановича стоял на станции Тобол. Выехав из Кустаная, я думал о том, как он меня встретит, ведь всем было известно о его твердом, жестком характере, кругах методах работы на руководящих постах в правительстве Союза. "Железный нарком[4] Каганович, в чью честь было названо да же Московское метро, был одним из ближайших соратников Сталина, имя его было известно всей стране» Но моя первая встреча с ним прошла на редкость дружелюбно.

После завтрака у него в вагоне мы на машинах выехали в Акмолинск (Акмола). По дороге Каганович сделал остановку в Есиле и Атбасаре. Он осмотрел поля в близлежащих совхозах, был поражен, увидев тучные хлеба, которые уже колосились.

В Есиле выступил перед целинниками. Жалоб было много, главным образом по бытовым вопросам. Первый секретарь обкома Бородин был в это время в Алматы. Заключая свое выступление, Каганович заявил, что все бытовые проблемы, поднятые на совещании, он поручает мне для принятия мер. После такого заявления мне пришлось не раз побывать в Есиле, вместе с руководством в области и районе расшивать, как говорят, узкие места.

В Акмоле Каганович провел многолюдное совещание с руководителями заготзерна четырех северных областей и железнодорожниками, напирая главным образом на предстоящую перевозку зерна урожая 1956 года.

Отчет о работе совещания и выступление Кагановича были направлены в "Правду", но, к нашему удивлению, напечатаны не были. После ознакомления с состоянием Карагандинской железной дороги и строительством вторых путей, мы вылетели в Караганду. Там он долго не задержизглся. Провел совещание с членами бюро обкома и руководителями комбината "Карагандауголь". Вечером мы были уже в Алматы, где Каганович ознакомился с городом, посетил сельскохозяйственный институт и Академию наук. А потом вместе с Яковлевым на его самолете вылетели в Москву. В центральной печати о посещении Кагановичем Казахстана не было сказано ни слово...

По приезде в Москву, я готовился вылететь в Англию в составе парламентской делегации, которую возглавляла Фурцева,— тогда еще не секретарь ЦК КПСС и не министр культуры, а первый секретарь Московского горкома партии.

Членами делегации были: Гришин — в ту пору председатель ВЦСПС, Мазуров — председатель Совмина Белоруссии, президент Академии

медицинских наук Бакулев, президент грузинской Академии наук Мусхелиш-вили, главный редактор газеты "Известия".

11 июля мы отбыли в Англию. После недолгой остановки в Берлине сели в Париже, где нас встретил по-| сол Виноградов. В Париже посетили Лувр и на кладбище Пер-Лашез на могилу коммунаров возложили цветы. На следующий день вылетели в Лондон и по прибытии, после небольшого отдыха, нас пригласили в английский парламент. На второй день нашу делегацию принял | премьер-министр Идеи. Премьер принял нас очень доброжелательно и состоялся содержательный разговор, касающийся парламентских, экономических и культурных связей между нашими странами. Затем мы были приняты министром иностранных дел. У нас было много встреч с деловыми кругами Англии. Приемами и встречами нас загрузили основательно. Наша делегация разделилась на две группы. Одна группа во главе с Гришиным поехала в Уэльс — крупный промышленный центр страны. Наша группа выехала в Шотландию и побывала в Глазго и Эдинбурге. После возвращения из Шотландии, несмотря на напряженный график работы, англичане показали нам исторические объекты в Лондоне, в том числе Британский музей, центральный музей мадам Тюссо, Тауэр. Были мы и в Кембридже, где встречались с группой ученых, посетили квартиру, где жил Исаак Ньютон.

Наше пребывание в Англии завершилось приемом, устроенным королевой Елизаветой по случаю какого-то торжества в парке Букингемского дворца. На приеме присутствовали главы дипломатических представительств, крупные политические деятели,, были приглашены | члены нашей делегации. Там же, на приеме, я видел выдающегося политического деятеля Уинстона Черчилля, он был уже в довольно почтенном возрасте и медленно передвигался, опираясь на трость.

Наша делегация выполнила миссию, возложенную на нее Верховным Советом СССР, и возвратилась на Родину.

Впоследствии, в 1977 году мне довелось посетить Англию вторично во главе делегации КПСС для участия в 35-м съезде КПВ. Во время пребывания в Лондоне наш посол Луньков организовал ряд экскурсий по историческим местам Лондона и его окрестностей. Мы побывали на родине великого Шекспира — небольшом городке Стратфорде на Эйвоне, посетили могилу великого драматурга. Он был похоронен в алтаре церкви. На могиле высечена из известняка небольшая фигура Шекспира, в правой руке он держит перо. Так же побывали в доме Бернарда Шоу в небольшом городке недалеко от столицы и осмотрели его квартиру. В небольшом двори-г ке особняка заглянули в

маленький сарай "курятник"! где он писал "Пигмалиона". В этом "курятнике" был смонтирован телефон. Звонить мог только он, а к нему звонки не доходили.

Вместе с Луньковым посетили исторический замок Виндзор. Половина замка превращена в исторический музей, а другую половину занимает королева Елизавета II, где она проводит большую часть года. Этот замок упомянут у Шекспира в "Виндзорских проказницах".

Ознакомились с памятными местами в Лондоне, связанными с Лениным. Посетили дом, где печаталась "Искра", библиотеку Британского музея, где часто бывал Ленин. Побывали на Хайгетском кладбище, где похоронен Карл Маркс.

Часть вторая

ПОД КРАСНЫМИ ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЯ

Хорошо это или плохо, но это именно так. Именно под этими алыми звездами, чей свет сопровождал нас в любом зарубежье и дома, был надеждой для миллионов и миллионов людей всей планеты, строилась жизнь и судьба каждого из нас, судьба и перспективы всего Казахстана, руководителей страны и республики, о чем я и поведу свой рассказ дальше.

В день возвращения из Англии в Москву мне в номер позвонил Брежнев и сказал: "Завтра в Алма-Ате состоится республиканский партийный актив, там находится Хрущев. Немедленно вылетайте домой". В этот же день ночью я вылетел в Алматы и в 11 утра был в оперном театре,' где проходил актив. О чем пойдет речь на активе, я знал заранее. На активе уже был заслушан/ доклад министра совхозов Рогинца, начал выступать' министр сельского хозяйства Мельник. Я подошел к Хрущеву, поздоровался, сел рядом в свободное кресло. Он сразу обратился ко мне: "Разговор об Англии будет после актива. Скажите, будет миллиард?" Я ответил, что нет никакого сомнения, что миллиард будет. Это его обрадовало. Он предложил мне после его выступления подвести итоги работы актива и более конкретно высказать свое отношение к миллиарду. Предоставил слово Хрущеву, он говорил более часа в основном критиковал Афонова, секретаря Павлодарского обкома за

плохое руководство сельским хозяйством. Оказывается, вылетая к нам из Новосибирска. Хрущев сделал остановку в Павлодаре и видел очень засоренные поля, в заключение своей речи он выразил уверенность, что трудящиеся республики продадут нынче миллиард пудов хлеба.

Я заверил ЦК и Хрущева, что миллиард будет. После этого я попросил Хрущева оказать содействие в развитии овцеводства: разрешить нам организовать (по берегам Иртыша) от Зайсана до Павлодара десятки *ов*цесовхозов. Мои предложения он принял, но по разным причинам все осталось только на словах.

После актива был дан прием в честь Хрущева, где участвовали и московские товарищи, сопровождавшие его.

По итогам актива в Алматы мы провели митинг на I площади имени Коминтерна (напротив памятника Аман-гельды Иманову, месторасположение здания Театра для детей и юношества). Хрущев выступил, как всегда , с большой, но отнюдь не пустопорожней речью. Кого надо было — покритиковал, но больше — хвалил, радостно говорил, что из казахстанского зерна хлеб получится самым пышным, самым белым, самым вкусным. Он вместе с нами был счастлив первым нашим республиканским миллиардом. Надо сказать, что и первый этот миллиард, и все последующие определялись всегда честно. К любому миллиарду мы подходили тщательно, боролись за него всеми силами, подключали все министерства, в том числе союзные. Но при этом никогда не позволяли себе что-либо приписывать, добавлять, искусственно наращивать, включать в общий показатель семена и т. п. Каждый миллиард пудов хлеба, выращенный Казахстаном, был результатом героических усилий всех тружеников республики, и в первую очередь ее целинников — людей особого склада и, я сказал бы, обостренной честности и совести. Никакая показуха в итогах страды нам никогда не была нужна.

Вместе с Хрущевым на его самолете Журин, Таше-нев и я вылетели в Кустанай. Там нас встретили Яковлев, вернувшийся из Москвы, секретарь обкома Храмков и председатель облисполкома Ботамиров. Хрущев осмотрел хлебные поля Александровского и Павловского совхозов. Поля были чистые, без сорняков. Колосился богатый хлеб. Хрущев зашел в поле, попросил Храмко-ва сфотографировать его и, улыбаясь, сказал, что фотографию покажет в Москве "анти целинникам". Потом пожелал нам всем успехов и на поезде уехал в Москву.

После отъезда Хрущева республиканский партийный актив сконцентрировал организаторскую работу на главной цели: во что бы то ни стало дать стране миллиард

110 пудов хлеба. Надо сказать, что в уборке урожая Казахстану помогала вся страна. Это было, конечно, наклад-то, **но** другого выхода не было. На уборке работали студенты, рабочие и служащие, приехавшие из городов России, Украины,

Татарстана, Башкортостана,[74] Грузии, республик Прибалтики. На помощь прибыли представители братских социалистических стран. Из соседних областей "десантировалось" 13 § тысяч комбайнеров со своими комбайнами. На перевозке зерна денно и нощно работали 90 тысяч автомашин, свыше 60 тысяч прибыло иа других республик. Секретарь республиканского ЦК Журин, Карибжанов, Тажиев, Успанов, председатель Президиума Верховного Совета КССР Ташенев, заместители председателя Совмина республики Бейсебаев, Слажнев, министры Мельник и Рогинец — постоянно находились в самых горячих точках, где решалась судьба миллиарда.

:дНе могу не сказать добрых слов о моих товарищах, многие из которых и поныне в полную меру сил активны в общественной жизни, а кое-кого, увы, нет в живых...

Второй секретарь ЦК Николай Журин был одним из старейших партийных работников Казахстана. Работал в аппарате ЦК секретарем райкома, первым секретарем Кустанайского, Акмолинского, Северо-Казахстанского обкомов партии. Был первым секретарем Западно-Казахстанского крайкома, а после упразднения края — первым секретарем Актюбинского обкома. С этого поста ушел на пенсию. Живет в Москве. Журин много сил и энергии вложил в освоение целинных земель республики.

Фазыл Керимович Карибжанов ведал сельским хозяйством. По специальности агроном. Работал в СевероКазахстанском обкоме партии, затем вторым секретарем Карагандинского обкома, заведующим сельхозотделом ЦК. Небольшой отрезок времени работал министром сельского хозяйства, потом секретарем и вторым секретарем ЦК. Являлся одним из активных организаторе» подъема целины* Умер он в августе 1960 года, занимая пост Председателя Президиума Верховного Совета республики. Похоронен в парке имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев.

Ибрагим Тажиевич Тажиев. Я знал его еще по Балхашу. После окончания Ленинградского политехнического

института он был рядовым инженером, затем начальником строительства Алматинской ТЭЦ. Вскоре его выдви нули

наркомом коммунального хозяйства» затем работа зампредом Совмина, начальником строительства Темир-тауской ГРЭС, замминистра энергетики страны. Из Москвы вернулся в республику на должность зампреда Совмина и председателя Госплана КССР. Позже, будучи секретарем республиканского ЦК, не сработался с Беляевым и был направлен в Москву заместителем постпреда республики. Тяжело заболел и умер в сентябре 1960 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Много сделал для развития производственных рил Казахстана, хорошо знал свое дело, был толковым организатором, душевным человеком и хорошим товарищем.

Партийный актив уважал и ценил одного из своих ветеранов — Григория Андреевича Мельника. Я познакомился с ним в 1942 году, когда он работал завсельхо-зотделом ЦК. Продолжительное время он *был* министром сельского хозяйства республики, моим первым замом в Совете Министров. Работал секретарем ряда обкомов и секретарем ЦК. Очень весом его вклад в подъем сельскохозяйственного производства республики.

Иван Гаврилович Слажнев. Был директором МТС, секретарем райкома, председателем Кустанайского облисполкома, первым секретарем Павлодарского обкома, председателем крайисполкома. Работая зам. председателя Совета Министров, ушел на пенсию. Оставил заметный след в развитии сельскохозяйственного производства в республике.

Значительный вклад внес в освоение целинных и залежных земель Михаил Георгиевич Моторике Он работал секретарем райкома, председателем Кустанайского облисполкома, зам. председателя Совета Министров республики. После слияния министерства сельского хозяйства и совхозов продолжительное время был министром сельского хозяйства.

Плодотворно работал министром хлебопродуктов республики Музафар Дай ров, много лет занимавший ответственные должности в партийных и советских органах республики.

Ну вот, вспомнил я некоторых своих товарищей — и будто вновь повстречался с ними: энергичными, целеустремленными, и каждый из них, без громких слов, личность. Ради дела они готовы были на неустроенность, невзгоды, могли сутками работать без сна и отдыха.

Как во всяком большом деле, были у нас срывы и бои. Но мы старались оперативно решать проблемы.

В 1956 году ход уборки широко освещали радио и печать. Объем проданного хлеба за каждую пятидневку освещала "Правда". Наша любая просьба об оказании помощи в успешной уборке центральным руководством рассматривалась очень внимательно и быстро решалась. Я доложил Первухину, что республика выполнила план продажи хлеба государству и, как обещали, продадим еще 400 миллионов пудов. Мы испытываем большой недостаток в легковых машинах для оперативного руководства, руководители райисполкомов ездят на тракторах. Прошу помочь. "Какая потребность?"— спросил Первухин. Сказал— 250. Обещал рассмотреть. Буквально через 15 минут Первухин позвонил и сообщил, что целевым направлением для райисполкомов Совет Министров выделяет 214 легковых автомашин. Вот пример оперативного решения вопроса.

Совхозы и колхозы с честью выполнили высокие обязательства: вместо 600 миллионов пудов хлеба по плану, был продан 1 миллиард пудов. Республика была награждена орденом Ленина. 130 человек были удостоены звания Героя Социалистического Труда, в том числе руководители крупных районов. Свыше 40 партийных, советских, комсомольских работников были награждены орденами и медалями.

После успешного окончания сельскохозяйственного года мне дали отпуск. Мы с женой решили отдохнуть в Чехо-Словакии. А в Праге нас встретили работники нашего посольства и чешские друзья. Из аэропорта мы поехали в "Дом Конева" (этот особняк чехи подарили маршалу Коневу после освобождения его армией ЧехоСловакии от фашистских захватчиков). После небольшой остановки выехали в Карловы Вары, где нас разместили в одном из лучших санаториев "Ричмонд". Время нашего отдыха совпало с венгерскими событиями. Тревожились, волновались, но в ту пору ничуть не сомневались, что действия нашей страны вполне правомерны.

После возвращения из Чехо-Словакии ожидали приезда в республику Ворошилова. Он должен был вручить орден республике и большой группе награжденных. Ворошилов прилетел 13 января 1957 года. 14 января на торжественном заседании ЦК, Верховного Совета и СМ КССР Ворошилов вручил республике орден Ленина.

При большом стечении народа на площади возле Оперного театра состоялся митинг по случаю вручения республике ордена. Ворошилов поздравил трудящихся с награждением и пожелал больших успехов. С ответной речью пришлось выступить мне. 15

января Ворошилов вручал ордена и медали республиканским работникам. Ордена Ленина вручили Яковлеву, Ж урину, Ташеневу и мне.

В это время Хрущев прилетел во Фрунзе (Бишкек) для вручения ордена республике. Вместе с Яковлевым вылетели в Киргизию (Кыргызстан) • Мы встретились там с Хрущевым и доложили ему обстановку в республике, ж

Торжественное заседание открыл Раззаков. Хрущев вручил республике орден Ленина. От имени казахстан-цев я приветствовал трудящихся Крыгызстана.

А в начале февраля 1957 года находился в Москве, ще рассматривались вопросы, связанные с расширением прав республики. В эти дни меня вызвали к Молотову для выяснения ответа на вопрос, почему республика в план заготовки зерна включила 3 млн. пудов хлеба, за^А купленных Казпотребсоюзом в 1956 году. Совет Министров поручил Госконтролю рассмотреть просьбу Центросоюза по этому вопросу. Вместе с постпредом Шариповым явились в приемную Молотова. Комитет находился тогда на улице Горького (Жибек жолы). Ровно в назначенное время Молотов вышел из кабинета, подошел к нам, поздоровался и сказал: "Заходите, рассмотрим ц просьбу Центросоюза". Протест рассмотрели, пришли к согласованному решению. После этого я рассказал ему о делах республики. Прощаясь, Молотов проводил нас до приемной. Таким образом состоялось мое знакомство с Молотовым.

В 1956 году в глубинных пунктах было принято много хлеба. Его вывозка затягивалась. Эту проблему обсуждали на президиуме Совета Министров СССР, который вел его председатель Н. А. Булганин. Это была моя вторая встреча с Булганиным. О первой было рассказано выше, где я писал о моей работе в Балхаше. Сейчас впечатление об этом человека было совсем иное, чем тогда. Теперь это был уже совсем другой Булганин. Видимо, после того как пен побывал в должностях заме-стител я председателя союзного совна ркома, министра обороны, держался он самоуверенно, перебивал выступающих, часто повышал голос. Запомнился его острый, пронзительный взгляд.

Главную причину неудовлетворительной вывозки хлева мы объяснили отсутствием транспорта. Не считаясь с этим, Булганин резко и зло критиковал руководителей ряда областей РСФСР и меня и сказал примерно следующее: "Если плохо будете возить хлеб и испортите его, мы лишим вас наград и снимем с работы". Очень расстроенными мы начали расходиться. И в это время ко мне

подошел Микоян и, улыбаясь, сказал: "Орден не отберут, с работы не снимут, а хлеб возить надо". Он хфошо понимал наши трудности и своими теплыми словами выразил доброе отношение к нам. А хлеб мы вывезли своевременно.

В апреле 1957 года, руководствуясь решением февральского пленума ЦК, организовали в Казахстане восемь территориальных управлений промышленностью и строительством во главе с Совнархозом республики. Это были: Восточно-Казахстанский, Семипалатинский, Алма-атинский, Южно-Казахстанский, Западно-Казахстанский, Карагандинский, Костанайский и Северо-Казахстанский совнархозы.

Организацию совнархозов мы завершили в довольно короткие сроки. Для ознакомления с их работой я выехал в Караганду. Вместе с председателем свонархоза Оникой мы детально разобрались с ходом добычи угля іа действующих и строящихся шахтах, обогатительных фабриках бассейна. Посетили предприятия, расположение в Сарани, Шахтинске, Абае, которые впоследствии были преобразованы в города областного подчинения.

Много времени мы уделили строителям Карагандинского металлургического комбината и Атасуйских рудников. В Джезказгане был рассмотрен ход строительства новых шахт, обогатительной фабрики, цеха электролиза и ТЭЦ. В Никольске разрешили строительство плавательного бассейна.

Для меня было очень прияъ о еще раз побивать на Балхаше, где началась моя трудовая и инженерная деятельность. В Коунраде шла реконструкция рудника в связи с выявлением новых запасов порфировых руд. На заводе шла большая работа по реконструкции плавильного цеха, а также строительство цеха цветного проката. мы побывали на многих предприятиях, где могли оказать срочную помощь, вместе со специалистами рас-смотрели и перспективные вопросы.

Очень много мы уделяли внимания работе всех восьми Совнархозов.

Практика показала, что реформа 1957 года привела к разобщенности промышленности и нанесла немалый урон единой технической политике. Проведенная волюнтаристскими методами реформа практически расслабила руководство промышленностью и строительством как на местах, так и в центре. Забегая вперед, скажу, что проведенная Хрущевым реорганизация партийных органов, когда партию разделили на промышленную и сельскую, не оправдала себя и ничего не принесла, кроме хаоса и сумятицы.

И никто, к сожалению, ни один человек — будь то ученый или опытный партийный работник — на этих пленумах не проголосовал "против", не сказал в открытую об абсурдности этих реформ. Этот упрек я отношу и в свой адрес. Спустя семь лет, в ноябре 1964 года ЦК КПСС снова единогласно восстановил единые партийные организации и осуществил возврат к отраслевому руководству народным хозяйством.

В июле 1957 года мы с женой отдыхали в Крыму. Вдруг позвонили из Москвы и просили срочно прибыть на пленум ЦК КПСС. Связался с Хомяковым, первым секретарем Крымского обкома, и вместе с ним через два часа мы влетели из Симферополя в Москву. Хорошо помню, пленум начался в субботу и закончился в следующую субботу.

Не берусь утверждать, но думаю, что именно доклад Хрущева на XX съезде послужил поводом для того, что в июне 1957 года именно Молотов и Маленков (а потом и группа "примкнувших") поставили на Президиуме ЦК вопрос о смещении Хрущева. Дело принимало крутой оборот. И если бы не принципиальная позиция многих членов Президиума ЦК, потребовавших немедленного созыва пленума, то трудно предсказать, какие бы перемены произошли в руководстве партией и страной. Постановление пленума ЦК и краткая информация о его работе были обнародованы 4 июля 1957 года. В документе называлась антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепило-ва, выведенная из состава Президиума ЦК КПСС. Но ни слова в сообщении не говорилось об участий в этой группе Ворошилова и Булганина. Они сохранили свои посты.

• В дополнение к сказанному, вспомнилась еще одна деталь. С самого начала работы пленума выявилось противостояние Хрущева и Молотова. Когда Хрущев объявил о том, что пленум в воскресенье работать не будет, Молотов тут же взял слово и внес предложение продолжить работу пленума. Поставили вопрос на голосование. Подавляющим большинством приняли решение в воскресенье не заседать. По этому признаку можно было понять общий настрой участников.

Решения пленума, осудившего деятельность антипартийной группы, хорошо известны народу.

Здесь мне хотелось бы рассказать о дальнейшей судьбе одного из участников "антипартийной группы"— Маленкова. После пленума он был освобожден от должности заместителя

Председателя Совета Министров» министра энергетики и отправлен на работу директором Усть-Каменогорской ГРЭС. Дела у него на этом участке пошли неплохо, планы на станции выполнялись. Но до Хрущева дошли сведения о том, что Маленков заигрывает с рабочими, ходит к ним в гости» присутствует на свадьбах, дарит подарки, г Хрущев распорядился перевести его на другую работу — директором ТЭЦ в Экибастузе. И здесь контроль за Маленковым резко ужесточился.

На одной из прогулок Маленков потерял свой партийный билет. Его нашла школьница и принесла в милицию. Милиция передала документ в горком партии. По Уставу КПСС коммунист, утерявший партийный билет, заслуживает самого сурового наказания, вплоть до исключения из партии. В это время горком получил еще один сигнал: какой-то фотограф-любитель снял Маленкова с внуком и стал продавать эти фотокарточки. Вот за эти проступки Маленкову было вынесено строгое партийное взыскание. На XXII съезде КПСС Компартии Белоруссии Мазуров подверг Маленкова резкой критике. Первичная партийная организация Экибастузской ТЭЦ немедленно отреагировала на эту критику и приняла соответствующее постановление. Но предоставим слово документам. Итак, протокол партийного собрания. "Повестка дня:

Персональное дело члена КПСС тов. Маленкова Г. М. (Докладывает тов. Чусоватин К. Т.— секретарь первичной партийной организации Экибастузской ТЭЦ)*

- Делегат съезда, секретарь ЦК Компартии Белоруссии тов. Мазуров, раскрывая нарушения революционной законности и злоупотребления властью, привел факты произвола со стороны Маленкова в период 1935-1936 годов. При обмене партийных документов, когда он, Маленков, вместе с Берия создал версию о существования в Белоруссии развернутого анитпартий-ного подполья, которое возглавили будто бы партийные и советские руководители республики. На основании этой версии была исключена из партии половина всего состава Компартии Белоруссии, арестованы и погублены многие руководители партии из советских органов, представители творческой интеллигенции, тов. Мазуров заявил, что коммунисты Белоруссии считают невозможным дальнейшее пребывание Маленкова в партии... "

Собрание приняло следующее постановление: " 1. За антипартийность, произвол, беззаконие и фракционную деятельность, совершенные в период работы в ЦК КПСС, тов. Маленкова Г. М. из рядов КПСС исключить (голосовали единогласно). 2. Считать целесообразным оставить Маленкова Г. М. директором Экибастузской ТЭЦ (голосовали: за — 8, против — 7)*'.

Вскоре после этого собрания состоялось заседание бюро обкома партии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ПАВЛОДАРСКОГО ОБКОМА КП КАЗАХСТАНА ОТ 19 АПРЕЛЯ 1962 Г.

Дополнить постановление бюро обкома от 15 марта 1962 года "Рассмотрение постановление бюро Экибастуз-ского горкома КП Казахстана от 18 ноября 1961 года об исключении из членов КПСС Маленкова Г. М." следующим пунктом:

Просить Целинный крайком парши, ЦК КП Казахстана войти с ходатайством в ЦК КПСС Верховного Совета ССР о лишении Маленкова Г. М. звания Героя Социалистического Труда, всех орденов и медалей, которыми он был ранее награжден.

Секретарь обкома КП Казахстан
И. Слажнев".

Вот так закончилась карьера Маленкова в Казахста-ченская.. не. Вспоминаю, однажды он позвонил мне и сообщил, что с ним поступают несправедливо. Едва ли в той ситуации я мог помочь ему. Тут были свои, особые пра

вила игры. Москва направила Маленкова к нам на работу и отозвала, не поставив в известность ни ЦК республики, ни правительство. По тем временам обычное дело.

1 октября открылась Академия сельского хозяйства Казахстана которая просуществовала недолго. Решением правительства, а точнее, лично Хрущева, ее ликвидировали. И лишь в 1976 году после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйствен-I ной науки и укреплению ее связи с производством" в республике открылось региональное Восточное отделение ВАСХНИЛ, возглавляемое с 1979 года академиком ВАС-ХНИЛ К. У. Медеубековым.

Следует отметить, что ученые-аграрники за эти годы успешно решили ряд научных проблем по развитию сельского хозяйства республики. Крупным достижением ученых нашей страны является разработка и широкое внедрение в производство почвозащитной системой земледелия, основанной на плоскорезной обработке почвы. Ее разработали Мученые Шортандин-ской опытной станции, и ее создателей удостоили Ленинской премии. Безусловным плюсом деятельности ученых явилось внедрение в производство агротехнических приемов позволяющих получать устойчивые урожаи пшеницы, кукурузы сахарной свеклы и кормовых культур.

Ученые, занимающиеся проблемами животноводства, в содружестве со специалистами хозяйств создали высо-копродуктивные породы крупного рогатого скота, овец, лошадей свиней, птиц. Весомый вклад в дело выведения новых и совершенствования существующих пород внесли академики ВАСХНИЛ В. Бальмонт, К. У. Меде-убеков члены-корреспонденты АН КССР. А. Е. Елема-нов, М. Ермеков.

Сейчас в колхозах и совхозах разводятся казахская белоголовая, алатауская, аулиеатинская породы крупного рогатого скота, из овец — казахская тонкорунная, арха-ромеринос, южно-казахский меринос, северо-казахскнй меринос новые породы лошадей — кустанайская, кушу мекая, свиней — аксайская черно-пестрая и семире-

Одним из факторов положительных сдвигов в республике было разведение зарубежных пород крупного

рогатого скота и овец. Из Соединенных Штатов Америки завезли мясную породу крупного рогатого скота сан-та-гертруда, из Англии — галловейскую. Сейчас в хозяйствах республики насчитываются десятки тысяч голов "иностранцев", и они служат важным источником пополнения наших мясных ресурсов.

Еще одно запоминающееся событие. В ноябре 1957 года, будучи в Москве, я был на приеме у Брежнева. В конце нашей беседы он спросил: "Хотите завтра пойти на прием в Кремль? ЦК дает обед участникам Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Там будет присутствовать весь цвет международного коммунистического и рабочего движения". Я принял приглашение, и мы с женой в положенное время явились во Владимировской зал Кремля.

Когда все гости съехались, в зале появились Хрущев и Мао Цзэдун. Сразу открыли входную дверь в Грановитую палату, где были накрыты столы. За главный стоя сели Хурщев, Мао Цзэдун и члены Президиума ЦК КПСС. Супругу Брежнева Викторию Петровну и нас посадили рядом с Энвером Ходжей и Мехметом Шеху. Тогда я и познакомился с руководителями Албании. Гостей приветствовал Хрущев, ответную речь произнес Мао-Цзэдун. Этот прием произвел незабываемое впечатление. Впервые мы воочию встретились с генеральными секретарями, председателями коммунистических и рабочих партий 66 стран мира, со многими из них я познакомился.

В конце 1957 года я ехал в Москву на сессию Верховного Совета в служебном вагоне Совмина республики. На станции Туркестан во время остановки примерно около 10 часов утра я вышел на перрон немного прогуляться. Там встретил народного артиста СССР Калибека Куанышбаева. Он тоже ехал на сессию в Москву этим же поездом. Я пригласил его позавтракать к себе. Поезд тронулся, и только мы сели за стол, как прибежала взволнованная проводница и сказала, что наш вагон — горит. Рванули стоп-кран. Поезд немедленно остановился. Мы быстро выскочили из вагона, который железнодорожникам удалось оцепить. Огонь уже охватил всю его верхнюю часть, бешеное пламя вырывалось из окон. В считанные мгновения вагон дотла сгорел вместе со всем, что в нем осталось, прямо на наших глазах. Домой мы решили не возвращаться, и заняв свободные места в поезде, вполне благополучно доехали до Москвы и на сессию Верховного Совета не опоздали.

Затем пошло следствие, вообще, надо сказать, что этот вагон имел свою богатую историю. Бельгийской постройки, он первоначально принадлежал ца рекой семье Николая II. После революции в этом вагоне из Екатеринбурга через Москву на работу в Казахстан прибыл небезызвестный Голощекин. Странно, но вышло так, что с тех давних пор, не был по-настоящему произведен капитальный ремонт вагона.

Через несколько дней после загадочного происшествия мне позвонил заместитель министра путей сообщения Н. А. Гундобин и сообщил, что, как показало расследование, вся электропроводка царского вагона пришла в аварийное состояние, катастрофический пожар возник в результате замыкания. Сгоревший вагон был списан. На этом дело и закончилось.

Не задерживаясь в Москве, вернулись домой. Надо было готовиться к очередному пленуму ЦК КПСС и снова ехать в Москву. Во время работы пленума ЦК Яковлева и меня вызвали к Хрущеву. Он находился в комнате, где перед пленумом собираются члены президиума. Хрущев сообщил нам, что Президиум ЦК решил направить к нам на работу Н. И. Беляева и рекомендует его первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

"Ну, а Яковлев,— сказал Хрущев,— будет вторым секретарем ЦК". Разговор, в общем-то, был неприятным. Обращаясь ко мне, Хрущев заявил, что пленум надо провести очень организованно. Ответственность за его проведение возложил на меня.

Я сказал, что пленум пройдет как надо. После беседы мы вернулись в Свердловский зал. А вскоре произошла еще одна из закулисных историй. То ли сам Яковлев добился изменения решения ЦК КПСС, то ли кто ему поспособствовал, но произошло так, что его неожиданно решили направить первым секретарем Ульяновского обкома. Карибжанова, работающего секретарем по сельскому хозяйству, рекомендовали вторым секретарем ЦК, а Журина, освободив от обязанностей второго секретаря, предполагалось направить первым секретарем Северо-Казахстанского обкома партии.

26 декабря состоялся пленум ЦК, и все вопросы решили так, как наметила Москва. От начала и до конца пленума мне пришлось вести его работу.

Жизнь, между тем, не стояла на месте. Надо было решать сложные, ответственные *щ.* задачи: продолжать подъем целинных земель, осваивать новые поливные площади для увеличения производства риса, кукурузы на зерно, хлопка,

картофеля, овощей, организовать сеть виноградарских совхозов, расширять площади под садами. В строительстве и промышленности — свои проблемы. Требовалось форсированно строить Карагандинский металлургический комбинат в Темиртау, развернуть строительство канала Иртыша — Караганда, Соколовой) — Сарыбайского горно-обогатительного комбината, освоение каратауских фосфоритов. Ввести новые мощности в цветной металлургии, начать работы по освоению богатств полуострова Мангышлак. Открыть ряд вузов и техникумов для подготовку кадров. Бурное увеличение населения требовало расширение сети торговых, бытовых объектов и медицинских учреждений. Разрешение проблем перечисленных объектов требовало особо напряженного труда всех руководителей, местных партийных и советских органов. Все эти вопросы строго контролировались и не сходили с повестки заседаний бюро ЦК и рассматривались регулярно. Руководителю надо всегда знать настроение, жизнь и быть трудящихся. Часто бывать на местах. В апреле я поехал в Талдыкорганскую область. Ознакомился с ходом весенних полевых работ. Вместе с председателем облисполкома Камбаровым посетители все районы области. Кроме рассмотрения хозяйственных вопросов в Панфилове приняли решение о восстановление Джаркентской мечети, представляющей большую архитектурную ценность.

Возвращаясь из Панфилова, посетили могилу Чокана Валиханова. Осмотрев ее, приняли решение о сооружении надгробного памятника Чокану в урочище Алтын-эмель, где он похоронен.

За это дело в свое время брались очень ценившие Валиханова генерал-губернатор Туркестанского края, видный русский инженер Константин Петрович Кауфман — первый и подчиненный ему семиреченский губернатор Герасим Алексеевич Колпаковский, имевший, между прочим, переписку с Чарльзом Дарвиным. Однако сооружение памятника закончилось тем, что часть его была расхищена» а остальное добило безжалостное время. В кратчайшие сроки были составлен новый проект. На строительство памятника было отпущено четверть миллиона рублей. Памятник был сооружен в **1958** году. Много стараний в это вложили архитекторы Басе-нов, Ибраев, Сей дал ин.

Хочу отметить благородные труды по увековечению памяти Чокана Валиханова, какими были отмечены жизнь и

творчество большого друга казахской земли и ее народа замечательного русского поэта, прозаика, историка, путешественника Сергея Николаевича Маркова, которого довелось мне хорошо знать лично и по возможности помогать ему в его патриотических начинаниях и поисках, а также в издании работ, укрепивших давние русско-казахские связи. До самый своей кончины — а она последовала в апреле **1979** года — Сергей Николаевич оставался близок и верен родному ему Казахстану и его богатой истории, поддерживая крепкие дружеские связи с лучшими его литераторами и учеными.

1958 год завершился неплохо. Государству было продано **950** миллионов пудов хлеба. Перевыполнили план развития животноводства и животноводческой продукции. Промышленность республики развивалась высокими темпами. Немало было сделано в улучшении жилищно-бы-товых условий, и медицинского обслуживания населения. Уральская, Павлодарская, Актюбинская, Карагандинская, Кокчетавская области были награждены орденами Ленина за успехи в сельскохозяйственном производстве.

В **1958** году крупным событием явилось завершение строительства телестудии в Алматы, начало вести свои передачи Казахское телевидение. Большим экзаменом для мастеров культуры республики было проведение декады литературы и искусства Казахстана в Москве, которая началась 12 декабря и прошла с большим успехом.

К этому событию участники готовились задал го и особенно тщательно. К декаде было приурочено издание лучших образцов поэзии и прозы. Театральные коллективы привезли свои лучшие спектакли, которые прошли с аншлагом, что явилось подтверждением высокого уровня их мастерства. Наибольшее впечатление на московскую публику произвели: оперы **Абай[и] с участием Ришата Абдуллина, "Биржан-Сара" с Розой Джамано-вой, а также драматические спектакли: "Енлик-Кебек",
"Укрощение строптивой", где главные роли исполняли Шакен Айманов и Хадиша Букеева, и "Джордано Бруно" Русского драматического театра. Писатели имели многочисленные встречи со своими читателями в разных уголках Москвы, но главным для них было широкое обсуждение новых произведений с участием большой группы ведущих московских критиков.

Участникам декады были предоставлены помещения Большого театра, Малого, филиала МХАТа и другие лучшие залы Москвы. Как представитель комиссии по проведению декады, я выступил по центральному телевидению, поблагодарил москвичей за теплый прием и пригласил посетить наши спектакли и концерты. На заключительном концерте в Большом театре, где особенно отличалась своим выступлением Бибигуль Тулегенова, присутствовали члены Президиума ЦК во главе с Хрущевым. После концерта большая группа артистов и писателей была приглашена в зал, где находились члены президиума. По такому случаю всем налили шампанского, и Хрущев сердечно поблагодарил казахстанцев за хороший концерт. Наши артисты были отмечены государственными и правительственными наградами, а Джа-мановой, Айманову, Куанышбаеву, Серкебаеву, Тулебаеву, Харламовой в январе 1959 года были присвоены почетные звания народных артистов СССР. Государственный академический театр оперы и балета имени Абая был награжден орденом Ленина.

14-15 января состоялся внеочередной IX съезд коммунистов Казахстана. Съезд заслушал доклад Беляева о проекте семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы.

Съезд одобрил проект развития народного хозяйства республики за 7 лет. Планом предусматривались большие работы по развитию экономики Казахстана, в частности строительство 240 крупных предприятий черной и цветной металлургии, энергетики, угольной, химической, легкой, пищевой и местной промышленности по добыче и переработке нефти. Также предусматривались крупные вложения на развитое села и строительство культурно-бытовых объектов и жилья.

Спустя две недели в Москве открылся XXI съезд КПСС. Он начал работу 27 января в Большом кремлевском дворце. При формировании руководящих органов

124

XXI съезда я был избран в президиум. На съезде от вас выступил Беляев.

Все необходимые материалы съезда были опубликованы. Одобренный съездом семилетний план развития экономики страны получил повсеместно полное одобрение. Семилетний план был реализован не полностью. Но за эти годы в республике динамично развивались все отрасли народного хозяйства.

Для ознакомления с деятельностью партийных, советских органов в конце июля к нам в республику приехал видный деятель международного коммунистического и рабочего движения Хо Ши Мин. В это время Беляева в городе не было, он был в отпуске. Мы с Карибжано-вым встретили гостя и создали ему необходимые условия.

За время визита Хо Шин Мин посетил колхозы, совхозы, ряд промышленных предприятий, культурные учреждения Алматы и области. Мы часто и подолгу вели беседы по интересующим его вопросам. Перед отъездом Хо Ши Мин написал большое письмо, где выразил свою благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с Казахстаном. Хотелось бы рассказать о такой детали — в связи с приездом Хо Ши Мина ему были вручены советские деньги для расходов во время пребывания в нашей стране. Но когда визит закончился, Хо Ши Мин вернул все деньги, не истратив на себя ни копейки. Вот таким он и запомнился мне: скромным, обоятельным и мудрым.

1959 год был для нас одним из самых трудных. Весь выращенный хороший урожай не удалось собрать из-за тяжелых погодных условий: значительная часть посевов погибла, свыше одного миллиона гектаров зерновых накрыл снег. Государству республика продала 700 млн. пудов при плане 900. На декабрьском пленуме ЦК КПСС за эти недостатки Хрущев резко критиковал меня и Беляева. Пришлось держать ответ и за известное события в Темиртау на строительстве металлургического комбината, которые начались из-за неурядиц в решении бытовых вопросов. Рабочие не вышли на работу, и по городу прокатились волна массовых беспордяков: ежи га-лись и грабились столовые и магазины» были случаи нападения на работников милиции. Беляев почему-то не придал значения этим событиям. Туда для на ведения

порядка прилетел из Москвы Брежнев — тогда секретарь ЦК КПСС, я сопровождал его.

Мне понравилась решительность Брежнева в те дни. Безбоязненно он появлялся среди групп зачинщиков беспорядков и разговаривал с ними спокойно, но и довольно сурово. Люди невольно подтягивались, крики и гам списали, и можно было вести разговор в спокойном тоне. Не без помощи органов правопорядка, через три дня в городе был наведен полный порядок. А потом состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, рассмотревшее причины этих событий. На Президиуме исключили из партии и сняли с работы первого секретаря Карагандинского обкома партии Исаева и директора "Казметаллур-гстроя" Вишневского. Беляеву было "указано" на этом заседании. Но Беляев не согласился с такой оценкой, выразил протест, и поэтому Президиум ЦК КПСС второй раз рассмотрел вопрос о Темиртау и указал на крупные недостатки в руководстве ЦК Компартии Казахстана стройкой, а Бюро ЦК обязал рассмотреть создавшуюся обстановку на пленуме ЦК.

Дальнейший ход событий было нетрудно предугадать.

19 января 1959 года состоялся наш пленум с участием Брежнева. Беляев был подвергнут очень резкой критике за недостатки в руководстве промышленным и сельскохозяйственным производством, организационно-партийной и идеологической работой. Досталось на этом пленуме и мне. Пленум освободил Беляева от работы. В тот же день я был единогласно избран первым секретарем ЦК.

На протяжении всей истории Казахстана ее партийную организацию возглавляли представители многих национальностей. Был и грузин, и еврей, и армянин и другие. Но все предыдущие секретари были в подавляющем большинстве приезжими. Я был третьим избранным секретарем из коренного населения. Первым короткое время был Арганчиев с 8 июня по 1 сентября 1920 года. Вторым, как известно, был Шаяхметов.

ЦК КПСС рекомендовал Беляева секретарем Ставропольского крайкома.

Пленум республиканского ЦК избрал секретарем ЦК Родионова, бывшего первого секретаря Ленинградского горкома партии. Пленум рекомендовал Карибжанова Председателем Президиума Верховного Совета республики, Ташенева — Председателем Совета Министров

КССР. После пленума состоялось собрание республиканского партийного актива, где с докладом "Об итогах декабрьского пленума

и задачах республиканской партийной организации" выступил я. С большой речью на пленуме выступил Брежнев.

Об итогах работы пленума и актива я доложил Хрущеву. В ходе этой беседы Хрущев сообщил мне, что я включен в состав делегации советских государственных деятелей для поездки в США, в конце января 1960 года.

Собираясь в США, вспомнил свою встречу и длительную беседу с видным общественным деятелем США, бывшим послом США в нашей стране Гарриманом, когда он приезжал в Алматы. Он очень интересовался промышленным развитием Казахстана, подъемом целины и многим другим. На все вопросы, я думаю, он получил ясные и исчерпывающие ответы. Прощаясь, он просил разрешить ему поездку в Караганду для ознакомления с работой промышленных объектов и строительством металлургического комбината в Темиртау, а также посмотреть геологический музей Академии наук Казахстана. Я ответил, что с музеем можете ознакомиться в любое время, га готовность Караганды для приема "столь высокого гостя" выясню и дам знать. Когда он ушел, я позвонил Микояну, передал просьбу Гарримана в отношении Караганды, в то время запретной зоны для иностранцев. Микоян ответил: "Караганду или еще какую область он захочет посмотреть — разрешите". Я связался с Гарриманом и заявил ему, что Караганда готова его принять. Он поблагодарил меня, и вопрос, таким образом, был улажен.

Еще летом 1959 года мне пришлось принять группу американских губернаторов, посетивших нашу страну. Беседа с губернаторами прошла довольно оживленно и заняла много времени. Главным образом американцев интересовали вопросы подъема целинных земель, и из каких источников финансируется бурное развитие народного хозяйства Казахстана. Свыше двух часов я знакомил американцев с достижениями Казахстана и, думаю, встреча была взаимно полезной.

Хорошо помню поездку в США в январе-феврале 1960 года в составе советских государственных деятелей.

Перед отъездом делегацию принял Хрущев.Щ Он вспомнил о своем пребывании в США и пожелал нам получше ознакомиться с достижениями американцев в области сельского хозяйства, промышленности, городского хозяйства, торговли.

В состав нашей делегации вошли председатели Советов Министров РСФСР, Украины, Казахстана, Грузии, Азербайджана, представители исполкомов ряда областных Советов депутатов трудящихся. Главой делегации был Дмитрий Степанович Полянский.

Наша делегация должна была выполнить, я бы сказал, триединую задачу.

Во-первых, учитывая застарелую неосведомленность американского народа о жизни Союза, предстояло ознакомить самые широкие круги общественности США с нашими достижениями во всех областях народного хозяйства и культуры, разъяснить миролюбивую внешнюю политику Советского Союза и важность дальнейшей нормализации советско-американских отношений.

Во-вторых, необходимо было продолжить закрепление и расширение нормализации контактов с влиятельными американскими государственными, политическими и общественными деятелями.

И, в-третьих, надо было поглубже познакомиться с достижениями США в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

В день нашего прилета нас принял губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер в своей городской резиденции — огромном специальном офисе при городском управлении. Не скрою — хозяин офиса припоздал, дав ожидающим возможность в деталях присмотреться к строгому и несколько скучноватому интерьеру приемной. Но, прибыв, он извинился за опоздание, и встреча началась.

Подтянутый, в темном костюме, миллиардер держался очень вежливо, внимательно и дружелюбно поглядывал на гостей, предлагал все новые и новые темы для беседы.

Когда мы уходили, кто-то из членов нашей делегации задал Рокфеллеру вопрос, почему он уклонился от предстоящих выборов в президенты, сняв свою кандидатуру. Последовал весьма дипломатичный ответ.

— Волею Бога и судеб мне доводится руководить одним из крупных штатов США — штатом Нью-Йорк, 128 **и** здесь, уважаемые господа, надо еще очень многое сделать...

Произнесены эти слова были с явным оттенком уве˜ ренносга в собственной незаменимости.

Подлинная же причина, несомненно, была проще и яснее. Все дело было в том, что в ходе предвыборной кампании платформа Рокфеллера не получила поддержки.

Освещая нашу встречу, часть газет вынуждена была написать *о* большом интересе Рокфеллера к вопросам развития советской экономики, планирования, образован ния и здравоохранения. Приводились его высказывания о том, что в. СССР эти и многие другие вопросы решены намного лучше, чем где-либо.

Другим запоминающимся событием в этот же день стало знакомство с дворцом Организации Объединенных Наций — гигантским небоскребом, высящимся на гранитном берегу Истривер.

Нас встретили постоянный представитель СССР в ООН А. А. Соболев и заместитель Генерального секретаря ООН А. Ф. Добрынин. Вместе с ними мы прошли в зал заседаний Генеральной Ассамблеи — тот самый зал, где по замыслу учредителей ООН должны осуществляться слова Устава Организации: "Избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе". "Жить вместе в мире друг с другом, как добрые соседи"...

Затем члены советской делегации поднялись в кабинет генерального секретаря ООН Хаммаршельда, состоялась беседа с заместителем генерального секретаря Эндрю У. Кордье. Главной темой ее был вопрос о разоружении.

По заранее подготовленной программе наш маршрут ыл составлен с таким расчетом, чтобы побывать в тех штатах, губернаторы которых приезжали в Советской Союз летом 1959 года. Мы посетили города Принстон и Трентон (штат Нью-Джерси), Филадельфию (штат Пенсильвания), Чарлстон (штат Западная Виргиния), Майами, Орландо, Гейновид, Джексон-вилл (штат Флорида). Чикаго, Спринфилд (Иллинойс)» Денвер» Боулдер, Форт Коллинз, Колорадо Спрингс (штат Колорадо), Бойси, Гампа, Колдуэлл, Эммет (штат Айдахо), Солт-Лейк-Сити, Прово (штат Юта), Бисмарк (штат Северная Дакота), Вашингтон.

1463 По инициативе американской стороны были организованы встречи с государственным секретарем Гертером, Председателем Верховного Суда США Уорреном. На приеме у Гертера, в здании Госдепартамента, мне было очень приятно встретиться с нашим прославленным земляком Мухтар Омархановичем Ауэзовым,

который в составе группы деятелей культуры находился тогда в Америке.

В конце нашего визит 18 февраля делегацию принял в Белом доме президент США Дуайт Эйзенхауэр. После завершения беседы президент вручил нам всем значки с изображением символа его партии республиканцев — слона с поднятым вверх хоботом.

Обмен визитами группы американских губернаторов штатов в СССР и делегациями советских государственных деятелей в США показал пользу такого обмена для Советского Союза. Учитывая необходимость дальнейшего развития и укрепления дружественных связей между советским и американскими народами, мы высказались за целесообразность создания общества "СССР-США" и необходимость более энергично установления прямых контактов с представителями деловых и культурных кругов
США.

Со времени поездки в США прошло немало лет. В советско-американских отношениях произошли крупные позитивные сдвиги. Вспоминая сегодня о нашей поездке, я испытываю чувства морального удовлетворения. Оно приходит вместе с пониманием того, что в то крайне ответственное, сложное и очень противоречивое время нашей делегации все же удалось внести свою лепту в создание новых отношений между СССР и
США.

После возвращения из США в Москву срочно вылетел в Алматы. Надо было рассмотреть на пленуме ЦК отчетный доклад ЦК очередному X съезду Компартии Казахстана. Съезд начал свою работу 10 марта 1960 года. На нем единогласно я был избран первым секретарем ЦК.

Руководствуясь решениями съезда, партийные органы развернули организаторскую работу по выполнению на-родно-хозяйственных планов. Строились новые промышленные объекты. Была введена в эксплуатацию первая очередь Соколовско-Сарыбайского комбината. В начале моля была пущена первая доменная печь на Карагандетском металлургическом комбинате. На митинге» состоявшемся по этому поводу, я от души поздравил строителей, монтажников, эксплуатационников с этой замечательной победой. В августе вступил в строй вер-вый агрегат Бухтарминской ГРЭС. К концу года заработала первая коксовая батарея на Карагандинском металлургическом комбинате и был получен первый казахстанский кокс. Завершилось строительство автомагистрали Алматы — Бишкек — Ташкент.

В декабре 1960 года в Москве состоялась сессия Верховного Совета СССР. Во время перерыва ко мне подошел Косыгин и сказал: "Тебя и Ташенева приглашает на обед Хрущев". Мы приняли приглашение и пошли к Хрущеву. На обеде были все члены Президиума ЦК. Во время обеда Хрущев несколько раз обращался к Ташеневу с вопросами и усиленно угощал закусками: попробуйте, мол, то, это... После обеда Хрущев обратился ко мне: "Через 30-40 минут зайдите ко мне. Вы мне нужны". В положенное время я явился в приемную и он меня сразу принял.

Разговор начал издалека. Говорил о своем первом приезде в Казахстан, вспомнил, как начинался подъем целины, кто выступил против освоения целины. Говори о первом казахстанском миллиарде пудов хлеба, о перспективе освоенных земель. Заодно выяснял у меня, как обустраиваются вновь организованные совхозы, какое настроение у целинников, не разъезжаются ли люди. Я все гадал: к чему он клонит? Неожиданное приглашение, подчеркнутое внимание к Ташеневу. И вдруг в конце нашего разговора Хрущев дал мне указание освободить от обязанностей председателя Совета Министров республики Ташенева. Он сказал: "Очень много жалоб на Ташенева, и проверка подтверждает правильность жалоб. Подробности узнаете в оргпартотделе. Ему трудно работать председателем Совмина республики, дайте ему работу меньшую по объему".

В Верховном Совете Ташенев работал вполне удовлетворительно, но перевод его в Совет Министров, я считаю» был решен неправильно. Будучи там Председателем, он не смог охватить главные участки работы правительства республики. В ЦК К ПСС начал поступать масса заявлений на него. Этому способствовали н его неужинчивый характер, невыдержанность» чванливость. Все это вынудило ЦК КПСС, Хрущева предложить освободить его от работы. Мне пришлось долго уговаривать Хрущева, чтобы он дал согласие направить Ташенева председателем Семипалатинского облисполкома, и такая договоренность была достигнута. На бюро ЦК представитель ЦК КПСС Тужиков детально и убедительно рассказал о недостатках работы СМ республики и лично Ташенева. В соответствии с поручением ЦК КПСС Ташенева освободили от обязанностей председателя Совета Министров, рекомендовали его председателем Семипалитинского облисполкома. Председателем Совета Министров КазССР утвердили Дауленова.

От предложения стать председателем Семипалитин-ского облисполкома Ташенев отказался и выехал в Москву, чтобы

договориться о направлении его на более высокую должность. В Москве не согласились с его доводами, и в ответ на его заявление ЦК предложил направить Ташенева заместителем председателя облисполкома. Что и было сделано. Ташенев уехал в Чимкент и с этой должности ушел на пенсию.

10 января состоялся пленум ЦК КПСС, рассмотревший один из важнейших вопросов жизни страны: "О мерах для увеличения производства сельскохозяйственных продуктов". На пленуме были заслушаны доклады председателя Совет Министров РСФСР Воронова, секретаря ЦК Компартии Украины Подгорного, мой и доклад секретаря Целинного крайкома Соколова...

9 марта из Новосибирска позвонил Хрущев и сказал: "Еду к вам на целину". Мы обговорили с ним план-график его пребывания в республике. 11 марта встретили Хрущева на полустанке Киялы Кокчетавской области. Сразу отправились в совхоз "Кантемировский", организованный осенью 1954 года группой демобилизованных воинов гвардейской Кантемировской дивизии. В совхозной конторе состоялась беседа с работниками совхоза. Директор совхоза Цапов, работающий здесь "с первого колышка", рассказал Хрущеву о текущих делах, о том, что коллектив решил выполнить задание семилетки по производству и сдаче хлеба в 1962 году. Это очень обрадовало Хрущева. Настроение его всегда улучшалось, когда ему говорили, что директивы, спущенные из Москвы, будут выполнены досрочно. Здесь же состоялся разговор о путях подъема урожайности зерновых культур. В своем стиле Хрущев давал рекомендации, как увеличить производство мяса, молока, повысить урожайность зеленой массы кукурузы, как использовать сахарную свеклу на кормовые целя, с чего начинать производство кормовых бобов и гороха, как выращивать гречиху и просо. Разговор зашел о строительстве поселка, об улучшении быта трудящихся. Хрущев, как и во всех других аудиториях, дал строгое указание быстрее строить жилье, больницы, детские учреждения и столовые. А заключение он пожелал всем успеха, и кантемировцы попрощались с Хрущевым.

12 марта вместе с Хрущевым мы прибыли в Акмолу на совещание передовиков сельского хозяйства Целинного края. На совещании присутствовали члены бюро ЦК Дауленов, Шарипов, Мацкевич, Соколов, а также первые секретари обкомов и председатели облисполкома каря, руководители многих республиканских министерств и ведомств. Прилетели из Москвы для участия в совещании и ряд ответственных работников:

министр сельского хозяйства Ольшанский, зам. председателя Госплана Лобанов, председатель "Союзсельхозтехники" Кучумов, председатель комитета по профтехобразованию Зеленко, заведующие отделами ЦК КПСС Ильичев и Карлов, главные редакторы газет "Правда" Сатюков, "Известия" Аджубей, "Сельская жизнь" Поляков, председатель Госстроя Гришманов, президент Академии архитектуры и строительства Кучеренко.

Открывая совещание, я говорил: "Огромные земельные массивы,; новейшая техника, замечательные люди, выросшие за годы освоения целины, опыт организаторской и политической работы — все это дает основание заявить, что задание январского пленума ЦК КПСС по производству мяса, молока, сдаче хлеба может быть не только выполнено, но перевыполнено". Я поблагодарил Хрущева за его участие в работе совещания, а также за повседневную помощь и поддержку. С докладом выступил Соколов, затем секретарь Ку стана некого обкома Бородин, Северо-Казахстанского Журин, Кокчетавско-го — Новиков, председатель Павлодарского облисполкома Джангозин. Предоставили слово и специалистам: академику Лысенко (к тому времени слава его изрядно Потускнела), академику ВАСХНИЛ Кузьмину, доктору сельскохозяйственных наук Байбурцяну.

Лысенко ратовал за ранний сев. Его речь не нашла поддержки у целинников, хотя Хрущев призывал чутко прислушиваться к его голосу. А советы Лысенко не нашли Понимания не только потому, что он уже были одиозной фигурой. Дело в том, что целинная система земледелия требует учета особенностей казахстанской степной зоны. Практика и опыт показали, что нам нужна почвозащитная система, разработанная Шортандин-ской опытной станцией и под руководством Бараева. Система включает комплекс работ, связанных со сроками сева, сохранением влаги, безотвальной обработкой почвы плоскорезами, чистыми парами, внесением удобрений и т. д. Работа Бараева перекликается с исследованиями Терентия Мальцева, положившими начало безотвальной пахоте. Хрущев промолчал.

По его указанию были вызваны из Алтайского края ученые — сельхозники Наливайко и Чеканова (Алтайский научно-исследовательский сельскохозяйственный институт). В своих выступлениях они подробно осветили накопленный опыт выращивания кормовых бобов, а также производство гороха.

Приглашение на совещание алтайских ученых-специалистов по выращиванию гороха и сои объяснялось тем, что наряду с увеличением производства высококачественной пшеницы и фуража, предусматривалось расширить посевные площади под бобовые культуры с высоким содержанием белков.

Одновременно ставилась задача увеличить производство гречихи и проса в зонах, где могли быть получены высокие урожаи этих ценных продовольственных культур.

Передовики производства — механизатор Довжик, скотовод Самайбаев, кукурозовод Жапаров, директор совхоза "Железнодорожный" Франк, секретарь райкома Кокчетавской области Моргун и другие внесли ряд предложений, направленных на подъем урожайности целинных полей и увеличение производства мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов. На замечание Самайбаева о недостатке производства конского мяса Хрущев сказал: "Правильно говорит мой старый друг Самайбаев, разводите коней, сколько степь выдержит". После совещания я попросил Хрущева собрать строителей края и, воспользовавшись приездом тогдашних председателя Госстроя СССР Гришманова и президента Академии архитектуры Кучеренко, поговорить о наших проблемах. Хрущев охотно согласился. В беседе он обратил внимание на то, что строительство на целине должно вестись не старыми, дедовскими

методами, а современными, индустриальными, с широким размахом. Хрущев посоветовал широко использовать метод Козлова по строительству жилья, а также разумно и рационально использовать 25 тысяч рублей, которые совхозы расходуют на бытовое устройство новосела. Он поручил Гришманову и Кучеренко вместе с Мацкевичем внести необходимые предложения по усилению строительства краевого центра и целинных совхозов.

В Акмоле в один из моментов, когда меня не оказалось рядом с Хрущевым, он попросил перевести с казахского название города. Председатель Президиум Верховного Совет республики Исагали Шарипов неправильно перевел название, как "белая могила". Хрущев тут же предложил переименовать город. И сколько я потом ни пытался объяснить ему, что название означает "святое место", Хрущев был непреклонен: "С этой могилой надо кончать и город переименовать в Целиноград!". Спорить было бесполезно. 20 марта появился указ о переименовании города Акмолы в Целиноград, подписанный Шариповым.

После г совещания со строителями мы выехали в Ал-маты. Первая остановка была в Караганде. Здесь нас встречали члены бюро обкома. Во время короткой остановки первый секретарь обкома Соломенцев проинформировал Хрущева о положении дел в области. Мы ехали по железной дороге Моинты — Чу, открывшей Путь карагандинскому углю и целинному хлебу в республики Средней Азии, соединившей Северный и Южный Казахстан кратчайшим путем. Хрущев спросил: "Почему дорога называется Моинты — Чу?" Ответил, что с севера дорога начинается со станции Моинты, а на юге заканчивается на станции Чу — Бирлик. Рассказал историю строительства дороги. Она строилась методом народной стройки, земляное полотно насыпалось тысячами колхозников, командированными сюда со всей республики. На открытии рабочего движения дороги на станции Сарышаган, где состоялась смычка, я приветствовал строителей-железнодорожников от имени ЦК и правительства республики и после этого забил серебряный костыль.

По согласованному графику, по пути в Алматы Хрущев посетил овцеводческий' совхоз " Рославльский" Джамбулского района, расположенный в степи у самых предгорий Северного Тянь-Шаня. Совхозный поселок лежит в семи километрах от станции Отар, где Хрущева встретили чабаны и преподнесли хлеб и соль. Недалеко от дороги, ведущей к поселку, паслись несколько отар овец и табун лошадей-дончаков. Изумительная картина. Чувствую, все это волнует Хрущева. Chi вышел из машины, его окружила группа

чабанов, завязался разговор. Чабан Айдарбеков и другие охотно отвечали Хрущеву. А когда директор союза Стерликов сказал, что совхоз рентабельный, строился на голом месте и здесь за короткий срок построено 207 домов, школа, Дом культуры, 12 кошар, Хрущев заявил: "Казахстан должен иметь сотни таких совхозов**. Понравился ему и соседний племенной овцесовхоз, где директором работал Шарипов.

В ту пору Хрущев выдвинул еще один лозунг: "Освоить мясную целину". Проблема наиважнейшая. Только были на несколько рублей повышены цены на мясо, молоко, другие продукты и такое "движение к коммунизму" у населения энтузиазма, естественно, не прибавило. Хотя что означает то повышение в сравнение с нынешней вакханалией цен? Вопрос риторический[74] И все же Хрущев счел крайне нужным, чтобы партия и правительство напрямую вышли ко всему советскому народу с откровенным обращением и дали твердое слово выправить положение. Цели наметили такие: производить на каждые сто гектаров пашни 75 центнеров мяса, на прочих сельхозугодьях— 16 центнеров. Нельзя сказать, что эти цифры были взяты с потолка, на руководители областей, принимавшие участие в совещании, очень осторожно и с опаской говорили о таком резком скачке. Это задача на перспективу, высказывались они. а сегодня... вряд ли. Чтобы не обострить обстановку, пришлось закончить совещание словами: "Настало время с тем же размахом, с каким осваивались целинные земли, взяться за увеличение производства мяса и других продуктов животноводства". Просил через месяц внести свои предложения. Но Хрущев не отступился, не согласился с моей уклончивой формулировкой и заставил-таки принять его программу. Как и следовало ожидать, программа, подкрепленная только лозунгами, была сорвана. И я считаю, что это было ошибкой Хрущева, который нередко ставил заведомо невыполнимые задачи.

На следующий день Хрущев встретился с учеными Казахстана. Беседа проходила в здании Академии наук. Президент Академии Сатпаев подробно говорил о прогнозной металлогенической карте Казахстана, | что это карта помогла установить ряд месторождений полезных ископаемых. Академик Бектуров рассказал об использовании каратауских фосфоритов. Академик Чокин повел речь о работах, связанных с созданием крупных гидротехнических и энергетических систем. Рассказал о Кап-чагае, который позволит оросить и превратить в цветущие оазисы около полумиллиона пустынных земель.

20-21 марта проходило совещание работников сельского хозяйства Казахстана. Перед совещанием Хрущев спросил меня: "Где устроились Наливайко и Чеканова?" Я ответил, что их не приглашали, мы их слушали в Акмоле. Он предложил немедленно вызвать их с Алтайского края, их опыт выращивания кормовых бобов, добавил он, достоин подражания. В тот же день они были в Алматы.

В театре оперы и балет имени Абая собрались представители передовиков и организаторов сельского хозяйства. «Совещание проходило по $ привычным канонам: выступление руководителей областей и передовиков, а в заключение — большая, программная речь самого Хрущева. Едва ли есть смысл пересказывать ее сейчас, спустя тридцать лет.

Необычными, пожалуй, были два момента. Первый, когда я огласил постановление Президиума Верховного Совета, Совета Министров и ЦК Компартии Казахстана о занесении Хрущева в республиканскую золотую книгу Почета за заслуги в подъеме производительных сил Казахстана. И второй, когда я по поручению ЦК КПК и Президиум Верховного Совета, вручил Хрущеву медаль "За освоение целинных земель**, Хрущев был очень доволен награждением. Растрогался и даже обнял меня под бурные, аплодисменты присутствующих. Наверное, по сегодняшним меркам, столь явные знаки внимания не делают мне особой чести, но что было то было.

После обеда Хрущев выехал на поезде в Москву, и я сопровождал его до Актюбинска. Дорога была долгая. С Хрущевым мы встретились в его вагоне и разговаривали продолжительное время на самые разные темы. Он много знал из жизни нашей республики, а также о деятельности бывших руководителей Казахстана. Давал характеристику Скворцову, Шаяхметову, Ундасынову и отзывался об их деятельности весьма отрицательно. Хрущев говорил, что они не славили перед Сталиным ни одного вопроса о развитии народного хозяйства республики.

— Целину можно было поднять раньше,— сказал Хрущев,— но этой проблемой ни в Москве, ни в Казахстане никто не интересовался.

Он много рассказывал о Сталине, о подготовке к XX съезду КПСС и особенно о том, с какими трудностями он столкнулся, когда убеждал членов Президиума ЦК сделать доклад о культе личности Сталина. По словам Хрущева, соратники Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков и, чему я удивился, даже Микоян,

не были согласны с его докладом. С большим уважением он говорил о жене Сталина, как об очень скромном человеке. Они вместе учились в Промакаде-мин, где оба были членами парткома. Через нее Хрущев и познакомился со Сталиным. Очень тепло Хрущев говорил о Якире, вспоминал, как раньше они вместе жили в одном дворе. Кстати, во время пребывания Хрущева в Алматы к нему пришел человек, назвавшийся сыном Якира, проживающий в Казахстане. До этого он писал Хрущеву в Москву, а в Алматы они встретились с глазу на глаз и долго беседовали. После этого Хрущев поручил мне помочь сыну Якира с квартирой и работой. Я выполнил просьбу Хрущева, но впоследствии я получил от Якира письмо, что он не сын Якира, а его дальний родственник.

Много говорил Хрущев о своей поездке в Югославию, об установлении добрых отношений с маршалом Тито. Критиковал Сталина, говоря, что он был неправ и несправедлив к Тито.

Хрущев характеризовал Тито как очень своеобразного человека, который наряду со своими достоинствами совершал ошибки, но, проявлял гибкость, можно было бы с ним обо всем договориться и не рвать отношений. Сталин же в этой ситуации занял совершенно неправильную, враждебную позицию.

На следующий день, когда наш поезд подъезжал к станции Туркестан, нз окна вагона мы увидели купол мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Он спросил: "Что это за сооружение?*' Я сказал, что город Туркестан до XVI века назывался Яссы. Здесь в XII веке жил проповедник ислама, философ, поэт — шейх Ходжа Ахмед Яса-ви. Ои умер в 1166 году и был похоронен в небольшом мавзолее, который стал местом массового паломничества и поклонения мусульман, как бы "второй Меккой" для этого региона. Позднее был построен новый мавзолей, который и сохранился до наших дней.

Хрущев спросил меня: "Кто его построил?" Рассказал, что знаменитый Тимур (Тамерлан) с большим уважением относился к шейху и сильно его почитал. В конце XIV века, будучи как-то в Яссы, после молитвы он принял решение построить на этом месте грандиозный мавзолей. Тимур хотел этим поднять свое значение, поскольку место считалось святым для мусульман. Сооружение мавзолея велось довольно быстро.

Начиная с XVI века здесь хоронили представителей казахской знати. Например, в мавзолее был похоронен Аблай-хан, сделавший немало для объединения казахских племен, перед угрозой нашествия джунгар. Аблай-хан широко прославился среди казахского народа тем, что отличался смелостью, незаурядным умом, беспощадной борьбой с врагами. Историческая обстановка подсказала ему необходимость

принятия в 1740 году российского подданства, чтобы сохранить в целостности свой народ и его земли.

Кстати, заметна я Хрущеву, выдающийся казахский просветитель — демократ, первый казахский ученый Чокан Валиханов был правнуком Аблай-хана.

Хрущев с большим интересом слушал эту историю, а затем улыбнулся и сказал: " я думал, что это могила казахского хана, из-за которого ваши историки развернули бурную дискуссию". Кратко пересказал историю этого движения и добавил, что Кенесары был внуком Аблай-хана.

Я напомнил Хрущеву, что первой столицей республики был Оренбург, после — Кзыд-Орда, затем, с 1929 года Алматы. Дальше рассказал ему, что более миллиона казахов сейчас живут в Оренбургской, Астраханской, Омской и Новосибирской областях и даже в Китае. Он рассмеялся и сказал:

— Разве казахи до сих пор ведут кочевой образ жизни? Результат миграции народа — это ошибки кол-

лективизации, такое явление было на Украине. Народ убегал от насильственной коллективизации.

Беседа на этом закончилась. Я запел в свой вагон, прицепленный в хвосте поезда.

Со своим помощником Абдрашитовым мы подводили итоги бесед с Хрущевым, обсуждая предложения, указания, высказанные в ходе разговора. Их оказалось немало. Часть из них касалась народнохозяйственного плана текущего года и ряда перспективных проблем. Помню, Хрущев разрешил внести на рассмотрение Совета Министров наши идеи по развитию овцеводства и увлечению производства кормов в республике.

В Кзыл-Орде нас встретил секретарь обкома Тохта-мысов и, конечно, не преминул рассказать о главной культуре в регионе — рисе.

Хрущев, что называется, с ходу предложил мне внести на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложения о развитии рисосеяния в Казахстане. Так что эта поездка совсем не была-похожа на приятное путешествие: работа в поезде не прекращалась ни на один час.

Однажды Хрущев спросил: "Сколько километров мы проехали по Казахстану?" Я ответил: "От Петропавловска до Алматы свыше 1800 километров. От Алматы до Актюбинска еще 2300 километров. Получается более 4000. А до границы с РСФСР надо ехать еще 8-10 часов". Он засмеялся и сказал: "Надо, получше изучить историю Казахстана. Наверное, здесь жил большой народ, иначе бы он не занял такую громадную территорию".

В общей сложности, в этот приезд Хрущева я провел с ним 13 дней. За это время удалось решить и обговорить уйму проблем, связанных с развитием республики. Кое-что, конечно, подзабыл ось, но немало помню и по сей день. Некоторые предложения он высказывал ненароком, как бы походя, но мы эти брошенные вскользь фразы, как правило, претворяли в жизнь. Мы восприняли его совет по усилению разведки нефти в Западном Казахстане, освоению Лисаковского месторождения в Кустанайской области и каратауских фосфоритов, вплотную занялись водоснабжением совхозов целиноградского края и организацией здесь новых вузов, и... этот перечень легко продолжить.

Наша поездка приближалась к концу. Когда мы проехали Чел кар, он вызвал меня к себе, и мы на прощание сели пить чай. Во время беседы, как бы подводя итог всей поездки, см сказал: "Займитесь вплотную целиной. Страна из Казахстана должна

получить много зерна, главным образом, пшеницы и продуктов животноводства". И с минуту помолчав, повторил: "Было больший ошибкой, что целиной занялись очень поздно. Это ошибка Скворцова, Шаяхметова, Ундасьгаова- И еще. Свяжитесь с министром геологии страны. Надо с еще большим размахом развернуть геологоразведочные работы в республике. Мне дали справку, что уже сейчас можно рассматривать Казахстан как надежную и перспективную базу для развития металлургии, добычи угля и сырья для производства удобрений. Информируйте меня, как идет реализация принятых в Целинограде и Алма-Ате решений".

23 марта мы приехали в Актюбинск. Настало время прощаться с Хрущевым. Я сказал ему: "Большое спасибо за посещение республики, за проведенную большую организаторскую работу, за помощь и поддержку". Пожелал здоровья и удачи во всех его делах. Он тоже поблагодарил меня за радушный прием, за все, что он увидел и услышал в Казахстане. Поезд тронулся, он уехал в Оренбург и дальше в Москву.

Прошло чуть больше года, и Алматы вновь встречал Хрущева в связи с празднованием сорокалетия республики.

24 июня 1961 года открылось торжественное собрание ЦК Компартии Казахстана и Верховного Совета республики, посвященное этому событию. Торжества несколько раз откладывались из-за занятности Хрущева. Наконец он назвал дату и **22** июня прибыл в Алматы. Встречу» надо сказать, ему строили пышную. Десятки тысяч людей на всем многокилометровом пути от аэропорта до резиденции радушно приветствовали Хрущева. До торжеств он успел побывать на высокогорном озере Иссык, посетил республиканскую ВДНХ — выставку достижений народного хозяйства...

И вот сам праздник. Хоть и все было заранее расписано, но атмосфера в зале царила приподнятая, торжественная и сердечная. Выступил Хрущев, доклад, посвященный событию, сделал я. Следом — приветствия представителей братских республик, от делегаций Румынии, Болгарии, Монополии.

FIO «второй половине дня на Центральном стадионе, **ПОСТРОЕНОМ Е**ще в 1958 году но проекту архитекторов КАПАНОВА и Косова, провели митинг.

В Алматы стояла жара. К Хрущеву сквозь кордон заграждения прорвалась какая-то женщина с пустяковой жадобой. Его это, видимо, рассердило, и он не без раздражения обратился ко мне.

— Сколько мест на стадионе?

— До тридцати пяти тысяч,— ответил я.

— Ну и размахнулись! А сколько жителей в Алма-Ате?

.— Семьсот тысяч.

— Лужники да и только! А в Москве восемь миллионов жителей.— И без перехода спросил:— Мою речь будут транслировать?

— Да, как говорится, работают все радиостанции Советского Союза,— ответил я.

— Отключить!— распорядился он.— Транслировать только по стадиону.

Все было сделано, как велел Хрущев. Он выступил с речью.

В заключение своей речи Хрущев поздравил трудящихся Казахстана со знаменательной датой и призвал трудящихся "встретить новыми успехами XXII съезд КПСС и показать империалистам "кузькину мать"! После митинга на стадионе состоялся большой праздничный концерт.

Вечером в Доме отдыха Совета Министров был устроен большой прием. В память мне врезался такой факт, который до сих пор воспринимаю с долей недоумения. После разоблачений культа личности Сталина мы практически не упоминали его фамилии. Да и как иначе? Есть решение XX съезда, соответствующие резолюции — наше дело четко выполнять директивы партии. Лично я воспринял это как крупный и смелый шаг. Сомневался ли в этом своем шаге сам Никита Сергеевич? Может быть. Один случай дает мне повод так подумать...

На приеме присутствовало около полутора тысяч человек. Были и зарубежные гости. Открывая торжества, я ежах говорить, что мы отмечаем славную дату — сорокалетие Казахстана, что в достижениях республики ость большая заслуга партии, которая правильно провидит национальную политику, есть в этом и личные за-142 слуги Никит Сергеевича, ну и далее в том же духе. Вдруг

Хрущев резко прерывает меня: "Почему вы ничего не говорите о Сталине?— спросил он и добавил:— Сталин — это главный организатор дружбы народов. Этого забывать нельзя. Это надо помнить".

Я не отреагировал на эту реплику и завершил тост, как и задумывал. А сам про себя подумал: как это понимать? Новые веяния? Неудачная шутка? Проверка? Как бы то ни было, а о Сталине я не сказал ни слова.

Хрущев был в плохом настроении и рано ушел с приема. Мы проводили его до резиденции. Но перед уходом мы все-таки подняли его настроение. Подарили по нашему обычаю» как самому дорогому гостю, красивого коня — ахалтекинца Луговского конезавода. Хрущев повеселел, конь очень понравился ему. Когда мы возвращались с приема, он сказал своему порученцу — офицеру: "Коня отправить в Москву в моем поезде, в вагоне-гараже". Офицер возразил: "В вагоне-гараже нет места для лошади". Прошло три-пять минут, Хрущев повторил свое указание: "Вы поняли меня?" Офицер ответил, что в вагоне-гараже нет места" для лошади. Как только мы подъехали к резиденции,, Хрущёв вышел из машины и начал кричать на офицера: "Почему вы мне возражаете? Кто председатель Совмина,,— я или вы?" В Это время неприятно было слушать и 'смотреть на него в гневе. Страшными, отчужденными стали его глаза. Его широкое лицо с бородавками и большой нос по-краснели. С немалым трудом я его успокоил. Ночью коня отправили. Офицер был неправ: в вагоне при желании можно было найти место еще для двух лошадей. Утром Хрущев был совершенно спокоен. Я ему вручил **паспорт** коня, и мы поехали в аэропорт. Он улетел в Москву Жизнь в республике продолжалась своим порядком.

В конце июля состоялся I съезд женщин Казахстана, Съезд прошел очень организованно и по-деловому. Решения съезда и сам факт созыва женщин явился большим событием в жизни республики. Приветствие ЦК съезду, с которым довелось выступить мне, было весьма одобрительно принято съездом. Съезд убедительно показал все возрастающую роль женщин республики в хозяйственном и культурном строительстве, что послужило дополнительным поводом для выдвижения большой груп-

евн женщин на ответственную партийную, советскую и сельскохоэяйственную работу.

Спустя три месяца состоялся XI съезд коммунистов Казахстана. В отчетном докладе и в выступлениях делегатов остро критиковались наши упущения и срывы в решении хозяйственных задач и кадровых вопросов, организационно-партийной и идеологической работы. Вместе с тем отмечалось, что в Казахстане получили дальнейшее развитие экономика, наука и культура. За последние пять лет сдано в эксплуатацию свыше четырехсот крупных промышленных предприятий и цехов. За годы освоения целины колхозы и совхозы продали государству три с половиной миллиарда пудов хлеба. Сельское хозяйство оснащалось мощными тракторами, комбайнами, автомашинами и другой сельскохозяйственной техникой. Заметные перемены произошли в улучшении жилищно-коммунальных и других бытовых условий трудящихся. Выросла партийная организация. Съезд вновь избрал меня первым секретарем ЦК Компартии республики, и я это воспринял как высочайшую честь и доверие.

А затем начал работу XXII съезд КПСС. С его материалами читатели, в основном, знакомы. Ну, а тем, кто интересуется "кулуарными" сведениями, сообщу: отношение Москвы к нашей делегации было весьма благожелательным. Нас разместили в гостинице "Москва"— факт немаловажный. И еще одна деталь, за которой почему-то всегда ревниво и скрупулезно следят партийные работники: кто выступит первым, кто вторым? Так вот: на XXII съезде Брежнев предоставил мне слово шестым.

В работе съезда был выходной день. В гостиницу, где мы остановились, пришел мой помощник Абдрашитов и сказал, что делегатов съезда приглашают поехать на экскурсию, на ближнюю дачу Сталина. Мы вызвали машину и поехали на дачу. На этой даче Сталин жил, за редким исключением, без выезда все военные и послевоенные годы. Здесь он и умер. Дача была небольшая, окрашенная (для маскировки) в темно-зеленый врет. Нас встретил дежурный майор, и мы подъехали не к парадному входу, а к подъезду для обслуживающего персонала. Прошли через узкий и длинный коридор, ведуощй к главному входу здания, и оказались в довольно широком холле. С левой стороны находилась вешалка, где висели маршальская шинель, плащ и шуба. Сверху вешалки лежали маршальская фуражка, шапка-ушанка. Под шубой стонам подшитые валенки (пимы).

Майор открыл дверь, и мы вошли в большую комнату. Он сказал, что это комната была и столовой и кабинетом. Здесь Сталин проводил заседания, столовался, спал и принимал посетителей. Стены комнаты были обиты деревянными планками. В комнате стоял большой стол, очень длинный. Были столики поменьше, вдоль стены стояли стулья. В углу комнаты кожаный диван, на котором скончался Сталин. Мы молча постояли возле дивана. Из окна комнаты была видна небольшая площадка, обсаженная виноградником. Вышли из здания, прошли немного и увидели другой небольшой домик, так же окрашенный, как н большая дача. Майор нам объяснил, что здесь жила дочь Сталина, а до постройки большой дачи жил сам Сталин.

Вот и вся экскурсия...

Вернувшись из Москвы, мы развернули работу во реализации решений XXII съезда.

15-16 ноября ЦК КПСС созвал в Ташкенте региональное совещание работников сельского хозяйства среднеазиатских республик, Азербайджана и Казахстана. На совещании Хрущев поставил задачу с каждого гектара посева собирать не менее 25 центнеров хлопко-сырца. Секретари ЦК республики, директора совхозов, председатели колхозов, передовики производства полностью поддержали предложение. Я заявил, что мы берем обязательства по южной зоне Голодной степи производить не менее 28-30 центнеров хлопка с гектара, во северной зоне будет— 25 центнеров. Таким образом, по Чимкентской области будет сбор хлопка не менее названной цифры. С моим предложением Хрущев не согласился. Потребовал, чтобы северные районы производили не ниже 25 центнеров с гектара. Я ответил: "Это невозможно. Не позволят производить хлопок в названном объеме климатические условия". А про себя подумал: "Мне-то это виднее. Я хлопковые плантации вдоль и поперек исходил". Потому и стоял на своем.

Для меня всегда было главным жизненным правилом; партийный руководитель обязав тщательно разбираться во многих делах, входящих в его сферу деятельности.

Поэтому мне важнее всего в моих поездках по республике было разговаривать со знающими людьми, специалистами, учеными, практиками, впитывать их слова и опыт. Это, пожалуй, было лучшим подспорьем и опорой в тех решениях, которые я принимал. Много лет я занимался делами» которые позволили изучить сельскую жизнь. Мне не раз приходилось быть уполномоченным по заготовке хлеба, хлопка, сахарной свеклы.

Жизнь часто заставляла меня прикасаться к самому верному первоисточнику всех знаний — народному опыту.

Хрущев не любил, когда ему возражали, Все, мол, правильно понимают поставленную задачу, а у Кунаева свое мнение. Вот. я, Хрущев, не признаю никаких средних цифр и вообще с производством хлопка в Казахстане надо как следует разобраться. В это время в зале встал с места один из лучших знатоков производства хлопка н во весь голос заявил: "Кунаев говорит правильно. Северные районы (Туркестанская группа) Чимкентской области такую урожайность хлопка не дадут. Надо согласиться с его предложением". Хрущев с досадой махнул рукой и сел. На том и закончилась наша перепалка. Но вот прошла ли она без следа?..

На 21-22 ноября Хрущев назначил совещание сельскохозяйственных работников Целинного края.. Хрущев вызвал меня в резиденцию, где он жил в Ташкенте, и наказал: совещание в Целинограде провести организованно, без громких слов. Он будет держать совет с передовиками сельскохозяйственного ***"Щ*** производства о путях дальнейшего развития края. По дороге - никаких встреч. Народ не тревожить. Время не позволяет заехать в Алматы, едем прямо в Целиноград. Выяснив план его действий, я получил разрешение пригласить на совещание секретарей обкомов и председателей облис-* полкомов западных и восточных областей республики. Хрущев предложил пригласить еще карагандинцев.

Выехали из Ташкента утром. Проехали Чимкентскую и Джамбулскую области. Руководителей названных областей, выехавших навстречу, не Принял, до Целинограда встречался только со мной и начальником дороги. В Целинограде его встречали руководители края и жители области. Жить стал, он у себя в вагоне, поставленном в тупик.

Сразу после обеда мы поехали в Ижевский совхоз, на птицеферму, ферма для птиц была построена неграмотню, с явным перерасходом материалов. Это его очень рассердило. Я вновь увидел Хрущева в грубо-возбужденном состоянии. Он ругал всех. Не смог спокойно выступить на собрании рабочих совхоза в клубе. Когда ехали обратно в машине, Хрущев сказал мне: "Соколова (он был секретарем крайкома) откомандировать в Москву, край он не поднимет". Впрочем, об этом он сам скажет Козлову. В этот вечер ни мы его, ни он нас не беспокоил.

21 ноября открылось совещание. На совещании присутствовали передовики производства, руководители хозяйств, партийно-советские работники, ученые. Открывая совещание, я отметил, что край в долгу перед страной. План продажи хлеба

государству не выполнен, отсюда надо делать выводы. Хрущев оборвал меня, встал и сказал, что я говорю очень мягко, к руководителям края не предъявляю строгих требований. Они спокойно, продолжал он, проваливают план, не оправдывают своего назначения, Не чувствуется требовательности ЦК Компартии Казахстана к выполнению плана заготовок зерна. Я промолчал. Предоставили слово Хрущеву. Он заявил: "Целина — новая славная история нашей Родины. Целина — это крупная зерновая база по производству товарного зерна. На первым этапе освоения целины мы в короткие сроки смогли распахать миллионы гектаров я резко увеличить производство зерна. Сейчас, на втором этапе, предстоит повысить культуру земледелия, из года в год наращивать урожай и резко увеличить производство зерна и продуктов животноводства. Казахстан ежегодно должен продавать по миллиарду пудов хлеба, край — по семьсот миллионов пудов, мяса производить по семьдесят пять центнеров на сто гектаров пашни и шестнадцать на сто гектаров других угодий. Создать прочную кормовую базу. Совхозам и колхозам необходимо вооружаться передовой техникой и иметь крупную ремонтную базу. Назвал фамилии лучших директоров: Лихобаба, Дворецкий, Николаенко, Пак, Зайчукова, Ким Де Хан; передовиков производства: Довжик, Деме-ев, Исаков, Иванов, Карта у зов.

Очень резкая критика прозвучала в адрес Шортан-динского института и его директора Александра Ивановича Бараева.

С Бараевым вышла сложная история. Целина представлялась Хрущеву как немедленное изобилие, ежегодные миллиарды пудов хлеба. И теория Бараева о чистых парах явно противоречила желаниям Хрущева, поскольку пятой части целины следовало отдыхать ежегодно, ничего не производя. Этого Хрущев принять не мог. Бараев настаивал. В конце концов это стало раздражать Хрущева.

Через три года это история получила неожиданное продолжение. Я помню, может быть, кульминационный момент этого раздора. Хрущев прибыл в институт в Шортанды, чтобы посмотреть новую технику, поля, поговорить с учеными. Показывал технику один из знаменитых механизаторов, если | я не забыл, кажется, Гаврилюк. В его руках был поливной шланг. Что-то ему надо было отмыть водой. И вот он нечаянно окатил Никиту Сергеевича с головы до ног... Тот и глазом не моргнул. Ничего не сказал. Посмотрели технику, поля. С Бараевым Хрущев разговаривал жестко» грубо. Тем, кто сопровождал его, твердо

объявил: убрать Бараева!.. Сел в машину и уехал. Слово первого — закон. Но как-то так вышло, что со снятием Бараева немного проволынили: создавали проверочную комиссию, составляли документы... Бараев, конечно, был не у дел. Вместо него был другой человек, но и Бараев был еще не совсем изгнан. А тут октябрьский пленум, Хрущева не стало. И академик Бараев еще долго и плодотворно работал во славу целинной науки.

1961 сельскохозяйственный год Целинный край завершил неудовлетворительно, если не сказать плачевно. Объяснялось это тем, что руководителя края, пользуясь особым расположением Хрущева, не считаясь с мнением специалистов, провели весенний сев с явными нарушением сроков, не выполнили план подъема зяби. Увеличился обьец весновспашки. Сроки сева затянулись, тут еще выдалось очень засушливое лето. Все это вместе взятое привело к тому, что в крае получили очень низкий урожай. Соколова, как и решил Хрущев, освободили от работы, и он уехал в Москву.

Наступил 1962 год. 12 января мне исполнилось 50 лет. Круглая дата в жизни человека. Работал честно, много: что-то сделал, что-то не успел. Но, как говорят в Казахстане, 50 лет — это юность старости, 50 лет — это старость юности. Так что жизнь продолжается. Я был награжден орденом Ленина и узнал об этом, находясь с женой в санатории Торный воздух" в Железноводске. Первым поздравил меня с наградой Кулаков Федор Давидович — тогда первый секретарь Ставропольского крайкома.

Время пребывания в санатории приближалось к концу. Дома дел — непочатый край. Республике выделялись огромные капитальные вложения на развитие Караганда — Темиртауского, Павлодар — Экибастузско-го, Джамбул — Каратауского, Кустанай — Л Исаковского, Мангышылакского, Восточно-Казахстанского и других промышленных регионов. Казахастан начал производить новую продукцию тяжелой, легкой и пищевой промышленности. Возросла добыча металлических руд, угля, нефти, фосфоритных руд. Увеличилось производство цветных металлов, чугуна, стали, проката, минеральных удобрений. На экономической карте республики появились десятки новых городов, вновь построенные совхозы, железнодорожные пути, линии электропередач, строились элеваторы, заводы, фабрики.

Резко увеличилось население. Освоение целины стало важным ускорителем во всех сферах жизни республики. Много пришлось размышлять, выступать на бюро ЦК, на заседаниях Совета Министров, на активах, на собраниях трудящихся: учились

находить новые формы, методы и способы ведения хозяйства, используя накопленный опыт, обогащая его новым, ломая отжившее.

На большом совещании идеологических работников в мае пришлось рассказать о происходящих жизненных событиях в республике и остро поставить вопросы интернационального воспитания, об укреплении и расширения дружбы народов многонационального Казахстана. Говорилось не только о роли и значении идеологической работы, но и формулировались ее основные задачи в разрезе решений XXII съезда КПСС.

А новое и отжившее всегда шля рядом, а то и накрепко переплетались. Порой дело доходило до курьезов. Но, надо оговориться, это с позиций сегодняшнего дня курьез, а тогда это идею можно было принять за чистую монету. Более того, осуществить ее. Однажды я получил сообщение, что бюро Павлодарского обкома партии вносит . предложение . — переименовать город Павлодар в Хрущевоград. Идея, как я понимаю, родилась в голове у Слажнева, который руководил тогда Павлодарским обкомом. Как тут быть? Я позвонил в Павлодар, узнал, что такое решение принято, но пока еще документы "наверх" не запущены, хотя помощник Хрущева, возможно, был в курсе дела. Но, несмотря на это, мне удалось вмешаться и быстро отменить эту "задумку".

Но вернемся к темам более существенным. Весной 1962 года Хрущев созвал большое совещание в Пицунде, где присутствовали руководители РСФСР, Украины, Казахстана и его Целинного края. Для нас создали все необходимые условия для проживания и работы. Меня устроили в одной резиденции с Вороновым и Подгорным, а всю нашу делегацию (Дауленова, Мацкевича, Козлова, Соколова и других) разместили на бывшей даче Берии в Гаграх. До начала совещания у меня был обстоятельный разговор с Хрущевым о будущей структуре сельскохозяйственных органов. Как будто бы обо всем договорились, и я в хорошем настроении отправился на совещание.[A]Р

Совещание открыл сам Хрущев, присутствовал Микоян. Затем Хрущев поднял вопрос об упразднении сельских райкомов партии и образовании межрайонных производственных управлений* На том совещании я выступил против этой реорганизации, при этом просил, что если все-таки структура будет изменена, то пусть в каждом районе будет свое управление. Хрущев с этим не согласился и грубо отчитал меняй

После совещания ми выехали домой и приступили к реорганизации сельскохозяйственных и партийных органов, руководствуясь указаниями Хрущева, которые он дал в Пицунде. Но все-таки нам удалось во многих районах сохранить производственные управления. К сожалению, они работали с очень малой эффективностью.

9 июля позвонили из секретариата Хрущева и сказали, что я включен в состав партийно-правительственной делегации, выезжающей в Румынию. Мне надо было быть в Москве не позднее 14 июля. В состав делегации входили: Гришин — председатель ВЦСПС, Андропов — заведующий отделом ЦК КПСС, Кузнецов — первый заместитель министра иностранных дел, Ельдарова - председатель Президиума Верховного Совета Дагестана, Бодюл — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии. Руководителем делегации был Хрущев. Из Москвы выехали на поезде. Первая остановка была в Кишиневе. Мы побывали в винных подвала х

Молдавии, где дегустировали высококачественных вина. После обеда наш поезд направился к границе.

На румынской территории первая остановка была в Яссах. Здесь делегацию приветствовали руководители местной власти и собравшиеся на вокзальной площади жители города. Перед ними выступил Хрущев. На следующий день утром мы прибыли в Бухарест. Здесь нас встречали вое члены Политбюро ЦК РКП во главе с Георгиу-Дежем, многочисленные жители румынской столицы. Наш визит в Румынию продолжался до 25 июля. За это время посетили ряд промышленных и сельскохозяйственных объектов и предприятий. Посетили несколько городов. Были в шахтерском городке, в курортном и торговым городе Констанце. Румынские товарищи показали нам ряд исторических мест, в том числе дворец, где последние годы жил румынский король Михай, которого Сталин наградил орденом "Победа". Хрущев выступил на одном из заводов

перед рабочими и вместе с Георгиу-Дежем — на стадионе, где присутствовало свыше 50 тысяч человек.

Н Накануне нашего отъезда состоялся прием. После его окончания большой и, кстати* очень непритяный разговор состоялся между Хрущевым и Георгиу-Дежем. Они говорили о проблемахА связанных с взаимопомощью между социалистическими странами, и, конечно, о методах выращивания кукурузы. Мы в разговор не вмешивались* К нам подходил Чаушесху и возмущался: "Нас можно как угодно критиковать, во только не по возделыванию кукурузы. Этого не понимает Хрущев". Спор между двумя руководителями продолжался до утра. Из зала приемов поехали прямо в аэропорт и 25 июля вылетели в Москву.

1962 год был для республики и для меня лично чрезмерно напряженным и нервным. После возвращения яз Румынии провеян пленум ЦК, который посвятили проведению уборки урожая и заготовке кормов. Засуха охватила главные зерновые области, сельскохозяйственный год складывался плохо. Надо было без потерь собрать весь выращенный урожай и готовиться к следующему гаду. В довершение ко всему, не без участия Москвы, в республике произошли серьезные кадровые изменения.

Однажды позвонил Хрущев и сказал буквально следующее: "Ваш второй секретарь ЦК оказался слабым руководителем **и** плохим организатором. Немедленно освободите его от роботы **и** направьте в наше распоряжение.'

Я собрал членов бюро ЦК и передал им указание Хрущева. Родионова освободили, направили в Москву. Чуть позже освободили от работы и председателя Совета Министров Дауленова. Он был назначен на этот пост после Ташенева. Дауленов был до войны вторым секретарем республиканского ЦК. После этого уехал в Башкирию. Из Башкирии вернулся обратно в Казахстан по вызову ЦК, был назначен начальником Главводхоза, работал председателем Чимкенсткого облисполкома, первым секретарем Семипалатинского обкома. Высокий пост вскружил ему голову. В результате за недостойное поведение бюро ЦК освободило его от работы. Председателем Совета Министров республики утвердили Бейсебаева, работавшего первым секретарем Алматинского обкома партии. х

Читатель, наверное, обратил внимание, что в наших отношениях с Хрущевым порой возникало взаимное не-

допонимание. Я это считал в порядке вещей. Партийная дисциплина — строгая категория, как коммунист, я всегда воспринимал ее главной, цементирующей силой партии. Вместе с тем, считал и считаю, что высказать свое мнение, не согласиться, возразить имеет право любой коммунист любому руководителю, какой бы он пост ни занимал. Я не раз и не два возражал Хрущеву, не всегда и не во всем разделял его точку зрения. Спорил с Хрущевым, пытался переубедить его. Иногда это удавалось, чаще нет. Камнем преткновения наших разногласий стало образование краев в республике. С этого и начали портиться наши отношения.

Попытаюсь вкратце рассказать о сути наших разногласим. Я считал, что в республике должны быть организованы новые области, в целях улучшения руководства народным хозяйством. Первое предложение было — организовать Тургайскую область. Например, от Кустаная до Тургая семьсот километров лету. О каком конкретном руководстве тут можно вести речь? Прибыл специально по этому поводу к Хрущеву и предложил: "Давайте организуем Тургайскую область — выгода несомненная". Хрущев отклонил мое предложение и сказал; "Будем думать, как управлять крупными зерновыми областями Северного Казахстана.

151

Спорить было бесполезно. Потом появилась его записка, в которой сказано примерно следующее: был, мол, Кунаев у меня, он требует для улучшения руководства организовать новую область за счет разукрупнения других. А ***ш*** предлагаю организовать Бюро ЦК Компартии Казахстана по целинным областям с размещением в Целинограде. Решение такое, разумеется, было принято. Председателем бюро направили туда секретаря Республиканского ЦК Соколова.

Прошло какое-то время и звонит мне Хрущев:

— Я решил ликвидировать Бюро по целинным областям и образовать Целинный край в составе пяти областей.

— Этот край будет двойного подчинения?— спросил я.

Хрущев ответил утвердительно.

— Это неправильно, Никита Сергеевич, для чего нам кроить землю?

— Вы чего-то недопонимаете,— было ответом, и в трубке повисла тишина.

Целинный край начал действовать. После этого, но уже в Москве, состоялась продолжение этого разговора.

— Есть предложение,— начал Никита Сергеевич,— передать Целинному краю Карагандинскую область.

Дело происходило в кабинете Хрущева. Присутствовали Микоян, Козлов, Брежнев, Косыгин, Первухин и другие товарищи. Услышав о предложении Хрущева, я возразил:

— Никак нельзя этого делать,— говорю, — если ввести в состав края Карагандинский бассейн, то мы хлеб можем потерять. Хлебом краю некогда будет заниматься...

— Без промышленности мы целину не потянем,— сказал Хрущев,— вы опять чего-то не понимаете... Мы ведь Караганду отдаем не капиталистам. Кунаев должен снять свои возражения.

Тут за меня неожиданно вступился Микоян. С Хрущевым, я заметил, он был на "ты".

— Не нервничай, Никита Сергеевич, ты неправ. Если Караганду передадим целинникам, мы сами заставим руководство края заниматься углем, а хлеб отойдет на второй план. Я так понимаю, что Целинный край создан для того, чтобы добывать хлеб, а не уголь.

На том и порешили. Караганду в подчинение края не передавать. Я был сердечно благодарен Микояну за поддержку.

ыл через несколько месяцев звонок от Хрущева: — Ну вот, видите, как оправдывает себя Целинный край. Как вы отнесетесь к тому, чтобы в Казахстане || еще два м края организовать? Вообще пора переходить на краевое управление народным хозяйством Казахстана, а в перспективе исчезнут границы между республиками.

Сопротивляться было бесполезно, и в республике организовали Западно-Казахстанский и Южно-Казахстанский край. Готовились предложения о создании Восточно-Казахстанского края...

Потом-то я понял, куда дело идет. В это время было создано еще и Средазбюро, куда входили руководители Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Кыргызстана Шымкентской области Казахстана. Вполне было понятно, что Хрущев пытался быстрее провести свою идею о будущем стирании границ между республиками.

И еще об одном конфликте хотелось бы рассказать. В одну из наших встреч Хрущев заявил, что полуостров Мангышлак необходимо передать Туркмении. Свое предложение он обосновал тем, что туркмены быстрее освоят богатства Мангышлака. Туркмены, якобы, имеют богатый опыт работы в пустынной и

полупустынной зоне и у них сильная геологоразведочная организация. Я резко запротестовал. Хрущев весь покраснел, занервничал. Заявил, что стране, мол, нужна нефть в большом объеме, поэтому надо резко увеличить разведочные работы. И напомнил мне: "Об этом я вам говорил, когда был в Казахстане, но вы не хотите этого понять и необоснованно возражаете**. Я сказал ему: "Поговорите по этому поводу с министром геологии Сидоренко". Он тут же по телефону связался с Сидоренко. К моему счастью. Сидоренко объяснил Хрущеву, что геологическая служба в Казахстане очень сильная, казахи освоят Мангышлак. Он добавил еще, что полуостров скоро будет связан железнодорожной линией с Актюбинском и Гурьевом (Аты-рау)— и это тоже ускорит освоение. Стало ясно, что Хрущев поторопился со своей идеей. Он мне сказал: "Мы подумаем. Пока не будем ломать границу Казахстана с Туркменией*'. После этого к проблемам Мангышлака он больше не возвращался.

Кульминация наших разногласий с Хрущевым наступила при следующих обстоятельствах. В середине декабря 1962 года в Кремлевском дворце съездов мастерами искусств Казахстана 'был дан концерт. В это время в Москве находились члены Бюро нашего ЦК Бейсебаев, Шарило», Юсупов и другие товарищи. Я позвонил Хрущеву и пригласил его на концерт. Он сказал, что обязательно будет, и просил, чтобы я приехал к нему в Кремль. Через двадцать минут я был там. Когда зашел в кабинет к Хрущеву, там находился Микоян. Поздоровались. После этого Хрущев сказал: "На концерте будут присутствовать все члены Президиума ЦК КПСС**. Затем он предложил пригласить находящихся в Москве членов бюро нашего ЦК и встретиться с ними после концерта. Далее он сказал: "У меня сегодня был первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома Юсупов. Он ставит вопрос о передаче хлопкосеющих районов Узбекистану. По-моему, очень дельная мысль. Передача районов в подчинение Узбекистана ускорит освоение Голодной степи и увеличит производство хлопка. Юсупов обосновал свое предложение еще и тем, что узбеки имеют богатый опыт в производстве хлопка. Предложение Юсупова мы поддерживаем, хотели бы знать мнение ЦК КП Казахстана".

От волнения я немного растерялся. "Но как же так,— подумалось мне,— только сегодня встретился с Юсуповым и за один день, не изучив вопроса, не проработав его, готов решить судьбу двух народов, его границ? Что это за стиль работы? Куда он спешит?**. Сдерживая себя, я все-таки резко сказал: — Я не смогу

доказать целесообразность этого мероприятия своему народу. Во-первых, мы имеем более богатый опыт в освоении целины, и, во-вторых, освоение Голодной степи начали мы. Этому свидетельство совхоз "Пахта-Арал", имеющий исключительно высокие показатели, причем не только по урожайности хлопка, но и по другим видам продукции. Дайте технику и деньги, и мы все сделаем для увеличения производства хлопка. Наконец, Южный Казахстан — самая густонаселенная часть республики коренным населением. Мы играем с огнем: отношения между республиками могут усложниться".

Увы! Мои доводы Хрущеву совершенно не понравились. Потому что для себя он уже принял решение. Тут в разговор вмешался Микоян. Он поддержал Хру-

щева в передаче трех хлопкосеющих районов Узбекистану. И добавил:

— Это главная мысль в записке Юсупова.

Хрущев подвел итог нашего спора: "Вечером решим, что делать с предложением секретаря крайкома, когда соберутся все члены Президиума ЦК КПСС и члены бюро ЦК Компартии Казахстана. Я внесу это предложение. А вы еще раз посоветуйтесь с членами своего бюро... "

Я ответил:

— Если Президиум ЦК КПСС решится на передачу, то будем выполнять, но я категорически против передачи.

До концерта я переговорил с Бейсебаевым и Шари-повым.

Они посоветовали: "Возражения ни к чему хорошему не приведут. Надо согласиться на передачу этих районов**.

Какой там концерт! Я и не видел происходящего на сцене.

Во время перерыва Хрущев поднял вопрос о передаче районов. Он протянул мне записку Юсупова и сказал: "Передаю для исполнения**. А заодно похвалил за государственный подход к делу. Мы ушли удрученными...

Если говорить о причинах того, почему я возражал Хрущеву в организации краев, передачи хлопкосеющих районов республики Узбекистану, а Мангышлак Туркмении, можно отметить следующее: я знал больше, чем он, о реальном состоянии дел в республике, а также о настроениях и чувствах людей, межнациональных отношениях. Я знал обстановку не по справкам. Передача исконных казахских земель хотя и братской республике могла вызвать и вызвала полное непонимание нашим народом такого решения. В этом казахстанцы видели недоверие им со стороны ЦК и Хрущева.

Пытаясь убедить Хрущева в нецелесообразности передачи земель из одной республики в другую, я говорил о том, что это приведет к# нежелательным результатам и рассорит народы соседних республик. Так же сказал, что у нас есть большой опыт в освоении новых земель, но все мои доводы Хрущева не убедили. По этому вопросу он получил неправильные и искаженные данные. Районы были переданы Узбекистану, но после ухода Хрущева на пенсию по моему настоянию они были возвращены обратно, за исключением двух совхозов и 500 тысяч овец, а также части земель, переданных ранее. Но и то, что удалось возвратить, стоило немалых трудов.

Перед моим отъездом из Москвы позвонил Козлов и сказал:

— Прошу назначить пленум вашего ЦК на 25 декабря. Есть желание присутствовать.

— Пленум будет созван,— ответил я.

Без всяких предчувствий было ясно, что я буду освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Казахстана.

24 декабря Козлов прилетел в Алматы. Встретив его, дружески обнялись. В машине о цели приезда Козлов не сказал ни слова. Всему свое время. После небольшого отдыха он 1 приехал в ЦК и предложил порядок работы нашего пленума.

— Президиум ЦК КПСС считает,— сказал он,— что товарища Кунаева целесообразнее использовать в качестве Председателя Совмина республики. Первым секретарем мы рекомендуем Юсупова, вторым — Соло-менцева. Прошу поддержать наше мнение,— этим словами Козлов закончил свою речь.

Я сказал Козлову:

— Кандидатуру названных товарищей поддержу на пленуме. Что касается моего нового назначения, то я категорически против. Прошу направить меня в распоряжении Академии наук республики, в Институт горного дела.

Козлов со мной не согласился.

— К чему эти амбиции?— сказал он.— Мы предлагаем вам очень ответственный пост, а вы возражаете.— И после паузы со значением добавил:— Я вам не советую спорить с Хрущевым.

После этого Козлов вызвал Юсупова и Соломенцева, и они уехали обедать. Я остался в ЦК, чтобы посмотреть материалы к пленуму. Раздался звонок ВЧ-связи. Я снял трубку и услышал голос Хрущева.

— Встречались с Козловым?— спросил он.

— Да, встречался.

— О вашем новом назначении говорили?

— Говорили. Но согласия на это предложения я не дал.

— Почему?

Я подробно перечислил все свои доводы и причины отказа. Говорил, по-моему, весьма убедительно, но в ответ услышал:

— Мы считаем, что на должности председателя Совмина вы принесете наибольшую пользу.

Попытался возражать, но в трубке вдруг позвучало:

— Мы свои решения не меняем! Все, разговор закончен...

На пленуме по предложению Козлова первым секретарем избрали Юсупова, освободив его от обязанностей секретаря Южно-Казахстанского крайкома, вторым секретарем ЦК избрали Соломенцева, освободив от обязанностей Карагандинского обкома.

Меня утвердили Председателем Совмина республики. 26 декабря 1962 года был опубликован Указ о моем назначении.

Таким образом, я второй разметал Председателем Совмина Республики. Бейсебаев стал моим первым заместителем. Ниязбекова рекомендовали первым секретарем Южно-Казахстанского крайкома, Банникова — первым секретарем Карагандинского обкома. Вот такие кадровые перемены произошли на том памятном пленуме.

Бейсебаев был честным, преданным своему делу коммунистом. Имел солидный опыт партийно-советской работы. Свою деятельность начал с помощника первого секретаря ЦК. Ушел на пенсию с должности Председателя Совета Министров республики. Ниязбекова хорошо знали в Казахстане. Он много и напряженно работал. Перед пенсией был председателем Президиума Верховного Совета КССР.

Итак, через три года я снова вернулся в Совет Министров. Многие вопросы, которые рассматривались и решались здесь, мне были хорошо известны. Свою задачу видел в том, чтобы аппарат работал четче, оперативней и слаженней. Я нашел в этом деле поддержку и понимание. Управляющий делами Д. А. Сырцов — старый член партии, хорошо знающий свое дело, проанализировав ситуацию, подтвердил необходимость усиления контроля за работой всех подразделении аппарата.

В своем программном докладе на совещании аппарата Совмина с участием руководителей совнархозов и облисполкомов я потребовал полного освоения введенных мощностей во всех отраслях; скорейшего вывода из про-рыяа отстающих предприятий, объявления решительной борьбы за качество продукции.

Дело прошлое, но, думаю, сосредоточив внимание на актуальнейших проблемах, мы добились весьма обнадеживающих результатов в промышленности, строительстве, на транспорте и особенно в освоении капитальных вложений.

3 марта состоялись выборы в Верховный Совет КССР 6 созыва. Я был избран депутатом от 64-го избирательного округа Талдыкоргансой области, и на сессии Верховного Совета меня вновь назначили Председателем Республиканского Совмина.

В 1963 году с самого начала плохо складывался сельскохозяйственный год. Засуха начала охватывать и северные хлебные области. Первый секретарь ЦК Юсупов был в это время на отдыхе. В середине лета позвонил Косыгин. "Предстоит большая работа по составлению очередного пятилетнего плана,— сказал он.— Мне крайне необходимо узнать на месте, на что обратить внимание,

чтобы более эффективно использовать производительные силы республики. Словом, ждите".

Встретил я Косыгина в Кустанае, поздно вечером. На следующий день вместе с Бородиным, первым секретарем обкома, поехали в Рудный. Директор Соко-ловско-Сарбайского комбината Сандригайло показал Косыгину комбинат, его рудники и фабрики. Комбинат уже стал надежной сырьевой базой Магнитогорского комбината. Работой рудников и фабрик Косыгин был доволен. Просил ускорить строительство, ввод новых мощностей по производству окатышей. Провел совещание и по докладу Бородина, дал указание мне, руководству Совнархоза и москвичам, которые его сопровождали, быстрее освоить выпуск высококачественной продукции Джетыгаринским асбестовым комбинатом, ускорить строительство и освоение Лисаковских оолитовых руд, также форсированно вести разведку Качарского месторождения магнитовых руд. Позднее, после ознакомления с комбинатом костюмных тканей, где еще не были введены все мощности, а также на швейной фабрике и на заводе по выпуску химволокна Косыгин решил ряд вопросов, поставленных руководителями этих предприятий.

К концу дня мы вылетели в Целиноград. Здесь вас встретил тогдашний министр сельского хозяйства СССР Мацкевич. Посетовал на засуху: она охватила всю тер-

риторию края. О плановой продаже хлеба государству нее могло быть я речи. С Косыгиным мы поездили по Целинограду, познакомились с заводом "Казсельмаш" и другими предприятиями города. В пятилетний план он обещал включить строительство ряда объектов легкой и пищевой промышленности в Целинограде, Петропавловске и Кокчетаве. На следующий день мы вылетели в Павлодар. Секретарь Павлодарского!обкома Слажнев прямо из аэропорта повез нас смотреть хлебные поля. Косыгин впервые увидел, что такое эрозия почвы. Расстроился, но пообещал сделать все зависящее от него, чтобы: приостановить стихию (имелось в виду производство сельхозмашин новой технологии обработки почвы).

Строительство канала Иртыш - Караганда Йжимиче-ского завода, Павлодарского тракторного завода, проектирование и расширение Ермаковского завод феррохрома и тепловой станции,— все это изучалось, обсуждалось и фиксировалось в необъятной памяти Косыгина. Косыгин высказал свои соображения о превращении Экибастуза в крупнейший топливно-энергетический район страны, включить в пятилетний план.

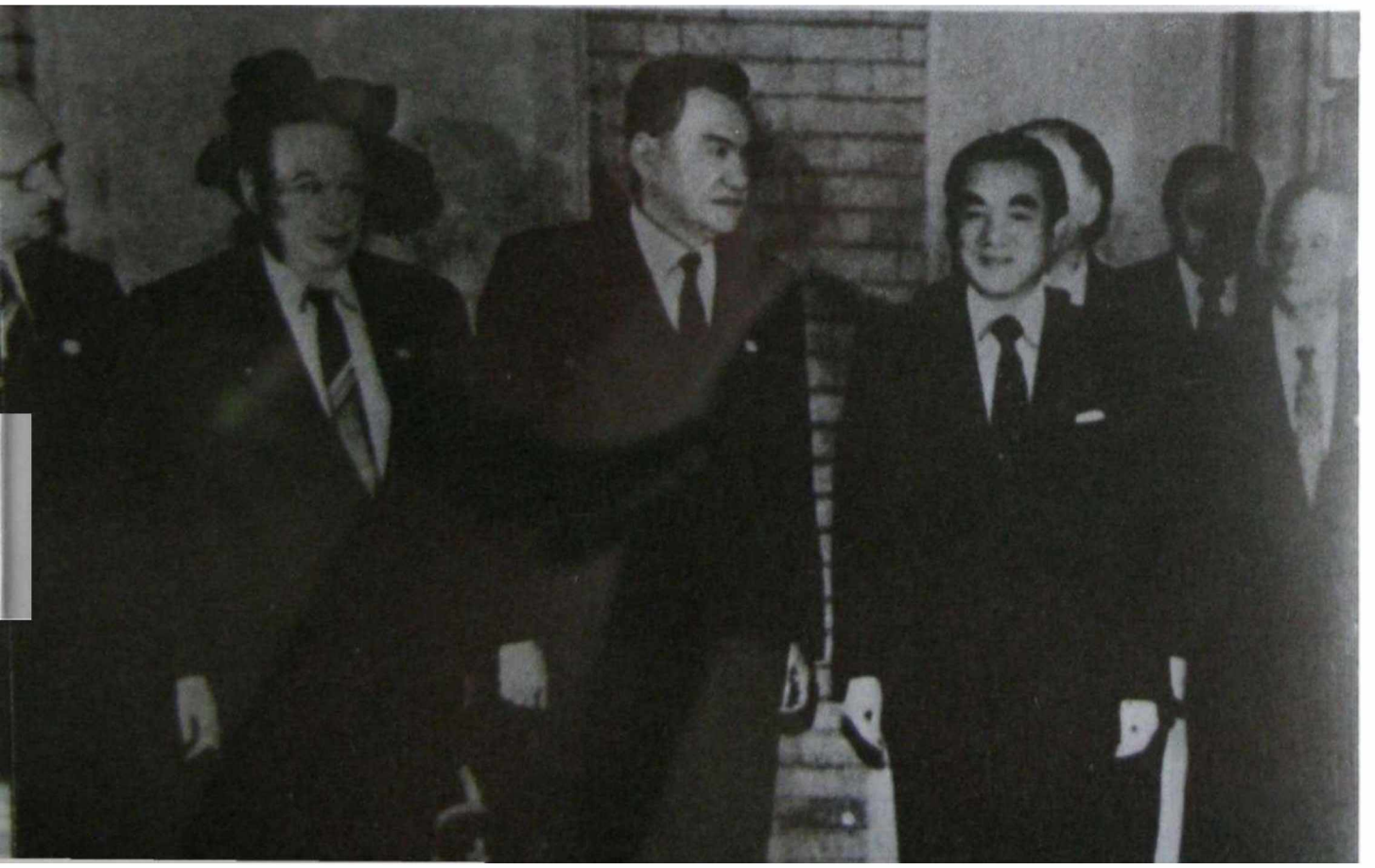
Из Павлодара мы вылетели в Караганду, потом в Балхаш, Джезказган, Усть-Каменогорск... В Караганде, в обкоме партии состоялся большой разговор о развитии Карагандинского угольного бассейна, о развитии городов Сарань, Абай, Шахтинск. Детально был рассмотрен с выездом в Темиртау ход строительства Карагандинского металлургического комбината, объектов химической, ре-зино-технической промышленности. Сделал ряд критических замечаний о неудовлетворительном строительстве жилья и объектов социально-культурного назначения. Во время посещения промышленных объектов нас сопровождали: первый секретарь обкома Банников, председатель совнархоза Ропщин, пред. облисполкома Ашимов. На второй день вместе с руководителями области мы были уже в Джезказгане. Директор Джезказганского горно-металлургического комбината Гурба доложил о состоянии и перспективах развития комбината. В шахте было показано горно-шахтное проходческое и очистное оборудо-вание, в металлургическом производстве — цех электролиза. В Джезказгане совещание не проводили, их проблемы были рассмотрены в Карагандинском обкоме. Косыгин принял решение улучшить материальное снаб

Вручение правительственных наград чабанам. Справа Н. Алдабергенов 1958 г.

Визит в Румынию (слева направо) Д. А. Кунаев, Ю. В. Андропов, Г. Георгиу-Деж, Н. С. Хрущев. 1962 р.

На приеме у иранского шаха М. Р. Пехлеви. Тегеран. 1968 г.

Встреча с премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ. ТОКИО. 1984 Г.



жение комбината и обеспечить его новейшим самодоходным оборудованием.

Косыгин славился не только тем, что, изучив на месте проблему, давал мудрые советы, подсказывал перспективные пути развитии комбината, шахты, завода а то и целого региона. Вместе с тем он умел решать вопросы, что называется, не сходя с места. Вот тому

| Балхашцы показали ряд бытовых и торговых точек города и даже ботанический сад. Просили помочь со снабжением города питьевой водой. Они показали готовый проект водопровода. Вопрос был решен тут же Косыгин обязал меня найти источники финансирования, а на себя взял выделение городу пятидесяти километр» труб для водовода.

Прошло немного времени, и водовод был сдан в эксплуатацию. Балхашцы стали пить хорошую пресную воДУ-

Закончив ознакомление с Балхашом, мы полетели в Усть-Каменгорск. Нас встретили секретарь обкома Нехлюдов и председатель облисполкома Атамбаев. Знакомство с предприятиями Восточного Казахстана начали со свинцово-цинкового, титано-магниевого комбинатов и почтового ящика № 10. На второй день на машинах выехали на Бухтарминскую ГЭС, а позже на катерах по течению Иртыша спустились на Усть-Каменогорскую ГЭС. Сделали остановку в Серебрянске и, послушав доводы горняков и металлургов, дали "добро" на строительство здесь фабрики по *щ* производству лепестков. Фабрику местные товарищи построили очень быстро и начали снабжать лепестками многие горнорудные и металлургические предприятия страны. На месте, в Усть-Каменгорске, Косыгин сделал еще один подарок восточноказахстанцам: было решено строить здесь комбинат шелковых тканей. На этом программа посещения областей завершилась, и мы прилетели в Алматы.

Конечно, мы изрядно устали, но поездка была очень плодотворной. Можно было выделить и день для отдыха.

В воскресный день мы приехали на высокогорное озеро Иссык находящееся в шестидесяти километрах от города в отрогах Тянь-Шаня. На озеро мы приехали в полдень. Это было 7 июля 1963 года. На берегу озера *и в* лодках было очень много вдыхающих День был ясный, красота неописуемая. Косыгин озером и природой

был восхищен. Мы собирались ехать на другой берег. Косыгин взял **в** эту поездку своего внука Алексея. Тут **я** вижу — что-то неладное: с гор с гулом несется коричневый поток. Сомнений нет, это дело мне слишком знакомо. Сель! Поток уже обрушился в озеро. Вода помутнела и будто кипит. Удар селя поднял мощную волну, лодки отдыхающих стали переворачиваться. Сель ударил **в** пирс, я видел, как подбросило вверх человека стоявшего на нем...

— Пока мост на реке не сорвало,— говорю,— надо уезжать!

Косыгин — ни с места. Происходящее как бы заворожило его. Я говорю, что дорога каждая секунда. К тому же надо организовать немедленные спасательные работы... Только миновали мы мост, и он рухнул за нами под напором грязи и камней. Как потом выяснилось, **в** считанные минуты в озеро Иссык ворвалось около шести миллионов кубометров грязекаменной массы. И она практически выплеснула из озерной чаши чистые воды Иссыка. Поток разрушил часть жилых домов, погибли, к сожалению, и десятки людей, а мы оказались очевидцами уничтожения озера на наших глазах. Как выяснилось, мощный селевой поток образовался в ясный солнечный день в результате прорыва моренно-леднико-вого озера Жарсан в верховьях реки Иссык.

Для Алматы и ее окрестностей сели в общем-то не в диковинку. С 1921 по 1982 годы в республике наблюдали пять катастрофических селей, три из них — в самом Алматы. Непосредственно селевой поток я наблюдал второй раз в жизни. Первый сель, который я помню, прошел в ночь с 8 на 9 июля в 1921 году.

Меня, спящего, разбудила бабушка и пошла показывать, что натворил в городе селевой поток. По руслу реки Малая Алматинка через город промчались огромные потоки грязекаменной массы от Головного арыка вдоль по нынешним улицам Карла Маркса, Пушкина, Ленина, включая улицу Фурманова. Надо сказать, что в этот период бушевали все реки Семиречья, берущие начало в горах Заилийского Алатау.

Понятно, что проблема противоселевой защиты приобрела государственное значение. Поэтому в Казахстане организовано управление по строительству и эксплуатации селезащитных сооружений при Совете Министров республики.

Косыгин был человеком масштабного экономического мышления, деловым, строгим и аккуратным. Находясь в Алматы в течение трех дней, заслушал меня, руководителей Госплана и совнархозов, министров, руководителей крупных предприятий, рассмотрел проект восьмой пятилетки Казахстана. В проекте были учтены многие наши предложения» По итогам его посещения

состоялось республиканское совещание, где он выступил с большой речью. При отъезде Косыгина в Москву ему и сопровождавшему его заместителю управляющего делами Совмина СССР Смиртюкову, было подано 103 записки по самым разным проблемам. Все внесенные предложения в кратчайшие сроки были рассмотрены в Москве, по 98 докладным запискам были получены положительные ответы.

Хотелось бы добавить, что в дальнейшем у меня были очень хорошие деловые связи и полный контакт в работе с Косыгиным.

Знал его, когда работал еще заместителем председателя Совнаркома республики. Неоднократно бывал у него на приеме. Один раз — с министром Ержановым, и Косыгин без проволочек помог нам оборудованием и сырьем для легкой промышленности республики. Занимаясь и транспортными вопросами, по моему докладу помог началу строительства железнодорожной ветки Семипалатинск — Малиновое озеро (соединяющей Павлодар и Семипалатинск). Впоследствии эта стройка была законсервирована. Многие вопросы мы с ним решали во время частых разговоров по телефону.

1963-й сельскохозяйственный год закончился неудовлетворительно. Средний урожай зерновых культур составил 4,4 центнера с гектара. В результате засухи выгорели огромные площади пастбищ. Заготовка кормов резко отстала от роста общественного поголовья скота. Зимовка проходила в очень тяжелых условиях. В дополнение к этим бедам в конце ноября, в декабре, даже в январе 1964 года в южных и западных областях участились сильные штормовые ветры, метели, бураны. Но все-таки больших потерь в животноводстве не допустили.

Зимовка 1963-1964 годов многому научила руководителей хозяйств, партийных, советских, сельскохозяйственных органов. Были разработаны мероприятия по дальнейшему развитию животноводства и доложены правительству страны. По нашей настоятельной просьбе Совет Министров СССР принял постановление "Об освоении пустынных и полупустынных пастбищ для развития овцеводства в Казахской ССР". Этим постановлением выделялись крупные средства для создания материально-технической базы животноводства, для резкого улучшения культурно-бытовых условий чабанов, которые героически трудились и не покидали отары в трудных условиях зимовки и в период окота. Ведь тысячи чабанов со своими семьями находятся вдали от городов и населенных пунктов, а многие в

пустыннях и полупустынях. Это правительственное постановление стало тогда надежным подспорьем для овцеводов Казахстана.

Было также решено заняться строительством большого количества школ-интернатов для детей чабанов.

Заканчивался четвертый год пятилетки. Эти годы убедительно доказали ошибочность организации совнархозов и перестройки партийных органов на промышленные н сельскохозяйственные комитеты. На всех уровнях начали критиковать Хрущева, по предложению которого были организованы совнархозы, произошло деление партийных органов и возникли края в республике,

В плане работы Совета Министров предусматривался отчет Южно-Казахстанского крайисполкома. В связи с этим для изучения положения дел я вылетел в Южный Казахстан. С председателем крайисполкома Морозовым, председателем совнархоза Березой и начальником главного дорожного управления Гончаровым мы начали работу в Аральске.

На машине проехали почти через всю область: Ка-залинск, Джусалы, Орду, Чиили, Яны-курган. На совещании в Кзыл-Ординском облисполкоме, где подводили итоги работы, решили проложить асфальтовую дорогу Джусалы — Кзыл-Орда. Она, кстати, положила начало дорожному строительству в области.

Детальное знакомство с предприятиями Шымкента — такими, как свинцовый завод, завод прессов-автоматов, химфармзавод, цементный, текстильный комбинат, чулочная фабрика позволили выявить узкие места на производстве и ряд проблем решить на месте. Нужно было вплотную заняться реставрацией мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави и благоустройством города Туркестана. Итоги поездки по двум областям края были рассмотрены с нашим участием в краевом комитете партии у первого секретаря Ниязбекова. Во время встречи с коллективами трудящихся много было высказано предложений о ликвидации краев и совнархозов.

На юге Казахстана в том году мне пришлось побывать еще раз. Связано это было со строительством крупных предприятий химии на базе Каратауских фосфоритовых руд. На стройку приехали секретарь ЦК Де-мичев, курирующий химическую промышленность, и заместитель председателя Совмина СССР Дымшиц. Вместе с Юсуповым мы встретили их, а затем вылетели в Шымкент и Жамбыл. Каждый приезд высокого начальства из Москвы таил в себе несомненные выгоды. Гости вникали в суть проблем, критиковали, вносили предложения и, как правило, оказывали солидную и конкретную помощь — будь то дополнительное финансирование, поставка оборудования и т. д. Так было и в тот раз. Города химиков

Каратау, Алга, Джанатас, рабочий поселок химиков Индер и другие получили дополнительный импульс и стали развиваться более успешно.

До начала массовой уборки зерновых культур мне разрешили взять отпуск. Мы поехали в Болгарию. В конце нашего пребывания в Варну на отдых прилетел Дмитрий Федорович Устинов, и нас пригласил на обед первый секретарь Болгарской компартии и председатель Госсовета Народной Республики Болгарии Тодор Живков. За обедом он рассказывал нам любопытные эпизоды из жизни болгарского народа, из истории резиденции, где он нас принимал. Она принадлежала болгарскому царю Борису. Но тот день запомнился другим событием. Когда мы от Живкова вернулись в гостиницу, | нам сообщили печальную весть о смерти выдающегося деятеля французского и Международного коммунистического движения Мориса Тореза. Он скончался на пассажирском судне, недалеко от порта Варны. Мы всей нашей группой поехали в морской порт, чтобы выразить глубокое соболезнование вдове Мориса Тореза. Тело Тореза лежало на диване в каюте капитана, покрытое национальном флагом Франции. Мы выполнили свой гражданской долг и отдали дань памяти великому сыну французского народа.

Вспомнилось невольно, как стоял я в почетном карауле вместе с Шаяхметовым в Колонном зале Дома Союзов возле гроба покойного Георгия Димитрова, великого сына болгарского народа, верного друга Советского Союза.

В Софии мы задержались на сутки и вылетели в Москву. Я спешил начала массовой уборки хлебов на севере республики.

Это было в конце июля.

В августе 1964 года к нам приехал Хрущев. Мы встретили его в Кустанайской области, куда он прибыл на поезде рано утром. Он осмотрел хлебные поля Станционного совхоза, где директором работал опытный руководитель Климов. В этом хозяйстве созревал богатый урожай. Хрущев был очень обрадован такому положению дел. Секретарь обкома Бородин доложил, что состояние хлебов повсеместно хорошее. Хрущев несколько раз повторил: "Надо сделать все необходимое, чтобы без потерь и своевременно убрать урожай". Он высказал немало критических замечаний в адрес местных руководителей и особенно ругал тех, кто выступил против освоения целины. Даже спустя десять лет

он не мог простить своих оппонентов. Обращаясь ко мне, он сказал буквально следующее: "Вы были против организации межрайонных производственных управлений. Вы ратовали за чистые пары. Мы вас не поддержали. Кто прав?"

Я промолчал. Оказывается, он не забыл совещание в Пицунде, где я попробовал не согласиться с Хрущевым.

Потом Хрущев поспешил в Целиноград. На станции Есиль сел в открытую машину вместе с каким-то крупным английским издателем»![1] Проезжая по узким межклеточным дорогам, делал частые остановки и осматривал хлебные поля. Хрущев все время подчеркивал в разговоре с англичанином: целина неузнаваемо преобразилась и вообще — целинная эпопея стала настоящим подвигом. Помните, когда мы приступали к освоению новых земель, говорил он, буржуазная пресса преподносила это дело как нечто нереальное, как очередной "большевистский" трюк: мол, Советы загоняют свою экономику в тупик. Но жизнь полностью опровергла эти прогнозы. Казахстан стал одной из житниц страны.

Вечером мы были в Целинограде. Утром следующего дня во Дворце целинников провели партийно-хозяйственный актив. Начался он с выступления Хрущева. Секретари обкомов и руководители хозяйств заверяли, что край выполнит план продажи хлеба государству. После работы выехали в Боровое, где два-три дня Хрущев должен был отдохнуть, поохотиться. После приезда на базу отдыха Карасье, где он должен был жить, мы оставили его.

домой. Жало времени оставалось до

Позвонил Брежневу, рассказал о встрече, об активе и сообщил, что Хрущев на пару дней остался поохотиться. Брежнев выразился примерно так, что у Хрущева нет сейчас времени на отдых, он должен вылететь в Киргизию и срочно вернуться в Москву.

Прошло очень немного времени, и мы получили команду срочно прибыть к Хрущеву. Когда мы приехали, он уже был готов к отъезду. Были отменены все мероприятия, предусмотренные в связи с отдыхом Хрущева на курорте Боровое. Настроение у него заметно испортилось, все было неожиданно для него и его окружения. Из Целинограда Хрущев вылетел в Киргизию. Потом в Москву, потом на отдых, наступил октябрь.

С 10 октября я был в Москве. Здесь готовились документы, связанные с расширением прав республик. И вдруг новость: созывается внеочередной пленум ЦК КПСС. Почему? Что за срочность? Какая повестка? Никто не знал. Мне позвонил Полянский и сообщил только, что ожидаются важные перемены. Добавил: если понадобишься, пригласим на заседание Президиума ЦК, нет — узнаешь результат. Я догадывался, что речь идет об уходе Хрущева.

Нам, членам ЦК, велено было ждать звонка. Звонок, наконец, раздался. Сообщили: пленум в семнадцать часов.

Сейчас, благодаря потоку мемуарной литературы, I можно по минутам расписать, как проходил день в Кремле, какие баталии там разворачивались. Работа пленума довольно подробно освещалась в печати. Я не хочу пользоваться чужими источниками. Рассказываю о том, чему сам свидетель.

Мы — на пленуме. Первым к столу президиума направляется Брежнев. Для меня все ясно: он и будет первым. Брежнев предоставил слово Суслову. Тот довольно бойко доложил пленуму решение Президиума ЦК КПСС об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК. Суслову были заданы вопросы, касающиеся деятельности Хрущева, и члены ЦК получили исчерпывающие ответы. Хрущев по его просьбе на пленуме не выступал.

Пленум единогласно освободил Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК и единогласно избрал первым секретарем Брежнева. Косыгина пленум рекомендовал утвердить Председателем Совета Министров.

Нам, членам ЦК, поручили в срочном порядке довести до каждой партийной организации, до каждого конкретного коммуниста решение пленума ЦК КПСС. Я о нем докладывал 16 октября в 10 часов утра активу Уральской области, в 3 часа дня — Гурьевской области, а в **8** часов вечера — Актюбинской области. Решения пленума нашли тогда одобрение и поддержку со стороны всех коммунистов.

И все-таки... Хрущев — личность неординарная, беспокойная и, несомненно, талантливая. Говоря о нем, надо помнить о его бесспорных заслугах в принятии важных решений, которые пошли во благо всего государства и нашей республики. Например, целинная эпопея, его мужественный шаг гражданина и коммуниста, связанный с докладом на XX съезде партии и разоблачением культа личности Сталина. Проявляя большой интерес к Казахстану, Хрущев

всегда оказывал поддержку в решении ряда крупных проблем, связанных с развитием экономики республики.

Он был в Казахстане шесть раз. От приездов руководителя страны на места была несомненная польза. Легче решались любые проблемы — будь то дополнительная техника или, допустим, участие военных в уборке. Первый сказал "да", и можно быть спокойным: все вопросы будут утрясены. И справедливости ради отмечу, что Хрущев часто звонил нам, хорошо знал наши проблемы, охотно помогал.

Вместе с тем им были допущены крупные ошибки и просчеты, принесшие немалый вред развития экономики страны, на что указывали многие исследователи его деятельности. Они также подчеркивали его абсолютное неприятие людей с сильным характером, ярких и талантливых. Боясь соперничества, он попросту убирал таких из своего окружения. Вспомним хотя бы его необъективный поступок с легендарным полководцем, маршалом Жуковым. Но ведь Жуков был далеко не единственным.

Хорошо помню еще один случай. В 1961 году в одном из номеров "Правды" была опубликована статья председателя Карагандинского совнархоза Братченко, где довольно сильно критиковались Госплан Союза и республики, и был высказан ряд замечаний и предложений об улучшении работы совнархозов. Только я успел прочитать статью, ко мне позвонил Хрущев и спросил: читал я статью Братченко? Я ответил утвердительно. Далее Хрущев сказал: "В статье поставлены принципиальные вопросы. Видимо, автор статьи хорошо знает пороки работы планирующих органов. Освободите работающего председателя Госплана Мельникова и дайте ему работу пониже. Братченко назначьте заместителем председателя Совета Министров и председателем Госплана. А о том, на какую работу направите Мельникова, дайте мне знать". После такого разговора я сразу понял, что никакие мои возражения не дадут результатов, и ответил Хрущеву, что завтра дадим ответ.

Мне было очень трудно решать этот вопрос. С Мельниковым у меня сложились самые добрые отношения, и он работал, по-моему, хорошо и напряженно. Я его знал еще по Караганде, в военные годы он был направлен на работу в Казахстан первым секретарем Карагандинского обкома. После освобождения Донбасса он был отозван на Украину.

Но не. выполнить команду первого секретаря было нельзя. Я пригласил Мельникова и сказал: "Нам надо думать о вашей дальнейшей работе". Он сразу меня понял и сказал примерно следующее: "Вы, наверное, получили команду ЦК переместить меня

на другую работу. Я знаю, "первый" мне не доверяет. Я у Хрущева работал вторым секретарем на Украине. После отъезда в Москву он рекомендовал меня первым секретарем ЦК КП Украины, и у нас с ним были доверительные отношения. Но в последние годы он изменил ко мне свое отношение. О причинах сейчас говорить нет смысла. После смерти Сталина меня освободили от работы на Украине и направили на дипломатическую работу. Затем я вторично попал в Казахстан. Ну вот вкратце и вся история".

С его согласия мы назначили его начальником горно-технической инспекции и освободили от занимаемой должности. Братченко стал заместителем председателя Совмина и председателем Госплана республики. Я позвонил Хрущеву и доложил о принятом решении. Он сказал: "Принято правильное решение". После смерти
Хрущева Мельникова вызвали в Москву. История, связанная с перемещением Мельникова, заставила меня вспомнить слова, сказанные мне в частной беседе Поно-маренко о том, что Хрущев не терпит людей, которые мыслят самостоятельно и высказывают мнение, отличное от его.

Другой пример.!! Глубокое возмущение у сельских тружеников вызвал запрет Хрущева держать скот для личного пользования. Линию Хрущева, кстати, безукоризненно проводил в жизнь Беляев, работавший тогда первым секретарем ЦК КПК. В одном из своих выступлений на партийно-хозяйственном активе он дал директиву: запретить содержать частный скот. При этом сильно критиковал секретаря Советского райкома Севе-ро-Казахстнской области Филиппенко и потребовал освободить его от работы за то, что тот держал корову.Ж

Хрущев был непомерно суетлив, спешил, что порой приводило к нежелательным результатам. К серьезным недостаткам Хрущева можно отнести то, что он проявлял непоследовательность, полностью игнорировал предложения других. Ему нельзя было ни в чем возразить, его указания должны были неукоснительно выполняться. Также Хрущев любил, когда ему льстили. Каждое упоминание его имени, теплое слово в его адрес — и он буквально расцветал.

Критикуя подчиненных, он сильно повышал голос, выходил из себя и кричал. Все вопросы хотел решать очень быстро, глубоко их не продумывал. По моему наблюдению, он требовательность путал с грубостью, оперативное решение вопросов — с торопливостью.

Хрущев ушел из политической жизни — и как бы канул в небытие. Так у нас, к сожалению, заведено.

скандальные. Особенно напряженные отношения сложились у него с Соломенцевым.

В ноябре среднеазиатские республики отмечали 40-летний юбилей. В Узбекистан приехал Брежнев, в Тад-жикстан — Микоян, в Туркмению — Косыгин. В торжествах союзных республик приняла участие и наша делегация. В Ташкент вылетел Юсупов, в Душанбе Со-ломенцев, делегацию в Ашхабад поручили возглавить мне.

После возвращения из Ташкента Юсупов подробно рассказал о своей встрече с Брежневым. Брежнев посоветовал ему написать заявление об уходе с занимаемой должности. Он говорил ему о том, что в Казахстане его никто не поддерживает. Поступает очень много жалоб в ЦК КПСС, в таких условиях немыслимо работать на столь ответственном посту.

Юсупов принял совет Брежнева. О своем разговоре с Брежневым он проинформировал ЦК. Мы одобрили его решение.

До этого в некрасивую историю попал второй секретарь ЦК Компартии Казахстан Соломенцев. Он потерял авторитет перед общественностью, продолжать работу с подмоченной репутацией не мог.

Я позвонил Брежневу, рассказал ему о создавшейся обстановке и в связи с этим просил отозвать Соломен-цева в распоряжение ЦК КПСС.

Брежнев мне ответил: "Если он только за одной женщиной неудачно поухаживал, от этого социализм не пострадает. Мы его переведем на работу в другую область". После этого Соломенцева отозвали в Москву, и пути наши разошлись.

После октябрьского пленума у нас особенно ярко начали выявляться ненормальные взаимоотношения почти всех первых секретарей обкомов с первым секретарем республиканского ЦК, что сильно сказывалось на результатах всех отраслей народного хозяйства республики. Было принято немало несогласованных решений. Первый секретарь ЦК Юсупов не сумел организовать сплоченную работу бюро ЦК. Он не нашел общего языка ни с членами бюро, ни с руководителями областей и многими руководителями министерств и ведомств. Все это осложняло его работу, ситуации порой складывались

В РУКОВОДСТВЕ КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА

В конце ноября 1964 года всех членов бюро ЦК Компартии Казахстана и зампредов республиканского Совмина вызвали в Москву. Нас принял Брежнев. Он рассказал об отставке Юсупова и задачах, стоящих перед партийной организацией Казахстана. В конце своего выступления 'поставил вопрос* "Кого будем рекомендовать первым секретарем ЦК Компартии Казахстана?"

Юсупов предложил первым секретарем направить кого-либо из членов Президиума ЦК КПСС. Но Брежнев не согласился с этим, сказал, что первым секретарем должен стать кто-нибудь из местных товарищей. Члены бюро и зампреды единодушно назвали мою кандидатуру. Брежнев сказал, что ЦК КПСС не возражает против такого предложения. Попросил готовить пленум и добавил, что срок проведения пленума назовет сам.

Мы поблагодарили Брежнева за прием, добрые советы и пожелания. Вылетели в Алматы. В отношении Юсупова Брежнев сказал, что вопрос о его дальнейшей работе пусть решает республиканский ЦК. 2 декабря позвонил Брежнев и сообщал, что на пленуме у нас будет секретарь ЦК КПСС Титов, и просил назначить пленум на 7 декабря.

Титов прилетел *5* декабря вечером. Утром следующего дня договорились с ним о порядке проведения пленума и об освобождении Юсупова, согласно поданному им заявлению. Сообщили об этом секретарям обкомов партии. Они не согласились с таким решением и потребовали вопрос об освобождении Юсупова обсудить на пленуме.

Посоветовавшись с Титовым, решили вопрос о Юсупове рассмотреть на бюро ЦК с участием секретарей обкомов и итоги обсуждения доложить пленуму ЦК.

Во второй половине дня **6** декабря созвали бюро. Заседание вел Титов. Все секретари обкомов, особенно Неклюдов, Бородин, Бектурганов, Банников, Коспанов резко критиковали Юсупова и внесли предложение освободить его за крупные недостатки и не направлять на партийную работу. Бюро ЦК приняло такое решение и согласилось с мнением секретарей обкомов. Решение бюро поручили доложить пленуму Ниязбекову.

На другой день члены ЦК оказали мне еще раз большое доверие, избрав единогласно первым секретарем
ЦК.

В течение почти полугода мы работали без второго секретаря ЦК. А потом по рекомендации ЦК КПСС вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана стал В. Н. Титов — секретарь ЦК КПСС.

Юсупов был отправлен в Уральск на должность председателя облисполкома, но и там работа у него не клеилась. Затем он был переведен в Министерство пищевой промышленности, оттуда ушел на пенсию.

Рассматривай итоги октябрьского и ноябрьского пленумов ЦК КПСС, члены ЦК Компартии Казахстана выразили готовность совершенствовать формы и метода! партийной работы, усилить организаторскую работу в решении задач культурного и хозяйственного строительства.

В соответствии с постановлением ноябрьского пленума были восстановлены сельские районные комитеты партии. Созданные **f** краевые органы не способствовали улучшению руководства хозяйственным и культурным строительством и вообще себя не оправдали.- Поэтому были упразднены: Целинный, Западно-Казахстанский и Южно-Казахстанский края.

Были упразднены также и совнархозы. Жизнь подтвердила, что переход на управление промышленностью через совнархозы был до конца не продуман.

Началась новая пятилетка, и первый 1965 год был очень тяжелый. Несмотря на это в области промышленности и строительства удалось решить ряд крупных узловых задач. Все сделанное трудно перечислить, скажем о некоторых. Вступили в строй в Кзыл-Орде крупнейший целлюлозно-картонный комбинат и ТЭЦ. В результате этого республика начала выпускать упаковочный материал. А Кустанайской области была

сдана в эксплуатацию первая очередь Джетыгаринского А асбестового Комбината. В середине года завершилось строительство первоочередных объектов нефтегазового месторождения Узень. Это было большое событие в республике. Была получена первая мангышлакская нефть, о значении которой я говорил еще на XXII съезде КПСС. Добытая первая мангышлакская нефть на Узене была отправлена на Гурьевский нефтеперерабатывающий завод. Пустынный необжитой район республики, благодаря выявленным огромным запасам полезных ископаемых, стал крупным промышленным узлом. Здесь действует первая в стране электростанция на быстрых нейтронах. В центре этого региона сооружен красавец город, названный именем украинского кобзаря Шевченко (ныне Актау), который здесь жил, находясь в ссылке.

10-12 марта проходил XII съезд коммунистов Казахстана. На съезде был дан анализ пройденному республикой пути за семилетку. В течение семилетки на карте республики появилось 20 новых городов. Вступило в строй свыше семисот крупных промышленных предприятий, более пятисот цехов, причем в каждом возведенном предприятии заложен труд многих народов нашей страны. Только тяжелая промышленность начала производить 700 видов новой продукции. Семилетка явилась качественно новым этапом ускоренного индустриального развития народного хозяйства Казахстана.

За семь лет экономический потенциал Казахстана удвоился, промышленность дала продукции больше, чем за все годы со дня образования Казахстана. За досрочное выполнение плана были награждены орденом Ленина Балхашский и Джезказганский горно-металлургический комбинаты, орденом Трудового Красного Знамени — Соколовой) — Сарбайский горно-обогатительный комбинат, Актюбинский химический комбинат, Карагандинский завод синтетического каучука, "Иртышуголь", Карагандинский мясокомбинат.

Съезд отметил, что улучшилось материальное благосостояние трудящихся. В 1965 году по сравнению с 1958 годом средняя зарплата увеличилась на 28 процентов. В 1965 году получили новые квартиры 450 тысяч человек. Съезд отметил, что успехи республики — прямой результат национальной политики партии, укрепления братской дружбы и взаимопомощи народов СССР.

Единогласно были одобрены проекты директив XXIII съезда по пятилетнему плану и план развития народного хозяйства Казахастана в восьмой пятилетке. Состоявшийся после съезда пленум оказал мне большое доверие, вновь избрав первым секретарем ЦК, вторым секретарем был избран Василий Николаевич Титов — замечательный человек, имеющий огромный опыт партийной и государственной работы.

29 марта 1966 года начал свою работу XXIII съезд КПСС. От Казахстана в нем участвовали 204 делегата. На пленуме меня избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

На основе решений съезда многоотраслевая индустрия Казахстана развивалась уверенно и динамично. Республика стала крупным экономическим регионом страны, роль и значение которого возрастали с каждом годом.

В тот год борьба за хлеб развернулась с новой силой, что позволило республике в 1966 году продать государству свыше одного миллиарда пудов хлеба. Бывая ряде областей в период в уборки, я видел, как боро-

лись трудящиеся совхозов и колхозов за сдачу большого хлеба. За успехи в производстве зерна и за другие показатели в подъеме экономики были награждены орденами Ленина Северо-Казахстанская, Костанайская, Актюбинская, Алматинская области. Принятые решения по развитию мелиорации и лучшего использования поливных земель сыграли значительную роль в дальнейшем увеличении производства риса в Кзылор-динской области, а также возникновении крупных районов рисосеяния на юге Шымкентской области, на Акдалинском массиве Ал мати некой области, в Кара-тальском районе Талдыкорганской области и в других 'регионах. В итоге Казахстан стал важнейшей базой по производству технических культур: сахарной свеклы, хлопка, табака. Успешно развивались виноградарство и садоводство.

Начиная с 1966 года за сравнительно небольшой период мне довелось побывать в трех странах мусульманского мира — Алжире, Иране, Египте.

В конце ноября позвонил Брежнев и предложил возглавить партийно-правительственную делегацию, направляемую в Алжир. В состав делегации входили: заместитель министра иностранных дел Малик, ответственный работник ЦК КПСС Кабашкин, маршал Советского Союза Москаленко, адмирал флота Сергеев.

Мы вылетели из московского аэропорта Шереметьево — 2 и менее чем через три часа полета приземлились близ Парижа в аэропорту Бурже. Нас тепло встретил посол СССР во Франции Зорин. Наша делегация переночевала в Париже, а утром следующего дня взяла курс на Алжир. Развернувшись над морем, самолет сел в аэропорту Дар Аль-Бейда, что означает "Белый дом".

Нас встретили наш посол Пегов и представители местной власти. После короткого отдыха в аэропорту мы выехали в город. Нас устроили в одну из лучших алжирских гостиниц— "Сан-Жорж" (Святой Георг). Мне предоставили номер, на дверях которого была прибита маленькая мраморная плитка с надписью:

"Здесь жил генерал Эйзенхауэр и принимал во время войны важные решения по Средиземному морю". Из окон гостиницы видно огромное синее чудо — Среди» земное море.

Нам был предложен план ознакомления с республикой:

1. Посещение нефтедобывающих районов в Алжирской Сахаре.

2. Ознакомление с крупным экономическим регионом республики — Оран.

3. Участие в открытии учебного центр по подготовке кадров, созданного с помощью СССР.

4. Встреча делегации с товарищами Бумедьеном и Бутафликой.

В конце нашего визита предусматривалось и присутствие на военном параде.

Итак, началось наше ознакомление со страной. Мы вылетели в Сахару и посетили районы нефтедобычи Хасси Мессауд, города Мзаба, Лагуат, Медеа, Блида, крупный промышленный центр Оран. Состоялась длительная беседа с президентом Алжира Хуари Бумедье-ном, который оказал нам теплый приемки На приеме присутствовал посол СССР в АНДР Пегов. Бумедьен сердечно поблагодарил Советской Союз за бескорыстную и всестороннюю поддержку алжирской антиимпериалистической революции. Он подчеркнул, что Советский Союз предоставил алжирским патриотам значительную морально-политическую и материальную помощь: продовольствием, медикаментами.

Как руководитель делегации, я поблагодарил Бу-медьена за гостеприимство и сердечные слова в адрес Советского Союза и вручил ему послание Брежнева и Косыгина. Поделился впечатлениями о поездке по различным провинциям Алжира, рассказал о душевных встречах с алжирцами, проявившими

большой интерес к жизни советских людей, к историческим преобразованиям в нашей стране. Прощаясь с Бумедьеном, от имени нашей делегации подарил ему казахский национальный халат. В день встречи с президентом состоялась встреча с алжирским министром иностранных дел Бутафликой.

На второй день после нашей встречи с президентом наша делегация участвовала в открытии учебного центра, построенного с помощью нашей страны. На митинге Бумедьен и я выступили с приветственными речами.

В обстоятельной беседе с участием Пегова с председателем Революционного совета и министром иностранных дел АНДР накануне отъезда мы получили приглашение посетить центральную площадь города Алжира, где состоялся парад различных родов войск — представителей вооруженных сил республики. Это было довольно внушительное зрелище, продемонстрировавшее решимость молодого независимого государства до конца отстаивать свою честь и свободу, свои революционные завоевания от посягательств и угроз империалистических держав.

Срок пребывания нашего в Алжире был коротким, но несмотря на это мы с маршалом Москаленко успешно выполнили задание нашего правительства.

В январе 1968 года, выполняя поручение Президиума Верховного Совета СССР, я возглавил парламентскую делегацию нашей страны, выезжающую в Иран. Наша делегация посетила кроме Тегерана — Исфахан, Шираз, Абадан, остров Харк в Персидском заливе, промышленные предприятия, научные учреждения. Было выступление в иранском парламенте.

В Тегеран мы прилетели 16 января, утром. В столичном аэропорту нас встречали сенатор Д. Шариф Имами, наш посол и другие официальные лиц. Визит советских парламентариев начался посещением столицы Ирана, где нам был оказана теплая сердечная встреча.

В первый же вечер в честь советской делегации был устроен прием от имени председателя сената Имами. Советские парламентарии познакомились на этом приеме с премьер-министром Амиром Аббасом Ховейдой, руководителями и депутатами иранского парламента, председателем правления Иранского общества культурных связей с Советским Союзом, сенатором, генералом Ама-ноллой Джаханбани и другими

видными государственными и общественными деятелями.[A]Прием, как наутро Писали тегеранские газеты, прошел в теплой дружественной обстановке. Председатель сената в своей речи сказал, что "перспективы отношений между Ираном и Советским Союзом являются ясными, благодаря трезвому и реальному подходу к этой проблеме руководителей Ирана и Советского Союза".

Во время приема нам предложили программу ознакомления со страной. Предусматривалось: 1) ознакомление с Тегераном и его окрестностями, историческими памятными местами; 2) посещение мавзолея Реза-шаха-Пехлеви; 3) прием у шаха; 4) визит к председателю меджлиса; 5) выступление в сенате.

По традиции все именитые гости Тегерана начинают свое знакомство со страной с посещения мавзолея Реза-шаха- Пехлеви — основателя тогдашней правящей династии. Мавзолей построен в пригородном местечке Тегерана — Рее, где по преданию, три тысячи лет назад находилась столица древнего Ирана. Шах был всего на два сантиметра ниже Петра Первого, рост которого,/ как известно, достигал двух метров четырех сантиметров. С интересом рассмотрели ордена, которыми был награжден Реза-шах, его личное оружие.

В полдень был прием у шаха Мохамеда Реза Пехлеви. Шах фактически являлся полновластным правителем страны. В резиденции шаха — Ниаваранском дворце современность сочеталась с роскошной стариной. В течение часа с небольшим он беседовал со мной. Беседу шах начал первым. Рассказывал о стране и о "белой революции" в Иране. Спросил меня о событиях в ЧехоСловакии. Вместе с нашим послом мы разъяснили ему суть событий. Он придал большое значение приезду парламентской делегации СССР. Состоялся хороший разговор о наших экономических связях.

Мне, как главе делегации, была предоставлена возможность выступить на заседании сената. В своей речи, опубликованной всеми тегеранскими газетами, я говорил о развитии советско-иранского сотрудничества, основанного на неуклонном соблюдении принципов равноправия, взаимного уважения, национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, что отвечает интересам наших стран.

Очень интересной и полезной была поездка нашей делегации на юг страны, в которой нас сопровождал председатель Иранского общества культурных связей с СССР, сенатор А. Джаханбани. Нам довелось познакомиться с уникальными историческими

памятниками и выдающимися творениями иранских зодчих, строителей и художников, по праву являющихся гордостью иранской нации. Мы объехали почти всю страну, посетили наиболее крупные города, увидели новый индустриальный Иран.

Подводя итоги поездки, можно с уверенностью сказать, что для развития всестороннего сотрудничества между СССР и Ираном открыты широкие возможности, что народы наших стран питают друг к другу добрые чувства. Богатый исторический опыт привел советский и иранский народы к убеждению, что добрососедство наших стран отвечает их коренным интересам.

Наступил последний год восьмой пятилетки. В январе 1970 года по поручению Президиума Верховного Совета СССР вылетел в Каир во главе парламентской [делегации. В Объединенной Арабской Республике мы рыли более десяти дней. Египетские друзья создали все условия для плодотворной работы. Мы посетили ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий, многочисленные исторические места города. Завершили свое пребывание посещением Асуанской плотины и моим выступлением в парламенте ОАР.

В Египте советской делегации были предоставлены самые широкие возможности для ознакомления с жизнью страны. Советских парламентариев тепло встретили и приветствовал в Каирском аэропорту председатель Национального собрания ОАР Лябиб Шукейр, его заместитель Камаль Мохамед Эль-Хенаум, который затем сопровождал делегацию в поездке по стране, депутаты Национального собрания, посол СССР С. А. Виноградов, многочисленные египетские и советские граждане, журналисты.

В аэропорту с Лябибом Шукейром мы обменялись короткими приветственными- речами и выехали в город, рею нашу делегацию разместили в центре города особняке сестры Фарука.

На второй день пребывания в Египте делегация знакомилась с работой Национального собрания ОАР — высшим законодательным органом страны. О его деятельности, об успехах египетского народа в политической и экономической областях советским гостям рассказал доктор политэкономии и автор ряда крупных работ по экономическим проблемам Египта и всего арабского Востока Лябиб Шукейр.

Я как руководитель делегации осветил основные аспекты внешней политики Советского Союза.

После осмотра здания Национального собрания состоялась

встреча советской делегации с вице-президентом ОАР Анваром Садатом. В ходе беседы он подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления отношений между ОАР и Советским Союзом, высказав пожелания членам советской делегации во время поездки по стране как можно больше встречаться с народом и воочию убе-

литься в искрениях чувствах дружбы и симпатии, которые народы ОАР питают к народам Советского Союза. И в этом мы действительно убедились, побывав на крупнейших новостройках, промышленных предприятиях, высотной Асуанской плотине, металлургическом комбинате в Хелуане, на судоверфи в Александрии, текстильном комбинате в Махалла-эль-Кубре, в районе освоения новых земель в Ат-Тахире. Мы смотрели также замечательные памятники древней и современной культуры Египта, достопримечательности Каира, Александрии, Луксора, Асуана.

Далее Садат поинтересовался здоровьем Брежнева, Косыгина, Подгорного и передал им привет. Затем он сказал, что в настоящее время внутреннее положение в ОАР хорошее, стабильное. Все слои египетского населению упорно трудятся над укреплением своей национальной независимости. Подчеркнул, что правительство и народ прекрасно отдают себе отчет в том, кто является их другом и кто врагом.

— Вы,— сказал Садат,— являетесь нашими лучшими и искренними друзьями.

Впоследствии, как известно, Садат, став президентом, резко изменил отношение к нашей стране и пошел на разрыв связей.

Лично для меня кульминационным моментом визита стала встреча с президентом ОАР Гамаль Абдель Насером в его резиденции. Это было 19 января в два часа дня по каирскому времени.

С первого же взгляда в отличной выправке Насера, всей его манере держаться, угадывался военный человек, привыкший к строгому порядку и аккуратности до мелочей.

Президент искренне обрадовался нашему появлению. Высокий и подтянутый, он быстро встал из-за своего стола, загруженного деловыми бумагами, и стремительно пошел к нам навстречу по просторному кабинету. Радушная улыбка озаряла его смуглое лицо, черные глаза лучились добрым светом.

Первые слова, которыми обменялись после крепкого рукопожатия, были понятны и без переводчика. Потом началась одна из тех значительных бесед, которые запоминаются на долгие годы.

Насер оказался прекрасным и проницательным собеседником, умеющим интересно говорить, внимательно слушать и аргументированно спорить» Наша беседа, где принял участие и посол Виноградов, продолжалась более часа. Беседа эта не была обычным протокольным обменом любезностей и пожеланиями.

Вечером того же дня посол Советского Союза в ОАР Виноградов устроил в советском посольстве прием в честь делегации Верховного Совета СССР.

Наша делегация сделала все возможное для успешного выполнения задания Президиума Верховного Совета ЦССР. Президиум Верховного Совета СССР, заслушав наш отчет о проделанной работе по укреплению парламентских связей между ОАР и СССР, одобрил нашу деятельность.

Когда я повторно был избран первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, отчетливо представлял, какие огромные и сложные по своим масштабам проблемы стоят перед республикой в предстоящие годы.

В промышленности надо было максимально использовать действующие мощности, добиться более высоких технико-экономических показателей предприятий, активно вовлекать в хозяйственный оборот богатейшие природные ресурсы. Следовало обратить особое внимание на развитие топливно-энергетических ресурсов и их освоение.

Труженики сельского хозяйства обязаны были увеличить производство хлеба за счет повышения урожайности, а также за счет лучшего использования и расширения площадей поливного земледелия, увеличить производство риса, зерна кукурузы, технических культур, овощей и фруктов, продукции животноводства. Да и другие отрасли — капитальное строительство, транспорт, связь, здравоохранение и т. д. требовали неослабного повседневного внимания.

Насколько успешно решались эти проблемы, показала сама жизнь. За период с 1964 по 1986 год, до моего ухода на пенсию, прошло пять съездов Компартии Казахстана. На каждом из них подводились основные итоги развития народного хозяйства в очередной пятилетке. Отмечали успехи республики, указывали на допущенные ошибки и просчеты в развитии экономики. Но именно в этот период во многих областях промышленности, строительства, транспорта и связи, науки и культуры, народного образования, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания населения достигнутое трудящимся республики никогда не было столь объемно и значительно.

Программы, выработанные XXIII-XXVI съездами партии, были одобрены коммунистами, явились генеральной линией нашей деятельности в подъеме экономики, культуры, науки, обороноспособности страны, улучшения благосостояния народа.

Реализация решений съездов дала свои положительные результаты.

Огромная территория Казахстана, равная по площади вместе взятым Великобритании, Франции, ФРГ, Испании, Австрии, Голландия и Дании, за три десятилетия была превращена в край высокоразвитой промышленности, сельского хозяйства, культуры.

БУДНИ И ПОБЕДЫ

Роль республики, занимающей большой удельный вес в стране в производстве цветных, редких, благородных металлов, еще более возросла в результате плодотворной деятельности коллективов : Усть-Каменогорского свинцово-цинкового и титано-магниевого комбинатов, Балхашского и Джезказганского горно-металлургических, Лениногорского и Ачисайского полиметаллических комбинатов, Зыряновского свинцового, Павлодарского алюминиевого, Чимкентского свинцового, Итрышского химико-металлургического заводов и других, вводивших новые мощности и улучшавших технико-экономические
показатели.

За эти годы бурно развивалась черная металлургия. Такие предприятия, как Соколовско-Сарбайский и Лиса-ковский горно-обогатительные комбинаты, являлись крупнейшей базой металлургии Урала и Казахстана. Было завершено строительство всего комплекса Карагандинского металлургического комбината с самым мощным в стране цехом белой жести. Вступил и в строй и на полную мощность стали работать Ермаковский и Актю-бинский ферросплавные заводы. Увеличилась добыча единственных в стране хромитовых руд в Актюбинск

Крупными отраслями стали машиностроение и металлообработка. Вступили в строй Павлодарский тракторный, Целиноградский сельхозмашиностроительный, Усть-Каменогорский, Карагандинский, Петропавловский, Уральский, Чимкентский, Алматинский заводы и другие.

Были введены в стой предприятия приборостроения, энергетической и автомобильной промышленности, химии ческого, нефтяного, строительно-дорожного машиностроения.

Республика стала и крупным центром топливно-энергетической промышленности, на ее территории открыто свыше сотни месторождений угля и нефти. Высокими темпами развивалась добыча угля в Карагандинском и Экибастузском угольных бассейнах. Добыча угля с 28 млн. тонн в 1955 году достигла 132 млн. тонн в 1986 году.

Первый эшелон мангышлакской нефти, как мы отмечали, был отправлен на переработку в июле 1965 года, а на XIV съезде КПК в феврале 1976 года говорилось, что Мангышлак уже дал стране стомиллионную тонну нефти.

Стремительно росло и энергетическое хозяйство республики. Создавался уникальный Экибастузский топливно-энергетический комплекс. В перспективе в Экибастузе будет ГРЭС общей мощностью 20 миллионов киловатт. Выработка электроэнергии по сравнению с 1955 годом с 14,5 миллионов киловатт-часов достигла в 1986 году 85 миллионов.

Широким фронтом велось строительство электросетей. По уровню теплофикации Казахстан занял одно из первых мест в стране.

Немало труда вложили работники химической промышленности Казахстана. Республика стала родиной самой молодой отрасли химии — фосфорной промышленности. Ввод Шымкентского и Жамбылского производственных объединений по производству желтого фосфора выдвинул нашу страну по имеющимся мощностям на первое место в мире.

Успехи нашей республики в развитии экономики наглядно видны также на примере становления и роста местной, легкой, пищевой и молочной промышленности. Были введены в эксплуатацию Алматинский хлопчатобумажный комбинат, Костанайский комбинат костюмных тканей, Усть-Каменогорский шелковый комбинат, лей-точная фабрика в Кокчетаве, швейные и трикотажные фабрики во многих городах и районах. Семипалатинск, Шымкент, Алматы стали крупными центрами по производству товаров народного потребления.

В год своего 60-летия Казахстан выпустил промышленной продукции в 875 раз больше, чем в 1920 году.

Сельское хозяйство превратилось в крупную высокомеханизированную отрасль. Подъем сельского хозяйства начался в годы освоения целины и продолжался в последующие годы. Всего за 1954-1979 годы Казахстан заготовил почти 290 миллионов тонн зерна, много другой сельскохозяйственной продукции. Удельный вес республики в закупках зерна в стране значительно вырос. Мы делали все от нас зависящее, чтобы как можно больше давать государству высококачественного зерна. Особенно знаменательна выдающаяся победа, одержанная казахстаицами в 1979 году. Это был год самого большого урожая за 25 лет освоения целины. Таких показателей республика еще не достигла. Тогда было произведено 34 миллиона 533 тыс* тонны зерна. Республика продала государству 1 миллиард 262 миллиона пудов, или свыше 20 миллионов тонн хлеба.

Позитивные сдвиги произошли в животноводстве. По сравнению с началом освоения целины поголовье крупного рогатого скота, овец и

коз удвоилось, а свиней стало вчетверо больше. Возникли десятки крупных птицефабрик. Все это позволило резко увеличить производство продукции животноводства и улучшить снабжение его населения республики. Однажды во время совещания овощеводов в Алматы ко мне зашел председатель колхоза "Алма-Ата" Леонид Иванович Манько. Он рассказал, что для производства овощей использует небольшой участок на Кербулаке и получает хорошие результаты за счет использования воды Капчагая. Я ухватился за эту идею и поручил секретарю обкома* Аскарову вплотную заняться освоением Кербулакского массива. Нужно было привлечь проектные организации, строителей водохозяйственных и других организаций города. Организовать новые совхозы, использовать в Кербулаке не только воды Капчагая, но и искать подземные. Это решение, судя по результатам, было правильное и своевременное. Прошло несколько лет, и сейчас кербулакские хозяйства снабжают миллионный город ранним картофелем, луком, бахчевыми культурами.

Неуклонно поднимался уровень народного образования в республике. В 1936 году у нас работали 16 высших и 83 средних специальных учебных заведения. К

1980 году в Казахстане было 55 высших и 231 среднее специальное заведение, в том числе 2 университета. В крупные вузовские центры, кроме Алматы, превратились города Караганда, Жамбыл, Акмола, Шымкент, Семипалатинск.

Мне до сих пор памятны дни 1978 года, когда в Алматы состоялась международная конференция Всемирной организации здравоохранения, в работе которой участвовали представители 134 стран.

Выступал на ней и сенатор Эдвард Кеннеди. Ему по душе пришлась столица Казахстана и особенно Мемориал славы в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев, где, вспомнив убитого брата-президента, Кеннеди-младший заплакал. Конечно же, наши люди хорошо понимали его чувства.

Мне довелось встретиться с этим неординарным политиком и человеком, обстоятельно побеседовать с ним.

Республика к этому времени имела экономические связи с десятками стран мира. Резко расширились связи со странами социалистического содружества. С конца десятой пятилетки республика неоднократно демонстрировала продукцию своих предприятий на международных выставках и ярмарках. Эти мероприятия проводились по линии СЭВ, республика также оказывала и научно-техническое содействие и медицинскую помощь ряду государств Азии и Африки. С достижениями республики Знакомились парламентские и другие делегации социалистических и капиталистических стран. Большое значение имело проведение в

республике международных конференций, выставок, симпозиумов по линии СЭВ и ООН.

Социально-экономические преобразования, происшедшие в республике, вызывали огромный интерес за рубежом. К нам зачастили партийно-правительственные Делегации стран социалистического содружества, парламентских делегаций стран Европы, Азии, Африки, Северной и Латинской 7 Америки. В Алматы побывали 1первые руководители Польши, Монголии, Болгарин, Германии, Лаоса, Эфиопии и других стран. Они приезжали и воочию убеждались, как весомы успехи Казахстана, I некогда глухой и окраинной провинции царской России..

Далеко не полный обзор экономических достижений Советского Казахстана убедительно показывает, что наи-| более значительные успехи в социально-экономическом I развитии республики достигнуты за период после XXШ—XXYI съездов КПСС и соответственно XII-XVI съездов Компартии Казахстана. Именно в эти годы в экономическом потенциале Казахстана произошли глубокие качественные изменения, связанные с успешной реализацией крупномасштабных программ комплексного развития народного хозяйства республики. Также хочу отметить, что путь развития всех отраслей народного хозяйства за указанный период был далеко не гладким. Пришлось решать много сложных и трудных проблем. Однако, отмечая положительные изменения в жизни республики, надо особо сказать о существенных проблемах, которые нам решить не удалось и задуманное не было осуществлено.

Это, главным образом, касается социальных вопросов. Огромные вложения, выделенные на строительство школ, больниц, детских садов, культурно-просветительных учреждений, осваивались не полностью. Это относится, в основном, к отдаленным районам, где и сейчас чувствуется острая нехватка объектов социально-культурного и бытового назначения и жилья.

У пенсионера много свободно времени. И особенно много его стало, когда каждый день в средствах массовой информации сообщалось, что причиной всех неурядиц и недостатков в республике был я, бывший секретарь ЦК. Мало кто звонил. Мои соратники, а то и ученики далеко стороной обходили квартиру, где я живу. Боялись, что их обвинят в сговоре с "бывшим". Неприятно об этом вспоминать, но так было.

Немало времени я провел в раздумьях, шаг за шагом анализируя пройденный путь. Старался быть самокритичным, жестким в оценке собственной деятельности. И неизменно приходил к выводу: да, у нас,

руководителей, было немало привилегий — дача, самолет, охрана и тому подобное... Но за все эти привилегии плата была одна — работа. В большинстве своем руководящие работники трудились по шестнадиать-восемнадцать часов в сутки. И это было обычное явление. Громадная почта, уйма документов, беспрестанные разговоры по ВЧ-связи.

Иначе было нельзя, и по-другому мы работать не могли. Каждый год я бывал практически во всех областях Казахстана. Посещал районы, хозяйства, заводы, стройки, научные, лечебные учреждения, рынки, объекты торговли.

Сотни встреч, десятки выступлений на совещаниях, активах, пленумах. Подготовка докладов, руководство бюро ЦК, участие в заседаниях Политбюро, речи на республиканских съездах колхозников, писателей, комсомольцев, учителей, женщин и т. д. и т. п., работа с почтой, прием посетителей от рабочих до министров, "горячие" телефонные переговоры с областями, ликвидация всевозможных "чп"; встречи с иностранными делегациями, с журналистами... Нет, всех дел не перечислить. Это были мои рабочие будни. И ни один день не был похож на другой. И даже выезды за рубеж в составе или во главе делегаций превращались в череду бесконечных и весьма ответственных дел.

Все это было. И трудно представить, что такая бурная жизнь может в один день остановиться. У меня поначалу она как бы остановилась.

Я стал писать эту книгу воспоминаний, и время для меня снова стало бесценным. У меня богатая библиотека, большой личный архив, книги, написанные мной, бесчисленное множество статей, интервью. Все это помогает мне в работе, и я будто заново переживаю минувшие события.

...Одним из важнейших политических мероприятий, прошедших в Алматы, была Пятая конференция писателей стран Азии и Африки. На конференцию приехали известные писатели и с других континентов. Форум открыл египетский писатель Юсуф Сибаи, с которым я познакомился еще в Каире на приеме у секретаря ЦК Египетской национал-демократической партии Мухамеда Дауда. Тогда я имел большой разговор с Сибаи, которого очень интересовали вопросы истории Казахстана. В частности, он спрашивал меня, почему казахский алфавит перевели с арабской графики на латинскую, затем заменили на кириллицу.

Во время его приезда в Алматы мы также долго беседовали, и по его настоятельной просьбе я подарил ему книгу Бекмаханова "Казахстан в 20-40-е годы 19 века", которая в свое время подверглась жесткой критике и были изъята из обращения.

На конференции Сибаи предоставил мне слово, и я приветствовал ее участников. Конференция прошла весьма успешно: она широко освещалась в печати и вызвала большой международный резонанс.

Несомненной была от нее польза и Союзу писателей республики. Многие наши литераторы существенно расширяли круг своих творческих знакомств и связей с отечественными и зарубежными коллегами, чаще стали издавать свои произведении за пределами Казхстана. Помимо этого в ходе подготовки к форуму удалось оперативно и качественно осуществить то хорошему проекту солидную "пристройку" к трехэтажному зданию Союза писателей. К слову, она вышла внушительней самого здания, чем наши литераторы, кажется, оказались весьма довольны.

... Август 1972 года, Костанай. Позвонил Брежнев. Он сказал, что собирается прилететь к нам, посмотреть на хлеба и просил собрать руководителей зерновых областей. "Хочу послушать секретарей обкомов о готовности к уборке урожая",— сказал он. Совещание решили провести в Кокчетаве 25 августа.

24 августа встречали Брежнева. Шел сильный дождь. Хлебные поля возле аэропорта зеленые, как луг. Брежнев вышел из самолета, осмотрелся вокруг и говорит: "Куда ты меня завез? Хлеба не вижу, вижу только зеленую массу**. Я ответил: "Не беспокойтесь, все будет в порядке. Хлеба дадим, и дадим немало".

На второй день погода прояснилась. Сильные дожди, продолжавшиеся целую неделю, прекратились. Совещание проводили в местном клубе. Настроение у всех было хорошее. Я открыл совещание небольшой речью, где рассказал о цели нашего приезда, и предоставил слово Брежневу. Он сказал, что в стране создалось довольно сложное положение с производством зерна. Главные хлебные зоны страны охватила засуха. Брежнев обратил* ся к нам с просьбой сделать все возможное, чтобы без потерь собрать выращенный урожай и продать государству как можно больше хлеба. При этом он особо указал, что надо обеспечить хозяйства семенами, выдать механизаторам в полном объеме зерно и фураж. Понимая сложность поставленных Брежневым задач, я обратился к нему и заявил: "План продажи хлеба республика выполнит, но сколько хлеба будет продано сверх плана надо подсчитать с руководителями областей. Прошу на час-полтора объявить перерыв'*. Брежнев согласился. Во время перерыва определили объем сверхплановой продукции зерна каждой областью, и через два часа совещание продолжило свою работу.

Выступили: Бородин, Кручина, Ауельбеков, Демиден-ко, Протозанов, Морозов, Коспанов, Журин, Буров и Банников. Все заверили, что план продажи хлеба будет выполнен.

Руководители Шымкенсткой, Жамбылской, Алматин-ской, Талдыкорганской и Кзылординской областей, не приглашенные на совещание, по телефону доложили Брежневу и мне о сверхплановой продаже хлеба.

Брежнев задал мне вопрос: "Все заверяют, что планы продажи хлеба будут перевыполнены. Назовите цифру, о каком объеме идет речь?" Я сказал, что наши расчеты показывают и мы будем бороться в этом году за продажу не менее 1 миллиарда 50 миллионов пудов хлеба, при этом будем иметь фура ж, обеспечим себя семенами и не обидим механизаторов.

Брежнев был очень доволен. После совещания он позвонил Косыгину и сказал: "Казахи взяли обязательство продать государству миллиард пудов хлеба... Вот и я говорю: молодцы!"

За **прощальным обедом Брежнев был весел, много шутил. К слову сказать, Брежнев порой был неистощим на розыгрыши, острую шутку, а то и анекдот о себе или своих соратниках. В Кокчетаве он тогда пробыл сутки и в приподнятом настроении улетел к алтайцам. И там решил "поднажать"...**

Свое обещание казахстанцы выполнили успешно.

Очень волновали меня вопросы, связанные с развитием вновь образованных экономических районов. Главным образом, развитие Павлодарского узла и всего Западного Казахстана. Этим районам отводилось большое место в решении топливно-энергетической проблемы всей страны. Надо было ознакомиться с положением дел на месте. Вылетел в Павлодар, где детально вместе с секретарем обкома Буровым рассмотрели проблемы Экибастуза, Павлодарской электростанции, тракторно-алюминиевого, а **также химического заводов. После Павлодара был в Гурьеве, где изучил состояние геологразведочиых работ на нефть и газ по Западному Казахстану, развитие нефтеперерабатывающего и химического заводов в Гурьеве, в городах Шевченко и Узень.** О **результатах поездки я рассказал Брежневу и Косыгину. Предприятия Гурьевской и Павлодарской областей получили солидную материальную помощь. Удалось убедить Брежнева и Косыгина, что вместе с Джезказганской надо образовать в**

составе республики еще Мангышлакскую область для быстрейшего подъема экономики вновь осваиваемых районов,

также как и ранее, когда была образована Тур-гайская область. В республике стало 19 областей.

В 1973 году во время уборки урожая позвонил Брежнев, просил доложить, будет ли выполнен план производства и заготовки зерна. От прямого ответа я уклонился и сказал, что доложу ему о видах на урожай в последней пятидневке августа. Он согласился. В течение 20 дней я побывал во всех зерновых областях, встретился с руководителями областей, районов, многих хозяйств, механизаторами. Обстановка с хлебом для меня теперь прояснилась. Кустанайская, Целиноградская и Кокчетавская области имели возможность продать хлеба значительно больше плана.

В согласованный срок я позвонил Брежневу и заявил, что республика будет бороться за продажу государству 1 миллиарда пудов хлеба. Мое сообщение обрадовало его. Он предложил мне собрать руководителей областей, крупных районов, хозяйств, передовиков сельскохозяйственного, промышленного производства, строителей, представителей интеллигенции — он хочет лично вручить республике орден Дружбы народов, которым она была награждена еще в 1972 году.

27 августа трудящиеся Алматы встретили Брежнева. Накануне вручения ордена в республиканском ЦК состоялось совещание. За хлеб и работу промышленных предприятий Брежнев нас похвалил. Но сильно критиковал Карагандинскую, Шымкентскую и Павлодарскую области за плохое освоение введенных мощностей и за низкие экономические Показатели. За неосвоение отпускаемых средств на промышленное и социально-бытовое строительство досталось руководству ЦК КПК, СМ республики. Многие поставленные нами вопросы получили положительное решение с его стороны и со стороны сопровождающих его Нуриева, Золотухина и других.

На второй день в торжественной обстановке во Дворце имени Ленина республике был вручен орден Дружбы народов. В своем выступлении Брежнев отметил славный путь, пройденный Казахстаном за годы образования СССР, и выразил уверенность, что республика с размахом и деловитостью будет бороться за выполнение экономической и социальной программы партии.

Принимая уже третий орден Казахстана, я сердечно благодарил ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров за высокую оценку труда ка-захстанцев и

заверил ЦК КПСС, что трудящиеся будут делать все от них зависящее, чтобы выполнить решения XXIV съезда партии.

Казахстанцы выполнили принятые на себя обязательства. Из критики, высказанной Брежневым, были сделаны правильные выводы, промышленные предприятия работали уверенно и выполнили годовой план 26 декабря. Улучшили свою работу и строители.

В середине октября в самый разгар уборочных работ я находился в Кокчетаве. Мне позвонил Черненко и сообщил, что в Ташкенте будет совещание хлопкосеющих республик с участием Брежнева, и я должен быть в Ташкенте. Узбекистану будет вручаться орден Дружбы народов. Из Кок чета ва позвонил * в Шымкент секретарю обкома Ливенцову, просил собрать к моему приезду секретарей Сары-Агачского, Келесского, Сайрамского, Туркестанского и Алгабасского районных комитетов партии, чтобы определить объем продажи хлопка. Хлопка было мало, но план, заверили меня, будет выполнен.

В указанное время прилетел в Ташкент. Вместе с руководителями Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Кыргыстана, Азербайджана встретили Брежнева. На совещании каждая республика доложила предполагаемый объем продажи хлопка и ход выполнения народнохозяйственных планов. На второй день Брежнев вручил Узбекистану орден Дружбы народов, и мы разъехались по своим республикам.

Наступило время отдыха. После октябрьского праздника мы с женой выехали на лечение в Ессентуки, разместились в санатории имени Калинина. Не прошло и пятнадцати дней, как я получил указание 24 ноября быть в Москве для поездки в Индию в составе партийно-правительственной делегации— 25 ноября вместе с Брежневым, Громыко вылетели в Ташкент, а из Ташкента 26 ноября в Дели. В Дели нас встречали очень торжественно, многолюдно. В почетном карауле были представлены все рода войск. С приветственной речью выступила Индира Ганди, на приветствие ответил Брежнев. Переговоры с Ганди прошли на высоком уровне, это отметила мировая печать. Нашу делегацию принял президент Индии. Состоялась большая беседа в Доме

дружбы с представителями индийской общественности. Успешно завершив переговоры, 30 ноября мы вернулись в Москву.

В 1974 году 15 апреля состоялись выборы нового президента республиканской Академии наук.

После смерти Сатпаева президентом стал Ш.Ч. Чо-кин, ученый-энергетик. Он являлся одним из главных авторов, обосновавших необходимость сооружения Капча-гайской ГРЭС на реке Или *и* строительства канала Иртыш — Караганда. Чокни поработал небольшой срок и был освобожден от обязанностей президента по его просьбе.

Потом президентом Академии был избран Шахмар-дан Есенов, работавший заместителем председателя Совмина республики, инженер-геолог, лауреат Ленинский премии. На выборах Есенов прошел с большим трудом. Спустя семь лет в связи с назначением его министром геологии его освободили от обязанностей президента. Впоследствии он перешел на педагогическую работу.

И вот встал вопрос: кого рекомендовать президентом АН. Группа известных казахских ученых (десять человек) обратилась с просьбой избрать президентом моего брата — доктора технических наук, профессора, академика АН КССР. Его кандидатуру поддерживали отдел науки ЦК КПСС и Президиум АН СССР. Я согласия не давал. Меня пригласили на совещание к Брежневу, в котором приняли участие Суслов, Кириленко, заведующий общим отделом Черненко, заведующий отделом науки Трапезников. Присутствующие единогласно поддержали внесенное предложение, а мне Брежнев сказал: "Не будь ему тормозом. Он ведь не виноват, что твой брат".

А. Кунаева избрали президентом АН КазССР. Он проработал на этом посту свыше двенадцати лет, все три срока избирался при полной поддержке ученых Академии. Ему дважды присуждалась Государственная премия СССР и Государственные премии республики. Его избрали членом-корреспондентом, а затем академиком АН СССР.

На XVI съезде Компартии Казахстана он подвергся незаслуженной и необъективной критике. Это задело его самолюбие, и он обратился с просьбой освободить его от работы. Просьба был удовлетворена. Президентом Академии стал молодой ученый М. А. Айтхожин.

В ноябре 1974 года состоялось решение о моей поездке в Монголию в составе партийно-правительственной делегации. В делегацию входили Брежнев, Громыко, Усубалиев и я.

Договорились с помощником Брежнева встретить их в Иркутске. На сутки раньше прилетел в Иркутск, секретарь обкома Банников (раньше работал в Казахстане) предложил съездить на Байкал.[п]Поехали. Великое озеро оставило неизгладимое впечатление, и, конечно, с болью я воспринял тревожную информацию, которой поделился директор местного экологического музея.

На второй день вылетели в Улан-Батор. Там нас встречали все руководители Монголии во главе с Цеден-балом. В тот же день начались переговоры. По поручению Президиума Верховного Совета я вручил орден Дружбы народов обществу монголо-советской дружбы. Президиум Великого народного хурала наградил всех членов нашей делегации орденом Сухэ-Батора. Награды были вручены нам в день отлета.

Тут мне хотелось бы отступить от хронологического изложения фактов, событий. Жизнь республики широко освещалась средствами массовой информации.

Подчеркну главное — республика работала. Трудилась напряженно, слаженно, на каких-то участках добивалась крупных и малых успехов, не обходилось, конечно, без сбоев, ошибок, срывов, но каждодневно печать, телевидение, радио сообщали о вводе в строй новых заводов и фабрик, о сотнях новоселий, об открытии школ, больниц, клубов.

Если бы я вел дневник, то читать его, наверное, было бы скучным занятием. Заседания, выступления, командировки... Изо дня в день, из месяца в месяц, из год в год. Были, кончено, запоминающиеся и совсем нерадостные события. Например, в 1974 году, после возвращения из Северного Казахстана» заболел (инфаркт). Через два месяца вошел в форму и снова с головой окунулся в работу.

В феврале 1974 года исполнилось 20 дет со дня освоения целины. Мы получили команду: юбилей целины провести как всесоюзное мероприятие. Пригласили на торжественное заседание, кроме казахстанцев, руководителей крупных зерновых областей Западной Сибири, Урала, Средней Волги, руководителей среднеазиатских

республик, Татарской и Башкирской автономных республик...

За несколько дней до торжественного заседания мне позвонил Кулаков и сказал: "Нам всем хорошо известно, что в стране осуществляется перевод сельского хозяйства на промышленную основу. Растет его оснащенность более производительной техникой, продолжается мелиорация земель. Но отдача идет

медленными темпами. Нам необходимо обеспечить не только выполнение плана, но значительно увеличить рост продуктов полеводства и животноводства. Такую задачу перед участниками заседания будет ставить ЦК КПСС, поэтому расширен круг его участников". Он сообщил, что с докладом выступит Брежнев.

13 марта с большой группой ответственных работников ЦК КПСС прилетел Брежнев. 14 марта он принял секретарей обкомов, прибывших из других республик и областей.

15 марта 1974 год во Дворце Ленина состоялось торжественное заседание с участием партийных, советских и сельскохозяйственных органов, специалистов, передовиков сельскохозяйственного производства, представителей общественных организаций, посвященное 20-летию освоения целины. На торжественном собрании присутствовали свыше трех тысяч человек. Заседание поручили открыть мне. В своем большом докладе Брежнев определил очередные задачи сельскохозяйственных органов каждой зоны страны в области дальнейшего увеличения продуктов сельского хозяйства. Призвал резко улучшить руководство совхозами и колхозами. Отметил, что наступило время не сковывать их инициативы, покончить с мелочной опекой, административным нажимом на колхозы и совхозы.

Прошел год. Как и в 1974 году, мы не получили ожидаемых результатов. Засуха охватила всю территорию республики. Производство зерна осталось на уровне прошлой пятилетен. Но в области животноводства, промышленности, капитального строительства, в решении многих социальных вопросов, предусмотренных пятилеткой, республика сработала неплохо.

Завершающим этапом подведения итогов пройденного пути после XIII съезда стал очередной XIV съезд коммунистов Казахстана. Съезд проходил 4-6 февраля во
Дворце имени Ленина. После его окончания мы, делегаты от казахстанской партийной организации (218 человек), прибыли в Москву на XXV съезд КПСС. В своем выступлении на съезде я говорил о задачах новой пятилетки и внес ряд предложений, направленных на дальнейшую мобилизацию огромнейших резервов и богатств республики. В частности, для увеличения производства зерна необходимо было ускорить вооружение целинных хозяйств высокопроизводительной техникой, в том числе противоэрозийной: перевести Павлодарский завод на выпуск мощных тракторов, развернуть масштабную работу по мелиорации земель, что позволит создать прочную кормовую базу для животноводства и т. д.

Настойчиво говорил также о том, что настало время решить проблему многострадального Арала. Увы, и на этот раз центр ограничился моральным сочувствием.

Для республики первый год пятилетки успешно завершился по всем показателям. Говоря о работе промышленных предприятий и строительных организаций, особо хотелось отметить важность сдачи в эксплуатацию Чимкентского завода по нефтепереработке. Это позволило улучшить снабжение нефтепродуктами не только южных областей Казахстана, но и среднеазиатских республик. Что такое катастрофический дефицит топлива, безразмерные очереди у бензоколонок, мы знали тогда лишь из кадров зарубежной кинохроники да из сообщений газет и ТАСС — то об одном энергетическом кризисе в странах капитала, то о другом. В Павлодаре был сдан в эксплуатацию первый в республике мощный картонно-рубероидный завод и крупный цех стального литья. Началась добыча руд на Жайремском комбинате в Центральном Казахстане.

> ... 1977-й, юбилейный год. Внеочередная сессия Верховного Совета СССР 7 октября рассмотрела и приняла проект новой Конституции СССР и объявила о введении ее в действие. В республике проводилась необходимая работ по подготовке новой Конституции Казахской ССР. Я был председателем комиссии по работе над ее проектом. В апреле 1978 года Конституция была принята.

А в январе 1978 года мне поручили возглавить партийно-правительственную делегацию для поездки с официальным дружественным визитом в КНДР по приглашению ЦК Трудовой партии Кореи и правитель
ства КНДР.

Среди участников поездки были члены ЦК КПСС министр легкой промышленности СССР, председатель Центрального правления Общества советско-корейской дружбы Н. Н. Тарасов и первый секретарь Приморского Крайкома КПСС В. П. Ломакин, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичев, мой помощник В. В. Владимиров. На Внуковском аэродроме нас проводили член Политбюро ЦК КПСС А. Я. Пельше, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, ставший секретарем ЦК год назад, а до того работавший помощником Брежнева, ответственные работники союзного Совмина, Министерства иностранных дел, временный поверенный в делах КНДР в СССР Ом Ен Сик. По уровню ритуала проводов тех лет заранее подчеркивалась особая важность предстоящего визита в страну, куда многие мои спутники, как и я, летели впервые.

На долгом пути сделали остановку во Владивостоке, заночевав в загородной резиденции, где проходили исторические владивостоковские встречи Брежнева с президентом США Фордом. Кстати, там узнали массу любопытных подробностей об этих переговорах, например, взлетно-посадочную площадку на аэродроме для его встречи расчищали от снега шесть тысяч солдат. Наутро делегация посетила один из новейших боевых кораблей Краснознаменного Тихоокеанского Флота — ракетоносный крейсер "Чапаев", только что вернувшийся из семимесячного похода. Не скрою, приятно было видеть в его прекрасно обученной команде родные лица, казах-станцев. От имени всего экипажа они преподнесли мне сувенир — огромный белый коралл "родом" из Индийского океана. Даже беглое знакомство с этим необыкновенным кораблем, его техникой и вооружением поражает несказанной мощью и громадными боевыми возможностями и вызывает двоякое чувство. С одной стороны, законная гордость за созданное чудо обороны. С другой, тревога и озабоченность: доколе мы и "другой мир" будем вколачивать несметные сокровища человеческих рук и ума в индустрию бога войны, обделяя тем самым миллионы людей труда. Сотни лет живо изречение древний: "Хочешь мира — готовься к войне". Вроде бы заколдованный круг и неразрешимое противоречие. И Тем не менее сумели же Брежнев с Фордом договориться о значительных шагах по обоюдному разоружению, если не на борту этого крейсера, то неподалеку от него. Была бы честность, была бы добрая воля, было бы взаимное доверие...

Впечатлили нас и достопримечательности Владивостока — центра "края нашенского", как называл Ленин Дальний Восток. Этот крупнейший порт, конечный пункт Транссибирский железнодорожной магистрали, можно сказать, ровесник столице Казахстана Алматы —он основан в 1860 году. Здесь развиты многие промышленные отрасли, китобойные, краболовные, рыбные промыслы, наука и культура — в городе университет и семь вузов, несколько театров и музеев, свои особые традиции.

18 января 1978 года после небольшого авиационного броска — что воздушному лайнеру ИЛ-62 перелет Владивосток — Пхеньян — мы ступили на землю Кореи — пО-корейски: "Чисон", что означает "Страна утренней свежести" или "Страна утреннего спокойствия". Гористая. Красива она несказанно. Почти отвесно спускаются к морю лесистые склоны, прорезанные каньонами, где несутся по каменистому дну потоки, образующие бесчисленные каскады и водопады.

Еще в самолете мой давний знакомый — академик Леонид Федорович Ильичев, известный политик, философ, журналист, дипломат поведал нам о Корее немало примечательного на правах глубокого знатока Востока. С первых же часов он задал всей делегации верный, дружеской тон и настрой общения между собой, лишенного какой-либо чопорности и официальщины.

Ильичев давно мне импонировал и как остроумный собеседник, и как живой рассказчик, и как политик огромного опыта:— при Сталине — один из главных редакторов газет "Известия" и "Правда", при Хрущеве — секретарь ЦК КПСС по идеологии, соавтор известной хрущевской "оттепели". Несомненна его историческая заслуга в постепенной нормализации советско-китайских отношений — в Китае Ильичев по заданию Брежнева и Громыко находился безвыездно многие месяцы и очень искусно вел переговоры, главным итогом которых было сохранение мира между двумя великими державами. А это, согласитесь, уже немало.

Нам было что вспомнить. Леонида Федоровича Ильичева в Верховный Совет СССР избирали алматинцы. В Казахстане он бывал неоднократно, да и мне доводилось не раз выезжать с ним в ответственные командировки.

Мы оба с ним хорошо знали, какой нелегкой сложилась судьба у корейцев, живущих в нашей стране. Еще с конца XIX века гонимая из Северной Кореи голодом определенная часть корейского народа с ведома царского правительства переехала на территорию России. Поселенные компактно, рядом со своей исторической родиной, корейцы за четыре десятилетия своей жизни на советском Дальнем Востоке внесли заметный вклад в хозяйственное развитие края. При этом они сохранили свои традиции, обычаи, культуру, язык. Большую роль тут сыграл Корейский педагогический институт. Однако поздней осенью 1937 года советские корейцы были подвергнуты неожиданной массовой, насильственной депортации и за три дня отправлены в товарных вагонах, главным образом в южные районы Казахстана — Шым-кентскую, Кзылординскую, позже Талдыкорганскую об-ласти.

Этот грубый, насильственный акт круто изменил судьбу тысяч людей. Он не был закреплен зафиксированным каким-либо постановлением, поэтому позже, когда встал вопрос о реабилитации незаконно депортированных народов, корейцы были отнесены к их числу. Исключительно стойкие и трудолюбивые, не теряющие оптимизма в самых невероятных условиях, они много сделали для экономического развития республики, впервые

развили рисосеяние в ранее пустовавших районах южных областей. Результаты их кропотливого труда особенно сказались в решении продовольственных задач в период Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, кремлевский произвол привел к тому, что люди постепенно стали утрачивать свои вековые традиции, уклад, обычаи, язык. Переселенцы вплоть до самой смерти Сталина были лишены элементарных прав. Их жестко ограничивали в выборе места жительства и свободе передвижения.

В этих невероятно тяжелых условиях казахский наряд проявлял к корейским переселенцам, как позже и к другим — поволжским немцам, полякам, чеченцам, ингушам, туркам, грекам, курдам — доброжелательность и гостеприимство, оказывая им посильную моральную и материальную помощь. Их трудоустраивали в колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях и стройках. На местах поселений перед ними открылись двери школ, техникумов, вузов. Творческая интеллигенция получила возможность трудиться в культурных и научных учреждениях. Со временем корейцы стали работать во всех отраслях народного хозяйства любого региона республики. В Алматы открылся республиканский корейский театр, который сначала работал в Кзылорде, начала издаваться корейская газета "Ленин кичи".

На примере корейского театра, которому недавно исполнилось 60 лет — можно конкретно увидеть реальные последствия благотворного процесса активного взаимообогащения культур, получившего большое развитие. По мнению многих знающих людей, такого театра, как корейский в Алматы, сложившегося по классическим принципам драматического искусства, до сего времени нет даже в самой Корее — ни в Северной, ни в Южной. Наверное, и в этом причина огромного успеха его гастролей в этих государствах. Репертуар корейского театра обогащен и драматургией других народов, в частности казахской классикой — трагедиями "Каракоз" и "Енлик-Кебек" Мухтара Ауэзова. Широка популярность у корейского танцевального ансамбля "Ариран".

Хотелось бы сказать хотя бы вкратце и о тех людях, которых я знал лично и всегда относился к ним с большим уважением. Среди них был и знатный рисовод Ким Ман Сам. Он был старше меня, имел большой жизненный опыт, многое повидал и многое знал. Прибыл он на казахскую землю из Уссурийского края уже зрелым человеком, ему было за пятьдесят. Несмотря на возраст, он четверть века проработал в колхозе "Авангард" Чиилийского района Кзылординской области. Люди хорошо помнят, что в 30-е годы гибельных для казахского народа голода погибло два с половиной миллиона человек. В те годы люди не имели возможностей ни

полноценно питаться; ни одеться, жили впроголодь. Затем началась война, малые дети и глубокие старики вынуждены были включиться в труд во имя победы. А кто мог держать оружие, отправился на фронт. В эти годы Ким Ман Сам активно трудился в тылу. С каждого из 5 гектаров земли собрав 150 центнеров риса, он установил мировой рекорд урожайности этой культуры. Это был беспокойный, болеющий за дело человек. В 1941 году его наградили орденом "Знак Почета". Л спустя четыре года вторым орденом Трудового Красного Знамени.

Награда, как ныне рассуждают *иные,* это не результат безмерного труда. Для меня же, это прежде всего справедливая оценка труда, свершенного человеком, державная благодарность за честную работу. Скромный в жизни н самоотверженный в труде, Ким Ман Сам заслужил свои награды. За внедрение оригинальных агротехнических методов в 1974 году он был удостоен звания лауреата Сталинской премии. А 20 мая 1949 года ему присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда. Если сказать, что одиннадцать членов колхоза "Авангард* удостоенных Золотой Звезды Героя, считали Ким Ман Сама своим заботливым учителем и наставником, можно понять, какова его роль в их жизненном и трудовом становлении.

В суровую годину невиданной войны с лютым врагом, не держа в руках боевого оружия, он своим трудом поддерживал страну и ее армию. В 1942 году Ким Ман Сам внес более 100 тысяч рублей личных трудовых сбережений на строительство танковой колонны " Кзыл-Ординский колхозник". Подобный поступок мог совершить только настоящий патриот. Одним из таких людей бы также Илья Лукич Ким. Я помню его большим знатоком сложной финансовой сферы. Окончив Ленинградский финансово-экономический институт, он свой трудовой путь начинал в Шымкенте, затем продолжил в Актюбинске, блестяще освоив самые тонкие секреты экономики[74] В 1951 году стал заместителем министра, затем и министром финансов республики. Активно участвуя в общественной жизни, на терял своего имени и в науке. Его книги "Совершенствование проблемы планирования государственного бюджета", "Порядок совершенствования по формированию бюджета" стали ценными учебными пособиями для студентов вузов.

Владимир Николаевич Ким и Вадим Терентьевич Хван — известные архитекторы Казахстана. Ким получил Государственную премию республики в 1971 году, а Хван — в 1984-м. Может возникнуть вопрос: за какие заслуги? Это отдельный разговор. Если

же кратко, то Ким вместе с другими известными архитекторами спроектировал уникальный нынешний Дворец Республики, Хван — стал одним из авторов проекта оздоровительного комплекса "Арасан".

У казахов есть выражение "Не забывай говорить о хороших качествах человека". Поэтому нам никогда не надо забывать о добрых делах своих сограждан, какой бы национальности они не были. В благодарной памяти народа Казахстана — да и не только, многогранная деятельность корейских ученых — академика Максима Павловича Кима, внесшего немалый вклад в историческую науку, и члена-корреспондента республиканской Академии наук Леонида Павловича Ни, известного своими исследованиями по металлургии — его труд отмечен Государственной премией СССР.

А кому из нас неизвестны чудесные переводы из корейской классической поэзии, сделанные выдающимся мастером русского стиха Анной Андреевной Ахматовой... Достаточно сказать, что произведения корейской прозы, поэзии и драматургии, устного народного творчества были выпущены на 23 языках народов нашей страны, в том числе и на казахском. Между прочим, среди сувениров, захваченных нами, были и корейские народные сказки, со вкусом изданные в Алматы.

Обо всем этом я вспоминал прежде, чем вступил на корейскую землю. В Сунанском аэропорту близ Пхеньяна нас тепло встречали самые юные граждане дружественный страны, представители трудящихся города, член Политического комитета ЦК Трудовой партии Кореи, заместитель премьера Административного Совета КНДР Ке Ын Тхе, другие официальные лица, в том числе посол КНДР в СССР Ким Джэ Бон, сотрудники советского посольства.

Сразу после приезда делегация возложила венки к памятнику корейским воинам, павшим во время войны 1950-1953 годов, к Монументу "Освобождение" и Монументу Дружбы. Не скрою, тогда кое у кого возникло замешательство в связи с тем, что у этих памятников нас встретят не только корейские товарищи, но и представители Китайского посольства, в том числе военный аташе КНР. В ту пору наши отношения с Китаем были далеко не из лучших. Мне вместе с Леонидом Федоровичем Ильичевым пришлось решительно развеять все сомнения, и вскоре вся делегация приветствовала у памятников и китайских дипломатов, чьи соотечественники-добровольцы мужественно сражались в войну 1950-1953 **годов на корейской земле. Мы возложили венки и к памятнику китайским народным добровольцам.**

В тот же день— 18 января — мы нанесли протокольный визит вице-президенту КНДР Пак Сен Черу. Вице-президент высказал теплые слова в адрес нашей страны, которая поддерживает и помогает корейскому народу в его борьбе за самостоятельный путь развития. Мы также договорились, что проведем откровенные переговоры по всем вопросам наших отношений. Такие переговоры вскоре состоялись, и обоюдная польза от них была несомненной.

В конце беседы я спросил у Пак Сен Чера относительно возможности вручения Ким Ир Сену ордена Ленина. Он ответил: "Решение о награждении принято Вами, поэтому Вы и должны определить, как вручить эту награду".

Вечером в честь нашей делегации Пак Сен Чер устроил правительственный прием, где мы обменялись речами. От имени Леонида Ильича Брежнева я передал руководителям КНДР и всем трудящимся народной Кореи братский коммунистический привет и самые наилучшие пожелания успехов.

Следующий день прошел в насыщенных официальных переговорах с корейской стороной. Не обошлось и без сложностей. Но все они были успешно преодолены. Это еще раз доказало *ц* при доброй воле договаривающихся финал всегда для них по-хорошему результативен. И не только для них, так как в современном мире все между собой тесно связано и взаимно обусловлено. Такова диалектика бытия и политики.

Пак Сен Чер информировал нас о том, что корейский народ продолжает осуществлять задачи "трех революций"— идеологической, технической и культурной, сформулированные V съездом Трудовой партии Кореи в 1970 году. Он подчеркивал: одно из главных указаний Ким Ир Сена состоит в том, что основные задачи "трех революций" будут осуществляться не скоротечно, а последовательно, на протяжении Ж длительного периода, вплоть до построения коммунизма. А во главу угла Трудовая партия Кореи ставит идеологическую революцию, то есть вооружение всего народа "идеями чучхе", преобразование на их основе сознания всех людей. Эти идеи означают самобытность, самостоятельность, специфичность, в соответствии к собственным условиям, интересам.

Во второй половине дня мы постели Центральную промышленно-сельскохоэяйственную выставку. Экспонаты ее впечатляют. Сопровождавшие нас корейские товарищи, говоря о несомненных достижениях, не скрывали и трудностей, нерешенных проблем. Так, государство еще вынуждено

осуществлять нормированное снабжение населения основными продуктами питания и некоторыми товарами широкого потребления по низким ценам, используя систему госдотаций.

Затем делегация осмотрела пхеньянское метро. Мне очень понравились подземные сооружения, украшенные мозаичными панно, отличающимися высокой художественностью, Вечером в честь нашей делегации в художественном театре Мансудэ была дана красочная революционная опера "Цветочница". После спектакля мы тепло поздравили артистов с успешным выступлением.

Сам Пхеньян — главный город Северной Корен, .счастливо сохранивший многие исторические памятники, был столицей Корейского государства с 427 года. Крупный центр многоотраслевой промышленности, науки и культуры, он буквально восстал из пепла и руин войны 1950-1953 годов и вновь на берегах широкой судоходной реки Тэндоган обрел свой неповторимый исторический облик. Художественный театр Мансудэ — одно из многих уникальных строений северокорейской столицы, сочетающих в своей архитектуре колорит минувших эпох С современностью.

На следующий день— 20 января мы отправились, по определению корейских товарищей, в "колыбель-революции" Мангёндэ и осмотрели родной дом лидера корейских коммунистов Ким Ир Сена. Можно по-разному относиться бесспорным фактам его возвеличивания. Все это, как говорится, мы уже давно проходили. Но первое правило любой дипломатии тоже издревле всем известно. Оно хорошо сформулировано, пусть в грубоватом, но сугубо верном народном присловье: "В чужой монастырь со своим уставом не суйся".

Нам было важно, что главное задание — провести конкретные переговоры с ведущими руководителями страны — мы выполнили успешно, а навязывание им своих идеологических взглядов и воззрений, не входило в нашу дипломатическую миссию, как, впрочем, и в любую другую. Каждый народ волен выбирать себе свой идеологический "антураж". И дело тут не в политической терминологии, а в том, насколько действительно свободно н экономически обеспеченно живется большинству народа.

К слову, еще в директиве Ставки Верховного Глава-нокомандующего Красной Армией, данной 25 сентября 1945 года, говорилось, что Красная Армия вступила в Северную Корею с целью разгрома чужеземных захватчиков и не преследует целью

введение советских порядков в Корее н приобретение корейской территории.

Прослушав подробный рассказ "о славной революционной истории товарища Ким Ир Сена", мы затем посетили сельхозкооператив Чхонсан. Его председатель, депутат верховного Народного Собрания республики Цой Гым Чхон рассказала нам о "великом духе и методе Чхонсан, созданном вождем товарищем Ким Ир Сеном в процессе руководства этим копперативом и о борьбе членов кооператива с продолжающимся влиянием холодных фронтов и о ежегодном увеличении производства зерна".

В тот же день — к вечеру — в одной из своих загородных резиденций делегацию принял президент КНДР Ким Ир Сен. На встрече присутствовали Пак Сен Сер, Ке Ын Тхэ, Хо Дам, Ли Чон Мок и посол
КНДР в СССР Ким Джэ Бон.

Во время встречи с Ким Ир Сеном я вручил ему личное письмо от Брежнева, также передал ему приглашение советского руководства посетить СССР с дружественным визитом.

Ким Ир Сен поблагодарил, но при этом озабоченно заметил, что поездка представляется для него непростым делом из-за напряженной обстановки в стране. Но он все-таки обещал, что найдет время для визита.

Далее в теплой беседе мы обменялись мнениями о положении в наших странах и мире, а также по многим вопросам двусторонних советско-корейских отношений. Затем я вручил Ким Ир Сену орден Ленина, которым он был награжден в связи с 60-летием со дня рождения.

Ким Ир Сен дал ужин в честь нашей делегации. Между делом великий вождь корейского народа проявил заинтересованность в приобретении у нас воздушного лайнера ИЛ-62, как мы поняли, для своих служебных целей — визитов в Китай и другие страны. Естественно, мы пообещали содействовать выполнению этой просьбы.

21 января в городе Саривоне провинция Северная Хванхэ после того, как мы побывали у металлургов Хванхэского завода на западном побережье страны, во Дворце культуры состоялся митинг в честь нашей делегации и советско-корейской дружбы. В зале, где проходил митинг, были вывешены флаги нашей страны и
КНДР.

От имени трудящихся города и жителей провинции советскую делегацию сердечно приветствовали председатель городского народного комитета Пак Ин Гак. С ответной речью выступил я.

Было, в частности, сказано, что наша страна активно выступает за объединение Кореи мирным демократическим путем, без вмешательства извне, на основе свободного волеизъявления корейского народа.

Во второй половине дня делегация, вернувшись в столицу, посетила Пхеньянский дворец пионеров и школьников. Затем нас пригласили на концерт юных самодеятельных исполнителей. Начался он с хорового исполнения песни "Мы, счастливы в объятиях маршала Ким Ир Сена" и песни "Смело, товарищи, в ногу". Программа включала номера легкой музыки, спортивные танцы, крестьянской танец, сольное пение.

Великолепно организованные разные формы занятий детей натолкнули на мысль о создании подобного Дворца и у нас, что и было позже осуществлено — в Ал-маты по оригинальному проекту был построен Дворец пионеров и школьников. Он стал еще одним уникальным сооружением столицы республики, ее украшением и гордостью.

Вечером в здании нашего посольства был устроен прием в связи с визитом советской партийно-правительственной делегации. С корейской стороны были приглашены — Пак Сен Чер, Ке Ын Тхэ, Ли Чан Сен, Ли Чон Мок, Хан Сан Гю и другие. На приеме я выступил с речью — подвел главные итоги визита. С ответной речью выступил Пак Сен Чер.

22 января мы самолетом Ил-62 отбыли из Пхеньяна во Владивосток. А оттуда, через всю страну с кратковременной остановкой в Иркутске — в Москву.

В аэропорту Внуково-2 нас встретили Пельше, Русаков и другие официальные лица.

На следующий день мы обо всем подробно проинформировали руководство и прежде всего Леонида Ильича Брежнева, который всегда придавал вопросам советско-корейских отношений важное значение.

Последний раз Брежнев приезжал в Алматы в 1980 году на празднование 60-летия Казахской ССР. Он вручил республике орден Ленина. Был, конечно, не столь бодр и энергичен. Сказывались годы, болезнь. Но намеченная программа его пребывания была выполнена полностью: от возложения цветов к памятнику Ленина и к мемориалу Славы до посещения объектов промышленности, строительства, быта. Брежнев провел совещание в нашем ЦК. Вечером смотрел документальные работы студии "Казахфильм".

На праздник в Алматы приехали Гришин, Романов, Щербицкий, Алиев, Машеров, Рашидов, Соломенцев, Бодюл, Усубалиев, Расулов. Был в делегации и Горбачев.

И еще об одном юбилее хотелось бы рассказать. Это 75-летие Брежнева. Празднование этого юбилея было намного пышнее, чем предыдущее. Обед проходил в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца при огромном стечении самых известных людей страны. Председательствовал на юбилее Суслов. Мы, представители всех республик, а также выдающиеся деятели науки, культуры, крупные военачальники сердечно поздравили юбиляра. Прием сопровождался выступлениями ведущих мастеров советской сцены. Ну, и в других тостах эпитеты "великий", "мудрый" повторялись не реже, чем само имя Леонида Ильича.

Да, к сожалению, все это было так, а не иначе. Леонид Ильич не отвергал ни похвал, ни наград. Чувство меры тут явно изменяло ему. Но разве соблюдалась какая-либо мера в той огульной критике, какая обрушилась на Брежнева, уже покойного, с приходом Горбачева на пост номер один? Однако критика ли это? Злорадное очернение. Несусветная напраслина, вздорные измышления о питейных увлечениях, его алчности, сребролюбии и т. д. Естественно, в аскетах или монахах Леонид Ильич никогда не числился. Как говорится, ничто человеческое ему не было чуждо. Но при всем этом он всегда оставался порядочным человеком. Чего, к сожалению, нельзя сказать об иных из его окружения. К примеру, о том же Соломенцеве. Или о самом Горбачеве... Впрочем, давно известно: у каждого свой взгляд, свои мнения, свои факты. И если кто-то в отношении Брежнева ими располагает, судя по всему, в явном избытке, то я прямо скажу: у меня таких фактов нет.

В те годы мы широко отмечали исторические даты в жизни страны и республики. Официально не отмечали только религиозные праздники. Сегодня я признаюсь: религиозные праздники — составная часть духовного совершенствования народа. Сейчас некоторые деятели указывают, что во времена так называемого "застоя" мы только и знали, что "юбилеили" беспрестанно. Это не так. В трудовых коллективах о праздниках не забывали, но там и работали. И в наше время не было ни Нагорных Карабахов, ни Баку, ни Тбилиси, ни Узеня, ни сотен тысяч беженцев. Потому что каждый праздник ставил своей главной целью: служить сплочению народов, нацеливать людей на честный и результативный ТРУД ради блага всех и каждого.

Позволю себе маленькое отступление. В последние годы возродился прекрасный праздник — наурыз. Вот только одного

понять не могу: почему его долгое время праздновали у нас в республике каждая область, район, отдельные организации в разное время, а народы среднеазиатских республик — в один день?

У многих казахстанцев на памяти празднование 250-летия присоединения Казахстана к России в 1982 году. Средства массовой информации, весь идеологический актив республики задолго до знаменательной даты провели колоссальную работу среди населения, и ему этот праздник стал желанным и близким. Для участия в торжествах прибыли делегации со всех концов нашей родины. Празднование этого юбилея проходило в Москве, Ленинграде, Ярославле, Ульяновске, Оренгбурге, Новосибирске и других городах России.

Торжественное заседание ЦК Компартии Казахстана, Верховного Совета с участием представителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, воинов Советской Армии, космонавтов, делегаций Москвы, Ленинграда, всех союзных республик, Татарии, Башкирии открылось во Дворце имени Ленина. Открывая заседание, я предоставил слово Гришину, который после приветственной речи огласил указ о награждении республики* орденом Ленина и вручил его под аплодисменты собравшихся.

Затем в своем докладе я отметил, что с высоты нашего времени особенно четко видна глубинная значимость присоединения казахского трудового народа к народам России. Историческая предопределенность этого единения идет от седой древности, от времени Киевской Руси, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Первого. Только в лице прогрессивной России казахский народ видел надежную защиту и военного союзника. Только Россия могла, говоря словами Валиханова, "оказать реальную помощь и покровительство". В докладе был показан исторический путь развития Советского Казахстана. В заключение сказал, что вместе с великим русским народом мы прошли путь, равный эпохам.

Мы никогда не умаляли, а наоборот, стремились подчеркнуть значительную роль во всестороннем развитии Казахстана, которую сыграли представители других народов, в первую очередь украинского и белорусского. Примеров тому не счесть. И я тоже лично счастлив, что мне довелось работать вместе, скажем, с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, ставшим национальным героем Белоруссии или же с бывшим председателем Совмина этой республики, в прошлом одним из видных руководителей партизанского движения в тылу врага, Героем Советского Союза Алексеем Ефимовичем Клещевым — он возглавлял в Казахстане Кокче-тавский обком партии и зарекомендовал себя умелым организатором.

Ну а как не вспомнить представителей близкого нам татарского народа. Наши давние с ним связи уходят корнями в далекое прошлое. Об общности казахов и татар в составе Ногайской орды писал еще Чокан Валиха-нов. Еще задолго до революции немало образованных людей из Татарии приезжали в Казахстан и обучали в аулах казахских детей, а в татарских типографиях печатались произведения на казахском языке, в том числе стихи великого Абая Кунанбаева.- Традиционные социально-экономические и культурные взаимоотношения между казахами и татарами широко развивались и в советской период.

Когда я работал директором рудника в Риддере в конце 30-х годов, моим заместителем, главным инженером был татарин Абдулла Менгазинович Сыразутдинов, родом из Свердловска (Екатеринбурга). Будучи профессором, доктором технических наук, он стал крупным специалистом в своей области. В практической работе приходилось часто встречаться и решать совместно многие вопросы с Хабиром Мухрамовичем Пазиковым, работавшим секретарем ряда обкомов, о чем я уже говорил выше, а также с Сулейменом Гафиатуллиным. Он был председателем Уральского и Восточно-Казахстанского облисполкомов и с Каюмом Мухамеджановичем Симаковым — главным инженером, директором Шым-кентского и Ленингорского свинцовых заводов, а впоследствии председателем Госплана, первым заместителем председателя Совмина республики.

Опытные партийные и хозяйственные работники, сделавшие немало для подъема экономики Казахстана, они продолжали славные традиции, заложенные еще партийцами ленинской закалки Сабиром Шариповым и Нигме-том Шигатбутдиновым, оставившими заметный след в истории Казахстана.

Прекрасные отношения у меня всегда были с известными татарскими деятелями культуры и науки замечательным композитором Латыфом Хамиди, автором знаменитого "Казахского вальса", а также других произведений, в том числе и оперы "Абай" (в соавторстве с Ахметом Жубановым). Мне всегда нравились песни в исполнении народного артиста СССР и народного артиста республики братьев Ришата и Муслима Абдуллиных. Неплохо знал я и видного татарского художника Б. Урманче,— его в Казахстане хорошо помнят и относятся с большими уважением к его творчеству. Тесный контакт был у меня н с крупными учеными — академиками Академии наук республики, ныне покойными Саидом Рафиковым и Шаукатом Ибрагимовым, а также Ильдаром Куркаевым, руководителем Татарского культурного центра в Алматы профессором Муратом Каримовым.

Существенный вклад в развитие казахского Семиречья внесли уйгуры и дунгане. Их исключительное Трудолюбие и давние традиции земледелия сыграли важную роль в развитии огородничества, садоводства Недаром, еще дореволюционные исследователи края отмечали, что в плодоводстве и разведении табака у них многому учились казахи и русские.

Прение с местным казахским и русским населением тоже благотворно влияло на быт и труд переселенцев из Китая.

Среди героев Октября и гражданской войны все мы знаем легендарного революционера и красного командира Магазы Масанчи, многих других славных сынов уйгурского и дунганского народов. Участниками бесстрашной операции по ликвидации атамана Дутова были Касым-хан Чанышев и Махмуд Ходжамьяров.

По республике и стране прославилось немало передовиков, среди которых можно назвать председателя колхоза "Первое Мая" Жамбылской области дунганина Махмуда Аширова, знатную звеньевую — кукурузавода колхоза "40 лет Казахстана" Талдылкорганской области уйгурку Мариям Ниязову, ее коллегу из колхоза имени Калинина Таира Юсупова, многих" других подлинных новаторов труда.

Выросла своя интеллигенция, обогатившая культуру. Во всех жанрах успешно проявили себя такие уйгурские литераторы, как К. Хасанов, М. Хамраев, З. Самади, Х. Абдуллин, Т. Токтамов, А. Сабитова, А. Аширов, другие.

Гордостью всего Казахстана стали композиторы К. Кужмьяров, Б. Баяхунов, дирижер Г. Дугашев, певица Г. Рузиева, артистка Р. Илахунова. Важное значение в духовном развитии имело создание национального уйгурского театра, издание газеты, радио-и телепередачи на уйгурском языке, создание культурного центра. Вырос большой отряд ученых-уйгуроведов, плодотворно работавших в секторе, а ныне Институте уйгуроведения Академии наук Республики, единственном научно-исследовательском учреждении, связанным с изучением культуры уйгуров не только на окраинах Содружества, но і во всем мире.

Считаю немалой заслугой в научно-организационной деятельности в этом плане видного уйгурского ученого-языковеда, члена-корреспондента нашей Академии Г. Садвакасова — первого директора института.

... Празднование 250-летия присоединения Казахстана к России завершилось грандиозным праздником песни, танца и спорта на ледовом стадионе "Медео" 12 июня, где участвовали 12 тысяч мастеров искусства и спорта, самодеятельных артистов, воинов Советской Армии, студентов, учащихся.

Ш ... Мне пришлось неоднократно выезжать на празднования юбилейных и торжественных дат, также отмечаемых в других республиках Союза. Я побывал в Грузии, Азербайджане, Армении, Украине, Узбекистане. Все праздничные мероприятия, проводимые в этих республиках, способствовали укреплению нашей дружбы, играли большую роль в интернациональном воспитании...

Хлопотливую, охватывающую все стороны жизни республики работу иногда приходилось на определенное время оставлять. Хотя, где бы ни находился, все думы были в родном Казахстане.

Выполняя поручения ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, я, кроме вышеуказанных стран, за период с 1970 по 1978 год побывал в Уругвае, Италии, Индии, Корее.

Все зарубежные поездки были очень интересными, насыщенными яркими событиями. Например, чтобы попасть на съезд Компартии Уругвая, куда я вылетел в конце 1970 года, пришлось проделать длинный путь. А вот как выглядел маршрут возвращения: Монтевидео — Буэнос-Айрес — Рио-де-Жанейро — Лас-Пальмас (Канарские острова)— Мадрид (с продолжительной остановкой)— Париж — Москва. За время пребывания в испанской столице нам довелось осмотреть некоторые из ее достопримечательностей и среди них, конечно, памятник Сервантесу. Рядом с бронзовой фигурой великого писателя — Дон Кихот и Санчо Панса. И, конечно, запомнились памятник Колумбу и знаменитая мадридская художественная галерея...

В Монтевидео, во время работы съезда, я ближе познакомился с генеральным секретарем Компартии Уругвая Роднеем Арисменди, генеральным секретарем Чилийской коммунистической партии Володей Тейтель-боймом.

Мое выступление на съезде было очень тепло принято делегатами. XX съезд компартии стал важным событием в истории Уругвая. Характерной его особенностью явилось то, что на нем были подведены итоги борьбы и партийной работы не только за отчетный период, но и за время с 1955 года, когда началась перестройка всей работы партии.

В 1972 году мне довелось побывать в Индии во главе делегации КПСС на съезде компартии. В свободное

время мы посетили город Агру, где любовались великим творением индийских зодчих — Тадж-Махалом.

Чтобы попасть в город Кочин, где проходил съезд, на побережье Аравийского моря (штат Керала), нужно было сутки ехать на машине свыше 500 км по югу Индии до портового города от Бангалора. Съезд длился 10 дней. Воспользовавшись перерывом в его работе, мы побывали недалеко от Кочина на месте захоронения великого путешественника Васко да Гама.

На съезде выступили представители двадцати двух коммунистических и рабочих партий, выразившие солидарность с борьбой индийских коммунистов. * В знак дружбы между КПИ и КПСС наша делегация преподнесла в дар портрет Ленина. В заключительный день работы съезда в Кочине состоялась демонстрация участников и 300-тысячный митинг. ***Ш***

После съезда мы посетили остров Гоа, с его огромным храмом Шивы. С острова Гоа вылетели в Бомбей, а оттуда, завершив визит, наша делегация вернулась в Москву.

Яркие впечатления остались у меня после посещения Италии в 1971 году, куда я выезжал во главе делегации КПСС на празднование 50-летия компартии Италии.

Я выступил с приветственной речью на торжественном заседании, проходившем во Дворце спорта в Риме, где присутствовало более 20 тысяч человек.

Во время пребывания в стране меня принял на своей загородной даче генеральный секретарь ИКП Луиджи Лонго, с которым мы долго и увлеченно беседовали. Лонго рассказал мне о своей встрече с Лениным. Память сохранила встречи с ветеранами и молодыми членами партии, профсоюзными активистами, участниками движения Сопротивления, бывшим партизанами. Продолжительны и откровенны были наши беседы с членами бюро ЦК ИКП во главе с Энрико Берлингуэром. У нас состоялся откровенный обмен мнениями по многим актуальным вопросам международного и внутреннего характера. После этого совершили очень интересную поездку по стране и побывали в Ватикане, Флоренции, Болонье, Лукке, Пизе.

Наступил ноябрь 1982 года. 10 ноября во второй половине дня, когда я находился за городом, меня по спецсвязи разыскал Боголюбов — заведующий общим отделом ЦК КПСС и сказал, чтобы я срочно вылетел в Москву на заседание Политбюро. Причину срочного вызова он не назвал. Я терялся в догадках. К концу дня прибыл в

Москву, явился в Кремль и зашел в комнату, где собираются члены Политбюро перед заседанием. Все члены Политбюро были в сборе, ждали только меня. Сразу вошли в зал. На ходу я спросил у Щербицкого: "Что случилось?" Он ответил: "Случилось самое худшее". Открывая заседание, Андропов сообщил о смерти Брежнева. Все молчали несколько минут...

Под началом Брежнева я проработал 28 лет. Последняя моя с ним встреча состоялась в феврале 1982 года в Кремле в зале заседаний Политбюро, когда он мне вручил орден Ленина и третью звезду Героя Социалистического Труда.

Молчание прервал Черненко. Он предложил безотлагательно и срочно решить, кто будет Генеральным секретарем ЦК КПСС.

—Я рекомендую,— заявил он,— Генеральным секретарем ЦК КПСС избрать Юрия Владимировича Андропова.

Никто не выступал, все молча согласились с этим предложением.

12 ноября состоялся внеочередной пленум ЦК КПСС. На пленуме Генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно был избран Андропов. Андропова я знал с 1962 года, когда вместе с ним сопровождали Хрущева в Румынию, а[Тогда он работал заведующим отделом ЦК КПСС. Когда он стал председателем КГБ» секретарем ЦК КПСС, |круг решаемых нами совместно вопросов расширился, теснее стали связи. Работая Генеральным Асекретарем, он проявлял, можно сказать, повышенный интерес к Казахстану, глубоко понимал стратегическое значение нашей республики.

В одном из писем ко мне он отмечал: "Большой казахстанский хлеб— это предмет гордости не только трудящихся республики но и всех народов нашей многонациональной Родины". Несколько раз собирался приехать к нам, но из-за большой занятости это осуществить не удалось. Был случай, когда Андропов, еще работая в КГБ, собрался к нам, но его вернули прямо с трапа самолета. С первых же дней его работы у меня сложились с ним хорошие деловые отношения. Дважды в месяц я по договоренности с ним докладывал ему обстановку в республике. Разумеется, это помимо личных встреч и обмена мнениями на Политбюро. С его помощью удалось осуществить ряд примечательных проектов, связанных с интенсивным развитием науки в Казахстане и оснащением передовой техникой крупных предприятий. Когда в Алматы проходила выставка новейшего оборудования западных фирм для народного хозяйства, Андропов разрешил по моей просьбе выделить валютные средства для закупки самой современной техники, предназначенной для промышленных предприятий и научных учреждений.

В декабре состоялся пленум ЦК КПСС, рассмотревший проект народнохозяйственного плана на 1984 год. На пленуме Андропов поставил задачу добиться сверхпланового повышения производительности труда на один процент, снизить себестоимость продукции на полпроцента во всех отраслях народного хозяйства. Предложение Андропова получило полное одобрение и поддержку партийных организаций и всех трудящихся.

Андропов был крупным государственным деятелем.
- Алексей Николаевич, как
Под его руководством страна уверенно продвигалась во всех направлениях экономического и социального прогресса. К сожалению, возглавлять Центральный Комитет КПСС и быть Председателем Президиума Верховного Совета СССР ему довелось очень короткий срок. Но и

я за это время он в нес много нового в работу Политбюро.
Я Больше стало гласности. Все вопросы, рассматриваемые
-ВоТатМогдСт^дисиескажЬ1СЯобо в^ем1т]енеАндроом5у- провел перестановку кадров в высшем звене. Членом Политбюро, первым заместителем председателя СМ СССР стал Алиев, членом Политбюро, председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС утвердили Соломенцева. Воротникова назначили Председателем Совмина РСФСР и кандидатом в члены Политбюро. Лигачев и Рыжков стали секретарями ЦК КПСС. Медведев был утвержден заведующим отделом науки ЦК КПСС.

Справедливо оценивая деятельность Андропова, необходимо отметить и ряд существенных недостатков и ошибок в его работе. Например, как теперь установлено, не вызывает сомнений его причастность к трагическим событиям в Венгрии в 1956 году, когда Андропов был послом СССР в этой стране. Он был одной из главных фигур, кто принимал решение о вводе войск в

Чехо-Словакйю в 1968 году и в Афганистан в 1979 году. Но самые крупные ошибки он совершил будучи на посту председателя КГБ. По необъективной информации были подвергнуты преследованиям и гонениям многие честные представители нашей интеллигенции, видные деятели культуры и искусства.

Вопросы о высылке и лишении гражданства отдельных деятелей культуры и науки в Политбюро решались без участия его членов, работающих в республиках. Поэтому мы не могли высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу. Я располагал информацией, что среди интеллигенции Казахстана эти акции вызывают недоумение, а то и раздражение.

Однажды академик АН КССР Ш. Ибрагимов, который был тесно связан с ведущим физиками страны, сказал мне:

— Сослать академика Сахарова в Горький — неимоверная глупость. И это не только мое мнение.

Будучи на приеме у Косыгина, заканчивая свою беседу, спросил у него:

вы относитесь ко всем этим высылкам, диссидентам, психбольницам, информа-циям Андропова?

Немногословный А. Н. Косыгин спросил в свою очередь:

— А вы?

При разговоре с Брежневым я высказал ему свои сомнения. Брежнев долго не отвечал, а потом, глядя в Сторону, проговорил:

— Ну, а что делать? Андропов говорит, что они мутят воду. Вредят. Народ будоражат.

На этом наш разговор и закончился.

9 февраля Андропов скончался. В день его смерти собралось Политбюро, чтобы решить, кому быть Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Тогдашний председатель Совета Министров СССР Тихонов внес предложение рекомендовать пленуму ЦК КПСС кандидатуру К. У. Черненко.

Избрание Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС было нашей ошибкой. Мы знали, что он аккуратист, строго следит за прохождением документов, но на роль лидера явно не годился. Во время рассмотрения его кандидатуры ни один из членов Политбюро не выступят. Черненко стал Генсеком при всеобщем гробовом молчании. На внеочередном пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1984 года он тоже единогласно был избран Генеральным секретарем партии. Никто никому не возразил ни слова. А ведь не только я, все мы, члены Политбюро, понимали, что по своему уровню культуры и знаний, государственной мудрости он не отвечал тем требованиям, которые были совершенно необходимы первому лицу государства. Однако мы, хотя и молча, проголосовали "за". Думаю, не только меня мучили угрызения совести. Но оправдания нашему всеобщему малодушию нет. Во время его руководства не было рассмотрено ни одного крупного вопроса внутренней жизни страны, катилась политика по наклонной и в международных делах. Больному Черненко было просто не по плечу руководить великой и мощной страной.

Руководство ЦК постепенно начал прибирать к своим рукам Горбачев. Причем начал он проявлять себя известным образом еще в

Период деятельности Андропова, а потом — и Черненко. Он конечно, знал, что они неизлечимо больны, и загодя готовился к своей новой роли. Тем не менее, 11 апреля 1984 года на первой сессии Верховного Совета Черненко (и вновь единогласно) был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Но срок, ему отпущенный, истекал.

17 марта 1984 года во Дворце имени Ленина открылось торжественное заседание, посвященное 30-летию освоения целинных и залежных земель.

На заседании были приглашены ветераны-первоце-линники, передовики сельскохозяйственного производства, руководители сельскохозяйственных органов, партийные и советские работники, руководители министерств и ведомств, ученые, деятели литературы и искусства, представители Советской Армии, работники средств массовой информации и печати.

Торжественное заседание открыл Ашимов. Потом я выступил с докладом о 30-летии целины.

В докладе было отмечено, что после победы Великого Октября Ленин неоднократно подчеркивал необходимость более полного использования огромных массивов недовозделанных земель. В декабре 1920 года на 8-м Всероссийском съезде Советов Ленин указывал на превосходные земли к югу от реки Урал, которые надо поднять. Первые целинные поселки той поры возникали в приишимских степях. В соответствии с установками XX съезда ВКП(б) были созданы 19 совхозов в 1928 году на новых землях нынешних Кустанайской и СевероКазахстанской областей. Пионерами целинного земледелия становились ныне известные совхозы "Федоровский", "Карабалыкский", "Кустанайский", "Чисто-вский" и другие. Но все это была только предыстория целины.

Освоение целины в Казахстане и в других местах страны было начато по решению февральско-мартовского пленума ЦК КПСС. В первые два года освоения целины прибыло свыше 360 тысяч механизаторов, строителей, инженеров, техников, специалистов сельского хозяйства. На главных направлениях была сконцентрирована могучая техника, оборудование, строительные материалы. Учеными-агрономами были определены осваиваемые земельные массивы. Подступы к первой целинной борозде были нелегкими. Переоделинники мужественно преодолевали неустроенность! быта и другие невзгоды. Слабые волей и духом отступали, повернули назад., Но большинство целинников оправдали высокое доверие, выстояли, все преодолели и победили.

Конечно, говоря откровенно, на целину приезжало немало людей и нечестных, уголовников, жуликов, просто любителей легкой наживы. Но все-таки не они делали погоду. Отступив перед трудностями, эти люди с легкостью бросили все, уехали. А целину освоили лучшие представители советской молодежи всей? нашей страны.

За прошедшие годы республика девять раз продавала государству более миллиарда пудов зерна, свыше 900 миллионов пудов пять раз. За 30 лет в Казахстане было произведено без малого 600 миллионов тонн зерна, из них 348 миллионов тонн или более 21 миллиарда пудов было засыпано в закрома Родины. Среднегодовая продажа хлеба по сравнению с доцелинным периодом увеличилась в 9 раз. Благодатно сказалось освоение целины на животноводстве. Поголовье всех видов скота за этот период удвоилось, заготовки мяса и молока возросли в 5 раз, продажа птицы — в 50 раз. Удалось создать крупное товарное производство овцеводства, развитие получило свиноводство и табунное коневодство.

Неизмеримо выросли масштабы капитального строительства. На строительство села вложено в 7 раз больше средств, чем во все народное хозяйство Казахстана за все годы, предшествовавшие подъему целины. В 1940 году было 194 совхоза, в 1984 году стало свыше двух тысяч.

Затраты на освоение целины давно окупились, причем с лихвой. К 30-летию целины страна получила свыше 1 миллиарда чистой прибыли. Проделана огромная работа по внедрению почвозащитной системы земледелия, новой противоэрозийной техники.

Не могу не назвать руководителей сельских райкомов, чья работа являла собой пример партийного новаторства. Это К. Мендалиев, А. Ермоленко, С. Галущак, Х. Нургалиев, В. Курлов, П. Филиппенко, Г. Барков, Н. Пономарев, Г. Карпюк, В. Довгаль, Б. Климов, Е. Шайкин, К. Тургумбаев, С. Золотарев, И. Горбенко, Д. Брусник, Б. Жангалов и многие, многие другие.

Казахстанская целина выдвинула немало талантливых руководителей, замечательных организаторов и передовиков производства, ученых, многих из которых, к сожалению, уже нет среди нас, но чьи имена навсегда вошли в героическую летопись республики.

В первые целинные годы и последующие десятилетия активное участие в преобразовании сельской экономики принимали и принимают опытные ветераны целины М. Довжик, Ж. Демеев, А. Искаков, М. Николенко, В. Маркович, В. Шубин, З. Тамшибаева, С. Ергалиев, К. Токбаев, В. Чамчиян, Н. Курапов, И. Жангуразов, Д. Бурбах, Н. Ашимбаев, Кан Де Хан, И. Миллер, Б. Нуртазин, Н. Алимпиев, К. Абдыгулов, А. Нахманович, Н. Голик, А. Ример, К.

Доненбаева, Б. Китапбаев и многие другие.

В подъеме целины и сельской экономики, как и других отраслях *г* одного хозяйства, трудились и трудятся люди разных национальностей и вероисповеданий. Между ними нет вражды, столкновений на национальной почве, напряженности в отношениях. Из представителей разных наций складываются и образовываются семьи. У них общая цель и общие задачи. Многие колхозы и совхозы, руководимые представителями разных наций, дружно и сплоченно работая в своих многонациональных коллективах, дают хорошие результаты. Это подтверждает опыт многих хозяйств.

Колхоз "40 лет Октября" Панфиловского района Талдыкорганской области не один десяток лет возглавляет дважды Герой Социалистического Труда поляк Н. Н. Головацкий. О деятельности этого хозяйства есть интересные книги самого Головацкого, написанные им в содружестве с одаренным, но ныне, увы, покойным журналистом В. И. Лариным. В этом колхозе работают русские, уйгуры, казахи, украинцы, татары, немцы, дунгане, азербайджанцы, корейцы. В дружной совместной работе они добились огромных успехов. В результате рационального использования открытых и подземных источников воды, на основе высокой агротехники и хорошей зооветеринарной службы, коллектив имеет высокие показатели в полеводстве и животноводстве.

В 12 километрах от колхоза "40 лет Октября" расположен колхоз имени Кирова. Председателем колхоза работает известный в республике Ибрагимжан Кожахме-тов. В результате его умелого руководства многонациональное хозяйство преуспело в производстве зерна кукурузы, увеличении продуктов животноводства.

Поучителен пример поистине творческой деятельности тружеников колхоза "30 лет Казахстана" Павлодарской области. Много лет им руководил Герой Социалистического Труда Яков Геринг, немец по национальности. Здесь трудятся немцы, русские, украинцы, белорусы, казахи. В содружестве с учеными, особенно при активной помощи доктора наук Мухамеджанова с большой отдачей используются подземные воды. Колхоз является крупным высокорентабельным хозяйством.

Каких весомых результатов можно добиться, показывает многонациональный коллектив Кокчетавского производственного объединения по птицеводству, которым руководит ветеран колхозного строя И. П. Цой. Коллектив хозяйства показывает пример, как надо поднимать урожайность зерновых культур и

увеличивать производство мяса птиц и кумыса для местных курортов.

Также особо хочется отметить хорошую работу многонационального коллектива совхоза "Буревестник", расположенного в отдаленном районе Кустана я. Долгие годы совхозом руководил Козлов. Коллектив удивлял республику высоким урожаем зерновых. В отдельные годы совхоз продавал государству свыше 5 миллионов пудов хлеба. Высокие результаты были и в области животноводства. Отмечая заслуги Козлова, его именем был назван совхоз.

Во всех указанных хозяйствах я бывал неоднократно и всякий раз убеждался, как много может сделать дружный многонациональный коллектив под руководством умелого руководителя.

Невозможно перечислить всех руководителей хозяйств, но они являют пример для новых поколений целинников как люди с обостренным чувством долга, как самые достойные представители директорского и председательского корпуса республики,

И еще хотелось бы вспомнить о людях, чьи дела надолго останутся в памяти потомков, которая, надеюсь, все-таки будет благодарной.

Мне всегда доставляло особое удовольствие встречаться с великими мастерами своего дела, такими, как Нурмолда Алдабергенов, Ибрай Жахаев, Жазылбек Куа-нышбаев и многим другими. Нередко я предпочитал обедам в обкомовских резиденциях трапезу в домах и юртах заслуженных людей. Беседы наши проходили откровенно и, полагаю, с взаимной пользой. Их громадный жизненный опыт, наблюдательность, искренность заставляли подчас под другим ракурсом посмотреть на ту или иную проблему, они всегда дарили гостю нажитые ими крупицы мудрости.

Алдабергенов — известный в республике новатор и общественный деятель. Он был участником строительства Турксиба, затем колхозником, бригадиром, председателем колхоза. Колхоз "Жана талап" в Талдыкорганской области под его руководством добился отличных результатов. Впоследствии и другой колхоз имени Сталина (позже "XX партсъезд"), возглавляемый Алдабергено-вым, стал одним из передовых в республике. У меня остались глубокие впечатления от каждого посещения его хозяйства. Алдабергенов похоронен недалеко от дороги в поселке Мукры Талдыкорганской области. Когда мне приходится проезжать по этой дороге, всегда с теплотой вспоминаю этого интересного и талантливого человека.

Я хорошо был знаком с Ибраем Жахаевым. Не раз бывал у него в гостях, знакомился с его методами работы в **ЧИИЛИЙСКОМ** районе

Кзылординской области. Жа-хаев был известным рисоводом не только в республике, но и в стране. Его звено при обработке 20 гектаров пашни получило риса по 80-90 центнеров с гектара. Жахаев был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Знаменитый чабан-селекционер, дважды Герой Социалистического Труда Жазылбек Куанышбаев создал целую школу по развитию овцеводства и подготовил немало чабанов высокой квалификации. Я часто приезжал к нему в Моюнкумский район Жамбылской области. Когда у него родилась двойня, Куанышбаев назвал сыновей Койшибай и Тойшибай. Когда дети выросли, знатный чабан привез их с собой в Алматы на учебу, и я помог им с жильем.

В середине октября 1984 со мной связался Л. Н. Толкунов — председатель Совета Союза Верховного Совета и просил дать согласие быть руководителем парламентской делегации СССР, направляемой в Японию. Сообщил, что в случае моего согласия надо быть в Москве не позднее 21 октября. Я согласился, и мы с женой в указанный срок были в Москве.

В состав делегации входили: Страутманис — Председатель Президиума Верховного Совета Латвии, Александров — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, Биешу — знаменитая оперная певица из Молдавии, Глебов — председатель комиссии по науке и технике Всесоюзного НИИ машиностроения, Загладин — ответственный работник ЦК КПСС, Костюченко — бригадир комплексной бригады докеров из Сахалинской области, Пастернак — член комиссии по транспорту и связи Верховного Совета СССР.

В поездке с нами находились: врач — Ахат Амино-вич Мулюков и полковник Анатолий Иванович Горяи-нов, которые сопровождали меня всегда во всех поездках, как внутри страны, так и за рубежом. 24 октября — утром были в Хабаровске. Нас встретил секретарь крайкома Черный. В течение дня он ознакомил нас с историческими местами Хабаровска.

В 11 часов 25 октября в международном аэропорту Ханеда нашу делегацию встречали председатели процедурных комиссий палаты представителей Итиро Одзава и палаты советников Канамэ Эндо, председатель парламентской ассоциации японо-советской дружбы И ос но Са-караути, представители МИД Японии, посол СССР в Японии Павлов.

Во второй половине дня наша делегация посетила парламент Японии, где нанесла визит председателю палаты советников Мицуо Кимура.

На следующий день утром в Доме приемов МИД Японии состоялась наша встреча с министром иностранных дел С. Абэ. В ходе беседы были по-деловому затронуты вопросы советско-японских отношений, а также некоторые актуальные международные проблемы. Отмечалось, в частности, заинтересованность сторон в развитии советско-японского диалога с целью углубления взаимопонимания и внесения практического вклада в дело создания перспектив на будущее и оздоровления общей международной обстановки.

На завтраке, устроенным Абэ и его супругой в нашу честь, мы обменялись с министром приветственными речами. А чуть позже делегация встретилась с премьер-министром Ясухиро Накасонэ в его резиденции. Мы откровенно и плодотворно поговорили о перспективах развития советско-японских отношений, подтвердили неизменность курса нашего государства на установление с Японией отношений добрососедства, доверия и взаимовыгодного сотрудничества.

В своей речи Накасонэ обратил внимание на различные точки зрения Японии и Советского Союза в оценке международной обстановки и причин, на его взгляд, вызвавшие ее обострение. Он поддержал наше мнение о важности расширения политического диалога по основным вопросам двусторонних отношений, а также по актуальным проблемам современности.

Касаясь внешней политики Японии, премьер-министр сказал, что японское правительство и впредь твердо намерено придерживаться мирных положений своей Конституции и трел "безъядерных принципов". Суть этих принципов состоит в том, чтобы не производить, не иметь, не ввозить на территорию страны ядерного оружия.

В конце нашей беседы премьер-министр намеренно связал перспективы развития двухсторонних отношений с территориальными претензиями к СССР. Мы ответили, что лишних земель у нас нет, что эту проблему мы рассматривать не уполномочены да и не будем. Было бы лучше и правильней, разъяснили мы, поменьше говорить о "северных территориях", где позиции сторон известны, а стремиться к сегодняшней стабилизации наших отношений. Словом, здесь делегации остались при своем мнении. Мы тепло простились с Накасонэ, и я от имени делегации вручил ему казахский национальный халат. Сувенир ему, видимо, понравился, и через два дня я получил от него благодарственное письмо и в подарок фотоаппарат.

Особо надо сказать о встречах и беседах с представителями оппозиционных партий. 31 октября я, а также входящие в состав

делегации члены ЦК КПСС Александров и Загладин встретились с руководителями социалистической партии Японии во главе с председателем ЦИК Масацуги Исибаси. Итог встречи: социалисты заверили нас, что их партия приложит все усилия для улучшения отношений между нашими странами. И это было не фраза. Мы знали, что поездка делегации Верховного Совета СССР состоялась потому, что социалистическая партия Японии при поддержке других партий добилась "размораживания" парламентских контактов с нашей страной.

После Токио мы совершили очень интересную поездку по стране и побывали в Киото — древней столице Японии, Осаке, Нагое. В городе Дзаме посетили один из пяти основных сборочных автозаводов фирмы "Ниссан".

30 октября в Токио посольство СССР устроило прием в честь нашей делегации. На нем присутствовали председатели палаты представителей и палаты советников парламента Японии Фукунага и Кимура, министр иностранных дел Японии Абэ, депутаты парламента, представители деловых и культурных кругов.

Семидневное пребывание делегации Верховного Совета довольно широко, в целом объективно и благожелательно освещалось средствами массовой информации Японии. В конце визита я дал интервью японскому телеграфному агентству Киодо Цусин, в котором поделился впечатлениями о поездке и высказал соображения о перспективах дальнейшего развития отношений между нашими странами.

Все члены делегации единодушно пришли к выводу» что возможности улучшения наших отношений с Японией имеются, и их надо использовать как в плане оживления политического диалога, так и в плане экономическом.

После возвращения в Москву о результатах поездки мы доложили Черненко и Политбюро ЦК КПСС. Наша работа была одобрена. В Москве долго не задержались, спешили домой к октябрьским праздникам. Поездкой в Японию завершились мои выезды в другие страны мира. Япония стала семнадцатой страной, где мне пришлось побывать.

Где бы я ни был, в каких бы странах ни находился, всегда старался рассказывать как можно подробнее о своей республике, чем "богат и славен" Казахстан, о традициях, обычаях казахского народа, о его культуре и науке. Везде, где у меня были встречи с политическими деятелями, писателями, учеными, людьми самых различных профессий, они всегда проявляли большой интерес к Казахстану, особенно это было в мусульманских странах. Через произведения Мухтара Ауэзова, Габита Мусрепова, Габидена Мустафина, Дихана Абилева, Аб-дижамила Нурпеисова, Олжаса Сулейменова, Саина Мура тбекова, Абиша Кекильбаева и других за рубежом уже создавалось представление о нашей республике и ее народе, и поэтому все, что я говорил о Казахстане, воспринималось с повышенным вниманием.

В марте 1985 года ушел из жизни К. У. Черненко.

Процедура с выдвижением Генсека повторилась до деталей. Мы молча стояли в "накопителе", в помещении перед залом Политбюро. Когда все собрались, заняли свои места, поднялся Андрей Андреевич Громыко. Он и вынес предложение рекомендовать Генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачева. На этот раз молчаливых в зале заседаний не было. Все дружно выступили "за". Я тоже выступил и поддержал кандидатуру Горбачева. Было принято решение поручить Громыко от имени Политбюро *Щ* внести наше предложение на пленум ЦК
КПСС.

Здесь необходимо внести ясность. Оказывается, накануне в узком ругу состоялось заседание Политбюро, посвященное выдвижению Горбачева на должность Генсека. Об этом мне стало известно много времени спустя. На это заседание не были приглашены ни Щербицкий, ни Романов, и с запозданием был приглашен я, находившийся всего в четырех часах лета от Москвы. Проведение заседания в столь усеченном составе диктовалось тем, что сам Горбачев усматривал реальную

 опасность выдвижения другой кандидатуры при наличии всех членов Политбюро.

По моему мнению, такой кандидатурой мог быть Григорий Васильевич Романов, который мог составить серьезную конкуренцию Горбачеву. Я неоднократно встречался с Романовым в Алматы, был его гостем в Ленинграде, да и в Москве мы находили час-другой для дружеских разговоров. Убежден: это был крупный масштабно мыслящий организатор с острым аналитическим умом. По предложению Брежнева еще в 1973 году он был введен в состав Политбюро и там тогда был самым молодым. Романов возглавлял ленинградских коммунистов продолжительное время. Кроме того, мне импонировало то, что Ленинград являлся шефом ряда крупных предприятий Казахстана, посылал нам мощные трактора К-700 для целинных регионов республики. Немало молодых казахстанцев училось в учебных заведениях Северной Пальмиры, служило на Балтике. Наладились у нас великолепные взаимные связи и в сферах культуры и искусства, традицией стал регулярный обмен творческими коллективами. И во всем этом Романов был заинтересован очень по-доброму, душевно. Словом, самые искренние чувства я и по сей день испытываю к этому человеку...

Мне известно, что многие руководители республик и ряд членов Политбюро тоже благоволили к Романову. И об этом, конечно же, знал Горбачев. Поэтому он не захотел видеть на заседании Политбюро своего потенциального соперника, а заручившись мошной поддержкой Громыко и его единомышленников, добился нужного решения. Затем, уже на следующий день состоялось новое заседание Политбюро, на котором я присутствовал, о чьих решениях средства массовой информации сообщили на весь мир.

В недоброй памяти Горбачева я убедился еще раз, когда он, придя к безраздельной власти, в том же 1985 году поспешил отправить Романова на пенсию. Меня не пригласили и на это заседание Политбюро, и только на Пленуме ЦК я узнал, что Григория Васильевича "ушли" по состоянию здоровья.

После всех этих "дворцовых" комбинаций 11 марта состоялся Пленум ЦК КПСС, где будущего отца и архитектора перестройки (так льстиво стали называть Горбачева его подхалимы) единогласно избрали

Генеральным секретарем. А в апреле состоялся очередной пленум ЦК КПСС, на котором из уст Горбачева мы услышали о качественно новых задачах ускорения экономического и социального развития страны во всех сферах жизни нашего общества. Это программа получила название — перестройка и ускорение. Потом слово "ускорение" исчезло. На том пленуме членами Политбюро были избраны Лигачев и Рыжков.

В мае прошел наш пленум, где были определены задачи республиканской партийной организации по выполнению решений апрельского пленума ЦК КПСС и о созыве XVI съезда коммунистов республики. В республике начались отчетно-выборные партийные конференции райкомов, горкомов, обкомов. Я выступил на Лениногор-ской городской партийной конференции.

XVI съезд Компартии Казахстана был последним съездом, на котором я выступил с отчетным докладом ЦК. Я был уверен, что делегаты съезда от имени 800-тысячной армии коммунистов республики с достоинством и гордостью воспримут успехи Казахстана, с готовностью откликнуться на призыв решительней и целенаправленней повсеместно осуществлять перестройку, будут непримиримыми в борьбе с нашими ошибками, просчетами и головотяпством: знал, что у части коммунистов доклад может вызвать неоднозначную реакцию, поднимаясь на трибуну, представлял мысленным взором всю республику — высокоразвитую, экономически мощную, обустроенную, с возрожденной культурой и традициями — и понимал, что миллионы добросовестных труже-ников Казахстана видят эти перемены и разделяют мои чувства.

Я думал: мы, ветераны труда и партии, пережили много радостей и невзгод. Но вам, молодые, мы передаем сильную и цветущую республику. Берегите ее, и пусть он будет еще краше и могущественнее...

В отчетном докладе на XVI съезде было сказано, что в период после XV съезда партийная организация вела целенаправленную работу по выходу республики на новые рубежи экономического и социального развития. Активно наращивался научно-технический потенциал. На современном качественном уровне за отчетной период построено более 400 предприятий и производств. Еще более возросли роль и значение для страны Павло-**226** дар — Экибастузского, Каратау — Джамбулского, Ман-гышлакского территориально — производственных комплексов и других уникальных экономических районов. На финише пятилетки удалось переломить тенденцию к за-медлению темпов роста, повысить производительность труда.

На съезде было указано, что в республике осваиваются новые районы, где создаются промышленные центры, совхозы, проложены и прокладываются железнодорожные магистрали и современные автотрассы, новые каналы и тысячекилометровые водоводы. Построено почти 32 миллиона квадратных метров жилья. Почти пятая часть населения республики стала новоселами. Произошли значительные перемены в общественном производстве, в духовной сфере, в

повышении благосостояния населения республики. Критически оценивая итоги работы, отмечалось, что в нашей деятельности были серьезные упущения и срывы. В ряде отраслей слабо использовались основные фонды. На отдельных предприятиях еще были низки технико-экономические показатели и качество выпускаемой продукции, республика не обеспечила задание по производству и заготовкам ряда продуктов сельского хозяйства, главным образом хлеба. Это объясняется не только погодными условиями, но и нашими недоработками в аграрном секторе экономики.

Несмотря на недостатки, надо заметить, что за одиннадцатую пятилетку в закрома Родины было засыпано 63 миллиона тонн хлеба, или около четырех миллиардов пудов, 83 процента объема заготовок пшеницы составляли твердые, сильные и ценные сорта.

Выступивший с докладом по второму вопросу председатель Совета Министров республики Н. А. Назарбаев необъективно критиковал, например, Академию наук республики и ее руководство, а также сооружение в Ал-маты ряда объектов, имеющих большое значение для города. Он назвал исторический музей и другие объекты социально-бытового назначения лишними для города, ненужной тратой больших средств. И еще один существенный момент хотелось бы отметить: многие критические замечания, высказанные им, можно было с полным правом отнести к его собственной деятельности. Ведь он, являясь членом бюро ЦК с 1978 года, в течение пяти лет был секретарем ЦК по промышленности, а последующие два года — председателем Совмина Казахской ССР.

Конечно, одно дело, если критикуют по незнанию, сгоряча, но ведь Назарбаев — глава правительства. И возникает вопрос: куда смотрел Совмин? И почему он не поднимал эти вопросы раньше? Такую позицию трудно было понять.

В отчетном докладе ЦК была дана положительная оценка деятельности Академии наук республики. В ее работе безусловно были недостатки и недоработки, но оценивая в целом ее деятельность, можно сказать, что наша Академия стала одним из крупных научных центров нашей страны и вносила существенный вклад в развитие советской науки.

Ученые Академии провели значительную работу по развитию ряда перспективных фундаментальных и прикладных исследований, повышению их эффективности и качества, укреплению творческих связей с производством. Широкое развитие получили исследования, направленные на комплексное использование минерально-сырьевых ресурсов республики, количество внедренных в народное хозяйство законченных исследований и их экономический эффект более чем вдвое превосходили показатели предшествующий пятилетки.

Впервые здесь стала проводиться коммерческая реализация лицензий, контрактов за рубеж, разработок научных учреждений Академии, что свидетельствовало о высоком уровне этих работ, как правило, соответствующих мировых стандартам.

Было создано Центрально-Казахстанское отделение Академии в Караганде. Вышли в свет многие труды обществеведов-историков, философов, филологов и других специалистов, получивших высокую оценку общественности.

Возникл новые институты: сейсмологии, географии, молекулярной биологии и биохимии, уйгуповедения, органического синтеза и углехимии. Продолжали укрепляться союзные и международные научные связи АН КазССР, которая стала местом проведения крупных союзных и международных конференций и съездов.

Труд ученых был отмечен одной Ленинской и шестью Государственными премиями СССР, 24 Государственными премиями республики, двумя премиями Совета

Министров СССР. **228**

Академия пополнила свои ряды 19 академиками и 51 % членом-корреспондентом, заслуженно получившими эти высокие звания как признание их достижений в развитии науки. Выступившие по отчету ЦК съезду многие делегаты признали доклад "глубоким, принципиальным и самокритичным". Были и выступления, в которых я подвергался персональной критике (имею в виду выступление Ауельбекова).

Наверное, доля истины в этой критике есть. Только одно настораживало: совсем недавно, на прошедших пленумах и на предыдущем XV съезде этот же самый Ауельбеков так превозносил Кунаева, что слушать было неловко. Воистину, свои мнения он меняет в зависимости от обстановки и похож на подсолнух: куда солнце, туда и он. А точнее — такие люди всегда держат нос по ветру.

Выступление секретаря по идеологии Камалиденова было проникнуто духом "процентомании". Он резко критиковал руководителей вузов за высокий процент студентов из лиц коренной национальности. Это выступление вызвало однозначный отрицательный эффект среди общественности Казахстана.

Названные товарищи, конечно, работали "на публику", а вернее, на ЦК КПСС: вот, мол, какие мы смелые и независимые, имейте нас в виду...

Надо отметить, что эти выступления явились продолжением начавшийся против меня атаки "сверху" еще до съезда через центральную партийную прессу. Вплоть до моего ухода на пенсию

эта кампания длилась восемнадцать месяцев, а потом возобновилась заново. И это не только мое мнение. Об этом писала (вот уже откуда не ожидал поддержки!) в своей монографии "Казахи", которая вышла в 1987 году, американский ученый Марта Брилл Олкотт.

А в целом XVI съезд прошел по-деловому и стал заметной вехой в жизни республики.

Замечу, что несмотря на нападки, я был избран членом ЦК, а на пленуме — первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Из 1700 делегатов "против" проголосовало только двое... Работа съезда, главным рупором центра-газетой "Правда" освещалась крайне тенденциозно. Практически ни одного доброго слова о проделанной работе за отчетный период, а что касается негативных фактов и бездоказательной критики — тут газета расстаралась, собрала, кажется, все до крохи с помоек и выгребных ям. Не удивился этому: знал, какую "правду" ждут на Старой площади.

Республика готовилась к XXVII съезду КПСС. Ясно себе представлял, что это будет мой последний съезд, на который избран делегатом. Это объяснялось тем, что мне перевалило за семьдесят, возраст давно пенсионный и пора уступать место молодым. XXVII съезд КПСС был моим девятым подряд съездом. Приятно вспомнить, что на XIX съезде был просто делегатом, на XX— был избран в мандатную комиссию, а на всех последующих избирался в президиум и членом ЦК, XXVII съезд был пятым съездом нашей партии, где я избирался в состав

Политбюро ЦК КПСС. # ᴬ S I . *f* *.//Ж*

Любопытный факт. Во время работы съезда мне пришлось сопровождать 1 президента Румынии Чаушеску. Встречал и провожал его, и несколько дней мы с ним провели в тесном общении.

Вспоминая эти дни, хочется сказать,А что Чаушеску произвел тогда на меня весьма неприятное впечатление. Все время казалось, что он чем-то недоволен, был невероятно капризен и держался очень высокомерно. Когда мы обедали и ужинали, Чаушеску к предложенным ему блюдам даже не притрагивался. Прикрепленный к нему румынский официант подавал только свои блюда, в отдельной посуде, и даже воду для него наливали свою, привезенную из Румынии. По-моему, ясно, чего он боялся. Чаушеску уехал из Москвы, не дожидаясь окончания съезда.

Одной из основных задач после съезда было создание на Западе и Юге Казахстана мощного нефтегазоносного комплекса и удвоение добычи нефти и газа в республике против достигнутого уровня 1985 года.

Надо замел, «ъ, мое утверждение еще на XXIII съезде КПСС о том, что Казахстан станет одним из крупнейших нефтегазоносных районов

страны, практически подтвердилось. Вместе с увеличением добычи нефти и газа предусматривалось ввести крупные мощности по угледобыче и энергетике, ввести в эксплуатацию новые рудники, обогатительные фабрики, объекты черной и цветной металлургии, машиностроения, химии.

За двенадцатую пятилетку республика должна была прирастить такой же объем промышленного производст-**230** ва, на создание которого ушло четыре послевоенных пятилетки.

Для ознакомления с положением дел во вновь осваиваемых нефтегазовых месторождениях вылетел в западные районы республики.А Детально ознакомился с месторождением Тенгиз, одним из самых перспективных в мире,— это открытие было крупным успехом казахстанских геологов. К освоению Тенгиза большой интерес проявили иностранные фирмы. Работу здесь вместе с нами начали вести наши партнеры по Совету Экономической Взаимопомощи. Венгерские товарищи уже ввели в эксплуатацию жилой комплекс со всеми коммуникациями. В освоении богатств Тенгиза изъявили желание помочь более полутора сотен предприятий и организаций. Затем побывали в Кульсары, основном узловом пункте по освоению Тенгиза. Итоги нашего пребывания в Тенгизе и Кульсары были подробно рассмотрены на бюро Гурьевского обкома, где были намечены меры по усилению работ в * освоении месторождений, * Главный упор был сделан на вопросы улучшения быта занятых людей, на форсирование создания строительной базы и на вопросы, связанные с развитием железнодорожного узла Кульсары.

Из Гурьева вылетел в Кара-Чаган. Здесь уже добывался газ, который подавался на Оренбургский завод. Вместе с руководством Уральской области, нефтяниками и газовиками подробно рассмотрели ход выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров по быстрейшему освоению К ара-Чага на. |На заседании было высказано много замечаний в адрес Мингаза СССР по улучшению быта трудящихся и благоустройству станции Бурлы. Было принято решение за счет министерства развернуть строительство асфальтобетонных дорог, чтобы связать нефтеносные районы с областными центрами республики, а строительство возложить на Минавтодор Казахстана.

После Уральска, находясь в Целинограде (ныне Ак-мола), решили в целях ускорения освоения уникального месторождения Шубаркуль подчинить его объединению "Карагандауголь", где вскоре началась добыча открытым способом высококачественного бурого угля.

Возвращаясь в Алматы, осмотрели район, где намечалось освоение новых месторождений по добыче редких металлов в

Джезказганской области . Этот район я хочасовне, расположенной на нынешней улице Фурманова. Никольская церковь действует и сейчас.

По берегам Малой Алматинки выше Головного арыка были расположены дачи городской знати. Против Мохнатой сопки на правом берегу речки была дача губернатора Колпаковского, разрушенная во время землетрясения. Участок после этого приобрел Медеу Пусурманов, известный своей предприимчивостью. Сейчас здесь знаменитый спортивный комплекс "Медео". Ниже, в районе дома отдыха горсовета, была дача городского головы и других обеспеченных граждан.

В городе, основанном в 1854 году, чуть позже открылось первое почтовое отделение, а в 1868 году — областное правление и другие административные учреждения Семиреченской области. : В 1921, а затем снова с 1993 года городу было возвращено его старинное название — Алматы.

В связи с переводом столицы республики из Кзы-лорды, в городе развернулось строительство жилищно-коммунальных объектов, учебных заведений, больниц, промышленных предприятий, административных зданий. Началось строительство Дома правительства и Центрального телеграфа на Военной площади, где был снесен Военный собор.

Атеисты и их высокопоставленные руководители тогда не знали никакого удержу и в самые сжатые сроки снесли мечети, за исключением татарской, которую передали уйгурскому театру.

Чудом сохранились Кафедральный собор, Никольская и Троицкая церкви, хотя желающих уничтожить их было немало. В здании собора разместился исторический музей, а Троицкая церковь была передана тогдашнему казахскому филиалу АН СССР и впоследствии снесена. Также была снесена и синагога на углу улиц Пишпек-ской, Гостинодворской (ранее Училищной). Ликвидировали базары. Пошли на слом много хороших особняков, купеческих магазинов, украшавших и придававших ему удивительный колорит. Теперь-то понятно, что снос и ликвидация многих объектов были поспешны и ошибочны и, кроме вреда, ничего не принесли.

К 20-летию Казахстана в Алматы был построен Дом культуры на Пролетарской (ныне Зенкова) улице, где проходило торжественное собрание.

В годы войны мы с женой навсегда переехали в Ал-маты. Всякому, кто несколько лет не бывал в городе, сразу бросались в глаза перемены. Был построен Театр оперы и балета — по проекту архитектора Простакова. В клубе имени Дзержинского работал эвакуированный театр Моссовета, где впервые в стране был поставлен спектакль "Фронт" по пьесе Корнейчука. В помещении Дома культуры работала

эвакуированная объединенная киностудия "Мосфильм" и "Ленфильм". Шли съемки таких картин, как "Иван Грозный", "Котовский", "Парень из нашего города" и других.

По роду службы мне пришлось довольно близко познакомиться и часто встречаться с крупными деятелями советской культуры, находившимися в период войны в Алматы: Завадским, Мордвиновым, Марецкой, Черкасовым, Блиновым, Андреевым, директором киностудии Ки-во и многими другими. Связь с ними я с удовольствием поддерживал и после войны.

А наша столица, между тем, из маленького неблагоустроенного провинциального городка превращалась в один из крупнейших административных, экономических и культурных центров республики.

Скрывать не буду: Алматы — мой самый любимый город, и я с величайшим удовольствием участвовал в его застройке, создании архитектурных ансамблей, разбивке площадей, скверов.

Всю эту большую работу начали с центра города. Стали убирать ветхие деревянные и саманные дома. Вместо них строили многоквартирные и многоэтажные здания.

В 1961 году, Алматы посетил Хрущев, просили его помочь выделить деньги на жилищное строительство. Он помог и дал совет выбрать свободные участки и застроить их одноэтажными небольшими домиками. Строительство было поручено отдельными ведомствам и привлеченным организациям. Так в городе появились названные народом "хрущевские поселки".

В развитии города важную роль сыграло постановление Совета Министров республики "О комплексной застройке главных улиц, выездных магистралей в центре города".

За период с 1955 по 1985 годы в Алматы появились сооружения, удостоенные Государственных премий СССР и Казахской ССР, Совета Министров *СССР,* благоустроенные проспекты, улицы, площади, скверы; были построены нарядные дома, красивые административные здания, на самых больших и красивых площадях были установлены памятники — Ленину, видным революционерам Алиби Джангильдину, Амангельды Иманову, первому казахскому ученому Чокану Валиханову, великому просветителю и поэту Абаю Кунанбаеву, народному акыну Джмабулу, писателю Мухтару Ауэзову и другим.

Алматы был в ту пору городом новостроек, вызывающим восхищение зеленым нарядом, каскадами фонтанов, прямыми широкими улицами, уникальными зданиями и сооружениями.

С 1960 года с еще большим размахом развернулось строительство промышленных, социально-культурных и бытовых объектов, административных зданий и жилья. Образовались мощные строительные организации. Увеличилось число проектных

организаций. В республике началось строительство домостроительных комбинатов, предприятий по производству стройматериалов.

В решении насущных проблем самую активную работу проводили: председатель горисполкома, инженер Дуй-сенов, *Ж* начальник треста [44] Казжелдорстрой" инженер Казыбеков, опытные строители инженеры Лебедихин, Бекбулатов, Краснянский, Бейсенов, Красиков, Мусин, продолжительное время работавший генеральным директором АДК Новак. В развитие городского строительства внесли большой вклад известные архитекторы и инженеры-строители Ратушный, У хоботов, Басенов, Мендику-лов, Сейдалин, Кеппаров, Кацев, Хван, Ким До Сен, Баймурзаев, Лепик, Белоцерковский, Капанов, Монтаха-ев, Ергалиев, Ищенко и другие.

По вопросам благоустройства, коммунального хозяйства и озеленения городов республики надо отметить положительную работу руководства Минкомхоза — Ко-ноненко, Чернышева, Кисанова, а ныне — деятельность главы Алматинской городской администрации Нуркади-лова З. К.

За тридцать лет было построено и введено много уникальных объектов социального, бытового назначения, немало реконструировано проспектов и улиц. Обо всех новостройках рассказать невозможно, поэтому я попытаюсь остановить внимание лишь на некоторых из них.

Монументальным сооружением, построенным на месте снесенных старых деревянных казарм, является Дом **236** правительства, его сдали в эксплуатацию в июле 1958 года. В этом здании с проработал в качестве председателя Совмина и первого секретаря ЦК с июля 1958 по февраль 1980 года.

В 1980 году в феврале было построено здание ЦК Компартии Казахстана — в квартале улиц: Новая площадь — Фурманова — Мира (ныне ул. Желтоксан)— Аль-Фараби. Образовался новый центр города, который развивается до горных прилавков. Вся близлежащая территорию благоустроена и превращена в сквер с фонтанами.

Особое место среди уникальных построек Алматы принадлежит зданию Академии наук Казахстана, построенному по проекту архитектора Алексея Викторовича Щусева.

В 1955 году, кроме Оперного театра, столица республики не имела специального театрального здания. В клубе им. Дзержинского одновременно работали русский и казахский драматические театры, что создавало определенные неудобства. Кукольный театр, уйгурский театр вообще не имели никакого помещения. Кинотеатров тоже было мало. Не было современного стадиона, плавательных бассейнов, домов культуры. Крупная многомиллионная библиотека имени Пушкина размещалась в старом здании.

Учитывая значительный рост населения в городе, были построены кинотеатры "Арман", "Целинный", "Байконур" и другие. Сданы в эксплуатацию Казахский театр драмы на площади Коминтерна. Русский драматический театр имени Лермонтова — на пересечении проспектов Абая и | Абылайхана. После реконструкции вступил в строй Центральный концертный зал. Строители успешно закончили на проспекте Абая строительство цирка на две тысячи мест. Поднялись Дома культуры Алматинского хлопчатобумажного комбината на улице Правды (ныне пр. Алтынсарина) и домостроительного комбината на проспекте Абая. К шестидесятилетию Казахстана было сдано в эксплуатацию новое здание Казахского драматического театра имени Ауэзова на проспекте Абая на 1250 мест.

Для проведения торжественных заседаний, съездов, конференций и других многолюдных мероприятий жизнь потребовала сооружения здания с залом на **3** тысячи мест. После длительного ознакомления с проектами был

принят проект Рипинского и его группы, был построен Дворец республики.

Из спортивных сооружений города особое место занимают высокогорный каток "Медео", городской Центральный стадион, Дворец| спорта на 4500 мест, плавательный бассейн общества "Динамо".

"Медео" является первым в стране универсальным ледовым стадионом, предназначенным для проведения всесоюзных и международных соревнований по скоростному бегу на коньках и другим видам зимнего спорта. По единодушному мнению советских и зарубежных специалистов, спортивный комплекс "Медео" признан лучшим в мире и назван "международной ценностью".

Вообще надо сказать, физической культуре и спорту в Казахстане придавалось должное значение. Спортсмены республики добивались заметных успехов на всесоюзной и мировой аренах. Всего тут не перечислишь, каждого не назовешь. Но кто и сегодня не знает наших рекордсменов — боксера Серика Конакбаева, гимнастку Нелли Ким, борцов Валерия Резанцева, Шамиля Серикова, штангиста Юрия Зайцева, стрелка Александра Асанова, многих других призеров различных спартакиад и олимпиад. Не забывали мы и про военно-прикладные виды спорта, в том числе парашютный, самолетный, морское троеборье, биатлон и т. д. Укреплялся и республиканский Институт физической культуры. Но главное, конечно, видели не только в высших достижениях, но и в самой массовости, стараясь чтобы к физической культуре и спорту все приобщались, как говорится, сызмальства. И опять таки пример в этом показывала столица республики.

Был построек Дворец пионеров, расположенный на фоне гор Заилийского Алатау и прекрасно вписывающийся в окружающий ландшафт. В здании дворца — театрально-концертный зал на 800 мест, обсерватория, спортивный зал с бассейном, зимний сад. Здание рассчитано на одновременное посещение 2200 пионеров и школьников.

В связи с расширением контактов с зарубежными странами был построен для официальных приемов иностранных делегаций Дом дружбы.

Большие работы были проведены по реконструкции главных проспектов и улиц города. Расширились сеть действующих больниц. Укажем на некоторые из них: больница на 750 мест в западной части города, больница четвертого Управления Минздрава Казахской ССР, урологический корпус, онкологический

и туберкулезный институты. Началось строительство диагностического центра. Одним из замечательных объектов города стал водолечебный оздоровительный комплекс "Арасан", в переводе с казахского означающий — теплый источник. Он уникален в архитектурном и строительном отноше-
нии.

В культурной жизни города заметным событием явилась сдача в эксплуатацию в 1970 году нового здания библиотеки с 20 читальными залами, ныне Национальной. Библиотека оснащена современной техникой для хранения и быстрой доставки читателями нужных книг, общий фон которых составляет 4 миллиона экземпляров.

Было построено немало новых зданий для высших учебных заведений в столице республики. Очень хочется отметить, что к концу 1985 года были сданы в эксплуатацию главные объекты Государственного университета (ныне Национальный, имени Аль-Фараби), получившие название "Казгуград". Это городок с учебными корпусами, лабораториями, зонами спорта, комплексом учебно-производственных зданий, фундаментальной библиотекой, корпусами студенческих общежитий.

В 1977 году был построен в самые сжатые сроки Дом политического просвещения.

Для удовлетворения нужд города, а также приезжающих в столицу республики многочисленных гостей были построены крупный железнодорожный вокзал, аэропорт со всеми удобствами, автомобильные станции для междугородных и межрайонных сообщений.

К слову, Алматы первый в стране стал принимать сверхзвуковой пассажирской лайнер Ту-144. На воздушной трассе Москва — Алматы успешно прошел испытания первый советский аэробус Ил-86. Для размещения приезжающих возведены первоклассные комфортабельные гостиницы: "Казахстан" (25 этажей, высотою 107 метров на 1000 мест), "Достык", "Алма-Ата", "Отрар", "Алатау", "Джетысу", "Туркестан" и другие.

Город украсили крупные торговые предприятия: Центральный универмаг, Универсам, "Россия", "Казахстан", "Москва".

Одним из самых современных и благоустроенных рынков в Средней Азии и Казахстане стал Торговый

центр города, который включает в себя комплекс предприятий государственной, кооперативной и частной торговли.

В канун 50-летия Октября в городе был открыт монумент Славы и зажжен вечный огонь в парке 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Авторами замечательного монумента были молодые скульпторы Артамович и Андрю-щенко. В городе строилось МНОГОЙ жилья, началось освоение многих микрорайонов: "Самал", "Аксай", "Ал-магуль", "Айнабулак" и других.

Несмотря на сопротивление некоторых ответственных лиц, удалось завершить строительство Центрального республиканского музея. Музей строился по проекту архитектора Мустафиной и заслужил самую высокую оценку специалистов, ц Город получил замечательный подарок. Проект музея был вторым творческим успехом Муста-финой. Первый — здание Дома культуры Алматинского хлопчатобумажного комбината.

Недалеко от здания ЦК было построено уникальное здание Казтелецентра с несколькими залами, оснащенными современной техникой.

На горе Коктюбе смонтирован телецентр с башней оригинальной конструкции, со смотровой площадкой. По договоренности с ЦК КПСС был построен на базе местных минеральных источников санаторий "Алатау"— тогда один из лучших в стране.

Не удалось, к сожалению, завершить к концу 1986 года, когда я ушел на пенсию, строительство начатых уникальных объектов: музея Ленина, трехзального Дворца спорта, городской больницы на 1000 мест в западной части города.

Алматы, как столица суверенного государства, благоустроен, и располагает всем необходимым для приема и размещения государственных деятелей любого уровня, а также имеет мощную базу для проведения международник форумов в области культуры и науки с большим количеством участников.

Основатели города, выбирая для него место, надо полагать, предвидели природные удобства для городского строительства, красоту пейзажа, благодатный климат, наличие плодородной земли, горных рек для надежного водоснабжения. О том, что реки таили в себе грозный стихийный нрав, они могли и не знать. А опасность нависла над городом как "дамоклов меч" в связи с пери-

 одическим образованием селевых потоков, которые, проходя по руслам рек, особенно Малой Алматинки, сметали на своем пути все и вся.

Первый зарегистрированный селевой поток относится к 1887 году. Его вызвали ливневые дожди и землетрясение. Тот селевой поток прошел по нескольким улицам города Верного.

В 1889 году снова ливневые дожди привели к образованию селевой волны, и грязекаменная масса снесла несколько улиц города. В 1918 году в верховьях Алма-тинки потоком были снесены строения и мосты.

Сильные разрушения вызвал сель в 1921 году. И опять первопричиной был ливневый дождь. Грязекамен-ный поток прошел несколькими волнами. За шесть часов было вынесено около семи миллионов кубометров воды и более трех миллионов кубометров камня, песка и глины. Погибли люди, было уничтожено много строений, большое количество скота. Его следы можно заметить и сейчас. Отдельные крупные валуны кое-где остались в городской черте, как немые свидетели этого грозного природного явления.

Сильное таяние, особенно когда оно совпадает с ливневыми дождями, переполняет моренные озера. Размываются берега, и огромные массы воды устремляются по руслу, захватывая с собой грязекаменную массу и валуны. Так образуется селевой поток, где движущийся вал достигает высоты нескольких десятков метров, а скорость равна примерно 10 метрам в секунду. Эта грохочущая, бурлящая глиняная масса с валунами, объем которых достигает иногда десятков кубометров, на своем пути выворачивает с корнями деревья, над потоком висит грязевая пыль. Можно представить, какую огромную разрушительную силу несет такой поток. И эта угроза постоянно нависала над городом, беспокоила» заставляла думать о мерах, чтобы навсегда обезопасить город.

Работая еще заместителем председателя Совета Министров республики, по роду своей работы я принимал самое активное участие в решении этой проблемы.

Рассматривалось несколько вариантов сооружения плотины. Окончательно решение было принято такое: соорудить плотину направленным взрывом в Малоалматин-ском ущелье.

Вес заряда определили в 5291 тонну взрывчатки. Этим взрывом предполагалось создать плотину высотой

от 60 до 100 метров по проекту специалистов "Казглав-селезащиты".

Проект был утвержден, одобрен решением Президиума Академии наук СССР, но у некоторых сомнения оставались. Основания, надо сказать, были веские. Взрыв с большим зарядом вблизи крупного города проводился впервые в мировой практике, и,

конечно, это обстоятельство было одним из важных сдерживающих факторов.

Окончательное решение должно было принять правительство республики. Мнения членов правительственной комиссии разделились. Имея опыт взрывных работ, зная теорию расчетов, я был убежден, что взрыв особых осложнений не вызовет. Самое деятельное участие в подготовке и проведении взрыва принимал академик М. А. Лаврентьев. С ним мы еще раз взвесили все возможные отклонения, еще раз проверили расчеты и, наконец, пришли к выводу, что больших отклонений не может быть, и взрыв пройдет удачно. Позвонил Е. П. Слав-скому — министру среднего машиностроения, он также имел большой опыт в проведении взрывов, в том числе термоядерных. Он высказал мне свое категорическое суждение:

— Никого не слушай, хочешь, я тебе могу дать гарантию. Надо взрывать.

Общение с Лаврентьевым и Славским для меня стало как бы моральной поддержкой, укрепившей в окончательном и твердом решении. С большой настойчивостью и уверенностью стал убеждать членов правительственной комиссии, и решение в конце концов было принято.

Обсуждались и уточнялись многие детали, связанные со взрывом, на самых авторитетных совещаниях с участием крупнейших ученых страны — академиков Лаврентьева, Садовского, Мельникова, Христиановича и при активном участии авторов проекта.

Обстановка сложилась такая, что город буквально жил готовящимся взрывом, он стал главным событием, которого ждали с большим волнением, так как нашлись и "теоретики сомнения", доводы которых прождали нежелательные слухи.

Мы вместе с руководителями взрыва и членами правительственной комиссии на месте осмотрели заложенные заряды и всю подготовку к взрыву.

21 октября 1966 года в 11 часов произошел взрыв. Я в то время находился в доме правительства. Мы ощутили два небольших толчка. Взрыв не произвел никаких разрушений, и только в зданиях, расположенных на расстоянии до 1200 метров от эпицентра, откуда на всякий случай все были эвакуированы, местами обвалилась штукатурка.

Взорванная скала легла в тело плотины, как и было предусмотрено расчетами, а образовавшиеся от взрыва раскаленные газы быстро поднялись вверх и рассеялись. За пределами двух километров никакой воздушной волны почти не было.

14 апреля 1967 года под величавые звуки передаваемой по радио Первой симфонии Чайковского был произведен второй направленный взрыв камерных зарядов, уложенных в левобережье скалы. И, таким образом, было образовано основное тело селеудерживающей плотины.

Это еще раз показало несостоятельность возражений против взрыва некоторых ученых и журналистов, которые убеждали жителей, что взрыв разрушит город и пострадает, его население. Такие статьи, в которых отсутствует осмысленный фактический материал, а преобладают эмоции авторов, особенно вредны для общественности, когда приходилось принимать трудные и ответственные решения.

В 1973 году 15 и 16 июля на плотину, словно проверяя ее на прочность, обрушился мощный сель.

Селевой поток возник от прорыва моренных озер ледника Туюксу, расположенных на высоте 3300 метров над уровнем моря.

Селевая масса в объеме трех с половиной-четырех миллионов кубометров была задержана плотиной. 16 июля прошла вторая волна селевого потока, вероятно, в результате обрушения подмытых первым потоком берегов реки Малой Алматинки, и общий объем селевой массы, скопившейся в селехранилище, составил около пяти с половиной миллиона кубометров.

Плотина выдержала и этот могучий удар. От разрушения была спасена вся восточная часть города. В эти трудные дни мне самому пришлось возглавить очень ответственную работу по предотвращению последствий селевого потока и созданию условий для спокойной жизни и работы населения города.

В 1975 году были начаты и в 1980 году закончены селезащитные работы по реке Большая Алматинка...

Вот так была решена эта довольно сложная инженерная и грозная для столицы проблема. Теперь, осмысливая все, что было сделано, возвращаясь к обстановке, в которой принимались решения, можно сделать вывод, что это стало возможным благодаря тому, что республика располагала квалифицированным научным и техническим персоналом. При этом надо отдать должное главным образом авторам проекта и тем, кто осуществил взрыв, т. е. коллективу "Казглавселезащита".

Плотина на Малой Алматинке красиво вписалась в Малое Алматинское ущелье и вместе с высокогорным катком "Медео" стала одним из уникальных комплексов Алматы, любимым и наиболее посещаемым местом отдыха для горожан и туристов.

Надеюсь, буду правильно понят читателями, если признаюсь, что с юных лет испытываю особое почтение к представителям культуры и искусства. Был и остаюсь преданным поклонником театра, почитателем хорошей музыки, любил посещать картинные галереи и выставки, ну и, конечно, как и многие, с большим удовольствием зачитывался талантливыми, умными книгами. Едва ли открою что-либо новое, если скажу: стремителен был взлет культуры и искусства Советского Казахстана. В числе первых деятелей советского искусства, кому были присвоены звания народных артистов СССР, была знаменитая казахская певица Куляш Байсеитова. Бесценный вклад в развитие национальной хореографии внесла Шара Жиенкулова. Немало сделано для становления казахской драмы и кинематографа народными артистами Союза ССР Ш. Аймановым, К. Куанышбаевым, Е. Умурзаковым, И. Ногаибаевым, Х. Букеевой, С. Майка-новой, Ф. Шариповой, В. Харламовой, Е. Диордиевым, А. Ашимовым, Ш. Джандарбековой, А. Мамбетовым.

У истоков создания казахской оперы и драматического искусства стояли такие мастера сцены, как К. Жандарбеков и К. Байсеитов.

Известны далеко за пределами нашей республики мастера оперной сцены — Бибигуль Тулегенова, Ермек Серкебаев, Ришат Абдуллин, признанные и любимые народом Р. Джаманова и Р. Багланова, народный артисты республики Б. Досымжанов, Х. Калиламбекова, Р. Жу-батурова, Н. Каражигитов, Х. Есимов, С. Тыныштыгулова, н. Нусипжанов; драматической — К. Бадыров, К. Кармысов, А. Молдабеков, Н Жантурин.

Расцвет казахской оперы и симфонической музыки связан с творчеством композиторов А. Жубанова,§ **Н.** Брусиловского, Л. Хамиди, Г. Жубановой, Е. Рахмадие-ва, в национальную хореографию весомый вклад внес Б. Аюханов.

Необходимо отметить мастеров изобразительного искусства, народных художников А. Кастеева, К. Тельжа-нова, С. Мамбеева, М. Кенбаева, Г. ИсмаиловуЦ А. Галимбаеву; скульпторов Х. Наурызбаева, Т. Досмагам-бетова, Е. Мергенова и других.

В многожанровой литературе Казахстана появились замечательные произведения, которые стали известны всесоюзному читателю,— это романы *И..* Есенберлина, Т. Ахтанова; произведения русских литераторов И. Шухова, Дм. Онегина, И. Щегол и хина, М. Симашко, Ю. Плашевского, популярных поэтов — А. Тажибаева, Х. Ергалиева, Х. Бекхожина, А. Серсенбаева, М. М а Катаева, Г. Каирбекова, К. Мырзалиева, Ф. Унгарсыновой, Т. Абдрахмановой, М. Хакимжановой и многих других.

Особенно хотелось бы выделить Олжаса Сулейменова и Мухтара Шаханова, чье творчество получило большое признание в нашей республике и за рубежом. Всем известна и их активная гражданская позиция, связанная с общественной деятельностью по экологическим и острым политическим проблемам.

Как праздник отмечали в республике присвоения звания Героя Социалистического Труда одному из зачинателей казахской советской литературы Габиту Мусре-пову и старейшине национальной сцены Серке Кожамкулову. Чуть позже это звание было присвоено Ермеку Серкебаеву и Бибигуль Тулегеновой, которая стала также лауреатом Государственной премии Союза ССР вместе с писателем Абдижамилом Нурпеисовым и группой работников Казахского академического театра драмы имени Ауэзова, поэтом Джубаном Мулдагалие-вым. О популярности наших мастеров сцены свидетельствует и такой факт; звания академических присвоены Республиканскому русскому театру драмы имени Лермонтова и Оркестру народных инструментов имени Кур-мангазы.

Хотелось бы особо отметить народного артиста СССР композитора Нургису Тлендиева, чьи песни и музыкальные композиции, как и его ансамбль "Отрар сазы", горячо любимы в народе и пользуются заслуженным признанием. Значительным событием в музыкальной жизни республики явились произведения композиторов Ш. К алла якова, Б. Хасангалиева, А. Бейсеуова, С. Мухамеджа-нова, К. Кумисбекова, Т. Мухамеджанова и творческая деятельность народных артистов СССР дирижера Ш. Кажгалиева, хормейстера А. Молодова.

Отрадно, что наша творческая молодежь глубоко осознает свою ответственность перед обществом, перед искусством и вносит весомый вклад в духовную культуру нашей республики. Республике и за ее пределами хорошо известно исполнительское творчество замечательно певца, народного артиста СССР А. Днишева, а также Р. Рымбаевой, М. Жунусовой, Н. Усенбаевой, скрипачек А. Мусаходжаевой и С. Бисенгалиевой, пианисток Ж. Аубакировой и Г. Кадырбековой, балетмейстера Р. Бапова, виолончелиста Ю. Гусева, дирижера Т. Абдрашева, первого руководителя и организатора эстрадного ансамбля "Гульдер" Г. Галиевой и других талантливых представителей творческой молодежи.

Наши артисты получили заслуженные признание, бывая на гастролях во многих странах Европы, Азии и Америки, которые всегда проходили с большим успехом.

За эти годы динамично развивалась культуры уйгурского, узбекского и татарского народов, советских корейцев, немцев, дунган, чеченцев, ингушей, представителей других народов, проживающих в Казахстане. В этой связи хотелось бы отметить творчество композиторов — народного артиста СССР уйгура К. Кужамьярова, дунганина Б. Баяхунова, и художника — дунганина М.-У. С. Паншаева.

Набрал силу процесс культурного взаимообгащения народов Казахстаг~ с представителями культур союзных республик. Этому способствовало проведение декад и дней литературы и искусства братских народов в нашей республике. Эти декады включали в себя широкую программу, показывая лучшие образцы национальной культуры, и способствовали укреплению дружбы между народами. К этому же можно отнести регулярные приезды на гастроли в Ал маты ведущих театральных коллективов Москвы и Ленинграда: Большого театра СССР, Малого театра, Большого драматического театра под руководством Товстоногова, Театра сатиры, "Современника", Театра Моссовета, Театра имени Вахтангова, Театра на Таганке, МХАТа и многих других.

Расширению сети учреждений искусства в республике всегда уделялось особое внимание. Только за последние годы созданы театры и филармонии в Аркалыке, Джезказгане, Шевченко, Темиртау, Талдыкоргане, Кок-четаве. Построены здания Государственного музея искусств Казахской ССР, выставочного зала Союза художников в столице, Дома художников в Шымкенте, построен Дом издательств в Ал маты, открыты новые книжные издательства "Жалын", "Онер", новые музеи в Ал маты, Семипалатинске и других городах. К большому сожалению, не удалось завершить строительство немецкого театра и нового здания для уйгурского и корейского театров.

Значительным событием в культурной жизни республики была организация Казахского музея народных музыкальных инструментов. Сначала он размещался в старом особняке на улице Панфилова, а затем был переведен на Пролетарскую (ныне улицу А. Зенкова) в отреставрированное здание бывшего Офицерского собрания. Музей пользуется большой

популярностью, и его посещают многочисленные зарубежные гости, приезжающие в столицу.

Была образована Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, которая выступила в свет "Казахскую Советскую энциклопедию" в двенадцати томах и другие издания такого плана.

Не знаю, будет ли кто отрицать тот очевидный факт, что мы старались всегда заботиться о деятелях нашей культуры и в бытовом плане. Помню, как после успешных выступлений за рубежом и в братских республиках, была изыскана возможность только в Алма-ты сразу выделить участникам этих выступлений сто квартир. Когда обращались с такими вопросами ко мне, я по возможности, шел навстречу, если действительно человек остро нуждался. Ведь что и говорить, бывало, иные пользовались моментом, чтобы незаслуженно получить жилье.

Со многими деятелями литературы и искусства, как говорилось выше, меня связывали добрые и дружеские отношения. Например, с давних пор знал писателя Иль-яса Есенберлина, когда еще он работал инструктором ЦК. Занимаясь творческой деятельностью, он вместе с тем работал директором оперного театра, позднее филармонии имени Джамбула. Он был несправедливо осужден, и. когда вышел из заключения, не заходя к себе домой, пришел ко мне в Совет Министров, помощь ему была оказана. В последующие годы наши связи укрепились, всегда старался во всем помочь ему. После выхода трилогии "Кочевники" Есенберлин подарил мне один на первых экземпляров этой книги. Как известно, эта эпопея получила высокое признание республиканской и союзной общественности.

За несколько лет до кончины писатель принес мне рукопись своего романа "Лодка, переплывающая океан". Внимательно прочитал рукопись, сделал ряд замечаний, высказал свои пожелания. Есенберлин хотел доработать роман, но ни при жизни, ни после смерти художника роман не вышел в свет по неизвестными мне причинам.

Очень часто мы встречались с выдающимся мастером сцены, актером, режиссером Шакеном Аймановым. Он рассказывал мне о своих творческих планах, делился своими мыслями. Последняя наша встреча состоялась за товарищеским ужином в гостинице "Казахстан" в Москве. В нашей беседе принимал участие и Андрей Михал-ков-Кончаловский. В кинозале постпредства мы первый раз посмотрели их совместную работу — кинофильм "Конец атамана". Выдающийся представитель нашей культуры трагически погиб в

Москве в расцвете творческих сил. Учитывая его особую роль в становлении казахского кино, его имя было присвоено киностудии "Казахфильм"

И еще хотелось бы сказать вот о чем.

Несомненно, чувство большого удовлетворения вызывает возвращение казахской культуре творчества таких выдающихся ее деятелей, как Шакарим, М. Жумабаев, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ж. Аймаутов, без которых сейчас невозможно представить казахскую литературу-

Переосмысление значение их творчества — это сложный политический процесс, связанный с переоценкой многих аспектов отечественной истории и истории Казахстана*

Однако надо сказать, что решение этого вопроса могло бы произойти и несколько раньше, если бы общественность Казахстана более решительно и настойчиво их поднимала, ставила перед директивными органами.

Здесь же порой имели место весьма противоречивые оценки, наблюдалось и серьезное противодействие в положительном решении этой проблемы.

Неправомерно представлять наши отношения с творческой интеллигенцией, как это сейчас нередко делается, только лишь в негативном плане. Во всяком случае, что касается меня, я всегда старался содействовать талантливым людям. Какой бы мировоззренческой "веры" они ни были. Помню, как рассказали мне о том, что до сих пор в незавидном положении находятся пострадавшие от бериевских репрессий писатели Юрий Осипович Домбровский и Николай Алексеевич Раевский. Нелепые придирки чинила цензура также другим писателям, журналу "Простор" и т. д. Не сразу, но общими усилиями ситуацию удалось перемогать к лучшему. В то время, когда в стране из Домбровского делали "инакомыслящего" и практически не печатали, в Алматы у него вышла замечательная книга "Факел", несколько солидных переводов, в том числе произведений Ильяса Есенберлина, а еще раньше были опубликованы фрагменты из его антикультовых романов "Хранитель древностей" и "Факультет ненужных вещей"** В прошлом офицер белой армии, эмигрант, Николай Раевский издал в Алматы великолепные труды о Пушкине и его эпохе. Среди них— "Если заговорят портреты"и "Портреты заговорили".

Увидели свет интересные публикации Николая Грин-кевича — о Шаляпине, Собинове, выдающемся казах-асом певце — импровизаторе Амре Кашаубаеве, многих других колоритных фигурах прошлого. По нашей рекомендации ему были улучшены жилищные условия, открыт народный музей на основе его уникальной коллекции. О своем близком друге — национальном ге-

рое греческого народа Никосе Белоянисе издал в Алма-ты книгу Николай Гусев. Его пьесу "Человек с белой гвоздикой" поставил столичный Театр юного зрителя. Во всем этом был известный риск, ибо главный идеолог Суслов начертал на рукописи Гусева: "Несвоевременно!" В издательстве "Казахстан"вышли на немецком и русском языках книга Вагнера об Ассельборне и его сподвижниках, поддержанная казахстанской немецкой газетой "Фрайндшафт", журналом "Простор", автором известной книги "Брестская крепость", лауреатом Ленинской премии Сергеем Смирновым. По нашему настоянию было

оперативно пересмотрено необъективное решение об отказе писателю Ивану Шухову в присуждении Государственной премии Казахской ССР за цикл повестей "Пресновские страницы".

Подобных фактов было великое множество. Обо всем этом можно написать отдельную книгу — и не одну. Короче, двери моего рабочего кабинета всегда были открыты не только для "инженеров человеческих душ", но и для всех деятелей искусства культуры и науки республики. Я думаю, что никто из ныне здравствующих из них не будет отрицать этого. Другое дело — не всегда удавалось все так, как хотелось бы. Но это уже — иной разговор.

л л л

В настоящее время совершенно закономерно подняты вопросы, связанные с экологией. В республике действует штаб по защите и сохранению Аральского моря и озера Балхаш.

Большая работа развернута по запрещению ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне движением "Невада — Семипалатинск", которое возглавляет известный поэт Олжас Сулейменов.

Наверное, и мне, ныне пенсионеру, надо ответить на ту часть жгучих вопросов, которые волновали и волнуют моих земляков-казахстанцев и не только казахстанцев.

Ну вот, например, такой вопрос. Что вы делали и думали, когда у республики забирали землю под военные полигоны? Неужели, удивляется нынешнее поколение, не **р.** спрашивали разрешения ни у Совета Министров, ни у Бюро ЦК Компартии Казахстана?.. То время помню достаточно отчетливо, работал тогда зампредом Совета Министров. Всех деталей, разумеется, мог и не знать. Но знаю, что в каждом конкретном случае команда поступала из Москвы. В ней категорически предлагалось отвести какую-то территорию и указывался срок, к которому её надо было очистить от аулов, деревень, чабанских зимовок. Эти команды исполнялись безоговорочно. Оно и не удивительно. Постановление об отчуждении казахстанских земель для военных целей было подписано лично Сталиным.

Аналогично было и с владениями "государства в государстве"— НКВД — МВД СССР. Какие там господствовали порядки и нравы, повторять, думаю, нет резона. Достаточно обратиться к таким произведениям Солженицына, как "Один день Ивана Денисовича" и "Архипелаг ГУЛАГ", где немало казахстанских "зарисовок". Наиболее мрачную известность снискал себе так называемый Карлаг — Карагандинский исправительно-трудовой лагерь особого режима, в самом начале своего существования замаскированный под Карагандинский совхоз ОГПУ СССР. Известная советская

писательница Галина Серебрякова, автор многих произведений о женщинах эпохи французской революции, жизни Маркса и Энгельса, своих современниках, рассказывала мне в начале 70-х годов о "прелестях" этого ада, сквозь который пришлось пройти и ей. 26-я точка Карлага носила название АЛЖИР. Оно расшифровывалось просто* Акмолинский лагерь жен изменников Родины. В нем томились сестры, жены, дети видных советских полководцев, партийных и государственных деятелей, расстрелянных в ходе сталинских репрессий — Тухачевского, Гамарника, Пятницкого, Крестинского, Енукидзе, многих других.

В таких случаях никаких вопросов не задавалось, и ни один человек — и тогда, и много лет спустя не выступал против. Так было с Семипалатинским полигоном, был еще и Уральский и другие полигоны. Правда, уже после того, когда началась серия испытаний, руководители полигона и генералы стали участвовать в наших конференциях, проходили прямо в ЦК, докладывали — как и что делается. Информация шла самая благодушная. Думаю, что в какой-то степени она была искренняя. Специалисты тогда и сами, по-моему, не до конца представляли, насколько страшные "военные игры" они затеяли на казахстанской земле.

Теперь стало известно, что первые испытания, становление Семипалатинского полигона осуществлялись под руководством Лаврентия Берии. Он наездами жил на полигоне, но встретиться с ним тогда не мог ни один руководитель республики.

Волнует казахстанцев и другой вопрос — зловещий для атомного производства — его отходы. Ответственные заявляю, что не подписал ни одного акта о захоронении атомных отходов на территории республики. Значит ли это, что их нет в Казахстане? Исключать это как вероятность я бы не стал. Военное ведомство, особенно в недалеком прошлом, решало многое в очень узком кругу, особенно на той территории, которая безраздельно принадлежала этому ведомству.

Кстати, было время, когда в стране получило широкое распространение строительство атомных электростанций. На меня тогда оказывалось давление со стороны Министерства среднего машиностроения, чтобы в Казахстане осуществить размещение ряда станций подобного типа, в частности в Джамбулской области. Однако удалось под разными предлогами решительно воспрепятствовать осуществлению этих проектов, которые вызывали сомнения в безопасности населения.

Касаясь проблем, связанных с Аральским морем, понимал, что его гибель будет означать непредсказуемые и страшные последствия,

причем не только для жителей данного региона. Будет создана прямая угроза освоенной целине, и страна может остаться без хлеба.

Проблемой Арала я занимался вплотную очень давно и неоднократно поднимал вопрос о его спасении на самых различных уровнях. Но все мои усилия ни к чему не приводили, и мои запросы оставались без внимания. Тогда решил вопрос об Арале поднять на самом высоком уровне и сказать об этом в своем выступлении на XXV съезде КПСС. Это было 25 февраля 1976 года.

Дальше, уже имея поддержку со стороны руководителей Узбекистана и Минводхоза СССР, я и на XXVI съезде говорил о проблемах, связанных с гибелью Арала. После этого союзным руководством было принято решение о двухпроцентном заборе воды из сибирских рек для стабилизации уровня Аральского моря. Это решение позволило бы работникам сельского хозяйства значительно увеличить производство продуктов полеводства и животноводства на территории Кустанайской, Ак-тюбинской и Кзыл-Ординской областей. Но впоследствии, как уже всем известно, решение о двухпроцентном заборе воды было остановлено и не было проведено в жизнь. Не посоветовавшись с Казахстаном и среднеазиатскими республиками, Центр односторонне отменил ранее принятое решение.

Кроме того, тут чересчур перестаралась наша громкоголосая пропаганда. Всего лишь двухпроцентный забор воды она эффектно объявила очередным эпохальным свершением, назвав его великим поворотом сибирских рек. Это неумное, лишенное всякой научности гигантское преувеличение, всполошило на менее громкоголосых дилетантов. В тонах, прямо скажу, сверхэмоциональных с больших и малых трибун в газетах и журналах, на телеэкранах, сколь звучно, столь и бездоказательно они принялись рьяно бить во все колокола. При этом возвещалось: в случае "поворота рек" стране и миру не избежать гигантских бед и даже конца света.

Грустно все это. Вот бы всю эту неумную энергию да на спасение Аральского моря и многих тысяч детей, женщин, стариков, страдающих там от безводья и болезней страшней, чем на любом из ядерных полигонов планеты. Тем паче, что в мировой практике орошения двухпроцентный забор воды — явление абсолютно нормальное. И у нас никто и никогда не собирается поворачивать сибирские реки. Они, как текли, так и, пока вращается Земля, будут течь в своем вековечном направлении. Невольно опять приходят на ум аналогии. Все мы неизбежно потеряли бы столицу Казахстана -прекрасный города Алматы в результате смертоносного

грязекаменного потока с гор — селевой катастрофы (и не одной!), если бы вняли "аргументам** дилетантов, даже объявлявших голодовки в знак протеста против устройства уникальной антиселевой плотины. Но мы плотину возвели, и город был спасен от неминуемой гибели. А целина? Сколько было самых влиятельных противников ее подъема и освоения! Послушались бы их — сидели бы без хлеба. Теперь такая же получается мрачная перспектива в результате взаимосвязанных между собой факторов — повторю еще раз: потеряем Аральское море — поднимется с его высохшего дна страшной силы соляные бури и смерчи, пропадет из-за них, переносимых на сотни и сотни километров, вся целина — и не только казахстанская.

Ныне журналистами широко и подробно освещаются негативные последствия, связанные с гибелью Аральского моря. Созданы комитеты по его спасению, проведены многочисленные конференции, симпозиумы, заседания на разных уровнях, посвященные этим проблемам. Однако, все это никаких действенных результатов и не дало и в обозримой перспективе, как это ни печально, положительных сдвигов не намечается. Поэтому, по моему мнению, необходимо вернуться к проекту о двухпроцентном заборе воды из двух сибирских рек.

Насчет * Балхаша можно подтвердить правильность принятых мер. Капчагайское водохранилище должно быть сохранено в объеме 13-13,5 миллиарда кубических метров. Балхашу не грозит исчезновение, только за последние полтора года уровень воды поднялся выше чем на один метр. Для сохранения и чистоты балхашской воды надо запретить промышленным предприятиям сбрасывать отходы производства в озеро, а также стимулировать экономический расход воды.

Что касается Большого Алматинского канала, то его несомненная польза и высокая экономическая отдача уже доказаны на практике. Строительство канала надо продолжить до проектного задания. В конце канала необходимо дополнительно построить еще несколько совхозов по производству овощей, что благотворно отразится на снабжении алматинцев и необходимой продукцией.

Сегодня такие признания не в почете, но тем не менее, я хочу подчеркнуть, что в развитии всех отраслей народного хозяйства, в росте культуры и благосостояния народа неоценимую помощь мы получали от правительства, всех братских республик и, конечно, от первых руководителей страны.

Особое внимание, как уже говорилось, республике оказывал Брежнев. После XX съезда, когда он был избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и его секретарем, связь с республикой Брежнев не порвал. За период своей работы в Москве он восемь раз приезжал в Казахстан. Встречаясь с партийным активом, тружениками различных отраслей народного хозяйства, вдумчиво знакомясь с положением дел на местах, он словом и делом помогал республике в решении насущных задач. В последний приезд в 1980 году Брежнев по моей просьбе дал поручение приступить к проектированию и строительству метро в Ал маты. Не раз я его встречал в сопровождении маршала Гречко на космодроме Байконур. Вместе с ним мы принимали на Байконуре Шарля де Голля, Жоржа Помпиду. Один раз Брежнев приехал на Байконур со всеми членами и кандидатами в члены Политбюро, руководителями всех социалистических стран.

Особый разговор о космодроме Байконур. Здесь можно отметить, что при помощи всех союзных республик на земле Казахстана создано уникальное творение науки и техники, завоевавшее высокий авторитет во всем мире.

По-моему, все космонавты, наши и зарубежные, не вправе быть в каких-либо претензиях к Казахстану и казахстанцам. Акция запуска на орбиту казахских космонавтов была в свое время проработана нами и активно поддержана Брежневым, безоговорочно согласившимся с нею и предложенными тогда кандидатурами на космический полет. Этот полет состоялся позже, и, как говорится, в других лицах, и с точки зрения Вечности, дела не меняет, но очень жаль, что по независящим от меня обстоятельствам, Казахстан не сделал этого раньше, хотя и мог, Осуществление космических программ и запуски с Байконура приносят и будут приносить, несомненно, огромную пользу в деле научных исследований, развитии космонавтики и в вопросах, связанных со многими сферами народного хозяйства республики.

Брежнев, несомненно, внес солидный вклад в подъем производительных сил Казахстана. Ради ясности надо сказать, что не все критические замечания в адрес Брежнева были объективными и справедливыми. Об этом я хотел бы сказать чуть подробнее.

Леонид Ильич любил острое меткое слово, хорошую шутку и обладал способностью располагать к себе окружающих. Вместе с тем он был осторожным человеком, с упреждением относился к своим помощникам и к людям, с которыми по долгу службы встречался довольно часто. Тех, кто назойливо стремился быть поближе к нему, вовремя одергивал. Как-то при встрече» это был в начале 1965 года,

пришел к нему в ЦК, на Старую площадь. Брежнев был явно чем-то расстроен. Кивнув мне, он продолжал говорить с кем-то по телефону очень строгим и сердитым тоном. После того как телефонный разговор закончился, корректно сказал Брежневу, что высокому начальнику нельзя так сердиться, и напомнил ему старую поговорку: "Когда руководитель ругается и кричит, то становится смешным, а когда он молчит, становится страшно".

Брежнев ответил мне, что бывает по-разному: "Когда тебя окружают подхалимы,— сказал он, — нечистоплотные люди, или такие, которые строят из себя корифеев, а внутри пустые, то трудно спокойно смотреть на это. Одного такого я сейчас предложил Суслову вывести из моего окружения. Вы его не знаете. Он был

в команде Хрущева, теперь повсюду распространяется, что это он писал все его доклады, во всем ему советовал и чуть ли не помогал ему руководить страной. Это некий Бурлацкий".

Вот такой у нас состоялся разговор.

В своей повседневной деятельности Брежнев — и это не секрет — опирался и полагался на узкую группу лиц из московского окружения. Во многих его недостатках, упущениях, недоработках большую долю ответственности должны нести именно эти товарищи. Учитывая высокий авторитет Брежнева в то время, они не думали о его замене. Их он устраивал по всем статьям.

Леонид Ильич в последние годы своей жизни был тяжело больным человеком, не мог в полной мере осуществлять свои обязанности. Поэтому он полностью доверился указанной выше группе. Подготовленные ими предложения и мероприятия как внутренней жизни страны, так и в международных делах он безоговорочно одобрял.

Немалую долю ответственности, считаю, несут руководители отделов и отраслевые секретари ЦК. Хотя, и это надо признать, многие даваемые на места указания Политбюро и Генерального секретаря были совершенно точными и правильными. К сожалению, в результате слабого контроля (особенно в последние годы) со стороны ЦК многие постановления ЦК и Совета Министров не выполнялись. Например, так произошло с

На Карагандинском металлургическом заводе

С Л. И. Брежневым, август 1972 г.

В гостях у знатного чабана Ж. Куанышбаева.

сию Шелепина. Мы знали его как признанного руководителя комсомольцев страны, который был инициатором создания молодежных студенческих отрядов, сделавших очень много по строительству целинных совхозов у нас в республике. Шелепин сам часто приезжал в республику и принимал активное участие в работе комсомола Казахстана. Также он много полезного и нужного сделал, работая председателям КГБ СССР.

Когда Шелепин работал в ЦК КПССЖпомню, он всегда внимательно относился и решал оперативно вопросы, поставленные перед ним. Не боялся ответственности. Его перевод на профсоюзную работу, потом заместителем председателя комитета по трудовым ресурсам, а затем на пенсию мне до сих пор неясен. Слухи слухами, но никто не мог мне объяснить истинную причину отстранения Шелепина от активной работы.

Непонятным и неоправданным, на мой взгляд, было освобождение от работы члена Политбюро, первого заместителя председателя Совета Министров Полянского. Он имел хороший контакт со многими руководителями на местах и успешно — и это не только мое мнение — справлялся со своими обязанностями. Но вот подсказали Брежневу, что с Полянским надо расстаться, и он согласился. Полянского "ушли".

Возьмем другой аспект. Это о тех, кто направлялся в республику с "путевкой ЦК" и рекомендовался секретарями ЦК, крайкомов и обкомов партии. Эти люди, занимая высокое положение, практически ничего не сделали для республики и по указанию того же ЦК были освобождены от работы и откомандированы в Москву.

С Н. Головацким на полях колхоза "40 лет Октября"

Так было с Соломенцевым, Родионовым? Соколовым, Коломийцем и многими другими "варягами", чей приход и уход оставил равнодушной общественность республики.

Брежнева обвиняют в высылке отдельных деятелей культуры и литературы за границу. Об этом написано немало. Ради справедливости надо сказать, что не он был конкретным преследователем этих людей. Органы Госбезопасности и их руководители направляли справки, докладывали письменно и устно, доказывали "вредность их деятельности для нашего строя", убеждали в необходимости их высылки. Он им доверял и подписывал указы. В этом была его ошибка, и подводила его излишняя доверчивость.

Сейчас время гласности, и все дружно обвиняют Брежнева в том, что он дал согласие на ввод войск в Чехо-Словакию в 1968 году, затем в Афганистан в 1979 году. Согласие-то он дал, но ведь были силы, мощные силы, которые подтолкнули и даже заставили его принять эти решения. Ведь это же была известная московская группа, и в печати даже были указаны] их фамилии.

. Эти крайне непопулярные меры отрицательно сказались на репутации Брежнева, но ведь было бы неверным представлять его международную деятельность только в мрачном свете. Весь мир — по праву — выделял роль Брежнева в продвижении процесса разрядки международной напряженности. А исторические соглашения в Хельсинки? А договоры с США об ограничении стратегических наступательных вооружений? И этот список нетрудно продолжить.

Давая оценку деятельности Брежнева, я исходил прежде всего из его отношения к нашей республике. А оно было одновременно доброжелательным и строгим, и в этом я видел разумный государственный подход.

Хотелось бы высказать и такую мысль. Не вина наших бывших членов Политбюро, а скорее беда, что, находясь далеко от столицы, мы были не в курсе многих событий и в первую очередь международных, которые происходили в Москве, Не оправдываю себя, а констатирую этот факт...

В решениях XXII-XXVI съездов КПСС, которые принимались под руководством Генсека, не было никакой крамолы. Решения съездов с пониманием были приняты нашей партией и народом. Они имели исключительное значение для международной общественности. Страна работала, руководствуясь решениями именно этих съездов, и достигла немалого. Были успехи, были и награды.

Брежнева и по сию пору упрекают, что он увлекался наградами. Это правильно. Но ради справедливости хочу сказать, ведь не сам же он себя награждал. Заметив слабинку, ему угождали, заискивали перед ним и награждали его члены Политбюро, находившиеся всегда под боком, другими словами — московская группа. Конечно, ошибкой Брежнева было то, что он не возражал против многочисленных награждений, а потом и сам уверовал, что этими "звездами" его отмечают по заслугам. Брежнев ушел, но и после его ухода награждались многие члены Политбюро.

Помню, большой неожиданностью для меня было, когда награждали Черненко. Мне позвонил Горбачев и сказал: "Все члены Политбюро голосуют за награждение. Как вы?" Ответил: "Если все

"за", то я тоже за награждение".

Генсек бережно относился к кадрам в нашей республике, но предъявлял к ним строгие требования. На пленумах, на бюро ЦК Брежнев во время его работы в Казахстане резко критиковал многих руководителей за недостатки в работе, но, как говорится, не "избивал" их. Лишь в крайних случаях давал согласие на освобождение от работы. Как-то на республиканском активе Брежнев в пух и прах раскритиковал секретаря Коун-радского райкома Карагандинской области (название дается в старых границах). На второйцдень первый секретарь обкома Яковлев явился к Брежневу и внес предложение: освободить секретаря райкома от работы, а вместе него просил согласие на избрание другого секретаря. Причину освобождения Яковлев объяснил критикой, высказанной в адрес секретаря райкома Брежневым. Брежнев даже удивился. Он сказал Яковлеву, что из критики надо делать выводы, дать руководителю возможность исправить допущенные ошибки, дать время для наведения порядка. А вот если он не исправится, тогда и надо идти на крайние меры. И таких примеров немало. Характеризуя стиль работы Брежнева, хотел бы рассказать, как проходили заседания Политбю**ро цк кпсс.**

Заседания Политбюро проводились по четвергам. Начинали они свою работу обычно во второй половине дня, но иногда в 10 часов утра. Открывая заседание, Брежнев спрашивал, есть ли какие-то замечания у членов Политбюро по повестке. Редко кто вносил на рассмотрение дополнительные вопросы. Обсуждение глобальных проблем, § особенно народнохозяйственного плана, бюджета, проходило иногда в течение двух дней, несмотря на то, что они перед этим подолгу изучались в Госплане и Совете Министров с участием представителей республики.

На заседаниях обычно выступали все участники. По отдельным спорным вопросам давались поручения или образовывались комиссии. Итоги рассмотренных вопросов подводил председательствующий — генеральный секретарь.

Члены и кандидаты в члены Политбюро из республик приглашались не на все заседания, но при рассмотрении народнохозяйственных планов или бюджета их участие было обязательным. В решениях международных вопросов, военных проблем, как например, о событиях 1968 года в Чехо-Словакии или о вводе войск в Афганистан, а также награждениях членов и кандидатов в члены Политбюро, руководителей центральных органов, члены Политбюро из республик участвовали крайне редко.

О принятых решениях нам сообщалось только после их принятия или вообще не сообщалось.

Обмен мнениями на заседаниях проходил свободно, говорили без регламента. Каждый член Политбюро отвечал за определенное направление и выполнение обязанностей на своем участке. Как член Политбюро, я представлял партийную организацию Казахстана и отвечал за социально-экономическое положение в республике и выполнение народнохозяйственных планов.

Тщательно продуманные, подготовленные вопросы аппаратом Госплана, Совмина, отделами ЦК, кадровые вопросы, ранее согласованные с членами Политбюро, решались быстро и, как правило, без обсуждения.

Другое дело когда документы принимались после долгих, подчас многочасовых, дискуссий. Проекты таких решений готовились в общем отделе ЦК и раздавались членам Политбюро заранее. Эти проекты глубоко и тщательно изучались, порой вместе с авторитетными специалистами, и лишь потом член Политбюро был готов аргументированно, со знанием дела отстаивать свою точку зрения. Отмечу, на заседаниях Политбюро практически не поднималось проблем, при обсуждении которых можно было бы занять обывательскую позицию: мол, моя хата с краю. Страна была могучим и чувствительным организмом, и сбои, болячки одного региона незамедлительно отзывались потерями, а то и сокрушительными убытками в других. У Политбюро была главная функция — стратегическая. А это означало — во время прогнозировать, просчитывать, предугадывать последствия того или иного решения.

Были ошибки и просчеты у Политбюро? Безусловно. И никакие академии, никакие компьютеры не могли дать стопроцентных гарантий в конечных положительных результатах. Не буду голословным. При Хрущеве провозгласили: "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Программа лопнула. Как и подъем Нечерноземья. Продовольственная программа или пресловутая антиалкогольная кампания — детище Лигачева с Горбачевым. Они решили покончить с пьянством кавалерийским наскоком. В итоге — много миллиардные потери, необозримые площади уничтоженных садов и виноградников. Но самый главный урон — этой неумной кампанией был подорван авторитет руководства страны, и, конечно же, самого Политбюро. Что касается просчетов на международной арене, они общеизвестны.

От ошибок, конечно, никто не застрахован. Государство, партия,

ее руководство были первопроходцами, избравшими путь социалистического строительства.-' На непроторенном пути много ухаб, препятствий, и тут важно не сбиться с намеченного курса, не шарахаться из стороны в сторону, а сверять каждый свой шаг с учетом исторических знаний и опыта. Все наши программы, крутые повороты в экономике, партийной работе в тот же день и в тот же час начинают претворяться в жизнь сразу по всей необъятной стране. Создание и ликвидация совнархозов, промышленные и сельские партийные комитеты, та же борьба с пьянством... Чего казалось бы проще, если бы эти идеи попробовать внедрить для начала в двух-трех регионах страны, глубоко изучить все плюсы и минусы нововведения и лишь потом голосовать на Политбюро "за" или "против". Дело не дошло бы до конфуза, как это случилось с антиалкогольной кампанией, промышленной и сельской партией, а в последнее время и с приватизацией, метко названной в народе "прихватизацией".

На заседаниях Политбюро, как правило, главенствовала уважительно-товарищеская атмосфера. Не было ни нравоучений, ни демагогических заявлений — каждый говорил то, что думал и выступал без регламента, никто не зачитывал заранее подготовленных речей. Члены Политбюро, Генсек, Косыгин, Суслов, Громыко говорили, как правило, сидя. Во время выступлений с пониманием воспринимались реплики, как и везде, ценились острое слово, юмор.

Бывало и такое, что постановления, принятые на Политбюро, по разным причинам не выполнялись.

Именно так произошло с несостоявшимся в ту пору образованием на территории Казахстана немецкой автономной области. Это решение приняли по инициативе Андропова, в ответ на многочисленные запросы, письма, предложения о создании новой автономии. Но не успели просохнуть чернила на документе, как в ЦК Компартии Казахстана, в ЦК КПСС посыпались письма и телеграммы, в том числе и от лиц немецкой национальности с мотивировками не торопиться с образованием автономии в Казахстане, поскольку советские немцы намерены были воссоздать свою автономию в Поволжье. Вспоминаю, одним из инициаторов приостановления решения Политбюро был Браун, впоследствии руководитель Акмолинской? области, сам по себе человек толковый и знающий. Вот — вкратце — такая история приключилась с немецкой

автономией. От себя добавлю: я всегда искренне, всем сердцем воспринимал заботы трудолюбивой немецкой диаспоры, чья численность на территории республики доходила в ту пору до миллиона человек.

Трудолюбивые и честные, немцы, оказавшись в Казахстане не по своей воле, не стали тут изгоями. Испытания на их долю выпали тяжелейшие, но наперекор всем невзгодам народу удалось выстоять. И здесь немалым фактором стала моральная и материальная поддержка местного населения. Да и партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы никогда не были сторонними наблюдателями, активно поддерживали полезные начинания, инициативу многих новаторов производства, передовиков, руководителей отраслей и хозяйства И. Миллера, Я. Геринга, Наталии Геллерт, В. Гартмана, Т. Ульрих, многих других. Общеизвестен творческий вес ведущих немецких литераторов, деятелей искусства в многожанровой палитре культуры Казахстана. Хорошо зарекомендовала себя республиканская газета на немецком языке "Фройндшафт". Казахское радио сделало регулярными передачи, а издательство "Казах-стаи"— выпуск книг на немецком языке. Был создан немецкий музыкально-драматический театр.

Ныне много советских немцев покинуло Казахстан, отбыв в Германию, отчего нашей независимой республике пользы, конечно же, не прибавилось. Крайне нежелательный этот процесс, увы, продолжается.

Особо напряженными в Политбюро были дни, предшествовавшие очередному съезду партии. На заседаниях рассматривался будущий состав ЦК, ревизионной комиссии, предложенный республиканскими партийными комитетами и отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Обсуждался и отчет ЦК съезду партии. Не секрет, что это основополагающий доклад готовился много месяцев. И, конечно же, он не был одним лишь личным творением генсека. Без преувеличения можно сказать, что к работе над докладом привлекались самые светлые головы нашей страны: ученые, специалисты, практики. Изучали его и мы. Вносили замечания, поправки, предложения. Не обходилось и без острых споров. Потому что одна строка в докладе могла решить судьбу отрасли, направления в науке, а то и целого региона. Затем доклад выносился на пленум, и только после его утверждения членами ЦК Генсек поднимался с этим докладом на съездовскую трибуну.

В целом же, характеризуя деятельность Политбюро, отмечу: это было самое авторитетное и высококвалифицированное (несмотря на недостатки, ошибки) содружество руководителей партии, правительства и государства.

Буквально две-три фразы о работе секретариата ЦК КПСС. Ряд подготовленных им вопросов выносился на рассмотрение Политбюро, и- после этого принималось решение. При жизни Брежнева работой секретариата всегда руководил Суслов, при Андропове — Черненко и Горбачев. Последний после смерти Андропова руководил им постоянно.

Перед началом заседания члены Политбюро собирались отдельно, в "накопителе", затем одновременно входили § в зал заседаний во главе *с* генеральным секретарем, где все участники совещания, в том числе кандидаты в члены Политбюро, были уже в сборе.

Во время заседаний подавали чай с бутербродами, а когда заседание затягивалось, объявлялся перерыв, и все вместе обедали в соседней комнате.

Такой порядок проведения заседаний был установлен при Брежневе, и такой порядок был сохранен при Андропове и Черненко.

Горбачев внес кое-какие поправки. В начале заседания он произносил длинную вступительную речь и заранее высказывал свое мнение по обсуждаемым вопросам. Это в определенной степени сдерживало свободный обмен мнениями. Все это он преподносил так, что нетрудно было понять — слово генерального, его предложения должны выполняться неукоснительно. Во время заседания он часто прерывал выступающего, произносил длинные реплики. В этих репликах, по-моему, было мало конкретности.

Жизнь вносит свои коррективы. Горбачев был уже не тем, каким я его помню, когда он был секретарем Ставропольского крайкома партии. В то время он встречал и провожал меня в Минводах, когда я приезжал туда на отдых.

Прошло девять лет после смерти Брежнева. Срок немалый. За это время Генеральным секретарем работает третий человек. За этот период при хорошей организации деятельности партийный, советских и хозяйственных органов можно было ликвидировать недостатки, упущения, которых было немало при Брежневе, и не допускать новых.

К сожалению, этого не случилось.

Сейчас многие из "бывших" пишут мемуары. И обязательно дают "свою" оценку деятельности Брежнева. Один бывший член

Политбюро, например, назвал его безвольным и трусливым человеком. Что тут скажешь? Если Брежнев был нерешительным, трусливым человеком, то как он мог возглавить и организовать освобождение от работы Хрущева, когда тот был всемогущим и авторитетным деятелем не только в нашей стране? Кстати, на октябрьском пленуме (1964 г.) во время выступления Суслова из зала кто-то выкрикнул: "Где вы были раньше?" В этот момент Брежнев посмотрел в сторону Хрущева и сказал: "Ему было легче бороться с мертвым".

Необъективно пишет в "Огоньке" о своем выступлении на пленуме ЦК КПСС и Егорычев. Я участвовал в работе этого пленума. Хорошо помню, о чем говорил на пленуме Егорычев и другие выступившие товарищи. Егорычев заявил, что оборона Москвы поставлена неудовлетворительно и ее обороной никто не занимается. Выступившие товарищи разъяснили Егорычеву, что оборона столицы начинается с Дальнего Востока, с Крайнего Севера, с южных и западных границ страны, а этого Егорычев не понимает. Указывая на ошибочность выступления Егорычева, Брежнев сообщил, что секретарь Московского горкома партии, являясь членом Военного совета округа, несмотря на приглашения, ни разу не присутствовал на Военном совете.

Выступление Егорычева всеми было воспринято как несерьезное и необъективное. Но в статье Егорычев преподносит себя в другом плане, чувствуется его неуемное стремление свои грехи свалить на других. Я не отрицаю, что всегда поддерживал Брежнева (это из статьи в "Огоньке"), но Егорычев забывает, что сам являлся одним из первых и самых крупных столичных популяризаторов Брежнева.

В прошлых главах уже давалась характеристика отдельным членам Политбюро, окружающим Брежнева. Теперь хотелось бы сказать несколько слов еще о некоторых членах ПБ эпохи "застоя" и также о тех, кто работал при Андропове и Горбачеве.

Долгие годы вопросами идеологии в стране занимался Михаил Андреевич Суслов. В печати его теперь называют "серым кардиналом", и он поистине долгие годы держал на контроле всю литературу, искусство, общественные науки, периодическую печать.

Суслов неусыпно следил, чтобы в этих сферах не были допущены к публикации художественные произведения и научные труды, а также театральные спектакли, кинофильмы и пр., содержащие что-либо идущее (с его ортодоксальных позиций) вразрез с официальной идеологией, дабы не нанести ущерба сознанию трудящихся масс.

В поле его зрения входили даже местные издательства в союзных республиках. Так, именно из-за позиции Суслова мы чуть не получили своего казахского диссидента Олжаса Сулейменова. В издательстве "Жазу-шы" вышла его книга "Аз и Я". К сожалению, в Москве . з она вызвала бурную отрицательную реакцию. Многие известные ученые и критики поспешили объявить эту книгу националистической. В журналах "Москва", "Молодая гвардия", "Звезда", "Русская литература" и других изданиях хлестко и зло критиковали Сулейменова, а заодно и тех, кто высоко ценил его самобытное творчество и активно пропагандировал его за пределами республики. Я внимательно прочитал книгу Олжаса. Прочитал с интересом и удовольствием. Талантливая работа! Подумал: поругают-поругают Олжа-са, да и угомонятся. В литературных кругах такие драки не редкость. Однажды я пришел к Суслову поговорить об открытии новых издательств в Казахстане. Обратил внимание, что слушает он меня вполуха, а потом и вовсе прервал:

— Димаш Ахмедович,— хмуро сказал он (он всегда был хмурым).— У вас в республике вышла книга Су-лейменова с явной антирусской и националистической направленностью.

— Я читал эту книгу...

— Слушайте дальше,— Суслов не дал мне договорить.— В книге искажены исторические факты, автор глумится над великим памятником— "Слово о полку Игореве". Министерство обороны изъяло книгу из всех военных библиотек. И правильно, думаю, поступило. Разберитесь с книгой, автором и как следует накажите виновных! Чтоб неповадно было.

Я вновь попытался высказать свое мнение. Но Суслов был неприступен.

— Здесь справки отделов ЦК,— он рукой показал на толстую папку,— письма ученых, рецензии...

Спорить было бесполезно. Я ушел от Суслова и направился в кабинет Брежнева. К концу нашей беседы я попросил генсека прочитать книгу Сулейменова. Он кивнул головой: оставь, мол, будет время — прочитаю. С тем я и уехал из Москвы.

В это время Суслов по своим мощным каналам развернул бурную деятельность. Как мне докладывал Сат-тар Нурмашевич Имашев — наш секретарь *Щ* по идеологии, книгу Олжаса Сулейменова предлагалось обсудить на совещании трех отделов (пропаганды и агитации, культуры и отдела науки и учебных заведений) ЦК КПСС. Масла в огонь активно подливали партийные "тузы" со Старой площади — Демичев, Шауро, послушные им

авторы. Чем бы закончилось это обсуждение, предугадать было нетрудно. Но на этот раз я твердо решил: за Олжаса буду бороться. И в этом намерении я еще более укрепился, когда Сулейменов пришел ко мне на прием.

Димеке,— сказал он,— я принес вам "Открытое письмо". Прошу размножить его для всех членов бюро ЦК.

Ознакомился с этим письмом. Олжас не оправдывался, он защищала!.

Я позвонил Брежневу и спросил: удалось ли ему прочесть книгу Сулейменова?

— Читал-читал,— ответил Брежнев.— Никакого национализма там нет.

— А вот Михаил Андреевич считает.*,

— При чем здесь Михаил Андреевич? Сами разбирайтесь.

Остальное было, как говорится, делом техники. Мы провели бюро ЦК, кое-кому всыпали, кое-кого пожурили, а Олжасу я сказал: мы ждем от тебя новых стихов, новых поэм. Как говорится, для отмашки Олжас сочинил дипломатическое разъяснение, опубликованное в газете "Казахстанская правда". Центр вроде бы успокоился. А спустя полгода XV съезд Компартии Казахстана избрал Сулейменова членом ЦК. Вот так в общем-то благополучно закончилась эта история. Много позже Олжас мне признался: "А ведь из меня хотели диссидента сделать".

"Диссидентов", как известно, активнее всех "делало" ведомство Андропова-Чебрикова и его "филиалы" на местах. Но и там было немало объективных и порядочных людей, не поступавшихся своими убеждениями и совестью. Думаю, не ошибусь, если отнесу к их числу таких чекистов, какими был, работая в Казахстане председателями республиканского Комитета госбезопасности, Аубакир Арыстанбеков, Георгий Степанович Евдокименко и Василий Тарасович Шевченко, их' заместители Абдиманап Тлеулиев, Николай Григорьевич Разживнн, другие. В их служебную бытность, несмотря на всяческие "пожелания" и суфлерство из Центра, ими не было "сделано" ни одного казахстанского "диссидента". Что этим я хочу сказать? А то, что порядочный человек в любом положении и на любом посту всегда остается таковым.

Добрым словом хотелось бы вспомнить Арвида Яновича Пельше. Он был коммунистом с еще дооктрябрь-ским стажем. После Февральской революции 1917 года был избран в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1933-1937

годах работал в Казахстане начальником политотдела совхоза и заместителем директора треста по политической части ряда областей республики. Не сомневаюсь, что в партийных архивах Казахстана сохранились документы, характеризующие деятельность Пельше в то время. Он часто вспоминал свою работу в республике и всегда в беседах со мной интересовался жизнью Казахстана.

Пельше с 1966 года работал председателем комитета партийного контроля при ЦК КПСС. С большим уважением я относился к нему. Он был исключительно принципиальным и честным человеком, его отличали высокая интеллигентность и порядочность. Словом, полностью соответствовал своей должности руководителя центрального контролирующего органа партии. Комитет, возглавляемый им, объективно решал вопросы, связанные с партийной жизнью страны.

Несколько слов хотелось бы сказать в адрес Лигачева и Соломенцева. С Лигачевым познакомился, когда он был утвержден заведующим организационно-партийными отделом ЦК КПСС. Вместе с ним решили ряд кадровых вопросов в республике, в частности выдвижение Назарбаева председателем Совета Министров Казахской ССР.

Лигачев в своем отделе окружил себя людьми, которые были далеки от объективности в решении многих кадровых вопросов. Это Могильниченко, Мищенко и ряд других ответственных работников аппарата ЦК.

Когда Лигачев стал секретарем ЦК и членом Политбюро, он сильно изменился. К нему стало трудно попасть на прием, он вечно спешил, всегда был занят.

Лигачева в работе отличали излишняя самоуверенность и заносчивость. Работая секретарем ЦК, он занимался кадровой политикой. Затем ему были поручены вопросы идеологии, а в последний период он занимался сферой сельскохозяйственного производства. Но как уже стало всем известно, на какие бы участки работы его ни направляли, Лигачев везде их с треском проваливал. Достаточно вспомнить, какой огромный ущерб нанесла экономике страны печальная антиалкогольная кампания, одним из главных инициаторов которой он был.

К этому можно добавить, что мне непонятны его обвинения, высказанные им в своих мемуарах в отношении Гришина, который, якобы, стремился после кончины Черненко стать генеральным секретарем, хотел захватить власть. Будучи членом Политбюро, я не располагал сведениями о том, что Гришин хотел стать

руководителем партии и, якобы, для этого подбирал себе сторонников.

Лигачев создавал видимость большой загруженности работой, своей необъективностью и торопливостью многие дела пускал под откос. Стиль и методы Лигачева и его сотрудников, на мой взгляд, не выдерживали никакой критики и не отвечали духу времени. Их суть сводилась у тому, что они охотно изучали анонимки на неугодные им кадры, всеми силами выискивали "компрометирующие материалы[1]", а затем добивались их отстранения от работы. Его необъективность я испытал и на себе. Лигачеву казалось, что он в интересах перестройки наводит порядок. Хотя на самом деле, наоборот, поддерживал нечестных, корыстолюбивых людей, как это было в случае, например, с Усманходжаевым, о котором он говорил мне, как о настоящем коммунисте и признанном руководителе партийной организации Узбекистана.

Михаил Сергеевич Соломенцев работал первым секретарем Карагандинского обкома и вторым секретарем ЦК республики. Занимая высокие посты в республике, ничего существенного не сделал для развития экономики, культуры и роста кадров, особенно из представителей коренного населения. Какая бы проблема не изучалась, решалась, во всем он усматривал только национализм. Это особенно проявлялось, когда он по поручению Горбачева приехал в республику для "усмирения" участников декабрьских событий 1986 года. Он же являлся одним из главных авторов известного постановления ЦК КПСС, где в национализме был обвинен целый народ. В итоге можно сказать, что он оставил недобрую память о себе в республике.

По моим наблюдениям, Соломенцев мало что сделал и в РСФСР, работая продолжительное время председателем Совета Министров. Один из примеров его деятельности — Нечерноземье России. Получив огромные средства для наведения порядка в этой зоне, он палец о палец не ударил, чтобы выправить положение и хоть чем-нибудь помочь бедствующим деревням.

Хотелось бы высказать свою точку зрения о деятельности руководителей близких нам республик —• Узбекистана и Азербайджана товарищей Шарафа Рашидова и Гейдара Алиева, с которыми работать мне довелось не год и не два. В свое время и они попали под шквальный обстрел конъюнктурных политиканов и борзописцев, без каких-либо особых доказательств рьяно чернивших этих людей. Все помнят, как долго и старательно мелькали в средствах массовой информации ярлыки типа "рашидовщина" и "алиевщина", затевались архигромкие процессы и "разоблачения",

накачивались "сенсация" за "сенсацией". Но вот все эти искусственного происхождения смерчи и бури стихли и, как и следовало ожидать, оказалось, что у трудового народа, в отличие от конъюнктурщиков, своя память и свои выводы.

Рашидова я знал давно, познакомился с ним еще в 1952 году в один из приездов в Ташкент. Тогда я был президентом Академии наук Казахстана, а он — председателем Президиума Верховного Совета своей республики. Уже в нелегкие послевоенные годы § Рашидова, возвратившегося с фронта, отличали широкий кругозор, зрелый ум, принципиальность, организаторской талант. Потому не случайно ему смолоду доверялись высокие посты. Становление государственного деятеля шло одновременно с его страстным увлечением — журналистским и писательским трудом. Имя литератора Шарафа Раши-дова и поныне известно многим.

Особенно часто мы встречались, когда оба вошли в состав Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного
Совета СССР.

В те годы я имел возможность наблюдать за его работой, понять истоки сильных сторон его Ахарактера, благодаря чему он сделал немало полезного для родного ему Узбекистана.

Все это дало право на искреннее уважение, признательность и большую любовь своего народа. Однако в истории бывают неожиданные моменты и повороты. С приходом к руководству партией и страной Горбачева и началом так называемой перестройки, в оценке деятельности к тому времени уже покойного Рашидова все круто переменилось. В Кремле и на Старой площади сработал традиционный рефлекс гробокопательства, когда живые ставят завесу фальсификации и лжи за счет мертвых, дабы сокрыть собственные неблаговидные дела. Прием сей стар как мир, однако поначалу безотказен. Но правда все равно рано или поздно берет верх.

И тут надо отметить несомненную заслугу первого президента Узбекистана Ислама Каримова в восстановлении доброго имени Шарафа Рашидова, а также многих других людей, несправедливо обвиненных в "эру" Горбачева бог знает в чем.

Осенью 1992 года трудящиеся братского Узбекистана широко отметили 75-летие Рашидова. Правительство республики образовало комиссию по проведению юбилея
Асвоего именитого земляка. По приглашению юбилейной комиссии я прибыл в Ташкент для участия в этих торжествах. В аэропорту нас встретили вице-премьер правительства М. Карабаев,

представители городских властей, работники печати и телевидения.

5 ноября 1992 года в центре Ташкента в торжественной обстановке был открыт памятник Рашидову, а вечером во Дворце Дружбы народов, построенном по его инициативе еще при жизни, состоялся благотворительный концерт. Потом торжества продолжались на родине Рашидова в Джизаке — с участием руководителей республики, многих областей, районов, представителей колхозов и промышленных предприятий.

С большим и весьма содержательным докладом выступил президент республики Ислам Каримов. После него и мне предоставили слово. Не тая ничего, я поделился известными мне фактами из жизни Рашидова. Вечером президентом республики был дан большой прием, где мне также пришлось выступить.

В Джизаке мы осмотрели все достопримечательности этого интересного города. Большое внимание нам уделили глава администрации Турсунов и его заместитель Алимов.

После Джизака по приглашению главы администрации древнего Самарканда Абдрахманова мы в сопровождении заместителя администрации Худайкулова ознакомились с многими его историческими местами. Показали нам и сохранившуюся часть разрушенной обсерватории выдающегося ученого Улугбека, а А также центр древнего Самарканда — Регистан. Затем посетили могилы — Улугбека, двоюродного брата Мухамеда, великого Тимура, его сына и внуков.

Возвращаясь из Самарканда в Джизак, мы сделали остановку в Мирзачульском районе. Там хаким — глава района — Сериков познакомил нас с достижениями района и показал некоторые культурно-бытовые объекты. Местные жители и представители отдаленных совхозов и колхозов на центральной площади райцентра города Гагарина устроили нам торжественную встречу. Хаким района и другие сердечно приветствовали нас от имени присутствовавших здесь казахов, узбеков и представителей других национальностей. В своем выступлении на этом митинге я поблагодарил жителей района за теплый прием, пожелал им новых успехов и благополучия.

Во время пребывания на юбилейных торжествах в Узбекистана большое внимание нам оказывал и повсюду сопровождал нас руководитель казахского культурного центра — Артыкбай Укубаев.

Накануне моего возвращения в Алматы меня принял президент Узбекистана Ислам Каримов. Свыше часа продолжался наш обмен

мнениями о насущных проблемах, вставших перед братскими республиками.

Завершая встречу, Каримов подарил мне национальный узбекский халат, и мы тепло попрощались.

С большим уважением я относился и к Гейдару Алиеву — признанному руководителю Азербайджана. Под его руководством — а он стал первым секретарем Азербайджанской компартии в 1969 году — республика добилась значительных успехов в экономике и культуре.

С 1976 года Алиев был кандидатом, а с 1982 года членом Политбюро ЦК КПСС. С этого же времени Гейдар Алиевич перешел на работу в Москву на пост первого заместителя председателя Совета Министров

СССР.

В то время только мы вдвоем с Гейдаром Алиеви-чем были представителями мусульманских республик в составе Политбюро ЦК КПСС. После моего ухода на пенсию, вскоре был освобожден от работы и выведен из состава Политбюро и Алиев. Вполне понятно: Горбачева не устраивал такой решительный, принципиальный, смело высказывающий свое мнение человек, каким был Алиев. Именно он после моего ухода на пенсию аргументированно возражал против назначения Колбина на работу в Казахстан. По признанию Алиева, выступившего против этого решения, Горбачев отверг его доводы и единолично "благословил" никому неизвестного в Казахстане секретаря Ульяновского обкома КПСС Г. В. Кол-бина на первый пост нашей республики. Вопреки всякому здравому смыслу. Что из этого вышло — увидим дальше.

Огромную помощь и поддержку в развитии экономики республики оказывали Михаил Георгиевич Первухин, Ефим Павлович Славский, Петр Фадеевич |(Ломако, Иван Тевадросович Тевосян. С ними у меня сложились самые добрые и деловые связи.

Долгое время работая в Совнаркоме и Совете Министров заместителем Сталина Первухин многое сделал для становления ряда отраслей народного хозяйства Казахстана и главное — создания крупной химической промышленности на юге Казахстана на базе карата у ск их фосфоритов. В последние годы своей жизни он работал в Госплане СССР, бывал в нашей республике. Мы с ним подолгу обсуждали перспективы экономического развития республики. Первухин деятельно помогал

Казахстану стать крупным регионом по добыче угля, добыче и переработке нефти, строительства тепловых я гидроэлектростанций.

Не могу не сказать и о роли Славского при создании крупных предприятий среднего машиностроения, обустройстве таких городов, как Шевченко, Степногорск и, в большей мере, Усть-Каменогорск.

Известен и другой министр с многолетним стажем — Ломако. Его заслуга в сооружении и реконструкции многих заводов, обогатительных фабрик и рудников цветной металлургии — одной из ведущих отраслей народного хозяйства республики. Славский и Ломако неоднократно избирались щ депутатами Верховного Совета СССР от Казахстана.

В становлении черной металлургии в республике велика заслуга Тевосяна. Он помогал и строго следил за ходом горных работ на хромитовых месторождениях и за работой Актюбинского завода ферросплавов, за созданием Джездинского марганцевого рудника. Тевосян принимал активное участие в строительстве Темиртауского передельного завода черной металлургии и Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Весом его вклад при проектировании и начале строительства Карагандинского металлургического комбината, в освоении Атасуйского рудного района.

Когда строился Темиртауский завод, я неоднократно бывал у него, и мы подробно и с пользой вникали в проблемы будущего гиганта.

Однажды он спросил меня: "Почему поселок, где строится завод, называется Самаркандский? Нельзя ли назвать по-другому?" Просьбу Тевосяна я передал Унда-сынову. Поселок стал называться Темиртау, завод Те-миртауский. Впоследствии поселок был преобразован в город Темиртау. В этом городе в настоящее время действует крупнейший в стране Карагандинский металлургический комбинат.

Во второй половине 1965 года, будучи в Москве, я был в Кремле у Тевосяна. Тогда он работал заместителем председателя СМ СССР. К концу нашей довольно долгой беседы он мне сказал, что ему предложили быть послом нашей страны в Японии, и он принял это предложение. Сказал он об этом не без сожаления, и я понимал его.

Во время одной из бесед Тевосян просил меня разыскать могилу его сестры, которая была супругой незаконно репрессированного и погибшего в 1938 году первого секретаря ЦК Компартии Казахстан Левона Мирзояна. Их дети воспитывались у Тевосяна, и они просили его попытаться найти место, где была похоронена их мать.

Я навел справки и выяснил, что жена Мирзояна после ареста мужа также была задержана НКВД, а затем тяжело заболела и скончалась в Кзыл-Ординской области. Место ее захоронения, к сожалению, определить невозможно. Об этих печальных фактах я сообщил Те-восяну.

В развитии народного хозяйства и материально-технического снабжения республики необходимо отметить важную роль председателя Госплана СССР Николая Константиновича Байбакова, заместителя председателя СМ Вениамина Эммануиловича Дымшица и министра финансов Василия Федоровича Гарбузова.

КАЗАХСТАНСКИЕ ЛИДЕРЫ КТО ЕСТЬ КТО

За 25 лет секретарской работы вместе с членами бюоо ЦК вместе с мы решили немало сложных **про-**

олем> **связанных** с социально-экономическим развитием республики и ростом кадров. Много было выдвинуто молодых способных организаторов, прошедших хорошую школу политической закалки. На партийную, советскую, научную и хозяйственную работу направлялись тысяч» коммунистов. Многие из них плодотворно трудятся до сих пор. Сейчас в республике

имеются десятки, а то и сотни таких крупных руководителей, которые способны выполнять любую самую ответственную работу.

В моей деятельности неоценимую помощь и поддержку оказывали многие члены и бюро ЦК.

Особенно хотелось отметить Виталия Николаевича Титова, который работал вторым секретарем нашего ЦК. Титов был замечательным человеком и отличным организатором. Он прошел хорошую школу на Украине, был секретарем Харьковского обкома, секретарем ЦК КПСС Коммунисты и трудящиеся республики долго будут помнить этого обаятельного и принципиального человека. Он выехал из республики в связи с назначением первым заместителем представителя в СЭВ. Работал в Москве, постоянно поддерживал связь с республикой.

Заметный и добрый след на казахстанской земле оставил Валентин Карпович Месяц, работавший у нас вторым секретарем после Титова. Воспитанник московской партийной организации, он немало потрудился для укрепления партийных рядов Казахстана. Уехал из республики в связи с назначением министром сельского хозяйства СССР. С Месяцем мы трудились сплоченно и дружно.

После отъезда Месяца вторым секретарем был выдвинут Александр Гаврилович Коркин. Его знают в Казахстане с 1949 года. Со дня основания до выплавки чугуна и производства проката белой жести он работал на строительстве Карагандинского металлургического комбината. Затем вырос до министра строительства, вложил немало сил в сооружение крупных объектов тяжелой, легкой *f* и пищевой промышленности, а также энергетики и коммунального хозяйства. Работали мы с ним слаженно. Коркин был толковым организатором. Сложившаяся обстановка потребовала направить его в Караганду, где он стал секретарем обкома. Коркин отбыл из Казахстана в связи с назначением первым заместителем министра угольной промышленности СССР.

Довольно продолжительное время на посту председателя Совета Министров КазССР работал Байкен Ашимо-вич Ашимов. В свое время он был вторым секретарем Кокчетавского обкома, председателем Карагандинского облисполкома, первым секретарем Талды-Курганского обкома партии. С 1970 по 1984 год возглавлял Совет Министров республики, а затем Президиум ее Верховного Совета. На всех постах он, бывший фронтовик, трудился честно и с полной отдачей.

В идеологии большую созидательную работу проводил Саттар Нурмашевич Имашев. Он прошел хорошую школу от инструктора обкома и до секретаря крайкома и секретаря ЦК. По заданию бюро ЦК в проводимой им работе он вносил немало дельных предложений по дальнейшему росту культуры казахского и других народов, проживающих

в республике. Имашев был выдвинут Председателем Президиума Верховного Совета КазССР. В этой должности он, к сожалению, работал очень мало времени и в расцвете сил ушел из жизни.

Как уже отмечалось, на большую руководящую партийную и советскую работу были выдвинуты сотни людей. Одним из выдвиженцев был Н. А. Назарбаев.

Секретарь Карагандинского обкома Банников был переведен на работу в Иркутск. Вместо него по рекомендации ЦК КПК был избран Акулинцев. Несколько лет спустя отраслевым секретарем обкома предполагалось избрать местного товарища. Я дал соответствующее задание отделу партийных органов ЦК, и вскоре на этот пост была предложена кандидатура Назарбаева, работавшего в Темиртауском горкоме партии, а затем секретарем парткома Карметкомбината. В его анкете было указано, что имеет Темиртауское втузовское образование, учёбу в Высшей партийной школе. На самостоятельной партийной и хозяйственной работе не был. Горком партии характеризовал его положительно.

Я решил позаботиться о дальнейшей судьбе молодого коммуниста и на бюро ЦК поддержал его кандидатуру. Через некоторое время он стал вторым секретарем обкома. В один из своих приездов в Караганду вместе с Акулинцевым, Досмухмедовым и Назарбаевым мы совершили поездку в Каркаралинск. Тогда я с ним познакомился поближе. Н. Назарбаев, признаюсь, мне понравился и, когда пришло время, я рекомендовал его на должность секретаря ЦК по промышленности.

Конечно, работать секретарем ЦК ему было трудно, и он очень смутно представлял задачи, стоящие перед ним в этой должности. А с сельским хозяйством был и вовсе незнаком. Он нуждался в повседневной помощи, и я оказывал ему ее. Постепенно он прошел "университеты" планирования, финансирования народного хозяйства, составления бюджета и задач, стоящих перед республикой в области промышленности и сельскохозяйственного производства. Самым главным плюсом Назарбаева была его молодость и энергия. И кто, как не мы, должны были заботиться о своей смене. Поэтому, когда председатель Совета Министров Ашимов стал председателем Президиума Верховного Совета, я рекомендовал Назарбаева главой правительства. Не все члены бюро ЦК поддержали кандидатуру Назарбаева, но я настоял на своем.

Работа в Совете Министров республики у него не всегда шла гладко. Пришлось и здесь его поправлять и указывать на его

упущения. Ради него самого, ради улучшения работы правительства республики.

Говоря об этом, совсем не хочу разжигать страсти и копаться в прошлом. При нынешнем бедственном положении народа, резко ухудшающемся из месяца в месяц, экономических бедах, галопирующей инфляции, мне искренне хочется пожелать Назарбаеву успехов в его деятельности. И хочу верить, что на посту Президента Казахстана он преодолеет трудности и найдет пути быстрейшего выхода из глубокого кризиса.

У меня есть возможность назвать людей, которые плодотворно трудились на благо нашей республики. Это первые секретари областных комитетов партии: Морозов, Кручина, Демиденко, Ауельбеков, Кусаинов, Неклюдов, Милкин, Рамазанов, # Аухадиев, Жакупов, Сагдиев и другое товарищи. О некоторых из них позволю себе сказать чуть подробнее.

Бектурганов был секретарем райкома, обкома в Кок-четаве, возглавлял партийную организацию в Актюбин-ской и Кзыл-Ординской областях. С поста секретаря Жамбылского обкома ушел на пенсию. Он был одним из активных организаторов подъема целины.

Протозанов около 14 лет был секретарем Восточно-Казахстанского обкома. Очень много сделал для развития производительных сил области. Ушел на пенсию и переехал на жительство в Москву.

Одним из самых опытных руководителей был Асан-бай Аскаров. Он работал секретарем Жамбылского обкома, первым секретарем Алматинского обкома, а затем первым секретарем Шымкентского обкома партии, откуда ушел на пенсию.

Герой Социалистического Труда, Аскаров внес немалый вклад в социально-экономическое развитие указанных областей.

Также я хотел бы отметить плодотворную деятельность Василия Федоровича Ливенцова. Являясь по специальности агрономом, он на протяжении долгих лет работал в партийных и советских органах Талдыкор-ганской, а также западных и южных областей Казахстана.

Ливенцов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. С поста первого секретаря Актюбинского обкома партии ушел на пенсию.

Мустахим Билялович Иксанов — инженер-гидротехник, внес определенный вклад в развитие сельского хозяйства *m* республики. В начале своей деятельности занимался комсомольской работой, затем был переведен на хозяйственную. Заметный след оставил по освоению Голодной степи и по водохозяйственному строительству юга республики.

Работал первым секретарем Кзылординского, Жам-былского обкомов партии. Был заместителем председателя Совета Министров республики, небольшое время работал секретарем республиканского

ЦК. Работая секретарем Уральского обкома, по состоянию здоровья ушел на пенсию. Спокойный и скоромный по характеру коммунист, проявлял большую принципиальность в работе.

Интересна биография у первого секретаря Кустанай-ского обкома партии Андрея Михайловича Бородина. Продолжительное время он работал в сельскохозяйственных, плановых и заготовительных органах, был заведующим отделами Кустанайского обкома и ЦК, министром сельского хозяйства республики, первым секретарем Акмолинского обкома КП, затем первым секретарем Кус-танайского обкома. Под его началом развернулось строительство и сдача в эксплуатацию Соколовско-Сар-байского и Лисаковского горно-обогатительных фабрик, комбината костюмных тканей и других предприятий. Ветеринарный врач по специальности, Бородин внес заметный вклад в сельское хозяйство Казахстана. При его активном участии Кустанайская область превратилась в один из крупнейших в стране производителей товарного зерна и продуктов животноводства. Я всегда уважительно относился к кадрам, которые продолжительное время трудились на одном месте. Так, вот, Бородин проработал Асекретарем Кустанайского обкома партии свыше двадцати лет.

Коспанов был одним из организаторов освоения целины и свыше десяти лет возглавлял Уральскую областную партийную организацию. Бюро ЦК считало, что он уверенно и квалифицированно руководил областью.

В соответствии с неизменными принципами сочетания опытных и молодых работников, было выдвинуто много молодых людей секретарями обкомов, горкомов, райкомов, председателями Советов народных депутатов, направлено на крупную хозяйственную работу, способных обеспечить выполнение поставленных задач. Многих я вспоминаю сейчас. Среди них председатели облисполкомов: Укубаев, Никулин, Каирбаев, Болтабаев, Досма-гамбетов, Кашаганов, Таукенов, Жумабеков и другие, а также секретари райкомов: Акимжанов, Синельников, Парий, Асанов, Мина сов, федякин, Брагин, Пивоваров, Шевченко, Гноевой, Арзиев, Бижанов, Шабатов, Назар-беков, Тюлебеков, Искаков, Сергазин и многие другие.

Названные товарищи работали без шума и суеты, добивались хороших результатов, создавали творческую обстановку. При полном взаимопонимании мы работали вместе, как одна команда. Причем, никогда не возникло проблем, связанных с межнациональными отношениями, потому что всегда уделялось первостепенное

внимание духу интернационализма, и никакая национальность не имела дополнительных преимуществ перед другими.

В своей деятельности я получал необходимую помощь, информацию, справочные оперативные материалы от руководителей отделов ЦК, от своих помощников, которые, конечно, не знали, что такое нормированный рабочий день.

Хаким Шакирович Абдрашитов — бывший комсомольский работник, долгое время работал помощником, а затем возглавил общий отдел ЦК и с этой должности ушел на пенсию. Абдрашитов был честным, дисциплинированным работником.

22 года проработал помощником Дусетай Бекежанов. Он тоже был исполнительным работником. Он хорошо знал свое дело и —• до тонкостей — сельскохозяйственное производство и оказывал мне большую помощь. За весь период его работы со мной никаких грязных дел, в которых его потом обвиняли, за ним замечено не было.

Без малого 14 лет совместной работы связывали меня с другим помощником — Владиславом Васильевичем Владимировым, считаю, глубоко компетентным во многих сферах литературы, искусства, науки, журналистики. В любой обстановке с ним было интересно, а к порученному он всегда относился со всей душой и ответственностью.

Вспоминая тех, кто работал со мной в аппарате ЦК, особенно хочется отметить руководителей организационно-партийного отдела Султанова, транспорта и связи — Жукова, сельскохозяйственного — Бурлакова, отдела административных органов Шалова, а также Рыбникова, Ануфриева, Климова, которые впоследствии были выдвинуты на более ответственную работу.

Большую работу по соблюдению законности и правопорядка в Казахстане проводил прокурор Сеитов. Опытнейший юрист, участник Великой Отечественной войны, на посту главного прокурора республики проработал свыше 18 лет.

Целенаправленно и содержательно действовали министры: Ким, Байсеитов, Ибрагимов, Джиенбаев, Царев, Иванов, Бутин, Курганов, Е люба ев, Мухамед-Рахимов, Карынбаев, Едигенов, а также руководители гражданской авиации и железнодорожного транспорта.

Особо скажу о правофланговых "министерского корпуса"— Омарове, Тажибаеве, Гончарове.

Ильяса Омарова я знал еще с 1942 года, когда он работал заместителем министра торговли республики. Благодаря своим организаторским способностям, он быстро продвигался по службе: работал заместителем председателя Совмина КССР, первым секретарем Восточно-Казахстанского обкома, секретарем ЦК республики, министром культуры.

Чрезвычайно эрудированный, умный и тактичный интеллигент, Омаров оставил заметный след в развитии казахской литературы и искусства.

С Тулегеном Тажибаевым мы познакомились, когда он был наркомом просвещения республики. Позже нас свела судьба в Совнаркоме: мы работали заместителями председателя. Это было во время Великой Отечественной войны. Тажибаев стал первым министром иностранных дел республики, продолжительное время возглавлял Казахский государственный университет. В 1954 году, когда я работал в Академии наук, он был избран ее действительным членом. В развитие науки, культуры и подготовку квалифицированных кадров он внес значительный вклад.

Очень энергичный и деловой человек был Леонид Борисович Гончаров. Он много сил вложил в строительство дорог и уникальных объектов в республике. До последних дней своей жизни Гончаров работал министром строительства автомобильных дорог. В подъеме народного хозяйства республики большую помощь оказывали командующие Краснознаменным Среднеазиатским военным округом (САВО) Лушев и Лобов. Ничего плохого не могу сказать и о генерале Язове, который одно время был командующим военным округом, а первым командующим, кстати, был генерал Лященко. Добром вспоминаю и руководство Краснознаменного Восточного пограничного округа, а также многих командиров воинских частей, начальников училищ и учебных центров.

Также надо отметить деятельность генерала-лейтенан-те Нурмагамбетова, Героя Советского Союза, заместителя командующего САВО. Кроме своей основной работы, он оказывал исключительно большую помощь во время уборки урожая. Он являлся активным участником сдачи государству миллиардов пудов казахстанского хлеба.

Значительной силой в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни республики стал комсомол Казахстана.

Казахстан — это республика молодых. Больше половины ее населения — люди в возрасте до 35 лет. Вся история становления экономики, науки и культуры республики — и автор этих строк может подтвердить фактами из собственного опыта — связана со славными свершениями комсомола и молодежи. Продолжая эти традиции, большую работу проводил ЦК ЛКСМ Казахстана. Хотелось бы отметить умелое руководство им Султанова, а затем Абдрахманова, которые вносили немало предложений по многим

важным вопросам, касающимся молодежи республики, а также кадровым вопросам.

Нельзя не отметить плодотворную работу, проведенную замечательными работниками, представляющими женщин Казахстана.

Особенно хотелось бы высказать добрые слова в адрес Героя Социалистического Труда Сидоровой, которая работала секретарем крупного райкома, затем была выдвинута 2-ым секретарем Уральского обкома и ушла на пенсию с должности заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР, а также инженера Омаровой, уверенно и плодотворно работавшей заместителем председателя Совета Министров республики, председателем Алматинского облисполкома промышленного отдела и продолжительное время министром социального обеспечения республики.

Не могу не сказать и о своих коллегах-инженерах, у которых помимо профессиональных знаний, опыта, накапливался талант командиров производства. Среди руководителей крупных предприятий хотелось бы отметить директоров: Мау ленку лова, Куленова, Хобдабергенова, Избасханова, Акбиева, Жаксыбаева, Садыкова, Такежа-нова, Урумова, Ешпанова, Немешаева, Симакова, Варта-няна, Гребенюка и ряда других руководителей угольных шахт, нефтепромыслов, крупных предприятий легкой и пищевой промышленности, строительных организаций.

Много сделал для развития нефтяной промышленности республики инженер Утебаев. Большой вклад в развитие Карагандинского бассейна внесли: инженер Сергазин, очень рано ушедший из жизни, а также академик Сагинов, работавший продолжительное время ректором Карагандинского политехнического института.

Неуклонно поднимался уровень народного образования в республике. Бурное развитие всех отраслей народного хозяйства потребовало подготовки специалистов по многим вопросам экономики, науки и культуры. Для решения этой острой проблемы дополнительно к действующим были организованы десятки новых учебных заведений. В 1936 году у нас работали 16 высших и 83 средних специальных учебных заведения. А к 1980 году в Казахстане было 55 высших и 231 среднее специальное заведение, в том числе 2 университета. В крупные вузовские центры, кроме Алматы, превратились города Караганда, Жамбыл, Целиноград (Акмола), Шымкент, Семипалатинск.

Вузы и специализированные учебные заведения выпускали специалистов для народного хозяйства. В решении вопросов подготовки специалистов и научных сил хотелось бы особо отметить деятельность Казахского государственного национального университета им.

Аль-Фа-раби, где продолжительное время руководили — профессор Лукьянец Н. К. и президент организованной недавно Инженерной Академии академик Джолдасбеков У. А.

Много сил и энергии вложили в подготовку инженеров по многим отраслям народного хозяйства в Алматинском политехническом институте, продолжительное время работавшие ректорами — академик Байконуров О. А. и член-корреспондент АН Казахстана Омаров А. О.

Большой вклад в подготовку специалистов для различных отраслей экономики республики внес работавший ректором Алматинского института народного хозяйства профессор Мамыров Н. М., а в подготовке специалистов для сельского хозяйства долгие годы руководивший КазСХИ член-корреспондент АН Казахстана Арыстанбеков Х. А. и ректор Алматинского зооветеринарного института — член-корреспондент АН Казахстана Ермеков М. А.

Заметна была роль консерватории, музыкального и балетных училищ Алматы в подготовке мастеров сцены и деятелей культуры.

Вспоминая своих товарищей по работе, я, быть может, упустил чьи-то имена, а то и забыл. Возможна Но, как говорится, памяти не прикажешь...

При назначении отдельных лиц на ответственные посты были и ошибки. Среди республиканских и областных руководителей партийно-советских органов были и нечестные, безответственные и безинициативные люди. В решении довольно рискованных, смелых предложений, сложных и ответственных поручений; часто встречающихся в нашей жизни, они обычно отмалчивались, а в лучшем случае только поддакивали и со всем соглашались. Впоследствии я убеждался, что эти люди не умели творчески и масштабно мыслить. Они являлись обыкновенными приспособленцами, скрывающими свое мнение. И им удавалось продолжительное время занимать ответственные посты, получать награды и поощрения. Типичными представителями таких людей были О. С. Мирошхин и С. М. Мукашев.

В выдвижении кадров на руководящую работу порой мало уделялось внимания изучению их деловых и человеческих качеств. Некоторые из них, работая со мной продолжительное время в бюро ЦК, после моего ухода на пенсию посчитали себя совершенно свободными от прошлого и занялись его очернением. Они забыли, что из колодца прошлого будут пить воду еще много поколений людей.

Ради достижения своих целей, в оценках сделанного в прошлом не обходилось без тенденциозности и преувеличений небольших, непринципиальных ошибок и недостатков. Критикуя мою деятельность, эти люди заняли позицию совершенно посторонних. Создавая "общественное мнение", они мечут громы и молнии в адрес прошлого, забывая при этом себя и свою роль. О таких типах Лев Толстой писал: "Ужасен тип людей хотящих быть всегда правыми. Они готовы осудить невинных, святых, самого бога, только быть правыми".

Одним из них был Камалиденов. Говорил одно, а делал другое. Люди такого типа быстро распознаются, хотя временно могут прославиться как принципиальные, бескомпромиссные.

Будучи секретарем ЦК, он практически не внес ни одного предложения, направленного на улучшение идеологической и воспитательной работы в республике. А только постоянно предлагал освободить от работы многих ярких представителей нашей интеллигенции. Об интригах Камалиденова узнала общественность, и он был освобожден от работы "по состоянию здоровья" и отправлен на пенсию в 52 года.

Серьезной ошибкой — и я признаю — было решение бюро ЦК о выдвижении на ответственную работу Мендыбаева. Работая первым секретарем Алматинского обкома продолжительное время, он ничего практически яе сделал для развития экономики области и столицы. Снизились многие экономические показатели области. Его методами работы были рукоприкладство, увольнение честных коммунистов. Впоследствии незаслуженно наказанные люди были восстановлены в своих правах. Период руководства Мендыбаева в области в народе назвали "малым 37-м годом".

Еще более серьезной ошибкой было избрание Менды-баева вторым секретарем республиканского ЦК. Напомню, что это случилось после моего ухода на пенсию. В бюро ЦК быстро поняли, что он не способен нести ответственную партийную нагрузку, и не прошло восьми месяцев, как его освободили от этой работы.

Занимая высокое и ответственное положение в партии, никогда не думал и не полагал быть единственным руководителем гигантского, богатого и славного Казахстана и его народа.

Посты, награды, степени не вскружили мне голову и не могли изменить нравственных качеств, которые я ставил выше других в своей жизни и работе — простота, честность, принципиальность. Всегда пытался сохранить спокойствие, быть отзывчивым и терпеливым. Но

признаюсь: из-за некоторой мягкости и излишней доброты я имел и немало неприятностей.

Всегда понимал, что партия и народ возложили на меня большую ответственность и ждали соответствующей организаторской и исполнительской отдачи в подъеме производственных сил Казахстана, улучшении благосостояния народа. Для разрешения этих задач партия дала мне все необходимое, власть, права, обязанности. Это диктовало действовать решительно, с честью н достоинством исполнять свой долг. Партия и народ оказали мне высокое доверие, и я был обязан — каких бы трудов не стоило — оправдать его.

За все эти годы моим главным принципом было — помочь людям. Каждому, кто обращался ко мне, старался помочь. К сожалению, вникнуть в каждое персональное дело — а их были сотни!— по понятным причинам я не мог. Доверял, а иногда передоверял подчиненным, аппарату, представляющим убедительную информацию и документы. По очень многим заявлениям бюро ЦК, секретариат, партийная комиссия принимали правильные и объективные решения. Эти люди, судя по моей почте, и поныне помнят об этом.

Был безжалостен к клеветниками и кляузникам, сутягам и карьеристам, поступал с ними довольно резко. Все вопросы старался решать объективно, не кричал и никому не грубил, относился к людям с уважением.

Крупные и сложные вопросы решать не торопился и говорил своим помощникам: "Пусть бумага полежит, завтра будет умнее". После дополнительного рассмотрения и изучения, принималось решение.

У меня был тесный контакт с рабочими, научными работниками, деятелями искусства и литературы, а также партийными, советскими, комсомольскими и профсоюзными работниками разных уровней, и я никогда не пренебрегал их дельными советами и предложениями.

Каждый год почти во всех областях Казахстана встречался с коллективами! больших промышленных предприятий, строительных организаций, совхозов, колхозов, научных учреждений. Бывал на строительных площадках, спускался в шахты. Не упускал возможности посетить медицинские учреждения, научно-исследовательские институты, учебные заведения. Чтобы ознакомиться с состоянием торговли, посещал магазины, рынки. Не чурался общения и со служителями религиозных культов и верований. Встречи с людьми всех профессий, положений, возрастов давали мне очень много в моей практической деятельности: в беседах откровенно назывались

наши упущения, недостатки, & мои ошибки. Мои собеседники подсказали много хорошего и ценного для плодотворной работы. От этих встреч я получал большой положительный заряд и уверенность в правильности действий.

В любом деле старался проявлять аккуратность и все важные мероприятия проводить в назначенный день и час, ничего не откладывая на более поздний срок.

Имея за плечами немалый опыт хозяйственной, научной, государственной и партийной работы, мне пришлось вместе трудиться, встречаться с видными деятелями нашей партии и государства, а также многими зарубежными политиками.

Прошедшие годы оставили большой след в моей жизни. Это было время решений многообразных и сложных проблем развития экономики, науки и культуры республики, уверенного роста благосостояния трудящихся.

Развитие хозяйственных связей со всеми республиками способствовали сближению и дальнейшему укреплению дружбы между народами. Правильное осуществление национальной политики создавало все условия для дальнейшего динамичного развития многоотраслевой экономики Казахстана, его богатой духовной жизни.

Моя деятельность проходила, в тот период когда партийную организацию возглавляли: Скворцов, Шаях-метов, Пономаренко, Брежнев, Яковлев, Беляев, Юсупов. Каждый из этих руководителей оставил определенный след. Были в их деятельности и положительные и отрицательные моменты. И все же благодарен судьбе, что она дала мне пройти именно тот путь, который я прошел.

В 1986 году после завершения уборки урожая мы с супругой уехали в Кисловодск.

Во время нашего отдыха Политбюро рассмотрело план развития народного хозяйства страны на 1987 год. При рассмотрении плана, как было заведено, участвует весь состав Политбюро, находящиеся на отдыхе или в командировке, обязательно приглашаются на рассмотрение плана. По непонятным причинам меня на Политбюро не пригласили. В Москве, на торжествах в своем докладе Егор Кузьмич Лигачев ни словом на обмолвился об успехах республики в производстве и заготовке зерна. Будто и не было казахстанского миллиарда. Было только отмечено, что Кустанайская и Кокчетавская области выполнили план. Об успехах только этих областей докладчик сказал лишь потому, что здесь побывал Михаил Сергеевич Горбачев.

И вся центральная печать наша словно воды в рот набрала. Ни слова о многочисленных положительных делах в экономика, культуре, росте благосостояния трудящихся республики, о том, как выполняется народнохозяйственный план... Это было, конечно, неспро-

ста. И этот "заговор молчания" окончательно убедил меня в давно созревшем желании уйти на пенсию. Тем более, что скоре мне исполнялось 75 лет, из которых 42 года я проработал в Совете Министров и ЦК Компартии Казахстана.

Во второй половине ноября состоялась сессия Верховного Совета СССР. Встретился с Горбачевым и мы долго беседовали с ним. Высказал ему свои соображения по поводу многих аспектов нашей деятельности и, не скрою, высказал и претензии. Когда уходил от него, то пришел к окончательному выводу — уйти на пенсию. На том мы с ним напоследок и договорились. Но надо было повременить до возвращения Горбачева из Индии, куда он должен был на днях вылететь.

Когда Горбачев вернулся из Индии, согласно нашей договоренности, я прилетел в Москву. Был у Горбачева и вручил ему заявление с просьбой рассмотреть вопрос о моем уходе на пенсию.

В заявлении указал, что ЦК КПСС свыше сорока лет оказывает мне высокое доверие и скоре исполняется 21 год, как состою в составе Политбюро. Глубоко признателен ЦК за поддержку и помощь, оказанную в практической деятельности за длительный период моей работы. Он принял заявление и сказал, что поддерживает мою просьбу. Вопрос вынесет на рассмотрение Политбюро.

В конце разговора спросил Горбачева о том, кто будет секретарем вместо меня. Он ответил: "Позвольте это решить нам самим". Затем мы попрощались, и я уехал в Алматы. Горбачева знал давно, когда он еще работал секретарем Ставропольского крайкома партии. Он всегда производил на меня приятное впечатление. Когда Горбачев стал секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро, мы продолжали поддерживать добрые отношения: между нами они всегда были хорошими и деловыми. Мне казалось, что мы относимся друг к другу с взаимным уважением.

Когда мне исполнилось 70 лет, наряду с поздравлениями от всех членов Политбюро, он прислал мне телеграмму с теплыми словами в мой адрес:

"Дорогой Динмухамед Ахмедович!

С чувством большого уважения и сердечной искренностью поздравляю Вас с семидесятилетием со дня рождения и новой замечательной наградой Родины!

28ft

По справедливости и во весь голос хочется сказать Вам сегодня» что Вы, крупный организатор и руководитель, показываете пример честного, беззаветного служения интересам нашей партии и народа.

Свидетельство тому — крупные достижения и расцвет экономики и культуры Казахстана. Казахстанские миллиарды пудов хлеба наглядно отражают, как умело, настойчиво и творчески в условиях республики претворяются в жизнь аграрная политика КПСС, советы и указания Леонида Ильича,

От всей души желаю Вам, дорогой Динмухамед Ахмедович, доброго здоровья и счастья, новых творческих сил и больших успехов в выполнении решений XXVI съезда КПСС.

Крепко жму руку и обнимаю.

М. Горбачев."

Впоследствии отношение Горбачева ко мне изменилось. Видимо, в Москву стала поступать информация со стороны "двуликих" членов нашего республиканского **ЦК.**

Характеризуя его отношения к людям, которых Горбачев хорошо знал и вместе трудился, можно сказать следующее.

Будучи председателем Совета , Министров СССР, Рыжков выполнял все поручения, данные ему Горбачевым в проведении экономической политики. Все, что делало правительство, несомненно, согласовывалось и решалось с президентом. Но когда обстановка в стране изменилась, и объявленные планы оказались несостоятельными, то возник вопрос — кому же за это отвечать. Главным виновником был выставлен Рыжков, который подвергся со всех сторон уничтожающей критике. Все провалы и упущения легли на Рыжкова, хотя вместе с ним должен был нести ответственность и Горбачев. Но президент не только не защитил своего давнего соратника, но хранил полное молчание, когда была развернута кампания по осуждению правительства. Это еще раз подтверждает боязньлу и непринципиальность Горбачева, который в тяжелый момент свалил все на Рыжкова, хотя тот выполнял его волю.

Горбачев полностью обновил команду и отстранил от активной деятельности буквально всех своих бывших сторонников, тех, кто начинал с ним перестройку. Это очередная чистка руководящего состава, как показала

жизнь, поставила страну на грань национальной катастрофы.

Бывшие соратники Горбачева — Шеварнадзе, Яковлев, Шаталин, Петраков и ряд других ушли от него по разным причинам. Нам кажется, главное, что оттолкнуло их от Горбачева — его непринципиальность, непоследовательность, ошибочность в проведении внутренней политики.

Со многими товарищами по партии Горбачев расстался быстро и без всякого сожаления. В таком положении оказался Лигачев, с которым в течение нескольких лет он был особенно близок. Со стороны Горбачева не было никакой реакции, когда Лигачева стали смешивать с грязью со страниц многих газет, по телевидению и радио.

Такое отношение со стороны Горбачева испытал на себе, более чем в полной мере, и я. По клеветническим заявлениям меня несправедливо вывели из состава ЦК КПСС. Зная о моей деятельности в течение многих лет (вспомним хотя бы выше приведенную телеграмму), Горбачев тем не менее не отважился сказать ни одного доброго слова в мой адрес. Наоборот, он дал зеленую улицу массированной лживой атаке, которая обрушилась на меня и близких мне людей сразу же после моего ухода на пенсию. Сейчас все клеветнические измышления опровергнуты, истина восторжествовала, но иных людей уже не вернешь...

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В АЛМАТЫ КТО ВИНОВАТ?

11 декабря 19&6 года без моего участия состоялось заседание Политбюро, на котором было принято решение о моем освобождении от работы в связи с уходом на пенсию.

16 декабря был собран пленум республиканского ЦК. Пленум открыл я и предоставил слово секретарю ЦК КПСС Разумовскому. Он огласил решение Политбюро о моем уходе на пенсию и произнес добрые слова в мой адрес Первым секретарем ЦК избрали Г. В. Колбина. В конце работы я поблагодарил его участников за совместную дружную и сплоченную работу и пожелал им новых успехов. Члены ЦК проводили меня бурными аплодисментами. , Разумовский посетил Дворец пионеров» Дворец имени Ленина, ВДНХ. На выставке побывал только в **ГЛАВНОМ** павильоне, потому что спешил на самолет. В час дня он улетел в Москву. После отъезда секретаря ЦК я простился со всеми членами бюро ЦК, приехавшими провожать Разумовского в аэропорт,, и отправился домой.

17 декабря около 11 часов утра мне позвонил второй секретарь ЦК КПК Мирошхин и попросил приехать в ЦК. На мой вопрос: "Чем вызвано? Ведь я на пенсии!" он ответил: "На площади собралась группа молодежи. Они требуют разъяснить решение прошедшего вчера пленума ЦК. Было бы хорошо вам выступить перед собравшимися и объяснить суть дела".

"Хорошо,— ответил я и спросил:— Согласен ли

Колбин?"

Мирошхин передал трубку Колбину. Тот просил приехать в ЦК и выступить перед молодежью. *Я* согласился. После этого немедленно приехал в ЦК и зашел в кабинет первого секретаря ЦК, где были в сборе все члены Бюро. Они совещались, как поступить с собравшимися на площади. Колбин предложил Назарбаеву и Камалиденову выступить перед молодежью. Мне никаких поручений дано не было. О моем выступлении речь не шла, несмотря на то, что я просидел в кабинете Колбина свыше двух часов. Затем Колбин начал переговоры с Москвой, и, чтобы ему не мешать, мы все, креме Мирошхина, вышли из кабинета.

Через небольшой отрезок времени Колбин собрал всех членов бюро ЦК и пригласил меня. Обращаясь ко мне, он сказал: "Вы свободны, отдыхайте. Мы сами примем меры и наведем порядок".

Перед уходом спросил у Мирошхина, зачем меня вызывали и почему не дали выступить. Он ответил: "Посоветовались и решили, что вам на площади выступать не надо".

В июне 1987 года в Москве, во время пленума ЦК КПСС, Мирошхин еще раз подтвердил, что мне не разрешили выступать на площади.

Когда возвратился из ЦК, около часу дня семнадцатого декабря мне позвонил Горбачев. Он спросил меня; "Чем объяснить такой выход молодежи? Ответил: "Сейчас в ЦК собралось руководство республики, и они совещаются. Они вам, наверное, доложат". Добавил, что мне неизвестны организаторы. Он сказал: "Хорошо, мы разберемся и примем меры, наведем порядокПо данным авторитетной комиссии народного депутата Мухтара Шаханова, 17 декабря к концу дня началось избиение молодежи и продолжалось оно 18 декабря.

Позднее во многих своих выступлениях Колбин обвинил меня в том, что я категорически отказался выступить перед собравшимися на площади. Сказав явную ложь, он оклеветал меня и ввел в заблуждение всех членов ЦК, всех коммунистов и трудящихся республики.

Как выяснилось, декабрьские события в Алматы не были спровоцированы и не носили никакой националистической направленности. По моему глубокому убеждению, молодежь выступила против избрания первым секретарем ЦК Компартии Казахстана человека, никому в республике неизвестного и малоавторитетного.

По моим данным, никто из руководителей республики так и на разъяснил молодежи сути пленума. Вместо этого они поставили "под ружье" милицию, войска и жестоко расправились с

собравшимися. Пострадало множество студентов и молодых рабочих. За участие в событиях или за их поддержку, по данным ЦК комсомола Казахстана, несколько тысяч студентов были исключены из вузов[4], многие вынуждены были оставить учебу. В отношении большой группы комсомольцев и коммунистов были применены меры репрессивного характера.

Теперь ясно видно, что неумелые действия ответственных лиц, призванных контролировать обстановку и наводить порядок, привели к плачевным результатам. За трагедию, за избиение и арест сотен безвинных людей надо отвечать. Боясь ответственности за то, что избиение молодых людей проводилось, как установлено, по команде, сверху, руководство ЦК во главе с Колбиным начали искать "виновных", на которых все можно свалить и самим уйти от ответственности.

Одним из главных организаторе "алматинских собы-тий[99] выставили меня, несмотря на то, что я не имел к ним никакого отношения. Колбин говорил, что одной из основных причин развернувшихся событий был мой отказ выступить перед молодежью на площади. Не только это, но и все негативные явления, имевшие место в жизни партийной организации республики, начали связывать только с моим именем, только с моей деятельностью.

Как уже говорилось. 11 декабря 1986 года Политбюро приняло решение о моем уходе на пенсию, без моего участия. В это время я находился в Алматы. Поэтому утверждение Колбина, что я на Политбюро настойчиво просил направить на работу в Казахстан и рекомендовать первым секретарем ЦК человека русской национальности и не из пределов республики не соответствует действительности. Это была очередная ложная информация. В начале 1987 года состоялся пленум ЦК КПСС. На пленуме я не присутствовал, но на нем было принято решение освободить меня от обязанностей члена Политбюро в связи с уходом на пенсию. Иа следующем пленуме, в июне, из-за однобокой и необъективной информации, поступившей Горбачеву, меня вывели из состава ЦК КПСС. Такое же решение принял относительно меня и пленум республиканского ЦК. В решениях пленума было сказано: вывести из состава ЦК за допущенные серьезные недостатки, в годы работы первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

В постановлении ЦК КПСС "О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся" было указано, что Компартия Казахстана и многие партийные комитеты допускали

серьезные ошибки в реализации решений по интернациональному и патдиотическому воспитанию трудящихся.

В мой адрес было записано, что в моей деятельности процветал субъективизм, нарушалась коллегиальность, насаждалась семейственность. В окружении оказалось немало лиц, злоупотребивших своим служебным положением. Такое решение было принято без моего участия, без моих объяснений. В постановлении не было ни единого факта, ни одного конкретного примера. Ведь мое окружение составляли члены бюро ЦК, руководство Совета Министров, которые здравствуют и по* ныне, а некоторые были выдвинуты на еще более ответственную работу.

Колбин на пленуме ЦК, критикуя меня, приводил непроверенные, необоснованные данные, а то и просто лгал. Чувствовал, что члены ЦК не одобряют его доклад, за исключением тех, которые принимали самое активное участие в написании доклада. Это — Камалиденов, Мукашев, Мендыбаев. К чему приведет такая критика, для меня было предельно ясно* Была создана такая обстановка, что я чувствовал; никто меня не под-держит, в защиту не выступит, поскольку многие боялись за свои посты и должности. Поэтому я и не выступил на пленуме, зная, что поддержки ждать мне не oar кого. J

ОАпавнйЯТ причиной моего вывода из состава республиканского ЦК и ЦК КПСС были декабрьские события **1986** года в Алматы. По этому поводу было принято поспешное и незрелое постановление ЦК КПСС. В Казахстане не было никакого национализма и базы для его возникновения. Поэтому постановление не было принято и понято общественностью республики, поскольку не только необъективно отражало ситуацию в Казахстане, но и оскорбляло казахский народ/**S**

Это постановление ЦК КПСС-вНтар 1990 года под давлением общественности было снято с контроля. Как указала комиссия ЦК КПСС, под руководством заведующего идеологическим отделом ЦК, "в принятом постановлении отдельные положения и политические оценки были по существу ошибочные и происшедшие события не являются проявлением казахского национализма". ЦК КПСС признал официально свою ошибку и с целого народа было снято несправедливое обвинение.

Однако, об этом было сообщено только в журнале "Известия ЦК КПСС", хотя само постановление и сопутствующие ему материалы были опубликованы практически во всех центральных и республиканских
газетах.

В течение трех лет со дая декабрьских событий продолжалось преследование меня и моих близких. Для этого были мобилизованы бесчестные журналисты, ученые, которые выступали и писали статьи, делали все возможное, чтобы одновременно очернить и втоптать в грязь историю своей республики. А ведь в республике было много поистине замечательных дел и свершений.

Если здраво рассуждать, то правильно ли будет видеть вокруг только ошибки, упущения, срывы, потери? Правильно ли будет историю последних 20-25 лет давать только в негативном плане? Правильно ли и, наконец, честно ли, что в указанное время в Казахстане был сплошной мрак, все строилось на кумовстве, взяточничестве, межродовых связях, протекционизме? Начали появляться статьи, в которых живописалось, что республика погибает, здесь строятся только охотничьи дома и особняки для начальства; кругом царит неразбериха, несправедливость; в республике не было порядочного руководства. Миллиарды пудов хлеба, проданных тружениками села — дутые цифры, Казахстан — это край, где процветает застой. И так далее, и тому подобное.

Эти крикуны-критики не замечали и не хотели видеть тех социально-экономических изменений, которые произошли в Казахстане именно за последние 25-30 лет.

В республике не было застойных явлений. Это подтверждают данные Государственного комитета по статистике. Кстати, собираясь на пенсию, запросил у этого комитета статистические данные о том, какие изменения произошли в экономике республики с 1955 по 1985 годы.

В полученных официальных данных было указано, что за этот период объем промышленного производства в республике возрос в 8,9 раза, сельского хозяйства — в 6,2 раза, строительства почти в 8 раз. Таким образом, за этот период по своему экономическому потенциалу у нас как бы создано 7 Казахстанов, а по объему промышленного производства даже — восемь. Население после 1985 года более чем удвоилось и составило в 1987 году 16 миллионов 244 тысячи* Численность казахов, проживающих в республике, за это время возросла в 2,2 раза и составила около 7 миллионов человек, а в 1959 году было 2 миллиона 787 тысяч человек. На необжитых просторах за последнее десятилетие возникли тысячи новых населенных пунктов, среди них 68 рабочих поселков и 43 города, в том числе такие крупные административные и промышленные центры, как Шевченко (Актау), Аркалык, Экибастуз, Рудный, Никольский, Кентау, Степногорск, Жанатас, Каратау, Новый Узень и другие. Численность людей, работающих в народном хозяйстве,

возросла втрое, число научных работников увеличилось в восемь раз.

Количественно и качественно вырос рабочий класс, удельный вес которого к общей численности работающих достиг 70 процентов против 60— в конце пятидесятых годов.

Рассматриваемый период характеризуется весомыми достижениями в наращивании производительных сил в республике, подъеме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся Казахстана.

Темпы развитии промышленности нашей республики за 1955-1985 годы были одними из самых высоких среди союзных республик.

Много, чрезмерно много говорили о застое в нашей республике. Это, видимо, выгодно тем руководителям, которые стремятся спрятать от людских глаз свои недостатки, особенно в сельском хозяйстве, в капитальном строительстве и в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами.

Для убедительности приведу и такие данные. За тридцать лет национальный доход в республике увеличился в 7,4 раза. В 5,5 раза возросли общие размеры жилого фонда в городах и рабочих поселках.

В настоящее время совершенно справедливо отмечается, что из магазинов исчезли товары народного потребления. Неглубокомыслящие руководители объясняют это сложившейся ранее диспропорцией между отдельными отраслями народного хозяйства республики.

При полном освоении огромных средств, выделенных на развитие легкой промышленности и современном вводе предприятий этой отрасли, значительно увеличилось бы производство швейных, трикотажных изделий,, кожга-лантерейных товаров и обуви, что значительно облегчило бы сложившееся к сегодняшнему дня положение. Существенный пробел в медицинском обслуживании населения — это результат безответственности руководителей, которые не осваивали отпущенные средства, выделяемые на строительство объектов здравоохранения.

Указанное полностью относится к руководству Совета Министров республики и ответственным работникам, занимающихся промышленностью и строительством в аппарате ЦК Компартии Казахстана. Также были сорваны планы строительства школ. Замечу, что со многих трибун раздаются голоса о том, что было допущено закрытие сотен школ, где преподавание велось на казахском языке. Серьезное обвинение, но оно абсурдное. Закрывались школы ветхие,

полуразвалившиеся, с контингентом учащихся до 100-150 человек. Эти школы, по понятным причинам, сносились и вместо них строились новые на тысячу и более мест, не считая многочисленных интернатов, построенных для детей чабанов. Надо считать не количество школ, а количество учащихся. Спрашивается, кому выгодно наводить тень не плетень и обвинять прежних руководителей в несуществующих грехах?

Одним из основных показателей, характеризующих уровень повышения материального благосостояния народа — объем розничного товарооборота.

Можно привести много данных, подтверждающих мой главный и, считаю, неопровержимый тезис: в Казахстане застоя не было...

Благодаря огромной и напряженной работе, трудящиеся республики успешно решали задачи исторических пятилеток, в особенности десятой и одиннадцатой.

В республике I была создана могучая индустрия, крупное сельскохозяйственное производство, разветвленная сеть научных и культурных учреждений, высших и средних учебных заведений.

В эти годы удалось подготовить большой отряд высококвалифицированных рабочих, большую армию технической интеллигенции из коренного населения, способных успешно решать текущие и перспективные задачи. Всем ясно, что на базе достигнутого в двенадцатой пятилетке были поставлены более сложные задачи по дальнейшему подъему производительных сил Казахстана. Эта пятилетка совпала с периодом начала так называемой перестройки.

Возникает вопрос, что дала перестройка в выполнении планов социально-экономического развития республики за этот период? Экономические показатели за годы перестройки по основным направлениям резко ухудшились. Непоследовательность и непродуманность принятых мер по подготовке к переходу к рыночным отношениям, грубые ошибки и половинчатость решений, частая реорганизация действующих и неоправданное создание новых органов руководства привели к тому, что такие важные показатели, как национальный доход, объем промышленного производства, прибыли были значительно ' ниже достигнутых в предыдущие годы. Объем капитальных вложений, ввод в действие основных фондов, жилья, школ, больниц, объектов социально-бытового назначения сократились.

Снижение темпов промышленного производства ярко обозначилось еще в 1987 году, а в 1990 году оно перешло в фазу абсолютного спада. В двенадцатой пятилетке прирост

промышленного производства оказался на 2,4 процента ниже достигнутого в предыдущие годы.

Тяжелое положение сложилось с вводом в эксплуатацию объектов социальной сферы, так 1992 году ввод жилья снизился до уровня 1957 года, общеобразовательных школ до уровня 1958 года, количество объектов амбулаторно-поликлинических учреждений снизилось по сравнению с 1991 на 63%.

Не произошло заметных сдвигов в сельскохозяйственном производстве. | Здесь наблюдался серьезный спад, прежде всего в животноводстве. Из-за большого надежа количество поголовья общественного|? скота, особенно овец, резко сократилось, за исключением частного сектора. Так, сначала года до 1 июля 1991 года уменьши** лось число рогатого скота, на два с лишним миллиона овец и коз, высок падеж лошадей, верблюдов, птицы, свиней.

Анализ уменьшения численности скота показывает, что упор на развитие животноводческой продукции был сделан не на увеличение производства в колхозах и совхозах, а на закуп в массовым порядке в частном секторе.

Все перечисленные причины привели к ухудшению снабжения населения животноводческой продукцией, хотя в общественный фонд в 1990 году было поставлено мяса на **25**-30 тысяч тонн меньше, чем в 1986 году.

Положение дел в капитальном строительстве тоже обстояло не лучшим образом. Объем капитальных вложений, ввод основных фондов сократились. Руководителя республики резко критиковали своих предшественников за то, что в последние годы шло отставание ввода мощностей н освоения выделенных по группе "Б", но такие рассуждения остались только на бумаге. Выделение средств на развитие выпуска товаров народного потребления резко сократилось.

Вообще объем освоенных средств на капитальное строительство систематически снижался.

Как теперь установлено, в годы перестройки были необдуманно разрушены сложившиеся годами межреспубликанские связи. При этом очень низко упала производственная и трудовая дисциплина, воцарились полная бесконтрольность в договорной дисциплине по поставкам продукции.

Представители Запада удивляются, глядя на нас: своих руководителей мы начинаем критиковать вдоль и поперек, когда они уходят с политической арены. Горько это признавать, но это правильно.

Колбин развернул критику в мой адрес, абсолютно не зная, что сделано и что делается в республике за последние 30-40 лет.

В его выступлениях в печати, по телевидению, на пленумах, встречах с представителями творческой интеллигенции республики (где он раздавал обещания выучить казахский язык, а заодно делился советами по части кулинарных рецептов) грубо искажались и подтасовывались даже самые очевидные факты.

Декабрьские события в Алматы Колбин и иже с ним охарактеризовали как вылазку националистически настроенных людей. Авторитетная комиссия Мухтара Ша-ханова, пришла к совершенно противоположному выводу: "... выступление казахской молодежи не было националистическим, это было их право на свободное выражение гражданской и политической позиции". Комиссия поименно назвала виновников применения силы для разгона, избиения и ареста сотен и тысяч молодых людей. Она пришла к выводу признать невозможным оставлять на занимаемых должностях этих скомпрометировавших себя людей, но почему-то до логического конца это требование доведено не было.

До сих пор в печати односторонне и узко трактуется причастность Горбачева к декабрьским событиям. Сводится лишь она к его волевым действиям, связанным со снятием прежнего и назначением нового руководителя республики. Эти действия, как известно, послужили непосредственным толчком и поводом к выступлению молодежи; за них он должен нести политическую и моральную ответственность. Но в действительности вина Горбачева куда глубже: ибо только он в Центре, а никто другой дал "добро" широкой карательно-репрессивной кампании, развернутой в отношении к мирным участникам демонстраций, в ходе которых использовались внутренние войска, применялись саперные лопатки, служебные собаки, водометы, держалась наготове военная техника. Заключительным актом этой кампании были повсеместные чистки с изгнанием студентов из вузов и техникумов, освобождением молодых казахов от работы, массовые судебные процессы без соблюдения элементарных требований закона, так называемая "процентомания" в кадровой политике и, наконец, ярлык "казахского национализма" в упомянутом выше постановлении ЦК КПСС. Конечно, депутатская комиссия Мухтара Шаханова проделала большую работу по восстановлению истины о декабрьских событиях. Однако смею утверждать, что еще очень многие факты скрываются незаинтересованными в них руководителями, не стали достоянием гласности и ждут своего объективного разбирательства. Особенно это касается причастности

к ним высшего руководства страны и республики. В свете сказанного считаю, что давно настала пора поставить вопрос о полной мере ответственности Горбачева за декабрьские события 1986 года в Алматы, также как и за события в Тибилиси, Баку, Вильнюсе и т. д.

И вот еще какими соображениями хотелось бы поделиться с читателями. В первые годы после ухода на пенсию на меня обрушился шквал всевозможных обвинений и нареканий. При всей гласности, декларируемой на каждом перекрестке, у меня не было ни малейшей возможности дать отпор клеветническим заявлениям. Телевидение и печать для меня были наглухо закрыты. Более того, не пускали ко мне посетителей, в том числе и журналистов, которые хотели выяснить мою точку зрения по тем или иным публикациям.

В газете "Вашингтон пост" появилась статья, в которой корреспондент рассказал, каких трудов ему стоило встретиться со мной. Мы встретились едва ли не за городом, и первое, что он у меня спросил, было: "Вы разве не свободный человек?" Что мог я ответить ему? Конечно, свободен, но...

Вот это "но" расшифровать было непросто. Да и не понял бы моих доводов заокеанский журналист. Разве объяснишь ему, что когда ты находишься у власти, ты — достойный и уважаемый человек, а когда уходишь с поста, то в лучшем случае о тебе на другой день забывают, в худшем, как поступили со мной: по воле новоиспеченных руководителей со всех сторон обвиняют в разных грехах и не дают возможности сказать что-либо в свое оправдание.

Ради справедливости отмечу, что с уходом Колбина отношение ко мне резко изменилось. Я получаю массу писем из самых разных мест, из зарубежных стран — с добрыми пожеланиями в мой адрес.

Ко мне приезжают и приходят многочисленные гости из ближнего и дальнего зарубежья. Теперь у меня нередко бывают соотечественники из Турции, Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Иордании, Швеции, США,
V ФРГ. Эти люди различных интересов: крупные бизнесмены, ученые, журналисты и т. д.

Например, когда приезжал известный переводчик Корана на казахский язык Халифа Алтай, живущий в Турции, он подарил мне жай-намаз и Коран в собственном переводе. Навещает меня и известный мастер восточной борьбы таэквандо Мустафа Озтрюк, с которым каждый раз у меня проходят продолжительные и интересные беседы. У меня в доме всегда много гостей ка-захстанцев, из многих городов СНГ. Мы обмениваемся мнениями, спорим, соглашаемся друг с другом, а то и становимся на прямо

диаметральные позиции — ив этом нет ничего необычного: сколько людей, столько и мнений. Спрашивали, например;

— Что вы можете сказать о коррупции в Казахстане? Об этом много писали в газетах.

Я пожимаю плечами, понимайте, мол, как хотите, но лично я с этой коррупцией не сталкивался. Если она есть, то пусть ею занимаются правоохранительные органы. Мне дают понять, что в этом грехе виновен я, не случайно ведь арестовали и шельмовали при Колбине на все лады в печати, вплоть до центральной "Правды" и журнале "Огонек" моих близких помощников. Особенно преуспели в этом с подачи верных подручных Колбина, Камалиденова и Устинова корреспондент "Огонька" Лу-шин и Казахское телеграфное агентство.

Под давлением сверху прокурор республики услужливо подписал ордера на арест моего помощника Бе-кежанова и других. Бекежанова по ложным обвинениям представили как взяточника. Все эти обвинения лопнули, как мыльный пузырь, хотя к подследственным применялись изощренные меры физического и морального воздействия. Несмотря на это, Колбину не удалось добиться от арестованных показаний, обвиняющих А меня. Один из обвиняемых, Акуев, решением Верховного суда республики уже полностью реабилитировав. И в отношении других, я не сомневаюсь, восторжествует справедливость, и с них тоже будут снята все обвинения.

Особенно хотелось бы сказать о неблаговидный роли следователя союзной прокуратуры Калиниченко, принявшего все меры, чтобы найти компрометирующие материалы на ряд ответственных работников республики. Как выяснилось, во время судебного процесса в Бишке

ке над бывшим первым секретарем Лматинского и Чимкентского обкомов партии Аскаровым, Калиничен-ко и его группа практиковали при допросах недозволенные методы ради достижения своих целей. Арестованных избивали, не давали пить, сажали в камеру *с* уголовниками, применяли другие меры физического воздействия, чтобы добиться ложных показаний. Но следователи ничего не добились, потому что все их "факты" были придуманы и не имели под собой никаких оснований.

В статье в "Литературной газете" от 12 апреля 1989 года вместе с Щекочихиным Калиниченко очень сожалел, что ему не удалось создать в Казахстане такой -процесс, как это сделали его коллеги в соседнем Узбекистане. "Казахского дела" не получилось и не могло получиться. Остается лишь удивляться, что руководители союзной прокуратуры доверяли решать судьбы людей *ж* ответственную работу таким неграмотным и недобросовестным следователям и карьеристам, как Калиниченко.

И еще об одном обвинении не могу не сказать. Дескать, я в кадровой работе проводил и прямо-таки насаждал родоплеменной принцип. Что тут ответишь? Это же полный абсурд. Достаточно посмотреть список номенклатурных работников, чтобы убедиться, что никакого выпячивания по национальному, тем более по родо-племенному принципу не было и в помине. Рядом, плечом к плечу работали казахи и русские, немцы и уйгуры, татары и узбеки, чечены и ингуши, украинцы и евреи, белорусы и греки. А

Говоря о нашей печати , нельзя не сказать, что за последние годы она выхолостила немало доброго, полезного, созданного нашим народом. Порой удивлялся: и откуда столько злобы? Во многих статьях ярко выражена ненависть к нашему давнему и недавнему прошлому, незаслуженно развенчаны и охаяны многое крупные деятели, которые сыграли важную роль в истории и посвятили свою жизнь и талант служению народу.

Чувствуя обстановку, созданную руководством ЦК вокруг моего имени, недобросовестные журналисты центральной и местной прессы, начали стряпать статьи построенные на ложных фактах и обмане и огульно порочащие меня. Статьи были проникнуты клеветническим духом и ныне многое из этого опровергнуто.

Например, в 1988 году в № 9 журнала "Простор" была опубликована статья Е. Букетова "Мой брат". Приведенные в ней данные абсолютно далеки от истины. Автор выносит на страницы журнала ложные сведения и на их основании делает свои выводы.

Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Евнею Бу-кетову не испытывал. С ним вообще я лично знаком не был. Ссылка на мой разговор с Букетами* — это сплошная выдумка автора.

Букетова я заочно знал по его работе в должности ректора Карагандинского университета. Ради объективности надо отметить, что когда он баллотировался в академики в 1972 году, в то время, когда президентом был Есенов, Букетов на выборах не был избран. Академиком Букетов стал, когда президентом был Аскар Кунаев — в 1975 году, который на выборах оказывал ему всестороннюю поддержку. О какой неприязни, гонениях и преследовании в данном случае может идти речь?

Далее нужно сказать, что Букетов никогда не баллотировался на должность президента республиканской Академии наук. Никто за прешедшие годы его не выдвигал, его имя никем из казахстанских и московских ученых не упоминалось.

О том, что Букетов хотел быть президентом Академии, я впервые узнал из указанной статьи. В 1974 году, когда состоялись выборы нового президента, Букетов еще не был академиком, и даже только поэтому не мог претендовать на эту должность.

Но надо отметить, что в отличие от центральных органов печати страны и республики, многие областные и районные газеты давали и дают объективную информацию.

В этой связи, хочу выразить признательность за правдивые публикации областным газетам: "Ак жол" и ее редактору Бекбосынову, "Онтустпс Казакстан", а также многим районным газетам этих областей, республиканским газетам "Казак эдебиетГ" "Б1рлесу", "Ана тш" Характеризуя стиль работы Колбина, а проработал он здесь два с половиной года, можно отметить, что он питался решить многие вопросы жизни республики непродуманными и некомпетентными действиями.

Чтобы одолеть продовольственную проблему, Колбин дал указание произвести без разбора отстрел сайгаков, кабанов, уток, гусей, использовать в пищу мясо барсуков, сурков и др. Это нанесло невосполнимый ущерб природному комплексу Казахстана * По свидетельству республиканской газеты "ЭКОкурьер", было уничтожено большое число животных, причем тех видов, многие из которых занесены в Красную книгу. Это "волевое" решение было принято без совета со специалистами-экологами. Такой подход к делу был в его стиле.

При нем были ошибочно упразднены Тургайская и Мангышлакская области и много районов.

Руководители республики считали, что области и районы были образованы, дескать, из престижных соображений и поэтому они были ликвидированы. Жизнь показала, сколь неграмотными были эти решения — и еще раз была продемонстрирована недальновидность и некомпетентность этого руководителя. Позднее названные области и районы по многочисленным требованиям трудящихся были восстановлены.

В своих выступлениях в Москве Колбин утверждал, что изучил казахский язык и часть доклада на пленуме республиканского ЦК читает по-казахскии. Это был пример откровенного обмана общественности.

Колбина отличало полное незнание культуры, науки, искусства народов Казахстана, вместе с тем он подвергал резкой, необоснованной критике и гонениям представителей интеллигенции республики.

Так, подвергся гонению и огульной критике ученый-антрополог Исмагулов, чьи труды получили признание у многих крупнейших специалистов в этой сфере науки.

Поспешность многих постановлений бюро ЦК наглядно и убедительно показали, что они принимались на основе сфабрикованных и непроверенных данных. При этом преследовалась главная цель — лишь бы охаять и унизить отдельных коммунистов, главным образом представителей казахской интеллигенции.

Во многих грехах обвинили и исключили из партии известного ученого, академика АН КССР, бывшего ректора Казахского государственного университета Джолдас-бекова, преследовали крупного ученого-химика, представителя курдского народа, академика АН Надирова. Тетерь доказано, что они невиновны. Как уже говорилось выше, главным советчиком Колбина в этих делах был Камалиденов.

Удивительно и то, что на пленуме, когда Колбина освобождали от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Казахстана подхалимы добивались, чтобы ему объявили благодарность "за проведенную в республике плодотворную работу".

Вызывает крайнюю необходимость написать еще раз о целине и то, что в последние годы появились статьи, охаивающие героическую эпопею.

Отдельные руководители и журналисты договорились до того, что республика, мол, ради миллиардов забирала в хозяйствах весь выращенный хлеб, не оставляя семена и фураж. Это ведь полный абсурд.

Простой расчет показывает, что в те годы, когда государству сдавались миллиарды пудов зерна, производилось хлеба не менее 27-28 миллионов тонн, в отдельные годы доходило до 34,5 миллионов тонн. Из этого количества стране продавалось 1 млрд. пудов или 16,4 миллионов тонн, потребность в семенах составляла около 4 миллионов тонн. Отсюда хорошо видно, сколько оставалось на нужды хозяйств республики.

Одни говорят о той, что целина нанесла ущерб животноводству. В 1916 году на казахской земле было 18 миллионов 364 тысячи овец. Позднее это число резко уменьшилось. Только в 1965 году мы приблизились к этому уровню. Скажу больше: если в 1955 году в Казахстане овец было чуть больше 17 миллионов, то в 1986 году стало 36 миллионов, рогатого скота было около 4 миллионов, а стало свыше девяти. Свиней, которые не учитывались, стало свыше 3 миллионов. С вводом в строй птицефабрик во много раз увеличилось производство птицы и яиц. Республика стала полностью обеспечивать себя этой продукцией. Увеличилось производство всех видов животноводческой продукции: если в 1955 году производилось в республике 530 тысяч тонн мяса, то в 1986 году достигло 1 миллиона 300 тысяч тонн. Говоря о целине, нельзя забывать о построенных элеваторах, заново организованных свыше двух тысяч совхозов, воздвигнутых дворцах культуры, клубах, школах, детсадах, интернатах, больницах, проведенном газе, электроэнергии и водопроводах, благоустроенных дорогах.

Следующие данные подтверждают рост производства продуктов животноводства:

Поголовье (в млн).	1953 г.	1986 г.
Овец и коз Рогатый скот	18038	35485
Свиньи	4459	9165
Производство в живом весе (млн. тонн)	400	2968
Мясо	596	1300
Молоко	1593	5040
Яиц (млн. шт.)	537	4096
Шерсть	34	104

Вместе с тем, надо откровенно признать, что при освоении целины были допущены некоторые ошибки и просчеты. Мнение руководители на местах сильно увлеклись и распахали лишние земли, даже там, где этого делать было не надо. В этом отношении особенно расстарались в Актюбинской области. Bf таких случаях чрезмерное рвение некоторых руководителей приходилось одерживать.

ПЕРЕСТРОЙКА: БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

У ж е не первый год подряд все средства массовой «формации бьют тревогу: все мы в глубоком кризисе. Об этом же не раз говорили в своих выступлениях руководители различных рангов и призывали всех скорее выйти из прорыва. Но почему это случилось? Как преодолеть кризис? Внятных ответов нет. Рискну высказать свою точку зрения. В бедственном положении еще до ликвидации СССР мы оказались в результате неумелого руководства страной. Руководители страны, нарушив и поломав сложившуюся за многие годы структуру управления хозяйством, взамен ничего не создали. Даже наоборот: все основательно запутали и подвели экономику к катастрофе. Вот тогда-то на все лады и стали говорить о "застое".

Не был использован богатый опыт страны, как надо поднимать народное хозяйство. Все помнят послевоенный период. Сотни разрушенных городов, тысячи сел, про-

мышленные предприятия были восстановлены в кратчайшее время, страна начала выпускать новую промышленную продукцию. Выли укреплены колхозы и совхозы, Отменена карточная система на хлеб, мясо, масло, сахар и другие продукты. Систематически стали осуществляться снижения цен в государственной торговле. А сейчас? Сейчас все это для миллионов людей труда как сказочный, волшебный сон. Особенно для старших поколений, которые вынесли на себе все тяготы грозных бед прошлого.

Брежнев во время различных встреч всегда подчеркивал: "Мы раскритиковали Сталина и Хрущева. Об их деятельности пусть теперь пишут историки» а мы уже сегодня должны понимать свою ответственность перед народом".

Мне кажется, Брежнев был абсолютно прав. К сожалению, за годы так называемой перестройки у нас выткалась иная картина.

Перестройка вызвала всеобщее ожидание чуда — скорейшего улучшения состояния дел в обществе, а никаких позитивных "подвижек" же произошло несмотря на массу торжественных обещаний и заклинаний. Да это и понятно, ибо перестройка велась так, что не были определены ни сквозные направления, ни конечные цели — куда идет страна, ни основные формы и методы работы их достижения. ОтсюдаА— постоянные шараханья из одной крайности в другую, нерешительность и топтание на месте, сменяемые торопливостью и импульсивностью действий. Проще говоря: без руля и без ветра.

Руководство бывшего СССР постоянно было занято бесконечной реорганизацией государственных органов сверху донизу. При этом были утеряны рычаги управления экономикой и улучшения жизненных условий народа.

В Центре и на местах были мобилизованы несметные силы всех административных органов на поиски компрометирующих материале» на бывших руководителей. Затем все эти зачастую клеветнические данные широко тиражировались через средства массовой информации. Делалось это для того, чтобы, унизив и оскорбив своих предшественников, таким образом показать себя в лучшем свете и уйти от ответственности за собственные же крупные просчеты и срывы. Сейчас перед лицом общественности начинают открываться истинные причины масштабной кампании по очернению многих заслуженных партийных и советских работников прошлых лет. Давно настало время честно сказать о том, кто виноват в развале экономики страны, в огромном росте преступности, дикой вакханалии цен.

Руководство страны допустило отступление от тех принципов | на которых строилось и укреплялось наше государство в такой сфере национальной политики. В результате непродуманных действий была нарушена скрепленная многими десятилетиями дружба народов, населяющих СССР. Во многих регионах кровопролитные столкновения на межнациональной почве повлекали за собой большое количество невинных жертв. Так, произошло в Нагорном Карабахе, Баку, Фергане, Оше, Южной Осетии, Таджикистане, других регионах. Непоследовательная и непродуманная политика Центра в этих вопросах в конечном счете привела к распаду СССР. И вот парадокс: все вроде бы понимают, что в одиночку не выживут, и вместе с тем с каким-то ожесточением принялись рвать и без того разрушенные связи.

На мой взгляд, немало тому способствовала массовая смена руководителей на местах. В бывшем союзе не осталось, по-моему области и района, где бы не произошла смена руководства. Под видом перестройки освобождались толковые организаторы, люди, хорошо знающие хозяйство, политическую работу, умевшие квалифицированно и грамотно решать любые поставленные задачи. Причем, во многих местах замена руководства была осуществлена по второму и третьему разу. А в каком положении оказалась наша наука? Если сказать коротко, но ясно — в самом наиплачевнейшем.

За годы перестройки в экономике не произошло никаких существенных изменений к лучшему. Повсюду рушатся сложившиеся структуры под аккомпанемент бесплодных и нудных речей высокопоставленных лиц, рьяно охаивающих весь исторический путь нашего народа после Октября. Во всех отраслях народного хозяйства практически не было создано ничего нового, менявшего ли технологию производства или выпускающего высококачественную продукцию. Сотни миллионов долларов элементарно "проедаются". Разрушились хозяйственные связи между различными регионами страны. Приказала
"долго жить" система материально-технического снабжения.

В результате такой перестройки во всех отраслях народного хозяйства потеряны завоеванные позиции. В экономике возобладали неуправляемость и хаотичность. По признанию специалистов, мы оказались банкротами, неспособными расплачиваться за поставку промышленных и продовольственных товаров за границей. Словом, кризис усугублялся.

Будучи сторонником перестройки — о чем мною было сказано и на XXVII съезде КПСС и на пленуме ЦК, я уже тогда

подчеркивал, что проводится она бес-планово, сумбурно. А отсюда падение государственной и трудовой дисциплины, повсеместная расхлябанность и безответственность. И едва ли достижения целей способствовала проводимая политика, когда бесспорные успехи народа и партии безжалостно вычеркивались из биографии страны, а все недостатки полностью относились на период "застоя". Это было кощунственно и несправедливо настолько, что нашло свое подтверждение на I съезде народных депутатов, где Горбачев заявил: "Но верно и то, что ситуация в экономике в немалой степени связана с нашими собственными действиями, а порой и бездействием в годы перестройки".

Как коммунист, отошедший от активной деятельности, но внимательно следивший за работой вышестоящих партийный и советских органов, особенно после XXVII съезда КПСС, я говорил, что принятое решение по инициативе Горбачева о совмещении постов Генерального секретаря ЦК КПСС с Президентом страны себя не оправдало.

В результате того, что он занимал два кресла, не смогли целенаправленно и напряженно работать ни вновь созданные органы управления, например, президентский совет, который, кстати был ликвидирован, ни тем более Политбюро ЦК КПСС. Полностью исчезла коллегиальность в принятии важных решений. Все это еще больше усугубило и осложнило запутанную работу этих органов, во многих отраслях народного хозяйства были потеряны достигнутые результаты. Это отразилось на деятельности низовых партийных и советских органов.

Годами складывавшиеся принципы руководства народным хозяйством начисто отвергались, считались поречными. Но почему? У всякого времени, у всякой эпохи были свои рычаги управления. И эти рычаги срабатывали. Оставим в стороне громкие фразы и признаем, что не было ни одного самого трудного или второстепенного участка в доперестроечный период, где бы своего решающего слово не сказала партийная организация.

Немаловажно и то, что партия не только "указующим перстом" называла ошибки и просчеты, главное — за все промахи она брала ответственность на себя. И всем сестрам раздавала по серьгам: строго спрашивала с виновных, поощряла, растила инициативных партийцев.

У нас была одна партия. И она была за все в ответе. Сейчас много партий. И никто ни за что не отвечает. Наверное, придет

время и каждая партия займет свое достойное и полезное для общества место. Но это будет завтра, вернее, послезавтра. Правда, если только будет...

А пока положение желает много лучшего. Ссылки на административно-командную систему и критику деятельности прошлых' лидеров людям читать и слушать попросту надоело. Допущенные руководителями страны крупные ошибки и просчеты в ходе перестройки надо было бы устранять сразу.| Надо было без промедления решать вопросы, поставленные союзными республиками в связи с объявленными в них курсами на суверенитет, наделить их соответствующими правами.

Много было произведено реорганизаций хозяйственной системы, но все они в конечном счете оказались ненужными и бесплодными. Предоставленные сами себе колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия без реальной помощи государства стали хиреть на глазах, а многократное повышение цен на сельскохозяйственную технику поставило их на грань катастрофы, пагубно сказалось на продуктивности полей и ферм. Чем это кончилось, известно: Госагропром СССР пришлось в пожарном порядке упразднить, большинство его республиканских и местных органов преобразовать. Поставленная же проблема ни на шаг на продвинулась к своему разрешению.

Сам по себе правильный лозунг сосредоточения всей полноты власти в руках Советов народных депутатов тоже проводился в жизнь без должной последовательности и настойчивости.

Также надо признать совершенно ошибочной практику совмещения в одном лице руководителей партийных и советских органов на всех уровнях, снизу и доверху. Между прочим Горбачев эту форму заимствовал у Чау-шеску.

Поддерживая в принципе форму президентского правления, я уже замечал что она охватила не только большинство союзных республик, но и отдельные автономии. Парадокс, но по числу президентов мы обогнали все государства мира и вышли на первое место, К сожалению, и это не привело к улучшению социально-экономических и иных показателей жизни народа. На мой взгляд, остается совершенно недопустимой практика наделения президентов чрезвычайными полномочиями, ибо это

наносит ущерб полновластию высших органов государственной власти.

Неудачны были многие другие реорганизации периода перестройки такие, как госприемка, временные комитеты по борьбе с преступностью, преобразование ряда министерств из союзно-республиканских в общесоюзные, общество борьбы за трезвость и т.д. Все это проводились бессистемно, непродуманно, без серьезного обоснования и проработки, без прогнозирования возможных последствий. Более того, такой легковесно-поверхностный подход стал определяющий чертой всей политической и практической деятельности высшего руководство страны и, в первую очередь, Президента и его команды, хотя бесспорно, были в ней и толковые люди.

Если коснуться одного из главных вопросов социально-экономической жизни общества — о разгосударствлении и приватизации, то можно согласиться с тем, что государственная собственность в том виде, в каком она сложилась у нас, мало стимулировала высокопроизводительный труд, нивелировала в людях чувство хозяина, порождала безразличие к результатам хозяйствования. Но, на мой взгляд, нельзя же бросаться из крайности в крайность, бездумно разбазаривая то, что создано напряженным трудом народа.

Считаю, что одной из главных ошибок являлось то, что не была определена концепция перестройки, от чего следовало отказаться и к чему надо было стремиться. Не было проведено серьезного и обстоятельного анализа существующего положения для того, чтобы выработать политику на будущее.

Все это привело к разрушению экономики, расколу общества, провалу союзного договора, В результате то, что было создано многим поколениями советских людей» потеряно в считанные годы. Наше многонациональное государство стало все больше и сильнее расшатываться снизу доверху, втягиваться в водоворот распрей, конфликтов и беспорядков, утрачивать стабильность, устойчивость, способность к поступательному развитию. Сейчас его нет.

На мой взгляд, тут следует выделить две группы причин. Первая группа уходит корнями в сталинскую эпоху "автономизации", которая на деле обернулась установлением в стране унитарного сверхцентрализованного государства, мало считавшегося с реальными нуждами народов и порой грубо попиравшего их право и интересы. В период работы в руководящих органах я сам постоянно ощущал ненужность и неоправданность действовавшего тогда порядка, когда не только узловые, поистине общегосударственные дела, но и второстепенные, мелкие вопросы решались в Москве. По мере своих сил и возможностей я противился такому диктату, старался добиваться расширения самостоятельности республиканских и местных органов. Но тоталитарная система действовала по своим законам и требованиям; она все больше вступала в противоречие с интересами прогресса и нуждалась в коренном преобразовании и обновлении.

Мне на протяжении многих лет приходилось постоянно контактировать с центром, вступать с ним в разнообразные отношения, которые бывали то безоблачными и даже теплыми, то официально-сдержанными, то чуть ли не конфронтационными. В целом же роль центра в жизни республики нельзя оценить однозначно, она никак не охватывается одной формулой.

Было бы несправедливо, если бы я прежде всего не отметил большой помощи, которую Казахстан на протяжении десятилетий получал о Центра в деле развития народного хозяйства. Эта помощь осуществлялась в разных формах, затрагивала вопросы освоения природных богатств, финансирования перспективных отраслей промышленности и сельского хозяйства, строительства города» и других неселенных пунктов, транспортных магистралей, подготовки квалифицированных кадров, создание очагов культуры и т. д.

Но есть ряд моментов, которые отрицательно характеризуют роль центра в жизни нашей республики.

Например,— это утвердившаяся централизация управления. Она постоянно нарастала и по сути дела превратилась в сверхцентрализацию. Она коснулась многих сторон жизни республики и в определенной степени нанесла ущерб ее поступательному развитию.

Даже в сфере межреспубликанских отношений центр не отступал от своей политики диктата и силового (порой — грубого) давления, как это было мной подробно описано во фрагменте о разногласиях с Хрущевым.

Постоянно игнорировали нужды республики общесоюзные министерств, численность которых из года в год стремительно росла. Создавая в Казахстане крупные объекты промышленности, энергетики, транспорта и т. д., они часто думали только о производственных делах и не заботились в полной мере о нуждах местного населения. Они почти не занимались обустройством рабочих и служащих, мало строили жилья, школ, больниц, детских садов и яслей, других объектов соцкультбыта. Наши же просьбы и требования о пропорциональном развитии как производства, так и социально-культурной и бытовой сферы союзными министерствами и подчиненными им предприятиями и организациями обычно оставлялись без должного внимания и реагирования, и нам приходилось с силой их пробивать.

В основе жестокой централизации, пронизавшей всю государственную и общественную жизнь страны в течение длительного периода, лежало сосредоточение в руках центра вопросов, связанных с ресурсами ***ш*** финансами. Ведь любое мероприятие по преобразованию административно-территориального деления республики, развитию хозяйства, культуры, сферы обслуживания и т. д. упиралась в необходимость финансового и материально-технического обеспечения, а вопросы почти целиком были в ведении Москвы. И практически по любому сколько-нибудь важному вопросу требовалось решение центра. Республике не разрешалось даже частично тратить на свои нужды валютные средства, которые она сама зарабатывала в довольно значительном количестве, не считая того, что Казахстан имеет изрядную долю в добыче благородных металлов.

Особенно надо отметить, какие последствия для республики имела централизация в сфере идеологии, в частности по таким проблемам, как формирование национальной культуры, пробуждение национального самосознания, использование местных языков, освещение истории национально-освободительного движения и истории вообще. Центр зорко и бдительно следил за тем, что происходит в республиках, и мгновенно реагировал на малейшие попытки отхода от официальной линии. Такие шаги решительно пресекались и зачастую квалифицировались как проявления национализма и других вредных течений. Сколько "всяческих" кампаний начиналось с публикации в газете "Правда" и иных центральных изданиях статей о тех или иных "националистических тенденциях" в Казахстане! Причем, жесткий контроль центра за ходом таких кампаний по сути дела исключал возможность оправдания республикой намеченных жертв.

Как уже отмечалось выше, многие годы идеологией в республике ведали перестраховщики, готовые с полуслова выполнять любые указания центра и полностью игнорировавшие интересы своего народа. Все это не могло ни сдерживать развитие национальной культуры не только казахского, но и всех народов нашей многонациональной республики.

Должен сказать, что основательное закручивание "гаек" и усиление "идеологического пресса" центра характерны и для первого периода руководства страной Горбачевым и Лигачевым. Достаточно вспомнить олигоф-реническую по своей сути и методам антиалкогольную кампанию. Все акции Старой площади и Кремля сопровождалась заменой национальных кадров, присланных из Москвы и других регионов. Но многие из них, не зная национальной специфики республики, так и не смогли в полной мере выполнять ту миссию, которая на них возлагалась.

Ущемление прав республики, мелочная опека центра сдерживали нашу инициативу, не позволяли проявлять необходимую гибкость и дефференцированность, отчего в определенной степени страдало состояние экономики, культуры и других сфер жизни республики.

Однако к демократизации и преодолению сверхцент-

рализации надо было идти, предварительно проведя основательную подготовку, наметив развернутую и взвешенную программу предстоящих действий и планомерно претворяя одно мероприятие за другим. А что получилось у нас? Переходя ко второй группе причин, обусловивших беспрецедентное обострение межнациональной напряженности в стране, отмечу, что отход от прежнего порядка, к сожалению, не сопровождался утверждением новых условий, в силу чего повсеместно стала брать верх самая обыкновенная анархия. Налаженные десятилетиями производственно-экономические, снаб-женческо-бытовые, торговые и иные связи начали быстро рваться, место планомерных поставок занял примитивный бартер, многие коллективы лишились прежних источнике» сырья, материалов и комплектующих изделий. Хозяйственная жизнь страны оказалась парализованной.

Я не согласен с политиками, идеологами и учеными, стремящимися видеть только в далеком прошлом корив тех трудностей, с которыми столкнулась практика советского федерализма в современный период. Немалая доля вины за развал нашего многонационального государства падает на Горбачева и его команду, о чем есть смысл сказать подробнее ниже. Неумелая, я бы сказал, беспомощная практика этого руководителя не только усугубила кризис межнациональных отношений, но и вызвала своеобразную "цепную реакцию" межэтнических войн.

У Горбачева чуть ли не единственным способом решения межнациональных проблем было "отсутствие всякого решения".

Заметное ослабление и даже "паралич" центральной власти неизбежно привели к тому, что в стране развернулась "война суверенитетов" и противоборство общесоюзных и республиканских законов, оказались рассогласованными действия разных государственных органов. Борьба за реальный суверенитет республик правомерна, я ее всячески поддерживаю и являюсь ее сторонником, но она, на мой взгляд, не должна перерастать в автаркию, национальное обособление и замкнутость, веста к противопоставлению одних наций другим, а тем более — всему нашему многонациональному Содружеству.

О политическом плюрализме. Плюрализм и особенно многопартийность сами по себе полезны и необходимы. Существование многих, в том числе оппозиционных партий, политических движений н организаций, ставит действия правящей партии под широкий повседневный контроль, или, по крайней мере, сокращает возможность злоупотреблений, нарушений, беззакония с ее стороны.

Пока правящая партия функционирует в условиях единовластия, она порой не задумывается о возможных последствиях своих решений, и в случае неудачи может оправдать их теми или иными объективными и субъективными причинами. Когда же каждый шаг правящей партии внимательно изучается ее оппонентами, она много раз думает» прежде чем предпринять сомнительные и заведомо ошибочные действия. Вряд ли в условиях политического плюрализма и многопартийности были бы возможными массовые репрессии и террор, которые охватили страну в 1937-1938 годах, а также послевоенные кампании по борьбе с "космополитами" и т. п., выходки Хрущева по отношению к деятелям литературы и искусства, охота за "диссидентами" и т. д.

Одной из причин, которая резко ухудшила внутреннее положение страны» было непродуманно принятое решение о крупном повышении цен и введении пятипроцентного президентского налога на продажу товаре» повседневного спроса, что вызывало справедливое возмущение трудящихся: начались забастовки шахтеров с экономическими и политическими требованиями. Государство на данном этапе оказалось фактически неуправляемым.

Полностью были запущены идеологическая и воспитательная работа. Под прикрытием гласности и демократии в стране распространились в массовом порядке самый низменные и дешевые элементы псевдокультуры.

Партийные же и советские органы, а следом за ними профсоюзы и комсомол вместо решительных мер по наведению порядка в защите элементарных прав граждан проводили бесконечные и ненужные мероприятия, разрабатывали и принимали расплывчатые, не имеющие никакого значения программы. Причины кризиса крылись в неправильных тактических действиях и методах управления в проведении

политики перестройки.

Наша партия, к сожалению, оказалась отстраненной и отключенной от активного участия в проведении перестройки. По вине руководства, она оказалась на обочине процессов, идущих в стране, и пассивно созерцала их со стороны. Происходящие пленумы ЦК КПСС и другие мероприятия ничего не изменили и не принесли никакой пользы. Многие бывшие руководящие лица, занявшие именно благодаря ей высокие посты, быстро переориентировали свои взгляды в зависимости от обстановки, способствовали распаду КПСС*

Вот уж поистине никто из людей» по-настоящему верных великой идее, никогда не предугадывал столь фантастического финала.

На Востоке говорят: живые закрывают глаза умершим, а умершие открывают глаза живым. И вот я думаю — не поспешили § ли мы похоронить партию, вместе с которой шли на великие дела и совершали их? Где, когда такое было, чтобы одним росчерком пера аннулировалась деятельность многомиллионной партии» и вершилось это по воле ее генерального секретаря? Причем это было сделано без учета мнения рядовых коммунистов, {без созыва пленума или съезда партии. Руководство партии полностью дискредитировало себя и своими действиями подорвало авторитет КПСС. Затем развернулась массовая антикоммунистическая кампания. Раздавались призывы: КПСС — к суду!

У нас в Казахстане с партией покончили "законно": сначала пленум, потом съезд. Ну а судить партию» значит судить своих отцов, матерей, дедов...

Совершенно справедливо указывалось в письме к съезду народных депутатов РСФСР, опубликованном в "Правде" 28 октября 1991 года: "судить партию — это унизить 40 миллионов человек, а если учесть их друзей и близких, то цифра достигает половины населения страны. Ведь такое не привиделось в бредовом сне даже Берии и Ежову... "

Да, партия распущена. Ликвидированы ее руководящие органы, но сама партия жива. Ведь нельзя запретить саму идею, которой привержены множество людей. В последнее время число желающих вступить в партию увеличивается. И как факт имеющий большое значение можно считать официальное

проведение съезда Компартии России, самой крупной партийной организации из стран СНГ, который избрал руководящие органы и принял конкретную программу действий партии на ближайший период.

ШАГИ НАД ПРОПАСТЬЮ

В июле 1991 года, мной была закончена книга воспоминаний "О моем времени", а в августе всю страну всколыхнули крупные потрясения. Главным из них, несомненно, стали . события с заявившим о себе всему миру ГКЧП*

Обо всем этом писано-переписано. Причем до такой степени, что многие потеряли всякий интерес и к самим узникам столичной тюрьмы под романтическим названием [44]Матросская тишина", хотя организаторами ГКЧП явились люди, занимавшие высокие должности в партии и стране, назначенные самим Горбачевым. Они были ближайшими соратниками Президента — занимали ключевые посты — вице-президента; председателя Совета Министров, председателя Верховного Совета, председателя КГБ, министра обороны, министра внутренних дел и т. д. Как сообщалось в печати, они ставили своей задачей: "чрезвычайные меры, чтобы спасти страну от распада, остановить сползание страны в бездонный кризис» межнациональную вражду, обнищание миллионов людей/ беззаконие и кровопролитие".

Задача, как известно, выполнена не была, а сам ГКЧП оказался под долгам следствием, а затем и судебным разбирательством. И опять же, именно тогда Горбачев, углубляя свое правовое невежество, еще шире открыл ворота тотальному беззаконию. Чтобы замаскировать это беззаконие, дело "гэкачепистов" оказалось весьма кстати.

До августовских событий в результате отступничества Горбачева аннулирована КПСС. При чем это, как уже говорилось, было сделано без учета мнения многомиллионной армии коммунистов, без созыва пленума ЦК и съезда партии.

Главным виновником развернувшейся антикоммунистической кампании стал Горбачев. Он самоустранился от

должности генерального секретаря и распустил Центральный комитет партии.

Дальше — больше. И вот произошло особое событие, как громом поразившее весь мир. Это было упразднение Союза Советских Социалистических Республик — великой мировой державы. Как это случилось, у всех на памяти — подробно повторяться тут нет ни резона, ни смысла. Сначала три республики — РСФСР, Украина, Белоруссия образовали Содружество независимых государств, к которому впоследствии присоединились и другие республики, за исключением Грузии и ранее вышедших из СССР трех прибалтийских республик.

Страна, влиявшая на ход мировой истории, распалась. Великая созидательная сила — дружба народов, поднявшая СССР на высоту небывалого авторитета во всем цивилизованном мире, стала терять свое значение. Прекратило свое существование содружество социалистических стран.

Свершившегося уже не вернешь. Но нельзя не видеть, что пути и методы образования новых самостоятельных государств на прежнем месте СССР были неверными. Союз, как государство, распался не стихийно, я Появление же пятнадцати самостоятельных государств и упразднение СССР, по нашему мнению, могло бы пойти по законному пути. Но, к сожалению, и здесь Горбачев допустил грубейшую ошибку и активно способствовал развалу великой державы. Являясь главой государства, он мог бы вполне воспрепятствовать непонятной и опрометчивой поспешности, с какой образовалось СНГ и придать всему конституционный характер. На наш взгляд, было бы правильным созвать чрезвычайную сессию Верховного Совета СССР с участием представителей всех республик и выступить на ней с четкой и ясной программой действий, не забывая об истории образования Союза и его роли в становлении всей державы. Нелишне было бы напомнить о реальных преимуществах социализма в улучшении жизни народа, его культуры и науки.

Надо было бы доложить народу что образование Союза, как многонационального государства, было совершенно правильной, своевременной и жизненно ва жной

исторической необходимостью. Именно с образованием СССР начался переход на социалистическую плановую систему управления хозяйством, хотя начался он на базе крайне истощенного потенциала страны. Мы начинали с ликвидации поголовной неграмотности с общим уровнем образования "в полкласса" в ту пору, когда Западная Европа завершила переход ко всеобщему среднему образованию. Но вскоре, именно наша новая система, несмотря на все деформации, заявила о своей небывалой жизнестойкости, практически один на один одолев самого лютого врага человечества — гитлеровский фашизм, снискав уважение не только союзников по антигитлеровской коалиции, но и всего человечества, увидевшего отнюдь не многомиллионную "тюрьму народов", а настоящий оплот мира.

К 60-летию образования СССР экономика страны представляла собой единый комплекс, возникший на основе дружбы и сплоченности народов. К тому времени наша страна стала могучей державой с мошной индустрией, с развитым сельскохозяйственным производством, передовой наукой и культурой. К примеру можно сказать, что в год 60-летия страна добывала свыше 600 миллионов тонн нефти, свыше 50 миллионов тонн газа, свыше 700 миллионов тонн угля. Производство электроэнергии превысило 1300 миллиардов киловатт часов.

Страна выпускала два миллиона автомобилей, более полумиллиона тракторов, свыше восьми миллионов телевизоров, около шести миллионов холодильников. Резко* увеличилась производительность предприятий легкой промышленности. Хлеба производилось 230-240 миллионов тонн, около 15 миллионов тонн мяса, молока свыше 90 миллионов тонн. Росло производство всех видов продуктов полеводства и животноводства. Было построено два миллиона квартир. Улучшалось снабжение населения промышленными и продовольственными товарами.

Наша страна опережала США по такому ведущему направлению научно-технического прогресса, как использование атомной энергии в мирных целях. К слову, непроизошло бы аварии в Чернобыле, если бы Горбачев и Рыжков больше внимания уделяли состоянию атомной энергетики, которая требует всегда особой заботы. Ее не было — и вот печальный результат. Советская школа ядерщиков была ведущей базой исследований для всей мировой науки. В Советском Союзе первым в мире был запущен искусственный спутник Земли и осуществлен орбитальный полет корабля с первым космонавтом на борту. Страна намного раньше США взяла на вооружение сверхмощные виды атомного оружия, чем исключила возможность развязывания империализмом новой мировой войны. А ведь такая война не раз стояла у нашего порога.

Запад много перенял у нас позитивного в сферах долгосрочного планирования и прогнозирования, в умении концентрировать колоссальные силы на осуществлении крупных проектов в энергетике, авиации, космосе. После наших космических успехов США удвоили темпы развития высшего образования. Но мы, к сожалению,

320 принялись экономить на вузах, школах, культуре в целом, то есть стали рубить сук, на котором сидели. А сколько лет во время так называемой перестройки у нас велась необъявленная война с наукой.

Итог всего этого весьма печален и трагичен. Сейчас мы в экономике, а значит и в уровне жизни проигрываем как Западу, так и Востоку.

Ныне все мы снова над пропастью неисчислимых бед. Их не миновать, если продолжать плыть дальше "по воле волн" курсом "перемен", раздевающих народ донага и опять загоняющих жизнь в тупик.

Кто будет отрицать, что несмотря на все издержки, прежний рост экономики страны позволил всем республикам, входящим в состав Союза, высоко поднять все отрасли народного хозяйства и резко улучшить благосостояние народа. Все помнят, как в день 60-летия СССР было сказано, что у нас нет теперь в стране отсталых республик и окраин. И это была правда!

Что дало Казахстану вхождение в семью братских народов, образовавших СССР? Ответ однозначен: бесценные результаты, весомые достижения в наращивании производительных сил, в подъеме материального благосостояния и культурного уровня народа. Мне довелось быть в руководстве республики довольно солидный срок. И, это, скажу без ложной скромности, был период самых высоких достижений во всех сферах народного хозяйства со дня ее образования.

Казахстан стал республикой с мощной индустрией, крупным сельскохозяйственным производством, с подготовленной большой армией научно-технической интеллигенции, способной и «дальше высокими темпами развивать все отрасли народного хозяйства.

Не только Казахстана, но и другие республики укрепились компетентными кадрами, создали крупную экономическую базу, готовы были к дальнейшему созиданию. Но все было в одночасье подвергнуто нелепому эксперименту, отбросившему общество далеко назад, в период самого пещерного капитализма с его безжалостными нравами и античеловеческой сущностью. Каким был умными формулировками ни прикрывали политики метаморфозу, свершившуюся если не по злой воле, не по криминогенному умыслу, то по фантастическому недомыслию, правду не скроешь.

"Судьбоносная" перестройка, начатая в 1985 году под общим демагогическим девизом "Больше социализма!" теоретически Горбачевым не была продумана. Никто ее тактически не подготовил, организационно и материально не подкрепил. Горбачев и его подхалимы свою "революцию сверху" охотно сравнивали с Октябрьской революцией. Но у Октябрьской революции, как

известно, была многолетняя подготовка. Это первая революция 1905-1907 годов. Затем Февральская революция 1917 года, а после нее три фазы выступлений трудящихся в апреле, июне, июле того же года, прозорливые работы Ленина. А Горбачев решил взять все одним махом, разом. И все, конечно, провалил с треском. Страна оказалась ввергнутой в национальную катастрофу. Какой, наверное, не оставило бы даже агрессивное — в духе Герберта Уэллса — нашествие инопланетян.

В результате деяний Горбачева капиталистический мир, все время стремившийся к ослаблению могущества СССР, получил не только искомое, но более того — самоликвидацию великой социалистической державы.

Утопические "преобразования", начатые Горбачевым, лопнули, как мыльный пузырь. Его обещания сделать за несколько лет жизнь богатой и счастливой оказались форменным обманом. Доверия партии и народа он не оправдал. На его совести гибель многих тысяч советских людей.

Что касается статистических конкретностей, они были страшны уже с самого начала. Честные люди уже тогда забили тревогу, убедившись, как по сравнению с 1990 годом уже в 1 квартале 1991 года спад промышленного производства страны составил 13 процентов, объем подрядных работ упал на 30 процентов, закупки скота и птицы, молока, яиц сократились на треть. Пожалуй, единственным из "производств", фантастически наращивающим выпуск своей продукции, стало безмерное изготовление бумажных денег. Тут страна под руководством своего президента, которого народ не выбирал "прямым голосованием", побила все рекорды. Деньги при невероятном росте цен обесценились несказанно. К 1991 году их было выпущено свыше 137 миллионов рублей, что больше, чем за все прошедшие 30 лет. Абсолютно прав глава Института социально-политических исследований Российской Академии наук академик Г. В. Осипов: "Страна создавала мощную индустрию и создала ее. К началу перестройки наша промышленность была одной из крупнейших в мире. Если бы этот потенциал не разрушать, а разумно использовать, можно было бы во второй половине 80-х годов и сейчас рвануть очень резко вперед. Тогда бы у нас были и предметы массового потребления, и правительство не ходило бы по зарубежью с протянутой рукой".

Мнение более чем справедливое. И не единственное. Аналогичным образом рассуждали все думающие люди не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Но что это всеобщая

обеспокоенность означала для власть имущих? Ровным счетом ничего. И прежде всего для Михаила Сергеевича — неутомимого возглашателя роли "человеческого фактора", прочих расхожих постулатов и аксиом.

Падение экономики страны тяжко отразилось и на положении Казахстана, считающегося наиболее устойчивым в экономической и политической сферах по сравнению с другими регионами. Республика потеряла многие свои завоевания. Резко ухудшились технико-экономические показатели в промышленности, в сельскохозяйственном производстве, в капитальном строительстве, на транспорте, во многих сферах науки и культуры. Так, по официальным данным, республиканская промышленность в 1992 году сработала на уровне 1981 года, а строительство жилья оказалось на уровне 1957 года. Неважны были и результаты в сельском хозяйстве, где закупки скота и птицы, молока, яиц и шерсти упали на 29-41 процент.

Так называемая перестройка фактически принесла всем народам бывшего СССР и социалистического содружества колоссальные бедствия. Между тем, снова скажу о том, что период в жизни страны до Горбачева, особенно годы правления Брежнева, который был назван "застоем", на самом деле таковым не был. Сошлюсь на конкретные данные.

Среднегодовые темпы прироста в СССР и в капиталистических странах за 1951-1983 годы (в процентах)

	СССР	США	Развитие кап. страны
промышленное производство	**8,2**	**4,2**	**3,7**
продукции с/х производства	**3,1**		**1,5**

	Соц. страны	Раз. кап. страны
темпы роста промыш- ленного производства	4,6	- 0,2
темпы роста с/х про- дукции	5,4	- 0,3

Эти данные опубликовала 8 августа 1992 года газета "Правда", справедливо заключившая, что горбачевская утка о "застое"— это клевета на советский народ. К сожалению, не раз и не два эта газета была флюгерным изданием. Одно время Горбачев даже укрепил ее едва ли не самым близким себе человеком — Фроловым, сделав его главным редактором. Но на сей раз сама жизнь, горькая действительность, заставили говорить правду уже без всяких кавычек, начистоту.

Долгие раздумья над событиями последних лет снова привели меня к глубокому убеждению о сугубо негативной роли, которую сыграл в жизни еще совсем недавно великой социалистической державы Горбачев. Эта роль по истине разрушительна, ибо сделавшись первым руководителем, он за "рекордно" короткий срок успешно осуществил то, чего на протяжении десятилетий никак не могли достичь все наши скрытые и явные недоброжелатели.

Было бы неверно думать, что этот горький вывод целиком и полностью является следствием недобрых перемен в моей личной судьбе, непосредственно связанных с Горбачевым. Отчасти это, видимо, так, но все же главное в ином. Как и любой другой объективный очевидец, я не могу отвлечься от того, что за период своего правления Горбачев вверг государство и общество в состояние небывалого кризиса. В наибольшей мере его некомпетентность проявилась в управлении народным хозяйством страны. Все мы были свидетелями его бесконечных колебаний и шараханий то в сторону так называемой "стратегии экономического ускорения", развития научно-технического прогресса и введения

госприемки, то в сторону "раскрепощения" индивидуальной трудовой деятельности кооперативов и других форм предпринимательства, то в сторону скороспелых реорганизаций в системе материально-технического снабжения, обеспечения и финансирования. Причем все эти эксперименты не доводились до конца, бросались на полпути, уступая место новым "начинаниям".

В свое время мы обоснованно критиковали Хрущева за бурные прожектерские опыты, но теперь очевидно, что Горбачев тут обставил Никиту Сергеевича по всем статьям и позициям, фактически отдав бразды правления отнюдь не избранникам народа, превратившим парламент в пустую и бесконечную говорильню, а различного рода дельцам теневой экономики, которые, будучи сторонниками западной модели "развития" общества, видели в ней отнюдь не благодатный оазис демократических свобод, а неиссякаемый источник личного обогащения.

Я никоим образом не склонен идеализировать состояние народного хозяйства до прихода Горбачева к руководству партией и страной. В экономике все явственнее стали проявляться такие тенденции, как замедление темпов развития, усиление диспропорций, слабое использование достижений передовой науки и техники, низкая заинтересованность работников в результатах труда. Тем не менее в стране был накоплен огромный производственный и научно-технический потенциал, которым надо было рачительно, по-хозяйски распорядиться. Однако вместо ожидавшихся мер по дальнейшему совершенствованию экономики Горбачевым опять-таки под завесой демагогических обещаний и аккомпанемент пагубных экспериментов фактически был взят курс на ее дезорганизацию и развал. Ни к каким возражениям членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, руководителей республик он не прислушивался, считая себя непогрешимым и полностью уверовав в свои якобы выдающиеся способности. Цена такой амбициозности оказалась, как я уже отметил, более чем высокой.

Но особенно беспомощность и несостоятельность Горбачева как руководителя подтверждает нынешнее состояние межнациональных отношений. Его постоянные ссылки на то, что здесь им получено незавидное наследство от предшественников,— состоятельны лишь отчасти. Конечно, в сфере отношений между нациями и народностями были нерешенные проблемы, подчас серьезные, но наша страна уже не знала острых межнациональных конфликтов и распрей, не была втянута в пучину кровавых

столкновений и затяжных войн. Все эти кошмарные явления у нас были фактами далекого прошлого, с которыми мы, казалось бы, уже покончили навсегда.

Мы со всей убежденностью полагали, что обострение национальных и расовых трений и конфликтов теперь возможно лишь в странах капитала. В Великобритании это — ирландский вопрос, в Бельгии — валлонский, в Канаде — франко-канадский, в Испании — баскский и т. п. Но Горбачев быстро освободил нас от этих наивных иллюзий. С его приходом к высшей власти межэтнические распри вновь? ожили и стали кровавыми реалиями нашей действительности, несказанно удивив тем самым все мировое сообщество. Хотел он того или нет, но вся его политика объективно вела к расстройству того состояния межнациональных отношений, которое характеризовалось устоявшимися формами согласия, налаженными связями, сотрудничеством и взаимопомощью. Показательна позиция Горбачева по вопросом о требованиях крымских татар, турок-месхетинцев, восстановлении *> немецкой автономии, азербайджано-армянскому конфликту и т. д. Эта обтекаемая позиция "невмешательства" на шаг не продвинула их решение, а наоборот, усугубила проблемы. Вместо действенных мер, он занялся привычной демагогией и обращениями, к которым никто не прислушивался.

Пренебрежение к интересам наций и народностей, а в ряде случаев — их игнорирование и нарушение, проявлялись во многих действиях бывшего главы партии и государства. Чего стоило, к примеру, содержавшееся в его интервью украинскому телевидению утверждение, будто в период освоения целины от России к Казахстану отошли северные области! Это заявление оживляло территориальные притязания к Казахстану со стороны некоторых кругов России и намеренно разжигало нездоровые страсти вокруг северных областей республики; оно вызвало законный протест Верховного Совета республики, в связи с чем Горбачев был вынужден принести публичное извинение.

Между прочим, с легкой руки Михаила Сергеевича было превознесено до небес в качестве эталона глубокой мудрости известное творение Солженицына "Как нам обустроить Россию", где знаменитый писатель одним росчерком пера урезал территорию Казахстана до его нескольких южных областей и позволил себе, скажу так, весьма недипломатичные пассажи в адрес казахского народа. Можно уважать Солженицына как значительного литератора, но вряд ли высказывания типа, указанных выше, делают честь ему и тем, кто поспешил возвести их в абсолют.

А сколько раз Горбачев отклонял своевременные предложения по модернизации и обновлению СССР, о необходимости заключения нового Союзного договора. Зато проявлял фантастическую оперативность идти навстречу любым пожеланиям наших бывших противников за рубежом. На Союзный договор он согласился лишь тогда, когда уже было поздно. К тому времени центробежные силы успели сделать свое, но даже вроде бы и осознав необходимость заключения нового Союзного договора, Горбачев шел к реализации этой идеи нерешительно, сомневаясь на каждом шагу, ограничиваясь чисто внешними перестановками, без внесения реальных изменений в соотношение компетенции союзных, республиканских и местных органов. Об этом свидетельствовал весь ход так называемого Ново-огаревского процесса, который практически оказался безрезультатным. Упразднение СССР стало закономерным следствием политики Горбачева, его иезуитской стратегии и подчиненной ей тактики. Между тем можно и нужно было, прежде чем приступать к очередному роковому опыту, серьезно ослабить существовавшую в прежнем государстве сверхцентрализацию управления, «перераспределить многие функции между центром, республиками и местными органами, демократизировать всю систему отношений между ними, создав тем самым надежную основу для сохранения государственного единства страны.

Как коммунист с более чем полувековым партстажем считаю предательскими действия Горбачева, направленные на постепенное ослабление роли КПСС в

жизни общества, отстранение ее от руководства государством и последовавшие затем ее демонтаж и роспуск.

Избирая его генсеком, мы не могли предполагать, что его клятвенные заверения в верности великому делу партии и народа окажутся ложью, верхом безнравственности и политического авантирюзма, что вся его деятельность будет направлена во вред партии и всего общества. Я до сих пор ума не приложу, как же это получилось, что во главе КПСС оказался ярый анти-коммунист, который, прикрываясь звучной фразеологией о марксизме-ленинизме и коммунистических идеалах, шаг за шагом, по своему целенаправленно и последовательно претворял в жизнь антипартийные цели и задачи. Будь живы Муссолини, Салазар, Франко и Гитлер они, несомненно, аплодировали Горбачеву. Даже став президентом страны, Горбачев решительно отклонял требования об оставлении им поста генсека, считая, видимо, необходимым использовать этот пост для полного разрушения партии. А после августовских событий 1991 года он не только не противодействовал, считаю, незаконному указу российского президента Б. Н. Ельцина о приостановлении деятельности КПСС на территории России, но и через несколько дней без созыва Пленума ЦК КПСС или даже заседания его Политбюро принял аналогичный акт в масштабе всего государства. Таковой на деле оказалась "преданность" Горбачева великому делу Ленина.

И во всех других сферах общества, страны, геополитики Горбачев оставил весьма печальный след. Теперь, когда фактически ликвидировано социалистическое содружество, место великой державы, какое занимал прежде СССР в мировом сообществе, заняли государства, которые еще предстоит "завоевать место под солнцем"; одну за другой мы сдаем позиции развитым, а подчас и неразвитым странам Запада и Востока; благосостояние народа стремительно ухудшается; растет преступность и т. д.— ко всему этому прямо или косвенно причастен Горбачев.

Выдвигая и обосновывая политику перестройки, Горбачев обещал всеобщее улучшение через полтора-два года. Позднее эти сроки пришлось отодвигать причем — неоднократно, и в конце концов вместо перестройки страна получила разрушение и хаос, немыслимые даже при сознательном развале всего сущего.

О своих прежних обещаниях он очень скоро забывал, ибо для него было главным — произвести впечатление, а интересы дела — понятие третьестепенное. Легковесный подход к сложным государственным проблемам, отсутствие должной ответственности,

погоня за красивыми фразами, умение утопить в пустопорожних расуждениях суть проблемы стали неотъемлемыми чертами стиля деятельности Горбачева. Поэтому работать с ним было трудно. Когда же встал вопрос об ответственности за содеянное, он не задумываясь, подставил под удар своих же помощников и соратников. Такое его коварство, по-моему, в полной мере испытали Рыжков, Лигачев и многие другие.

В одних случаях злая воля и стремление добиться именно отрицательного результата, в других — элементарная некомпетентность и беспомощность, в третьих — излишнее самомнение и амбициозность вот те слагаемые характера Горбачева, позволившие ему так повернуть состояние дел в бывшем Союзе, что его народы до сих пор не могут придти в себя.

Что греха таить, любили все мы называть своих первых руководителей "дорогими". Нехватки в этом эпитете никогда не ощущалось. Но на поверку оказалось, что самым дорогим в буквальном смысле — обошелся нам всем — партии, стране, социалистическому содружеству — Михаил Сергеевич. Дороже — некуда.

И даже сейчас, вместо того, чтобы думать о спасении Содружества лауреат Нобелевской премии, Горбачев без конца разъезжает по разным странам, получая солидные валютные подачки за свои платные лекции.

Не так давно Горбачев вояжировал по странам Латинской Америки. Но там его встречали, как сообщала печать, уже не как триумфатора, а как политического оборотня, воздавая ему иной раз по заслугам в печати и на встречах, забрасывая гнилыми овощами и тухлыми яйцами, устраивая обструкции и манифестации протеста. Даже такой спокойный, уравновешенный политик, каким известен президент Аргентины Карл ос Менем, и тот не выдержал и высказался очень скептически по поводу платных лекционных вояжей отставного деятеля.

Великий мыслитель XX столетия Альбер Камю в одной из своих работ заметил: "Мы живем в эпоху мастерски выполненных преступных замыслов". Этот философ и литератор не дожил до "эры" Горбачев, но замечание это целиком и полностью можно отнести к последнему генсеку, коварно преданной им партии советских коммунистов. Преступный замысел действительно был выполнен им мастерски. Я бы назвал его сыном Каина, чьим уделом теперь и отныне на все времена — презрение миллионов людей с трудовыми руками и чистой совестью.

НЕТ, НЕ ВСЕ У НАС В ПРОШЛОМ

Я и прежде полагал, что не один огладываюсь на так называемую перестройку и прочие перемены в нашей жизни с возрастающей озабоченностью и тревогой за будущее не только родного мне Казахстана, невольно приходя к непростым выводом и вопросам. Но их тяжкая ноша стала намного легче после того, как во время моей недавней поездки по районам и историческим местам пяти областей Казахстана, мне опять довелось встречаться и откровенно беседовать с рабочими, колхозниками, представителями культурно-просветительных учреждений, руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Эти встречи вооружили меня, человека прожившего долгую жизнь, очевидца и участника многих выдающихся событий в Казахстане до распада СССР, новыми фактами, дающими ясное, как прежде говорили, некабинетное, представление о подлинной обстановке.

Не стоит забывать и о возрасте — ведь мне уже девятый десяток. **В** жизни всего было предостаточно — и радостей и трудностей. Конечно, у всего земного свой предел. Но пока еще есть силы, пока бьётся, сердце, душа человека молода. Она не желает стареть и успокаиваться и, по возможности, стремится к действию.

В моем народе говорят: "Не станешь душевно богат, не уважив дух предков". И я всегда верил, что так оно и есть. Земли моих предков тянутся со среднего течения реки Или, охватывают ее правый и левый берега до Куйгана и дальше переходят на территорию Чуйско-го, Мойынкумского, Сары-Суйского, Таласского районов Джамбулской области.

В конце мая 1992 года вместе с журналистом С. Абдраимовым, врачом Ахатом Мулюковым, в сопровождении моего племянника Эльдара на двух машинах мы выехали из Ал маты. Наш путь лежал в Таласский район, в овцеводческий совхоз "Ойык". Еще при въезде на

Курдайский перевал я порадовался обилию полевых тюльпанов. Это верный знак того, что влаги в этом году много,' и урожай должен быть отменным.

Цвели не только подножия, но и сами горы. Волнующий душу запах полыни наполнял воздух. Проехав мимо аула известного казахского поэта-акына Кенена Азербаева, мы свою первую остановку сделали в центре Курдайского района — Георгиевке. Надо было видеть, с какой сердечной теплотой здесь нас встретили

ветераны войны и труда во главе с одним из авторитетных людей Джамбулской области, продолжительное время работавшим первым секретарем Фурмановского райкома Аутпа-ем Назарбековым.

После небольшой остановки двинулись дальше — в Джамбул. Руководители области позаботились о нашем отдыхе, предоставили нам особняк, расположенный в южной части города, на берегу реки Талас, где в прошлом я всегда останавливался. Наутро выехали в Таласский район. Там нас встретили жители района вместе с главой администрации Б. Дадабаевым. В райцентре Аккуль собрались представители нескольких районов области. В урочище Жаулгер, на зеленом джайляу, при большом стечении народа были организованы конные скачки. По просьбе собравшихся мне пришлось выступить. Я от всей души поблагодарил их за радушный прием, пожелал здоровья, счастья и успехов.

По народному обычаю, как особо почетному гостю, руководители района от имени трудящихся преподнесли в дар тулуп и тумак — головной убор из волчьей шкуры, подвели ко мне прекрасного скакуна, победившего на скачках, а также молодого верблюжонка.

А дорога была неблизкой. В такие моменты, когда остаешься наедине с ней, невольно окунаешься в думы. Перед глазами пробегают до боли знакомые места, вызывающие в памяти живые картины безвозвратно минувшего — горестные и радостные.

У святого места, огражденного железным частоколом, где покоится прах нашего предка Болтырыка Алменулы, мы сделали остановку и поклонились его памяти. Этот выдающийся человек был разносторонней личностью: с одной стороны — он оратор и бий-судья, мудро решавший спорные дела своих современников, с другой — славный батыр-воин, отважно защищавший родную сторону. Борец за справедливость, острый на язык н

сметливый умом, Болтырык Алменулы оберегал слабых от притеснений сильных мира сего, радел о всеобщем благе народа. Умер он в 1854 году в возрасте 83 лет.

Воздав должное памяти Болтырыка, мы направились в Шымкент — благословенный центр Южного Казахстана — крал удивительных природных красот и богатств, замечательных трудовых традиций. По дороге остановились в Каратау. Это рудная база фосфоритовой промышленности республики. Работники здешнего комбината ознакомили нас с большими делами предприятия, а один из рабочих вспомнил, что я в свое время открывал движение после окончания строительства железной дороги Джамбул — Чолак-тау.

В окрестностях села Ванновки, центра Тюлькубасско-го района Шымкентской области, нас встретили видный — в прошлом — партийный работник Тулекпай Назарбеков и заместитель главы администрации области Заутбек Туруспеков. В Шымкенте остановились на квартире Назарбекова. Хозяйка и все домашние радушно встретили нас, ведь наш приезд совпал с большим семейным торжеством: главе семьи исполнилось 60 лет. Приняв участие в чествовании юбиляра, мы двинулись дальше.

Дорога привела нас в древний город Туркестан, известный в мусульманском мире как "вторая Мекка", Шедевр древней архитектуры — мавзолей святого Ходжа Ахмеда Яссави всегда собирал множество паломников. Невольно снова вспомнились расспросы Хрущева о мавзолее и мои пояснения. Мне уже доводилось писать выше об этом. С тех пор, как из Эрмитажа возвратили, привезли и установили на законное место историческую реликвию — Тайказан, я впервые переступил священный порог Мавзолея. Увидеть изумительный памятник культуры и преклонить здесь колена — мечта многих. Поднявшись с правой стороны по лестнице к высокому пьедесталу, на котором во всеми величии стоит чудо-казан, я заглянул в него. Его размеры поражают воображение. И тут подумалось невольно: насколько широка земля моего народа, настолько широка и его душа. Выполнив необходимый ритуал, я испил кристальной воды из святого колодца* Обычно в прежние посещения храма я бросал серебряный рубль в этот колодец и прислушивался, поражаясь его глубине. И тут не обошел традицию.

— И сколько же раз Вы таким образом исследовали дубину колодца?— уважительно поинтересовался кто-то из журналистов.

— Наверное, любому, кто посещает святое место, подсчеты не к лицу,— усмехнулся я.

Отдав должное священной памяти ханов — Абылая, Жолбарыса, Тауке и батыров, героических защитников родной земли, после Туркестана мы поехали на могилу одного из выдающихся деятелей нашего народа Байдыбе-ка. Он похоронен на родовом кладбище на берегу реки Боген. Из истории известно, что мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави построен в 1393-1398 годах знаменитым полководцем и политиком Тимуром (Тамерланом), сокрушителем Золотой Орды. Один из тех, кто снабжал мастеровых людей, строителей, зодчих, нанятых хромым Тимуром, необходимыми материалами, жильем, продуктами и т. д., Байдыбек был ближайшим другом главного суфи (духовного лица) мечети Мактым Агзам Ходжи, чья родовая ветвь идет от дочери Ходжи Ахмеда Ясса-ви — Гаухар.

Я слышал такую легенду. Однажды суфи Мактым Агзам увидел во сне лик предка своего Ходжи Ахмеда Яссави, который произнес: "Единственной внучке твоей счастье улыбнется, и станет она святой. Тому, кто попросит ее руки, не отказывай и благослови их. Будут они многодетны и счастливы".

Как и было предсказано, в следующем году внучка Мактым Агзама — Нурила вышла замуж за бия Бай-дыбека. Все это произошло примерно в 1378 году. Ну-рила, названная народом Домалак-ана, была умнейшей женщиной, уже при жизни ставшей святой.

Честная, справедливая, добрая и щедрая не только по отношению к родственникам, но и к всем вокруг от мала до велика, она считалась матерью народа. Сын ее Жарыкшак долгое время управлял казахским Семиречьем. У Жарыкшака было две жены. А От первой — Тайкел, берут начало казахские роды — албаны, суаны, а от второй жены Бибифатым происходит род дулах. Ныне в южных областях республики — Шымкентской, Жамбылской, Алматинской проживает немало их потомков. Во время посещения могилы Домалак-ана мне подарили макет будущего ее надгробия, которое сейчас возводится со всей любовью и старанием.

В наши планы входило также отдать дань уважений одному из достойнейших людей в истории казахского народа — Толе Алибекулы, названного Карлыгаш-бием (в честь него названа ул. Комсомольская). Родился он в **1663** году, а умер в 93-летнем возрасте в 1756-м. Вместе со своими выдающимися современниками — биями Казыбеком Келдыбекулы и Айтеке Байбекулы Толе-бий сыграл важную роль в объединении тогда еще разрозненного казахского народа* Активно участвовал Толе Алибекулы в создании законодательно свода "Жеты Жаргы"— ("Семь законов"), принятого во время тридцатилетнего правления мудрого Тауке-хана.

Многие годы бий был в главных советниках ханов Тауке, Жолбары-са, Семеке, Абулхаира, Абылая. С 1743 года после смерти хана Старшего Жуза Жолбарыса Толе-бий шесть лет возглавлял ханство.

По завещанию Толе-бия его похоронили в Шайкан-тауре в Ташкенте. При посещении его могилы нас встретил вместе с местным руководством мой старый приятель, в прошлом известный государственный деятель, ныне пенсионер Нуритдин Акрамович Мухитдинов, а также руководитель Казахского культурного центра в Ташкенте Артыкбай Укубаев.

В этот свой приезд в Ташкент я счел необходимым посетить квартиру покойного Шарафа Рашидова, с которым вместе свыше 20 лет входил в состав Политбюро ЦК КПСС. Его вдова была очень рада нашему посещению — ведь после смерти ее мужа мне не удавалось навестить его семью и выразить свое глубокое соболезнование.

Накануне нашего отъезда из столицы Узбекистана в ташкентском ресторане ⁴⁴Алма-Ата" Артыкбай Укубаев дал в честь гостей из братского Казахстана обед» где среди приглашенных была большая группа казахов — ученых и специалистов различных профилей, работающих в Узбекистане.

На обратном пути мы остановились в Мерке, который в древности считался центром Великого Шелкового пути, и поклонились праху Сыпатай батыра, великого народного заступника, известного своими героическими подвигами во времена жестокого джунгарского нашествия.

После нашего возвращения в Алматы ко мне в гости заглянул директор гигантского Балхашского медеплавилыюго комбината Марат Юнусович Раджибаев. С его отцом, бывшим долгие годы секретарем ряда райкомов, я был знаком и дружен еще с детства. Юнус Раджибаев даже был моим пионервожатым.

Марат Юнусович пригласил меня посетить Балхашский комбинат. Ну как можно было не принять его приглашения — ведь там я работал до войны молодым инженером. , Полетели туда на его самолете. Конечно, время никому еще не удавалось повернуть вспять, но это удается нашей памяти. Годы годами, а она, слава Богу, не подводит. Сколько чувств испытал я заново, когда опять побывал на Коунрадском руднике, на многих его участках, а также в самом карьере. Поездили и по цехам комбината.

Особенно приятной выпала встреча с ветеранами-пер-востроителями Балхаша. Мы долго и откровенно беседовали о днях минувших и нынешних с Николаем Вороновым и его женой Катей, вспоминали различные случаи из жизни прошлых лет, когда вместе трудились на Коунраде еще в середине 30-х годов.

Для меня одним из главных событий той поездки в Балхаш стала презентация книги "О моем времени", где немало страниц я посвятил периоду своей работы на Коунраде. После многочисленных сердечных встреч с балхашцами я выступил перед читателями и журналистами, ответил на вопросы. О разном спрашивали. Надо сказать — и это никому не укор — вопросы вообще зачастую совпадают, что задаваемые журналистами, что рядовыми людьми, проживают ли они в Балхаше, соседнем Узбекистане или же в дружественной нам Турции. Там тоже мне довелось побывать в год своего восьмидесятилетия в 1992-м.

В Турцию я поехал по приглашению турецкого бизнесмена Ахмеда Кочака. Поездка был весьма насыщенна и интересна. [А] Вместе с моим племянником Диаром и врачом Ахатом Мулюковым за 15 дней мы побывали в столице государстве Анкаре, древнем Стамбуле, индустриальном центре — Конье. В этом городе расположена знаменитая мечеть, где похоронен талантливый ученик Ходжи Ахмеда Яссави святой Маулен. Там же хранится в хрустальном кубе мусульманская святыня — борода пророка Мухаммеда.

Содержательными были встречи и беседы с представителями турецкой общественности. Особенно запоминающимся было знакомство с архитектурными ценностями — мечетями и музеями, роскошными дворцами-сараями Стамбула, музеем и мавзолеем Ататюрка в Анкаре, другими достопримечательностями страны, обладающей древнейшей историей и культурой. Накануне отъезда из Стамбула меня принял высший религиозный авторитет Турции — шейх Асад Кошан. Встретился я и с большой группой турецких бизнесменов.

Также очень теплой была встреча в Казахском культурном центре, где участвовали многие казахи, проживающие в Стамбуле и других соседних странах.

Где бы я ни был, с кем бы ни беседовал, всех интересует в принципе очень сходные вещи. Каждому человеку я стараюсь отвечать обстоятельно, откровенно, без каких-либо утаек. Конечно же, при этом неизбежны определенные повторы. Но повторенье — мать учения. А пока мы живы — все чему-нибудь да учимся.

В общении с представителями средств массовой информации, а мои встречи с ними были устойчивой традицией — это подтвердят все — я и раньше никогда ничего не скрывал. Ни хорошего, ни плохого. Всегда говорил, как оно есть. Просил писать правду, правду и только правду. Не скрою, удивлялся, когда чаще всего результат был донельзя приглажен, причесан, подпарик-махерен. И дело, думаю, тут не только в свирепой цензуре (увы, она существовала и действовала сплошь по секретным директивам Центра — скрывать тут

тоже нечего, жесткой цензуре подвергались даже все мои статьи и книги), но и в личной перестраховке, хронической самобоязни, отсутствии гражданского мужества. Ныне, конечно, все несказанно осмелели, заговорили громко и эффектно, однако зачастую, к сожалению, скажу так, деструктивно.

Когда я закончил работу над книгой воспоминаний, мне говорили, что она намного отличается от тех, которые мной готовились к большим юбилеям страны и республики. Трудности при работе над мемуарами я испытывал немалые. Ведь я был не только свидетелем, *во* и активным участником претворения в жизнь тех огромных преобразований, происшедших в нашей республике за последние полвека. Это дало право и возможность оценить прошедшие годы становления и роста Казахстана, развитие его промышленности и сельского хозяйства, культуры и науки, честно сказать о людях, с которыми сводили меня жизнь и судьба.

Для того, чтобы полностью воссоздать все это, потребовались бы целые пухлые тома. Поэтому трудности были в выявлении и обобщении в этом процессе самых характерных, значительных событий и эпизодов, составивших мемуары. Решив с полной достоверностью описать эти события, я опирался на опубликованные материалы, данные статистики, другие источники, а также на личный архив и свою память.

Спрашивали, встречаюсь ли я с нынешним руководителями республики, интересуются ли они моим мнением?

За последние годы у меня побывал Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев, чтобы выразить соболезнование в связи *щ* с кончиной Зухры Шариповны. Деловых разговоров, мы, понятно, не вели* Я пожелал ему успехов в работе.

Позже, уже в 1993 году мы встретились с ним еще раз и долго беседовали о текущих вопросах нынешнего положения дел в республике.

Кого-то интересует, бываю ли я сейчас на охоте. Бываю, но не столь часто, как прежде. В 1990 году охотился на Балхаше. Сам не ожидал, что и глаз и рука не подводят. В предновогодье 1993-го — близ Ал маты охотился вместе с Олжасом Сулейменовым и гостями из Санкт-Петербурга. Никак не могу привыкнуть к этому "новому старому" названию великого города на Неве. А после нового года с Олжасом мы были на охоте в районе Чилика.

Посещает меня и чувство одиночества — это когда тебя не понимают или не хотят понимать, причем, люди, от которых зависела судьба миллионов, страны, всего содружества, наконец даже планеты. Я выше уже говорил об этом. Но в принципе жаловаться

грех. Все-таки, считаю, гениально прав великий французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери, сказавший, что самое большое богатство и счастье в этой жизни *; — роскошь человеческого общения. На всех уровнях. Сколько раз *я* убеждался, каким мудрым может быть простой чабан и каким подчас недальновидным тот или иной политический лидер.

Спрашивали меня, поддерживаю ли я после ухода на пенсию отношения с бывшими членами Политбюро, с другими руководителями. Или получилось так, как, к сожалению, нередко случается: сегодня человек ушел с высокого поста, а завтра его забыли.

Тут дело обстоит так. Что касается встреч или каких-либо других контактов с бывшими членами Политбюро, то их нет. Но я бы не согласился с тем, что руководитель, уйдя с поста, прерывает все свои прежние связи. Был, правда, период, когда месяца два-три моего дома сторонились: кто-то выжидал, кто-то беспокоился за свою карьеру, а кого-то вообще не пускали ко мне. В том числе и иностранных корреспондентов.

Ныне картина в корне иная. У меня дома бывают сотни людей. Это деятели науки и культуры, активисты всевозможных движений, рабочие, чабаны, студенты. Всегда с удовольствием встречаюсь с людьми, когда выезжаю в колхозы и совхозы, на предприятия. Нередкие гости в доме и иностранцы, им я также оказываю внимание. К слову, все мои гости убеждаются, что Кунаев не обитает в каких-либо особых хоромах, как это частенько писали по заказу центра ретивые жрецы второй древнейшей профессии, что домашняя обстановка у нас — а я живу с семьей моего племянника Диара — самая обычная. Запросы тоже не королевские. Так, недавно у меня побывал первый казахский космонавт Тохтар Аубакиров со своими сыновьями. Мы долго беседовали с ним. Тохтар подарил мне фигурку верблюжонка, побывавшую в космосе, вспомнил прошлое. Он рассказал, что много лет назад в результате моего обращения к министру обороны СССР Гречко по поводу включения в отряд космонавтов представителей казахской национальности он тоже участвовал в отборе кандидатур. Но судьба распорядилась иначе. Рекомендованный летчик по состоянию здоровья в отряд космонавтов не попал и вернулся к военной службе, а в космос впоследствии полетел сам Тохтар.

Словом, встречи с людьми приносят мне огромное удовлетворение и я получаю большой заряд бодрости. Да я и сам легок на подъем и перемену мест.

В начале июля 1992 года довелось мне снова посетить урочище Алтын Эмель, где покоится прах великого Чокана Валиханова. В 198$ году осенью, я вместе с супругой Зухрой Шариповной был в этих местах. Откуда мне можно было знать тогда, что ей уже не суждено увидеть их снова— 20 апреля 1990 года Зухры Шари-повны не стало. Для меня она была удивительным человеком, самым близким и добрым другом. В мире и согласии мы с ней прожили 50 лет, 6 месяцев и два дня. По специальности, как я уже говорил, она была счетным работником, но круг ее интересов, устремлений был удивительно разносторонним. Отлично знала русскую, казахскую, зарубежную классику. Изучала английский язык, побывала во многих странах. Особенно уважительно относилась к религий. Из-за рубежа всегда привозила кораны (целая коллекция накопилась), а в Египте или в Турции она приобрела медальон с изображением порока Мухаммеда. С этим медальоном-талисманом она не расставалась до последнего дня...

Об этом невольно вспомнилось мне снова на могиле первого казахского ученого.

Удалось мне также несколько раз побывать в родном Балхашском районе. Трудящиеся этого района прежде неоднократно избирали меня своим депутатом.

Захудалый в прошлом, район преобразился и изменился стал крупных производителем риса, увеличивалась продукция животноводства, росло поголовье скота. Район занимает по своим показателям одно из первых мест не только в области, но и в республике.

Заметно изменился и облик районного центра — села Баканас и всех хозяйств района. Теперь асфальтированными дорогами связаны все совхозы. Район озеленен и благоустроен, электрифицирован, есть тут телефонная связь и телевидение. В райцентре построены дом культуры, больница, гостиница, жилые дома, школы, кинотеатр.

В рост экономики района большой вклад внесли все трудящиеся, его руководители Ордабаев Тлеулес и До-сымбеков Тынышбай и бывший секретарь райкома Ах-метов Саниятулла.

Каждая встреча с жителями района для меня большая радость.

В середине лета 1992 года мне довелось снова выехать в Талдыкорганскую область на отдых в курортное место Арасан-Капал, знаменитое родоновыми источниками. Курорт расположен у подножия Джунгарского Алатау в Капальском районе области и был основан Семиреченским губернатором Колпаковским еще в 1886 году.

В начале 70-х годов по моему совету вместо разрушенного здания курорта было воздвигнуто новое благоустроенное здание санатория Казсовпрофа на 450 мест, а в последние годы появилось еще одно новое замечательное здание санатория Аксу-Арасан на 150 мест, построенного Минавтодором. Здесь я отдыхал уже третий год подряд. Как и в прошлые годы, почти каждый день в свободное время встречался со своими гостями, как с отдыхающими, так и приезжими жителями близлежащих аулов, сел и районов. Беседы с этими людьми всегда проходили оживленно.

В тот приезд меня посетил глава администрации области С. Турсунов.

Побывал я и в местах героической Черкасской обороны. Ее история занимает особое место в летописи гражданской войны в Казахстане.

Здесь с сентября 1918 года по октябрь 1919 года развернулись ожесточенные кровопролитные бои. Части белой армии во главе с атаманом Анненковым натолкнулись на мужественное сопротивление бойцов обороны численностью около 50 тысяч человек. Укрепленный район, где продолжала существовать Советская власть, с центром в селе Черкасском Лепсинского уезда, объединял 21 село.

Черкасская оборона стала примером мужеством и стойкости, проявленных трудовым крестьянством в борьбе за власть Советов.

Тому, кто хотел бы знать об этой стороне более подробно, рекомендовал бы неплохой документальный роман "Огненное кольцо " увы, покойного литератора и журналиста Михаила Митько, много сделавшего для воссоздания исторической истины, и ныне здравствующего известного казахстанского поэта и прозаика Леонида Кривощекова.

Новые встречи с казахстанцами, откровенные беседы с близкими мне по духу людьми — рабочими, колхозниками, руководителями предприятий и местных органов власти наводят вновь на мысли непростые и тревожные.

Сначала образования Содружества Независимых Государств прошло довольно много времени. Но, как показала жизнь, за этот период СНГ не смогло решить ни одной из главных проблем основательно пошатнувшейся экономики, других кардинальных вопросов социального характера, от которых зависит самое важное — жизнен-

ный уровень народа, подлинность демократических свобод, гуманизация общества, вера в завтрашний день. Не удается более — менее наладить нормальное снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, а также улучшить работу органов здравоохранения, просвещения и других важных сфер. Не хватает даже крайне необходимого количества медикаментов для населения.

Не прекращается» а даже, наоборот, усиливаются военные действия во многих регионах бывшего СССР, что вызывает массовый поток беженцев, тысячи и миллионы человеческих трагедий.

Объединяющая роль Содружества абсолютно не чувствуется. По сути никакого Содружества пока нет, в нем царит бестолковейшая политическая суета, поэтому экономическая реформа, переход к рынку проходят в крайне тяжелых условиях. Никто толком не объясняет народу, какое общество мы строим, что идет на смену чехарде, начатой в период перестройки, и как долго все это будет продолжаться. Одна ошибка порождает и тащит за собой другую.

Основными причинами такого беспредела, на мой взгляд, являются: во-первых, резкое падение государственной и трудовой дисциплины; отсутствие контроля над выполнением принятых решений и неспособность властей сохранить

атмосферу гражданского согласия во многих регионах бывшего СССР.

Во-вторых, разрыв экономических связей между республиками, областями, различными отраслями народно-го хозяйства, еще совсем недавно тесно взаимосвязанн и развивавшихся по единому народно-хозяйственному плану страны.

В-третьих, в упразднении плановой системы материально-технического снабжения и самих снабженческих органов; в массовом подрыве состояния капитальною строительства, призванного определять перспективы развития экономики каждой республики. Работа многих строительно-монтажных организаций, проектных и научно-технических органов была также аннулирована.

Четвертая по счету, но, быть может, одна из главных по важности причина наших бед в том, что окончательно были свергнуты экономические связи с бывшими социалистическими странами — членами СЭВ, имевшими большое значение, особенно в вопросах по-

ставок и комплектования оборудования многих отраслей народного хозяйства. Катастрофическое положение сложилось в сельском хозяйстве, где тоже рухнули годами складывавшиеся экономические взаимосвязи. Окончательно прекратилось организованное снабжение села горючим, техникой, запасными частями, другими материалами.

Сваленной под откос оказалась система потребительской кооперации, раньше снабжавшей сельское население товарами первой необходимости. Цены на товары настолько повышены, что сельчанам приобрести их просто не по карману. Начался распад колхозов и совхозов. Организуемые фермерами хозяйства не укрепляются. Огульное охаивание колхозно-совхозного строя, непродуманная его реорганизация неизбежно чреваты самыми бедственными результатами.

Уменьшилось производство продукции полеводства. Резко упало производство мяса и молока. Совершенно ясно, что даже элементарное возвращение к потерянным позициям потребует немало напряженных усилий и времени.

Экономическая анархия грозит подрубить под корень всю обновленную демократию, не говоря уже об уровне жизни народа. Еще недавно великая, богатая, могучая евразийская страна распалась и дошла до того, что в ней теперь четыре пятых населения, как говорит статистика, находятся в положении нищих.

И что самое страшное — по нарастающей идет процесс утраты нравственных, идейных критериев и ориентиров.

Повсеместно непомерно увлеклись созданием всякого рода "малых" предприятий и кооперативов, которые занимаются вовсе не производством, а только рваческой куплей-продажей и перепродажей, то есть откровенной спекуляцией, прикрываемой словом "бизнес". Такого дичайшего "бизнеса", на мой взгляд, нет ни в одной из стран, считающей себя мало-мальски цивилизованной.

Насколько оправдано положение, когда кредитно-финансовая и банковская система сейчас направлена только на развитие коммерции. Вместо увеличения производства промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции для народа поощряется в чистом виде только коммерция. Мы превращаемся в рынок сбыта залежалых промышленных товаров невысокого качества, а также огромного количества вино-водочной и табачной продукции зарубежных стран.

На традиционный вопрос — что же делать?— приходишь, исходя из нынешней ситуации, к выводу: нам давно пора — и об этом говорю я не впервые от общих рассуждений об эффективном возрождений плановой системы, от робких полумер на этот счет — повсеместно перейти к самым решительным действиям. Неужели разруха и хаос, поселившиеся в нашем общем доме не убеждают, что без единого плана все мы, как без компаса и карты? Плановый подход, если угодно, не отрицают ни в одной цивилизованных стран. Более того, еще недавно эти страны ставили в данном аспекте Советский Союз в пример.

Кстати, теперь даже иные из самых ярых "патриотов" рынка как свидетельствуют выступления средств массовой информации, вынуждены признавать полнейшую абсурдность такого способа, выискивают себе различные оправдания. Но опять-таки их аргументами народ сыт не будет.

В масштабе каждой из республик и Содружества в целом нам необходимо в первую очередь на основах взаимного согласия разработать четкий и конкретный план восстановления развалившегося народного хозяйства. Таково мнение крупнейших ученых и специалистов, которое подтверждается самой жизнью. При этом крайне важно наладить годами действовавшие экономические связи между различными регионами, причем на базе единой денежно-кредитной, финансовой системы, навести всеобщий порядок, укрепить государственную дисциплину, преодолеть иждивенческую психологию. Надо понять, что там, где нет дисциплины, нет и подлинной демократии. Не помешает и четкий нормативный акт, по которому строго спрашивать со всех, кто уклоняется от добросовестного выполнения своих трудовых обязанностей и норм, направленных на восстановление народного хозяйства.

Экономисты-плановики должны продумать, как восполнить ущерб, нанесенный после управления СЭВ, игравшего весьма важную роль в экономике всех республик бывшего СССР.

В каждом экономическом регионе немало "автономных" предприятий местного значения, не требующих особой координации с другими, расположенными на территории бывшего Союза.

Для выхода из тяжелого экономического кризиса, глубоко охватившего почти все отрасли экономики республики, нам кажется крайне необходимым усиление руководящей роли Кабинета Министров экономикой и переход к централизации управления. При этом приоритет надо отдать таким отраслям, как металлургия, нефтяная, угольная промышленность. Не вызывает сомнения централизованное руководство такими отраслями как энергетика, связь, железнодорожный транспорт, строительство автомобильных дорог и многие другие. Возникает острая необходимость планирования перспективных проблем и упорядочение работы снабженческих органов, для чего требуется организовать соответствующие структуры.

Нынешняя практика настоятельно подсказывает самое очевидное: руководители ведомств, в чьем подчинены они находятся, обязаны выправлять положение самостоятельно, не надеясь на помощь со стороны, в особенности какого-либо ближнего или дальнего зарубежья. Вообще, следует заметить, что всякие упования на иностранные инвестиции да еще в условиях экономического хаоса — это чистейшей воды блеф. Жесточайший кризис все сильней бьет по трудящимся. Он длится уже не первый год подряд. С иностранными фирмами и концернами заключены сотни всевозможных соглашений, но что-то нигде не видно каких-либо весомых результатов. В такой ситуации давно пора кончать с радужной эйфорией насчет того, что "Запад или Восток нам помогут", и во всем полагаться сначала на собственные — а они у нас есть, и немалые, силы, а уже потом на "импортные".

Никакой "механизм рынка" не даст нам желанных плодов если мы не восстановим ранее действовавшие схемы управления строительством, а также материально-техническое снабжение. Многолетний опыт показал их экономическую выгодность, и тут безрассудно заново "изобретать велосипед", импровизировать на ходу.

Жизнь предостерегает от спешной ликвидации и упразднения совхозов и колхозов. До позитивного решения вопросов материально-технического снабжения, а также малой техники, увлекаться созданием фермерских хозяйств — это значит заведомо обрекать их на банкротство, но именно тут, вопреки здравому смыслу, у нас опять стараются поставить телегу впереди лошади.

В принципе у нас давно должны быть строго равноправны все формы собственности коллективная, государственная, частная и другие. Важно исключить тут любой диктат и давление, обеспечивая не на бумаге, а на деле, реализацию гарантированных прав трудового человека на социальную защиту, в первую очередь наиболее уязвимых слоев населения — престарелых, инвалидов, сирот, многодетных семей.

В этих и других аспектах, думается, нам не следует пренебрегать опытом соседнего Китая. Общеизвестно: там за сравнительно короткий период экономическая реформа была проведена весьма результативно, причем, все позитивные процессы проходили под руководством партии. Это вовсе не означает, что надо отвергать все доброе и полезное из других вариантов успешного общественного развития, скажем, шведского, корейского, турецкого, японского и т. д.

Видимо, давно пора весьма критически рассмотреть "деятельность" тех малых предприятий и кооперативов, которые ничего не производят для народа, но является средством активного обогащения разного рода проныр и "деловаров".

Важно принять решительные меры по эффективной борьбе с любыми проявлениями казнокрадства, коррупции, с наркоманией, проституцией. Не допускать даже самой малейшей дестабилизации социально-политической обстановки, сохраняя и упрочивая образцовый общественный порядок во всех — без исключения населенных пунктах, больших и малых. Общими усилиями восстановить мир и гражданское согласие в регионах, где до сих пор пылает огонь межнациональной вражды.

Прежде все мы руководствовались планами, и в результате их выполнения достигли определенных целей. Ныне же говорят, все решит рынок. Но, увы, рынок — ничего не решает. Организационная чехарда в народном хозяйстве продолжается. То упраздняются, то создаются новые органы по управлению экономикой. В областях и районах появились назначаемые сверху, так называемые главы администраций, которые имеют по несколько заместителей, а также несколько отделов, занимающихся различными отраслями народного хозяйства. По-моему, все это копирует в слегка обновленной прежнюю структуру партийных органов — обкомы, горкомы, райкомы — и отличается от них только названием. Раньше было бюро

обкома, а теперь — коллегия. Выходит, как по известной поговорке — та же Матрена, только в другом сарафане? Этим самым полностью сведена на нет роль Советов. Необходимо признать: самой демократической и потенциально-действенной форме | управление фактически наступает конец, в связи с чем возникает законный вопрос: а не слишком ли мы снова спешим, обгоняя в очередной неразумности самих же себя? Советская форма народовластия, очищенная от партийного диктата в любом его варианте, если не топить ее в бесконечных словоучениях, - что может быть эффективнее и лучше? Люди должны не бояться государства, а ощущать его заботу и доверие к нему.

В заключение хотелось бы еще раз сказать о том, что где бы я ни бывал в последнее время, с кем бы я ни беседовал, какие бы горькие и тревожные темы мы ни затрагивали, все-таки наше будущее не видится большинству людей беспросветно мрачным. Все мы снова и снова неизбежно приходили к здравой и реалистической мысли о том, что нельзя никому и нигде поддаваться унынию.

Никакие планы и программы выхода любого государства из затянувшегося кризиса не помогут, если не будут прекращены конфликты на межнациональной почве. Могу заявить ответственно, что в нашей республике межнациональным отношением всегда уделялось огромное внимание. Республиканские партийные органы, всегда следили за тем, чтобы устранить малейшие причины, могущие вызвать конфликты между многочисленными народами, населяющими Казахстан. Дружба, скрепившая эти народы, заложена еще нашими дедами, отцами и уходит своими корнями в прошлое. И ничто не может ее разрушить. Жизнь, будущее новых поколений властно обязывают быть всем нам не порознь, а вместе в любых невзгодах и испытаниях. Только так их возможно преодолеть. Иных способов не дано.

СЧАСТЬЯ И ДОБРА ВАМ, ЛЮДИ!

Подводя итоги моей деятельности, можно сказать, что мне пришлось работать в разные периоды жизни страны, в чем читатели, вероятно, убедились. Каждый период имеет свои положительные и отрицательные стороны. В очень сжатой форме их можно охарактеризовать так:

Первый — это сталинский период, период начала первых боевых пятилеток, индустриализации, коллективизации, начала и конца Великой Отечественной войны, начала атомного века. Это были годы расцвета культа личности Сталина.

Второй — это период после XX съезда КПСС, развенчание культа личности Сталина, освобождения от тисков догматизма. Это период ликвидации многих государственных органов, образование совнархозов, ломки структуры сельскохозяйственных органов, полета в космос первого человека, разгрома "антипартийной группы", полного единоначалия. Это был период "оттепели" и вместе с тем субъективизма и волюнтаризма Хрущева. Хрущев, уходя от Сталина, так и не дошел до Ленина.

Третий период начинается с октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года.' Освобождение от работы Хрущева, приход к власти Брежнева и последовавший за ним период, в корне неверно названный позже эпохой "застоя", включившей непродолжительное время правления страной Андроповым и Черненко.

Четвертый период — это приход к власти Горбачева, названный перестройкой. Это период гласности и демократизации, разгула вседозволенности под завесой громких деклараций о "человеческом факторе", безжалостной и необъективной критики пройденного за 70 лет исторического пути советского народа.

Горбачев поучал партию и страну "действовать, руководствуясь нашими, марксистко-ленинским принципами". "Принципами,— говорил он на февральском пленуме ЦК КПСС в 1988 году,— мы не должны поступаться ни под какими предлогами".

И что же? Сам же первым он уже тогда делал все для похорон этих принципов, как в масштабе страны, так и всего мира, рассчитывая на полное одобрение и поддержку самых ярых противников марксизма-ленинизма и получая таковую внутри и извне.

Скажу еще pas: вступая на сознательный путь переустройства всей нашей жизни на социалистических и коммунистических началах, свято веря в благородство и высокую человечность конечных целей великой партии Ленина, я никогда не предполагал, что стану очевидцем, но слава Богу! не участником порочного процесса перерождения партийной верхушки, полного развала первого в мире государства рабочих и крестьян великого Советского Союза и упразднения КПСС. Историю не повернешь назад.

Кто спорит: тоталитаризм во всех видах и вариантах действительно изжил себя. У всякого явления и процесса, в том числе и общественного, есть свое начало и свой конец. Случилось, видимо, то, что и должно было произойти. Но, конечно же, не в таких "первобытных" формах, катастрофически ударивших прежде всего по человеку труда. Никакими возвышенными фразами нельзя оправдать его нынешние униженность и самое бедственное положение.

Но — уверенно повторяю — не все потеряно. Наоборот! И в особенности для нашей родной Республики Казахстан. Впервые за долгие годы, она наконец-то обрела настоящую независимость и стала равноправным государством среди всего мирового сообщества. Теперь для Казахстана жизненно важно, не поступаясь своим суверенитетом, изжить пороки тоталитарной системы, всемерно развивать и укреплять деловые и духовные связи со всеми странами, ближними и дальними, в особенности с Россией, с другими государствами Содружества, которое — дело не в названии, а в самой сути — надо наполнить достойным содержанием.

Жизнь показывает, что Казахстан делает для этого все от него зависящее и даже больше, доказывая перед лицом мирового сообщества, высокую действенность и большую перспективность своей глубоко реалистической политики на основе вновь принятой Конституции. Я не пророк, не прорицатель, не футуролог. Но в будущее моего Казахстана, а вместе с тем, в будущее России и всех исторически братских нам государств я смотрю с обоснованной уверенностью и надеждой. Порукой тому крепнущий авторитет Казахстана, его миротворческие усилия, прочная стабильность межнациональных отношений, которую надо беречь всем нам особо, как первое условие любого успеха.

В своей книге я старался честно рассказать о моем времени. А это прежде всего значит рассказать о моих современниках, которые прошли через наиболее трудные периоды нашей истории.

И сегодня приносит большое удовлетворение мысль о том, что многолетний созидательный труд этих людей не прошел даром. Его позитивный опыт не может быть отброшен, его нельзя терять, многими его результатами можно и теперь гордиться, несмотря на все трагедии, издержки и деформации на нашем историческом пути.

В своей знаменитой поэме "По праву памяти" великий и чуткий поэт нашего времени Александр Трифонович Твардовский сказал:

Кто прячет прошлое ревниво, Тот
вряд ли с будущим в ладу.

И это глубоко справедливо. Ничего нельзя нам прятать из прошлого — ни плохого, ни хорошего. И только неповерхностное знание минувшего поможет избежать всем нам "судьбоносных" ошибок на историческом нашем путц в завтра..

Завершая свой огромный труд, который опять-таки никак не претендует на всеохватность и истину в конечной инстанции, я еще раз сердечно благодарю всех тех, кто помог мне с его созданием и, разумеется, своих читателей. Большого счастья всем, успехов, силы и мужества в эти трудные дни, прочной веры в добрые и скорые перемены.

Я прожил долгую жизнь, в ней было много хорошего, было и плохое. Но это моя жизнь. И цель, которую я ставил еще будучи "юношей, обдумывающим жизнь", в меру своих сил и способностей выполнил. Я всегда преданно служил своему народу и буду служить ему до последнего дня. Ни на кого — как к тому ни понуждали меня разные люди и суровые обстоятельства — я ни озлобился. Везде и всегда стремился уважать право любого на его собственное мнение, пусть для меня и неприятное. Но я был и остаюсь живым человеком, и в жизни случалось так, что иные из весьма авторитетных людей теряли мое уважение. Что же, как говорится, жизнь есть жизнь. И в моей жизни, как и во всякой другой были и "черные" дни, но ни один из них я не вычеркнул из памяти. При этом ни о чем не жалею, и обиды ни на кого не держу.

А на традиционный вопрос о том, что можно пожелать соотечественникам и друзьям, всем моим читателям в эти нелегкие дни скажу по-прежнему со всей определенностью и ясностью — Сплоченности. Дружбы. Реалистичности. Миролюбия. Бескорыстия. Вдумчивой,

энергичной, а главное — результативной работы. И тогда Казахстан, да и не только Казахстан, выйдет из глубокого кризиса, в наши дома придет полный достаток, в семьях навсегда поселятся добро и радость. Счастья вам, родные мои люди, казахстанцы! Счастья вам всем, добрые люди Земли!

1993

От автора..... 5

Часть первая

Немного о прошлом 11 19

Годы учебы 22

На Балхаше — Коунраде..... 46 63

Риддер — Лениногорск 79

В Совнаркоме — Совмине республики 94

Во главе Академии наук .....

Глава правительства 109

Часть вторая 171

Под красными звездами Кремля 182

В руководстве Компартии Казахстана .....

Будни и победы .....

Часть третья

Казахстанские лидеры — кто есть кто.....

Декабрьские события в Алматы. Кто виноват? 290

Перестройка: без руля и без ветрил Шаги над пропа

СОДЕРЖАНИЕ

стью Нет, не все у нас в прошлом 306
Счастья и добра
вам, 330
люди! 346

Динмухамед Ахмедович КУНАЕВ

ОТ СТАЛИНА ДО ГОРБАЧЕВА

<В АСПЕКТЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА)

Редактор С. *Лилию.* **Корректор А** *Таджибаева* **Художественный редактор />.** *Табылдиев* **Технический редактор** *Ф. Овчинникова*

ИБ № 141

Сдано в набор 24. 05. 93. Подписано в печать 27.01.94. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,54*2,52 вкл. У ч. изд. л 19,4+3,38 вкл. Тираж 25000 экз. Заказ № 1463. Пена договорная.

Государственное издательство "Санат" Министерства образования Республики Казахстан. 480012, г. Алматы, ул. А. Байтуремнулы, 65 "А".

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий "КНъп* Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан. 480124, г. Алматы, пр. Гагарина. 93.